

Народная Библиотека Владимира Высоцкого

Михаил Зуев

Зуев Михаил

**Народная Библиотека Владимира
Высоцкого**

Михаил ЗУЕВ

Народная Библиотека Владимира Высоцкого

В фондах библиотеки 640 стихотворений Высоцкого

Почему - Народная?

Владимир Высоцкий был истинно Народным Артистом и Народным Поэтом. Он писал о народе и для народа (на самом деле!). Поэтому Библиотека названа Народной. На протяжении многих лет именно народ записывал его песни на концертах. С этих песен были впоследствии "сняты" тексты, которые и составляют основу Библиотеки. Поэтому Библиотека названа Народной. Наконец и Вы, читатель, можете послать нам текст Высоцкого, если он здесь отсутствует. Иными словами, мы планируем, что наши читатели будут пополнять фонды Библиотеки. Это - третья причина, по которой Библиотека названа Народной.

Чем я могу помочь? Спасибо, что добрались до этой странички. Мы ждем Вашей помощи и очень надеемся на нее. Итак, Вы - Читатель. В этом случае - пополняйте наши фонды. Мы проводим пополнение материалов на сервере. Естественно, любой текст, которого у нас нет, будет внесен в фонд Библиотеки. При этом Вы, естественно, попадете на нашу Доску Почета, как не просто Читатель, а Активный Читатель. Вы не только Читатель, но еще и ВебМастер. Мы нуждаемся в усовершенствовании нашей библиотечной системы. В частности, нам крайне необходим search engine, который бы мог отыскивать стихотворения по ключевым словам и делать из них подборки. Мы будем Вам признательны, если предложите нам свою бескорыстную помощь. Автоматически попадаете на Доску Почета как Добрый Читатель. Вы посетили нашу Библиотеку - и она Вам понравилась (бывает же такое!). Если так, просим Вас опубликовать ссылку на Библиотеку на Вашей домашней странице - или хотя бы посоветовать друзьям, знакомым и коллегам зайти к нам. Вдруг им тоже понравится? Сообщите нам о том, что Вы разместили ссылку на Библиотеку. Мы не останемся в долгу - ссылка на Вашу домашнюю страничку немедленно появится в нашем разделе "Ссылки" в категории "Наши Друзья".

Кто Библиотекарь? Давайте знакомиться. Год рождения - 1962. Закончил 1-й Московский Медицинский Институт в 1984 году. Врач-реаниматолог. Работал в Институте Сердечно-Сосудистой Хирургии

вплоть до 1990 года. С 1990 занимаюсь другим, не менее важным делом. Высоцкого видел один раз, на концерте, мне было тогда 13 лет. О впечатлениях - излишне. Зачем я сделал в это? Очень жаль, что многие люди знают о Высоцком почти всё - где работал, с кем дружил, как по Парижу гулял. Всё за исключением его поэзии. Хотелось восполнить пробел. Мутная волна слез скорби о кончине Поэта, к счастью, схлынула. Все, кто мог, всё сделали - отрекламировали себя, заработали денег, просто покуражились. Теперь тихо. Жизнь кончилась - и началось Бессмертье. Теперь можно подумать и о Вечном. Давайте подумаем вместе. Вдумайтесь - столько лет прошло с того рокового дня, а можно ли упрекнуть, что, мол, несовременен? Может, это и есть отличие гениального от прочего... Для кого я сделал всё это? Конечно, для всех. Но в большей степени, в первую очередь - для молодежи, населяющей сегодня Интернет. Для сына своего. Для тех, у кого в жизни многие вещи - в самый первый раз. Почитайте Высоцкого. Откройте его. Посмотрите на мир его глазами. Честь и бесчестие, любовь и ненависть - они не изменились за неполных два десятка лет. Может, мы стали другими. Но всё же - мы так устали от рекламы памперсов. Масс-культура сладка и доступна, как биг-мак и кока-кола. Только - не тошнит ли уже? Этот человек умел любить, смеяться и ненавидеть. Он был мужчиной - без патетики и больших букв в начале слова. Таким его и запомним. Искренне Ваш,

Михаил ЗУЕВ (Здесь - Библиотекарь)

1960 Сорок девять дней

Суров же ты, климат охотский, Уже третий день ураган. Встает у руля сам Крючковский, На отдых - Федотов Иван. Стихия реветь продолжала И Тихий шумел океан. Зиганшин стоял у штурвала И глаз ни на миг не смыкал. Суравей, ужасней лишенья, Ни лодки не видно, ни зги, И принято было решенье И начали есть сапоги. Последнюю съели картошку, Взглянули друг другу в глаза... Когда ел Поплавский гармошку, Крутая скатилась слеза. Доедена банка консервов И суп из картошки одной, Все меньше здоровья и нервов, Все больше желанье домой. Сердца продолжали работу, Но реже становится стук, Спокойный, но слабый Федотов Глотал предпоследний каблук. Лежали все четверо в лежку, Ни лодки, ни крошки вокруг, Зиганшин скрутил козью ножку Слабевшими пальцами рук. На службе он воин заправский, И штурман заправский он тут. Зиганшин, Крючковский,

Поплавский Под палубой песни поют. Зиганшин крепился, держался, Бодрил, сам был бледный, как тень, И то, что сказать собирался, Сказал лишь на следующий день. "Друзья!.." Через час: "Дорогие!.." "Ребята! - Еще через час. Ведь нас не сломила стихия, Так голод ли сломит ли нас! Забудем про пищу - чего там! А вспомним про наших солдат..." "Узнать бы, - стал бредить Федотов, Что у нас в части едят". И вдруг: не мираж ли, не миф ли Какое-то судно идет! К биноклю все сразу приникли, А с судна летит вертолет. ...Окончены все переплеты Вновь служат, - что, взял, океан?! Крючковский, Поплавский, Федотов, А с ними Зиганшин Асхан. # 001

1960 Педагогу (Е.Ф.Саричевой)

Вы обращались с нами строго, Порою так, что не дыши, Но ведь за строгостью так много Большой и преданной души. Вы научили нас, молчащих, Хотя бы сносно говорить, Но слов не хватит настоящих, Чтоб Вас за все благодарить. # 002

1960 День на редкость - тепло и не тает

День на редкость - тепло и не тает, Видно, есть у природы ресурс, Ну... и, как это часто бывает, Я ложусь на лирический курс. Сердце бьется, как будто мертвецки Пьян я, будто по горло налит: Просто выпил я шесть по-турецки Черных кофе, - оно и стучит! Пить таких не советую доз, но Не советую даже любить! Есть знакомый один - виртуозно Он докажет, что можно не жить. Нет, жить можно, жить нужно и - много: Пить, страдать, ревновать и любить, Не тащиться по жизни убого А дышать ею, петь ее, пить! А не то и моргнуть не успеешь И пора уже в ящик играть. Загрустишь, захандришь, пожалеешь Но... пора уж на ладан дышать! Надо так, чтоб когда подытожил Все, что пройдено, - чтобы сказал: "Ну, а все же не плохо я прожил, Пил, любил, ревновал и страдал!" Нет, а все же природа богаче! День какой! Что - поэзия? - бред! ...Впрочем, я написал-то иначе, Чем хотел. Что ж, ведь я - не поэт. # 003

1960 Если б я был физически слабым

Если б я был физически слабым Я б морально устойчивым был, Ни за что не ходил бы по бабам, Алкоголю б ни грамма не пил! Если б я был физически сильным Я б тогда - даже думать боюсь! Пил бы влагу потоком обильным, Но... по бабам - ни шагу, клянусь! Ну а если я средних масштабов Что же делать мне, как же мне быть? Не могу игнорировать бабов, Не могу и спиртного не пить! # 004

1960 Про меня говорят: он, конечно, не гений

Про меня говорят: он, конечно, не гений, Да, согласен - не мною гордится наш век, Интегральных, и даже других, исчислений Не понять мне - не тот у меня интеллект. Я однажды сказал: "Океан - как бассейн", И меня в этом друг мой не раз упрекал, Но ведь даже известнейший физик Эйнштейн, Как и я, относительно все понимал. И пишу я стихи про одежду на вате, И какие!.. Без лестии я б вот что сказал: Как-то раз мой покойный сосед по палате Встал, подполз ко мне ночью и вслух зарыдал. Я пишу обо всем: о животных, предметах, И о людях хотел, втайне женщин любя, Но в редакциях так посмотрели на это, Что, прости меня, Муза, - я бросил тебя! Говорят, что я скучен, - да, не был я в Ницце, Да, в стихах я про воду и пар говорил... Эх, погиб, жаль, дружище в запое в больнице Он бы вспомнил, как я его раз впечатлил! И теперь я проснулся от длительной спячки, От кошмарных ночей - {и} вот снова дышу, Я очнулся от бело-пребелой горячки В ожидании следующей снова пишу! # 005

1961 Пока вы здесь в ванночке с кафелем

Пока вы здесь в ванночке с кафелем Моетесь, нежитесь, греетесь, В холоде сам себе скальпелем Он вырезает аппендикс. Он слышит движение каждое И видит, как прыгает сердце, Ох жаль, не придется вам, граждане, В зеркало так посмотреться! До цели все ближе и ближе, Хоть боль бы утихла для виду!.. Ой, легче отрезать по грыже Всем, кто покорял Антарктиду! Вы водочку здесь буздыряете Большими-большими глотками, А он себя шьет - понимаете? Большими-большими стежками. Герой он! Теперь же смекайте-ка: Нигде не умеют так больше, Чего нам Антарктика с Арктикой, Чего нам Албания с Польшей! # 001

1961 Татуировка

Не делили мы тебя и не ласкали А что любили - так это позади, Я ношу в душе твой светлый образ, Валя, А Алеша выколол твой образ на груди. И в тот день, когда прощались на вокзале, Я тебя до гроба помнить обещал, Я сказал: "Я не забуду в жизни Вали!" "А я - тем более!" - мне Леша отвечал. А теперь реши, кому из нас с ним хуже, И кому трудней - попробуй разбери: У него - твой профиль выколот снаружи, А у меня - душа исколота внутри. И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, Пусть слова мои тебя не оскорбят, Я прошу, чтоб Леха расстегнул рубаху, И гляжу, гляжу часами на тебя. Но недавно мой

товарищ, друг хороший, Он беду мою искусством поборол: Он скопировал тебя с груди у Леши И на грудь мою твой профиль наколол. Знаю я, своих друзей чернить неловко, Но ты мне ближе и роднее оттого, Что моя - верней, твоя - татуировка Много лучше и красивей, чем его! # 002

1961 Красное, зеленое

Красное, зеленое, желтое, лиловое, Самое красивое - на твои бока! А если что дешевое - то новое, фартовое, А ты мне - только водку, ну и реже - коньяка. Бабу ненасытную стерву неприкрытую, Сколько раз я спрашивал: "Хватит ли, мой свет?" А ты - всегда испитая, здоровая, небитая Давала мне водку и кричала: "Еще нет!". На тебя, отраву, деньги словно с неба сыпались Крупными купюрами, "займом золотым", Но однажды - всыпались, и сколько мы не рыпались Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым. А бог с тобой, с проклятою, с твоею верной клятвою О том, что будешь ждать меня ты долгие года, А ну тебя, проклятую, тебя саму и мать твою! Живи себе как хочешь - я уехал навсегда! # 003

1961 Дорога, дорога - счета нет столбамі

Дорога, дорога - счета нет столбам, И не знаешь, где конец пути, По дороге мы идем по разным сторонам И не можем ее перейти. Но на других не гляди - не надо. Улыбнись только мне, ведь я рядом. Надо б нам поговорить, ведь наш путь еще далек, Перейди, ели мне невдомек. Шагаю, шагаю - кто мне запретит! И лишь столбы отсчитывают путь. За тобой готов до бесконечности идти Только ты не сверни куда-нибудь. Но на других не гляди - не надо! Улыбнись только мне, ведь я рядом. Надо б нам поговорить, ведь наш путь еще далек, Перейди, ели мне невдомек. Улыбка, улыбка - для кого она? А вдруг тому, что впереди идет? Я замер и глаза закрыл, но снова - ты одна, А я опять прозевал переход! Нет, на других не гляди - не надо. Улыбнись только мне, ведь я рядом. Надо б нам поговорить, ведь наш путь еще далек, Перейди, ели мне невдомек. # 004

1961 Ленинградская блокада

Я вырос в ленинградскую блокаду, Но я тогда не пил и не гулял, Я видел, как горят огнем Бадаевские склады, В очередях за хлебушком стоял. Граждане смелые, а что ж тогда вы делали, Когда наш город счет не вел смертям? Ели хлеб с икоркою, а я считал махоркою Окурок с-под платформы черт-те с чем напополам. От стужи даже птицы не

летали, А вору было нечего украсть, Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали, А я боялся - только б не упасть! Было здесь до фиго голодных и дистрофиков Все голодали, даже прокурор, А вы в эвакуации читали информации И слушали по радио "От Совинформбюро". Блокада затянулась, даже слишком, Но наш народ врагов своих разбил, И можно жить, как у Христа за пазухой под мышкой, Но только вот мешают бригадил. Я скажу вам ласково, граждане с повязками, В душу ко мне лапою не лезь! Про жизнь вашу личную и непатриотичную Знают уже органы и ВЦСПС! # 005

1961 Я в деле

Я в деле, и со мною нож И в этот миг меня не трожь, А после - я всегда иду в кабак, И кто бы что не говорил, Я сам добыл - и сам пропил, И дальше буду делать точно так. Ко мне подходит человек И говорит: "В наш трудный век Таких, как ты, хочу уничтожить!" А я парнишку наколот Не толковал, а запорол, И дальше буду так же поступать. А хочешь мирно говорить Садись за стол и будем пить, Мы все с тобой обсудим и решим. Но если хочешь так, как он, У нас для всех один закон, И дальше он останется таким. # 006

1961 Бодайбо

Ты уехала на короткий срок, Снова свидеться нам - не дай бог, А меня в товарный - и на восток, И на прииски в Бодайбо. Не заплачешь ты и не станешь ждать, Навещать не станешь родных, Ну, а мне плевать - я здесь добывать Буду золото для страны. Все закончилось: смолкнул стук колес, Шпалы кончились, рельсов нет... Эх бы взвыть сейчас! - жалко нету слез Слезы кончились на семь лет. Ты не жди меня - ладно, бог с тобой, А что туго мне - ты не грусти. Только помни - не дай бог со мной Снова встретиться на пути! Срок закончится - я уж вытерплю. И на волю выйду, как пить, Но пока я в зоне на нарах сплю, Я постараюсь все позабыть. Здесь леса кругом гнутся по ветру, Синева кругом - как не выть! Позади - шесть тысяч километров, А впереди - семь лет синевы... # 007

1961 Город уши заткнул

Город уши заткнул и уснуть захотел, И все граждане спрятались в норы. А у меня в этот час еще тысяча дел, Задерни шторы и проверь запоры! Только зря: не спасет тебя крепкий замок, Ты не уснешь спокойно в своем доме, А потому, что я вышел сегодня на скок, А Колька Демин на углу на стреме. И пускай сторожит тебя ночью

лифтер, И ты свет не гасил по привычке Я давно уже гвоздик к замочку притер, Попил водички и забрал вещички. Ты увидел, услышал - как листья дрожат Твои тощие, хилые мощи, Дело сделал свое я - и тут же назад, А вещи - теще в Марьиной роще. А потом - до утра можно пить и гулять, Чтоб звенели и пели гитары, И спокойно уснуть, чтобы не увидеть Во сне кошмары, мусоров и нары. Когда город уснул, когда город затих Для меня лишь начало работы... Спите, граждане, в теплых квартирах своих Спокойной ночи, до будущей субботы! # 008

1961 Что же ты, зараза!

Что же ты, зараза, бровь себе побрила, Ну для чего надела, падла, синий свой берет! И куда ты, стерва, лыжи наострила От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет! Знаешь ты, что я души в тебе не чаю, Для тебя готов я днем и ночью воровать, Но в последнее время что-то замечаю, Что ты мне стала слишком часто изменять. Если это Колька или даже Славка Супротив товарищей не стану возражать, Но если это Витка с Первой Перьяславки Я ж тебе ноги обломаю, в бога душу мать! Рыжая шалава, от тебя не скрою: Если ты и дальше будешь свой берет носить Я тебя не трону, а душе зарюю И прикажу в залить цементом, чтобы не разрыть. А настанет лето - ты еще вернешься, Ну, а я себе такую бабу отхвачу, Что тогда ты, стерва, от зависти загнешься, Скажешь мне: "Прости!" - а я плевать не захочу! # 009

1961 У тебя глаза - как нож

У тебя глаза - как нож: Если прямо ты взглянешь Я забываю, кто я есть и где мой дом; А если косо ты взглянешь Как по сердцу полоснешь Ты холодным, острым серым тесаком. Я здоров - к чему скрывать, Я пятаки могу ломать, А недавно головой быка убил, Но с тобой жизнь коротать Не подковы разгибать, А прибить тебя - морально нету сил. Вспомни, было ль, хоть разок, Чтоб я из дому убежал, Ну когда же надоест тебе гулять! С грабежу я прихожу Язык за спину завожу И бегу тебя по городу шукать. Я все ноги исходил Велосипед себе купил, Чтоб в страданиях облегчения была, Но налетел на самосвал К Склифосовскому попал, Навестить меня ты даже не пришла. И хирург - седой старик Он весь обмяк и как-то сник: Он шесть суток мою рану зашивал! А когда кончился наркоз, Стало больно мне до слез: Для кого ж своей я жизнью рисковал! Ты не радуйся, змея, Скоро выпишут меня Отомщу тебе тогда без всяких

схем: Я тебе точно говорю, Востру бритву наострю И обрею тебя наголо совсем! # 010

1961 Если нравится - малої

Если нравится - мало? Если влюбился - много? Если б узнать сначала, Если б узнать надолго! Где ж ты, фантазия скудная, Где ж ты, словарный запас! Милая, нежная, чудная!.. Эх, не влюбиться бы в вас!
011

1961 Из-за гор - я не знаю, где горы теї

Из-за гор - я не знаю, где горы те, Он приехал на белом верблюде, Он ходил в задыхавшемся городе И его там заметили люди. И людскую толпу бесталанную С ее жизнью беспечной {и} зыбкой Поразил он спокойною, странною И такой непонятной улыбкой. Будто знает он что-то заветное, Будто слышал он самое вечное, Будто видел он самое светлое, Будто чувствовал все бесконечное.

И взбесило толпу ресторанную С ее жизнью и прочной и зыбкой То, что он улыбается странною И такой непонятной улыбкой. И герои все были развенчаны, Оказались их мысли преступными, Оказались красивые женщины И холодными и неприступными. И взмолилась толпа бесталанная Эта серая масса бездушная, Чтоб сказал он им самое главное, И открыл он им самое нужное. И, забыв все отчаянья прежние, На свое место встало все снова: Он сказал им три са{мые} нежные И давно позабытые {слова}. # 012

1962 Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел Я на нее вовсю глядел, Как смотрят дети, как смотрят дети. Но тот, кто раньше с нею был, Сказал мне, чтоб я уходил, Сказал мне, чтоб я уходил, Что мне не светит. И тот, кто раньше с нею был, Он мне грубил, он мне грозил. А я все помню - я был не пьяный. Когда ж я уходить решил, Она сказала: "Не спеши!" Она сказала: "Не спеши, Ведь слишком рано!" Но тот, кто раньше с нею был, Меня, как видно, не забыл, И как-то в осень, и как-то в осень Иду с дружкой, гляжу - стоят, Они стояли молча в ряд, Они стояли молча в ряд Их было восемь. Со мною - нож, решил я: что ж. Меня так просто не возьмешь, Держитесь, гады! Держитесь, гады! К чему задаром пропадать, Ударил первым я тогда, Ударил первым я тогда Так было надо. Но тот, кто раньше с нею был, Он эту кашу заварил Вполне серьезно, вполне серьезно. Мне кто-то на плечи повис, Валюха крикнул: "Берегись!" Валюха крикнул: "Берегись!" Но было поздно. За

восемь бед - один ответ. В тюрьме есть тоже лазарет, Я там валялся, я там валялся. Врач резал вдоль и поперек. Он мне сказал: "Держись, браток!" Он мне сказал: "Держись, браток!" И я держался. Разлука мигом пронеслась, Она меня не дождалась, Но я прощаю, ее - прощаю. Ее, как водится, простил, Того ж, кто раньше с нею был, Того, кто раньше с нею был, Не извиняю. Ее, конечно, я простил, Того ж, кто раньше с нею был, Того, кто раньше с нею был, Я повстречаю! # 001

1962 Как в старинной русской сказкеі

Как в старинной русской сказке - дай бог памяти! Колдуны, что немного добрее, Говорили: "Спать ложись, Иванушка! Утро вечера мудренее!". Как однажды поздно ночью добрый молодец, Проводив красну девицу к мужу, Загрустил, но вспомнил: завтра снова день, Ну, а утром - не бывает хуже. Как отпетые разбойники и недруги, Колдуны и волшебники злые Стали зелье варить, и стал весь мир другим, И утро с вечером переменили. Ой, как стали засыпать под утро девицы После буйна веселья и зелья, Ну, а вечером - куда ты денешься Снова зелье - на похмелье! И выходит, что те сказочники древние Поступили и зло и негоже. Ну, а правда вот: тем, кто пьет зелие, Утро с вечером - одно и то же. # 002

1962 Серебряные струны

У меня гитара есть - расступитесь стены! Век свободы не видать из-за злой фортуны! Перережьте горло мне, перережьте вены Только не порвите серебряные струны! Я заруюсь в землю, сгину в одночасье Кто бы заступился за мой возраст юный! Влезли ко мне в душу, рвут ее на части Только б не порвали серебряные струны! Но гитару унесли, с нею - и свободу, Упирался я, кричал: "Сволочи, паскуды! Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду Только не порвите серебряные струны!" Что же это, братцы! Не видать мне, что ли, Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?! Загубили душу мне, отобрали волю, А теперь порвали серебряные струны... # 003

1962 Люди говорили морю: "До свиданья"ї

Люди говорили морю: "До свиданья", Чтоб приехать вновь они могли В воду медь бросали, загадав желанья, Я ж бросал тяжелые рубли. Может, это глупо, может быть - не нужно, Мне не жаль их - я ведь не Гобсек. Ну а вдруг найдет их совершенно чуждый По мировоззренью человек! Он нырнет, отыщет, радоваться будет, Удивляться первых пять минут, После злиться будет: "Вот ведь, -

скажет, - люди! Видно, денег куры не клюют". Будет долго мыслить головою бычьей: "Пятаки - понятно - это медь. Ишь - рубли кидают, - завели обычай! Вот бы, гаду, в рожу посмотреть!" Что ж, гляди, товарищ! На, гляди, любуйся! Только не дождешься, чтоб сказал Что я здесь оставил, как хочу вернуться, И тем более - что я загадал! # 004

1962 Правда ведь, обидно

Правда ведь, обидно - если завязал, И товарищ продал, падла, и за все сказал: За давнишнее, за драку - все сказал Сашок, И двое в синем, двое в штатском, черный воронок... До свиданья, Таня, а, может быть - прощай! До свиданья, Таня, если можешь - не серчай! Но все-таки обидно, чтоб за просто так Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак! На суде судья сказал: "Двадцать пять! До встречи!" Раньше б горло я порвал за такие речи! А теперь - терплю обиду, не показываю виду, Если встречу я Сашка - ох как изувечу! До свиданья, Таня, а, может быть - прощай! До свиданья, Таня, если можешь - не серчай! Но все-таки обидно, чтоб за просто так Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак! # 005

1962 Я не пил, не воровалі

Я не пил, не воровал Ни штанов, ни денег, Ни по старой я не знал, Ни по новой фене. Запишите мне по глазу, Если я соврал, Падла буду, я ни разу Грош не своровал! Мне сказали - торгаши Как-то там иначе, На какие-то гроши Строят себе дачи. Ну и я решил податься К торгашам, клянусь, Честный я - чего бояться! Я и не боюсь. Начал мной ОБХС Интересоваться, А в меня вселился бес Очень страшный, братцы: Раз однажды я малину Оптом запродаю, Бес - проклятая скотина Половину взял! Бес недолго все вершил Все раскрыли скоро, Суд - приятное решил Сделать прокурору. И послали по Указу Где всегда аврал. Запишите мне по глазу, Если я соврал! Я забыл про отчий дом И про нежность к маме, И мой срок, как снежный ком, Обрастал годами. Я прошу верховный суд Чтоб освободиться, Ведь жена и дети ждут Своего кормильца!.. # 006

1962 Зэка Васильев и Петров зэка

Сгорели мы по недоразумению Он за растрату сел, а я - за Ксению, У нас любовь была, но мы расстались: Она кричала и сопротивлялась. На нас двоих нагрянула ЧК, И вот теперь мы оба с ним зэка Зэка Васильев и Петров зэка. А в лагерях - не жизнь, а темень-тьмущая: Кругом майданчики, кругом домушники, Кругом ужасное к нам

отношение И очень странные поползновения. Ну а начальству наплевать - за что и как, Мы для начальства - те же самые зека Зека Васильев и Петров зека. И вот решили мы - бежать нам хочется, Не то все это очень плохо кончится: Нас каждый день мордуют уголовники, И главный врач зовет к себе в любовники. И вот - в бега решили мы, ну а пока Мы оставались все теми же зека Зека Васильев и Петров зека. Четыре года мы побег готовили Харчей три тонны мы наэкономили, И нам с собою даже дал половничек Один ужасно милый уголовничек. И вот ушли мы с ним в руке рука, Рукоплескали нашей дерзости зека Зека Петрову, Васильеву зека. И вот - по тундре мы, как сиротиночки, Не по дороге все, а по тропиночке. Куда мы шли - в Москву или в Монголию, Он знать не знал, паскуда, я - тем более.

Я доказал ему, что запад - где закат, Но было поздно: нас зацапала ЧК Зека Петрова, Васильева зека. Потом - приказ про нашего полковника: Что он поймал двух крупных уголовников, Ему за нас - и деньги, и два ордена, А он от радости все бил по морде нас. Нам после этого прибавили срока, И вот теперь мы - те же самые зека Зека Васильев и Петров зека. # 007

1962 Весна еще в начале

Весна еще в начале, Еще не загуляли, Но уж душа рвалася из груди, Но вдруг приходят двое С конвоем, с конвоем. "Оденься, - говорят, - и выходи!" Я так тогда просил у старшины: "Не уводите меня из Весны!". До мая пропотели Все расколоть хотели, Но - нате вам - темню я сорок дней. И вдруг - как нож мне в спину Забрали Катерину, И следователь стал меня главней. Я понял, я понял, что тону, Покажите мне хоть в форточку Весну! И вот опять - вагоны, Перегоны, перегоны, И стыки рельс отсчитывают путь, А за окном - в зеленом Березки и клены, Как будто говорят: "Не позабуди!" А с насыпи мне машут пацаны, Зачем меня увозят из Весны!.. Спросил я Катю взглядом: "Уходим?" - "Не надо!" "Нет, хватит, - без Весны я не могу!" И мне сказала Катя: "Что ж, хватит так хватит", И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу. Как ласково нас встретила она! Так вот, так вот какая ты, Весна! А на вторые сутки На след напали суки Как псы на след напали и нашли, И завязали суки И ноги, и руки Как падаль по грязи поволокли. Я понял, мне не видеть больше сны Совсем меня убрали из Весны... # 008

1962 Я был душой дурного общества

Я был душой дурного общества, И я могу сказать тебе: Мою фамилию-имя-отчество Прекрасно знали в КГБ. В меня влюблялася вся улица И весь Савеловский вокзал. Я знал, что мной интересуются, Но все равно пренебрегал. Свой человек я был у скокарей, Свой человек - у щипачей, И гражданин начальник Токарев Из-за меня не спал ночей. Ни разу в жизни я не мучился И не скучал без крупных дел, Но кто-то там однажды скурвился, ссучился Шепнул, навел - и я сгорел. Начальник вел себя не въедливо, Но на допросы вызывал, А я всегда ему приветливо И очень скромно отвечал: "Не брал я на душу покойников И не испытывал судьбу, И я, начальник, спал спокойненько, И весь ваш МУР видал в гробу!" И дело не было отложено И огласили приговор, И дали все, что мне положено, Плюс пять мне сделал прокурор. Мой адвокат хотел по совести За мой такой веселый нрав, А прокурор просил всей строгости И был, по-моему, неправ. С тех пор заглохло мое творчество, Я стал скучающий субъект, Зачем же быть душою общества, Когда души в нем вовсе нет! # 009

1962 Большой Каретный Посвящено Леве Кочеряну

Где твои семнадцать лет? На Большом Каретном. Где твои семнадцать бед? На Большом Каретном. Где твой черный пистолет? На Большом Каретном. А где тебя сегодня нет? На Большом Каретном. Помнишь ли, товарищ, этот дом? Нет, не забываешь ты о нем. Я скажу, что тот полжизни потерял, Кто в Большом Каретном не бывал. Еще бы, ведь Где твои семнадцать лет? На Большом Каретном. Где твои семнадцать бед? На Большом Каретном. Где твой черный пистолет? На Большом Каретном. А где тебя сегодня нет? На Большом Каретном. Переименован он теперь, Стало все по новой там, верь не верь. И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь, Нет-нет да по Каретному пройдешь. Еще бы, ведь Где твои семнадцать лет? На Большом Каретном. Где твои семнадцать бед? На Большом Каретном. Где твой черный пистолет? На Большом Каретном. А где тебя сегодня нет? На Большом Каретном. # 010

1962 Лежит камень в степи Артуру Макарову

Лежит камень в степи, А под него вода течет, А на камне написано слово: "Кто направо пойдет Ничего не найдет, А кто прямо пойдет Никуда не придет, Кто налево пойдет Ничего не поймет И ни за грош пропадет". Перед камнем стоят Без коней и без мечей И решают: идти или не надо. Был один из них зол, Он направо пошел, В одиночку

пошел, Ничего не нашел Ни деревни, ни сел, И обратно пришел. Прямо нету пути Никуда не прийти, Но один не поверил в заклатья И, подобравши подол, Напрямую пошел, Сколько он ни бродил Никуда не забрел, Он вернулся и пил, Он обратно пришел. Ну а третий - был дурак, Ничего не знал и так, И пошел без опаски налево. Долго ль, коротко ль шагал И совсем не страдал, Пил, гулял и отдыхал, Ничего не понимал, Ничего не понимал, Так всю жизнь и прошагал И не сгинул, и не пропал. # 011

1963 За меня невеста отрыдает честної

За меня невеста отрыдает честно, За меня ребята отдадут долги, За меня другие отпоют все песни, И, быть может, выпьют за меня враги. Не дают мне больше интересных книжек, И моя гитара - без струны. И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже, И нельзя мне солнца, и нельзя луны. Мне нельзя на волю - не имею права, Можно лишь - от двери до стены. Мне нельзя налево, мне нельзя направо Можно только неба кусок, можно только сны. Сны - про то, как выйду, как замок мой снимут, Как мою гитару отдадут, Кто меня там встретит, как меня обнимут И какие песни мне споют. # 001

1963 Колыбельная

За тобой еще нет Пройденных дорог, Трудных дел, долгих лет И больших тревог. И надежно заглушен Ночью улиц гул. Пусть тебе приснится сон, Будто ты уснул. Мир внизу, и над ним Ты легко паришь, Под тобою древний Рим И ночной Париж. Ты невидим, невесом. Голоса поют. Правда, это - только сон... Но во сне растут. Может быть - все может быть Много лет пройдет, Сможешь ты повторить Свой ночной полет. Над землею пролетишь Выше крыш и крон... А пока ты спи, малыш, И смотри свой сон. # 002

1963 Сивка-Бурка

Кучера из МУРа укатали Сивку, Закатали Сивку в Нарьян-Мар, Значит, не погладили Сивку по загривку, Значит, дали полностью "гонорар". На дворе вечерит, Сивка с Буркой чифирит. Ночи по полгода за полярным кругом, И, конечно, Сивка - лошадь - заскучал, Обзавелся Сивка Буркой - закадычным другом, С ним он ночи длинные коротал. На дворе вечерит, Сивка с Буркой чифирит. Сивка - на работу, - до седьмого поту, За обоих вкалывал - конь конем. И тогда у Бурки появился кто-то Занял место Сивкино за столом. На дворе вечерит, Бурка с кем-то чифирит. Лошади, известно, - все как человеки: Сивка

долго думал, думал и решал, И однажды Бурка с "кем-то" вдруг исчез навеки Ну, а Сивка в каторгу захромал. На дворе вечерит, Сивка в каторге горит... # 003

1963 Позабыв про дела и тревоги

Позабыв про дела и тревоги И не в силах себя удержать, Так люблю я стоять у дороги Запоздалых прохожих пугать! "Гражданин, разрешите папироску!" "Не курю. Извините, пока!" И тогда я так просто, без спросу Отбираю у дяди бока. Сделав вид, что уж все позабыто, Отбежав на полсотни шагов, Обзовет меня дядя бандитом, Хулиганом - и будет таков. Но если женщину я повстречаю У нее не прошу закурить, А спокойно ей так намекаю, Что ей некуда больше спешить... Позабыв про дела и тревоги И не в силах себя удержать, Так люблю я стоять на дороге!.. Только лучше б мне баб не встречать! # 004

1963 Эй, шофер, вези - Бутырский хуторі

- Эй, шофер, вези - Бутырский хутор, Где тюрьма, - да поскорее мчи! - Ты, товарищ, опоздал, ты на два года перепутал Разбирают уж тюрьму на кирпичи. - Очень жаль, а я сегодня спозаранку По родным решил проехаться местам... Ну да ладно, что ж, шофер, вези меня в "Таганку", Погляжу, ведь я бывал и там. - Разломали старую "Таганку" Подчистую, всю, ко всем чертям!. - Что ж, шофер, давай назад, крути-верти назад свою баранку, Так ни с чем поедем по домам. Или нет, шофер, давай закурим, Или лучше - выпьем поскорей! Пьем за то, чтоб не осталось по России больше тюрем, Чтоб не стало по России лагерей! # 005

1963 Мы вместе грабили одну и ту же хатуі

Мы вместе грабили одну и ту же хату, В одну и ту же мы проникли щель, Мы с ними встретились как три молочных брата, Друг друга не выдавшие вообще. За хлеб и воду и за свободу Спасибо нашему советскому народу! За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе Спасибо нашей городской прокуратуре! Нас вместе переслали в порт Находку, Меня отпустят завтра, пустят завтра их, Мы с ними встретились, как три рубля на водку, И разошлись, как водка на троих. За хлеб и воду и за свободу Спасибо нашему советскому народу! За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе Спасибо нашей городской прокуратуре! Как хорошо устроен белый свет! Меня вчера отметили в приказе: Освободили раньше на пять лет, И подпись: "Ворошилов, Георгадзе". За хлеб и

воду и за свободу Спасибо нашему советскому народу! За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе Спасибо нашей городской прокуратуре! Да это ж математика богов: Меня ведь на двенадцать осудили, Из жизни отобрали семь годов, И пять - теперь обратно возвратили! За хлеб и воду, и за свободу Спасибо нашему советскому народу, За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе Спасибо нашей городской прокуратуре. # 006

1963 Я женщин не бил до семнадцати лет

Я женщин не бил до семнадцати лет В семнадцать ударил впервые, С тех пор на меня просто удержу нет: Направо - налево я им раздаю "чаевые". Но как же случилось, что интеллигент, Противник насилия в быте, Так низко упал я - и в этот момент, Ну если хотите, себя оскорбил мордобитьем? А было все так: я ей не изменил За три дня ни разу, признаться, Да что говорить - я духи ей купил! Французские, братцы, За тридцать четыре семнадцать. Но был у нее продавец из "ТЭЖЕ" Его звали Голубев Слава, Он эти духи подарил ей уже, Налево-направо моя улыбалась шалава. Я был молодой и я вспыльчивый был Претензии выложил кратко Сказал ей: "Я Славку вчера удавил, Сегодня ж, касатка, тебя удавлю для порядка!" Я с дрожью в руках подошел к ней впритык, Зубами стуча "Марсельезу", К гортани присох непослушный язык И справа, и слева я ей основательно врезал. С тех пор все шалавы боятся меня И это мне больно, ей-богу! Поэтому я - не проходит и дня Бью больно и долго, но всех не побьешь - их ведь много. # 007

1963 Давно я понял: жить мы не смогли бы

Давно я понял: жить мы не смогли бы, И что ушла - все правильно, клянусь, А за поклоны к праздникам - спасибо, И за приветы тоже не сержусь. А зря заботишься, хотя и пишешь - муж, но, Как видно, он тебя не балует грошом, Так что, скажу за яблоки - не нужно, А вот за курево и водку - хорошо. Ты не пиши мне про березы, вербы Прошу Христом, не то я враз усну, Ведь здесь растут такие, Маша, кедры, Что вовсе не скучаю за сосну! Ты пишешь мне про кинофильм "Дорога" И что народу - тыщами у касс, Но ты учти - людей здесь тоже много И что кино бывает и у нас. Ну в общем ладно - надзиратель злится, И я кончаю, - ну всего, бывай! Твой бывший муж, твой бывший кровопийца. ...А знаешь, Маша, знаешь, - приезжай! # 008

1963 Простите Мишку!

Говорят, арестован Добрый парень за три слова. Говорят, арестован Мишка Ларин за три слова. Говорят, что не помог ему заступник, честно слово. Мишка Ларин - как опаснейший преступник арестован. Ведь это ж, правда, - несправедливость! Говорят, невиновен! Не со зла ведь? Но вино ведь. Говорят, невиновен! А ославить - разве новость? Говорю, что не поднял бы Мишка руку на ту суку. Так возьмите же вы Мишку на поруки! - вот вам руку! А вот ведь, правда, - несправедливость! Говорят, что до свадьбы Он придет, до женитьбы... Вот бы вас бы послать бы, Вот бы вас погноить бы. Вот бы вас на Камчатку - на Камчатку нары дали б. Пожалели бы вы нашего Мишку, порыдали б. А вот ведь, правда, - несправедливость! Говорю, заступитесь! Повторяю, на поруки! Если ж вы поскупились, Заявляю: ждите, суки! Я ж такое вам устрою, я ж такое вам устрою! Друга Мишку не забуду и вас в землю всех зарюю! А вот ведь, правда, - несправедливость! # 009

1963 Бал-маскарад

Сегодня в нашей комплексной бригаде Прошел слушок о бале-маскараде, Раздали маски кроликов, Слонов и алкоголиков, Назначили все это - в зоосаде. "Зачем идти при полном при параде Скажи мне, моя радость, Христа ради?" Она мне: "Одевайся!" Мол, я тебя стесняюсь, Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади. "Я платье, - говорит, - взяла у Нади Я буду нынче как Марина Влади И проведу, хоть тресну я, Часы свои воскресные Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!" ...Зачем же я себя утюжил, гладил? Меня поймали тут же в зоосаде, Ведь массовик наш Колька Дал мне маску алкоголика И на троих зазвали меня дяди. Я снова очутился в зоосаде: Глядь - две жены, - ну две Марины Влади! Одетые животными, С двумя же бегемотами, Я тоже озверел - и стал в засаде. Наутро дали премию в бригаде, Сказав мне, что на бале-маскараде Я будто бы не только Сыграл им алкоголика, А был у бегемотов я в ограде. # 010

1963 У меня было сорок фамилий

У меня было сорок фамилий, У меня было семь паспортов, Меня семьдесят женщин любили, У меня было двести врагов. Но я не жалею! Сколько я ни старался, Сколько я ни стремился Все равно, чтоб подрасться, Кто-нибудь находился. И хоть путь мой и длинен и долог, И хоть я заслужил похвалу Обо мне не напишут некролог На последней странице в углу. Но я не жалею! Сколько я ни стремился, Сколько я ни

старался, Кто-нибудь находился И я с ним напивался. И хотя во во все светлое верил Например, в наш советский народ, Но не поставят мне памятник в сквере Где-нибудь у Петровских ворот. Но я не жалею! Сколько я ни старался, Сколько я ни стремился Все равно я спивался, Все равно я катился. Сочиняю я песни о драмах И о жизни карманных воров, Мое имя не встретишь в рекламах Популярных эстрадных певцов. Но я не жалею! Сколько я ни старался, Сколько я ни стремился, Я всегда попадался И все время садился. Говорят, что на место все станет. Бросить пить?.. Видно, мне не судьба, Но меня все равно не отчеканят На монетах заместо герба. Но я не жалею! Так зачем мне стараться? Так зачем мне стремиться? Чтоб во всем разобраться Нужно сильно напиться! # 011

1963 Про Сережу Фомина

Я рос как вся дворовая шпана Мы пили водку, пели песни ночью, И не любили мы Сережку Фомина За то, что он всегда сосредоточен. Сидим раз у Сережки Фомина Мы у него справляли наши встречи, И вот о том, что началась война, Сказал нам Молотов в своей известной речи. В военкомате мне сказали: "Старина, Тебе броню дает родной завод "Компрессор"!" Я отказался, - а Сережку Фомина Спасал от армии отец его, профессор. Кровь лью я за тебя, моя страна, И все же мое сердце негодует: Кровь лью я за Сережку Фомина А он сидит и в ус себе не дует! Теперь небось он ходит по кинам Там хроника про нас перед сеансом, Сюда б сейчас Сережку Фомина Чтоб побыл он на фронте на германском! ...Но наконец закончилась война С плеч сбросили мы словно тонны груза, Встречаю я Сережку Фомина А он Герой Советского Союза... # 012

1963 Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел Всего лишь час пехоте передышки, Всего лишь час до самых главных дел: Кому - до ордена, ну, а кому - до "вышки". За этот час не пишем ни строки Молись богам войны артиллеристам! Ведь мы ж не просто так - мы штрафники, Нам не писать: "...считайте коммунистом". Перед атакой - водку, - вот мура! Свое отпили мы еще в гражданку. Поэтому мы не кричим "ура" Со смертью мы играемся в молчанку. У штрафников один закон, один конец: Коли, руби фашистского бродягу, И если не поймаешь в грудь свинец Медаль на грудь поймаешь за отвагу. Ты бей штыком, а лучше - бей рукой: Оно надежней, да оно и тише, И ежели останешься живой

Гуляй, рванина, от рубля и выше! Считает враг: морально мы слабы, За ним и лес, и города сожжены. Вы лучше лес рубите на гробы В прорыв идут штрафные батальоны! Вот шесть ноль-ноль - и вот сейчас обстрел, Ну, бог войны, давай без передышки! Всего лишь час до самых главных дел: Кому - до ордена, а большинству - до "вышки"... # 013

1963 Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям

В Пекине очень мрачная погода, У нас в Тамбове на заводе перекур, Мы пишем вам с тамбовского завода, Любители опасных авантур! Тем, что вы договор не подписали, Вы причинили всем народам боль И, извращая факты, доказали, Что вам дороже генерал де Голль. Нам каждый день насущный мил и дорог, Но если даже вспомнить старину, То это ж вы изобретали порох И строили Китайскую стену. Мы понимаем - вас совсем не мало, Чтоб триста миллионов погубить, Но мы уверены, что сам товарищ Мао, Ей-богу, очень-очень хочет жить. Когда вы рис водою запивали Мы проявляли интернационализм, Небось, когда вы русский хлеб жевали, Не говорили про оппортунизм! Бойтесь вы, что - реваншисты в Бонне, Что - Вашингтон грозитя перегнать, Но сам Хрущев сказал еще в ООНе, Что мы покажем кузькину им мать! Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды Не раздувайте вы войны пожар, Мы нанесем им, если будет надо, Ответный термоядерный удар. А если зуд - без дела не страдайте, У вас еще достаточно делов: Давите мух, рождаемость снижайте, Уничтожайте ваших воробьев! И не интересуйтесь нашим бытом Мы сами знаем, где у нас чего. Так наш ЦК писал в письме открытом, Мы одобряем линию его! # 014

1963 Антисемиты

Зачем мне считаться шпаной и бандитом Не лучше ль податься мне в антисемиты: На их стороне, хоть и нету законов, Поддержка и энтузиазм миллионов. Решил я - и, значит, кому-то быть битым, Но надо ж узнать, кто такие семиты, А вдруг это очень приличные люди, А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет! Но друг и учитель - алкаш в бакалее Сказал, что семиты - простые евреи. Да это ж такое везение, братцы, Теперь я спокоен - чего мне бояться! Я долго крепился, ведь благоговейно Всегда относился к Альберту Эйнштейну. Народ мне простит, но спрошу я невольно: Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них - пострадавший от Сталина Каплер, Средь них - уважаемый мной Чарли Чаплин, Мой друг Рабинович и жертвы фашизма, И даже основоположник марксизма. Но тот же алкаш мне сказал после дельца, Что пьют они кровь христианских младенцев; И как то в пивной мне ребята сказали, Что очень давно они бога распяли! Им кровушки надо - они по запарке Замучили, гады, слона в зоопарке! Украли, я знаю, они у народа Весь хлеб урожая минувшего года! По Курской, Казанской железной дороге Построили дачи - живут там как боги... На все я готов - на разбой и насилье, Бью я жидов - и спасаю Россию! # 015

1963 Городской романс

Я однажды гулял по столице - и Двух прохожих случайно зашиб, И, попавши за это в милицию, Я увидел ее - и погиб. Я не знаю, что там она делала, Видно, паспорт пришла получать Молодая, красивая, белая... И решил я ее разыскать. Шел за ней - и запомнил парадное. Что сказать ей? - ведь я ж - хулиган... Выпил я - и позвал ненаглядную В привокзальный один ресторан. Ну а ей улыбались прохожие Мне хоть просто кричи "Караул!" Одному человеку по рожке я Дал за то, что он ей подморгнул. Я икрою ей булки намазывал, Деньги прямо рекою текли, Я ж такие ей песни заказывал! А в конце заказал - "Журавли". Обещанья я ей до утра давал, Повторял что-то вновь ей и вновь: "Я ж пять дней никого не обкрадывал, Моя с первого взгляда любовь!" Говорил я, что жизнь потеряна, Я сморкался и плакал в кашне, А она мне сказала: "Я верю вам И отдамся по сходной цене". Я ударил ее, птицу белую, Закипела горячая кровь: Понял я, что в милиции делала Моя с первого взгляда любовь... # 016

1964 Марш студентов-физиков

Тропы еще в антимир не протоптаны, Но, как на фронте, держись ты! Бомбардируем мы ядра протонами, Значит, мы - антиллеристы. Нам тайны нераскрытые раскрыть пора Лежат без пользы тайны, как в копилке, Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра На волю пустим джина из бутылки! Тесно сплотились коварные атомы Ну-ка, попробуй прорвись ты! Живо по коням - в погоне за квантами! Значит, мы - кванталеристы. Нам тайны нераскрытые раскрыть пора Лежат без пользы тайны, как в копилке, Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра На волю пустим джина из бутылки! Пусть не поймаешь нейтрино за бороду И не посадишь в пробирку, Было бы здорово, чтоб Понтекорво

Взял его крепче за шкурку. Нам тайны нераскрытые раскрыть пора
Лежат без пользы тайны, как в копилке, Мы тайны эти с корнем
вырвем у ядра На волю пустим джина из бутылки! Жидкие, твердые,
газообразные Просто, понятно, вольготно! А с этой плазмой дойдешь
до маразма, и Это довольно почетно. Нам тайны нераскрытые
раскрыть пора Лежат без пользы тайны, как в копилке, Мы тайны эти с
корнем вырвем у ядра На волю пустим джина из бутылки! Молодо-
зелено. Древность - в историю! Дряхлость - в архивах пылится! Даешь
эту общую эту теорию, Элементарных частиц нам! Нам тайны
нераскрытые раскрыть пора Лежат без пользы тайны, как в копилке,
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра И вволю выпьем джина из
бутылки! # 001

1964 Потеряю истинную веру!

Потеряю истинную веру Больно мне за наш СССР: Отберите орден
у Насера Не подходит к ордену Насер! Можно даже крыть с трибуны
матом, Раздавать подарки вкривь и вкось, Называть Насера нашим
братом, Но давать Героя - это брось! Почему нет золота в стране?
Раздарили, гады, раздарили. Лучше бы давали на войне, А насеры
после б нас простили! # 002

1964 Песня о звездах

Мне этот бой не забыть ни о чем Смертью пропитан воздух, А с
небосклона бесшумным дождем Падали звезды. Снова упала - и я
загадал: Выйти живым из боя, Так свою жизнь я поспешно связал С
глупой звездой. Я уж решил: миновала беда И удалось отвертеться, С
неба упала шальная звезда Прямо под сердце. Нам говорили: "Нужна
высота!" И "Не жалеть патроны!"... Вон покатила вторая звезда Вам
на погоны. Звезд этих в небе - как рыбы в прудах, Хватит на всех с
лихвою. Если б не насмерть, ходил бы тогда Тоже - Героем. Я бы
Звезду эту сыну отдал, Просто - на память... В небе горит, пропадает
звезда Некуда падать. # 003

1964 Песня о госпитале

Жил я с матерью и батей На Арбате - здесь бы так! А теперь я в
медсанбате На кровати, весь в бинтах... Что нам слава, что нам Клава
Медсестра - и белый свет!.. Помер мой сосед, что справа, Тот, что
слева, - еще нет. И однажды, как в угаре, Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: "Послушай, парень, У тебя ноги-то нет". Как же так?
Неправда, братцы, Он, наверно, пошутил! "Мы отрежем только

пальцы" Так мне доктор говорил. Но сосед, который слева, Все смеялся, все шутил, Даже ночью он все бредил Все про ногу говорил. Издевался: мол, не встанешь, Не увидишь, мол, жены!.. Поглядел бы ты, товарищ, На себя со стороны! Если б был я не калека И слезал с кровати вниз Я б тому, который слева, Просто глотку перегрыз! Умолял сестричку Клаву Показать, какой я стал... Был бы жив сосед, что справа, Он бы правду мне сказал!.. # 004

1964 Все ушли на фронт

Все срока уже закончены, А у лагерных ворот, Что крест-накрест заколочены, Надпись: "Все ушли на фронт". За грехи за наши нас простят, Ведь у нас такой народ: Если Родина в опасности Значит, всем идти на фронт. Там год - за три, если бог хранит, Как и в лагере зачет. Нынче мы на равных с вохрами Нынче всем идти на фронт. У начальника Березкина Ох и гонор, ох и понт! И душа - крест-накрест досками, Но и он пошел на фронт. Лучше было - сразу в тыл его: Только с нами был он смел, Высшей мерой наградил его Трибунал за самострел. Ну а мы - все оправдали мы, Наградили нас потом: Кто живые, тех - медалями, А кто мертвые - крестом. И другие заключенные Пусть читают у ворот Нашу память застекленную Надпись: "Все ушли на фронт"... # 005

1964 Я любил и женщин и проказы

Я любил и женщин и проказы: Что ни день, то новая была, И ходили устные рассказы Про мои любовные дела. И однажды как-то на дороге Рядом с морем - с этим не шути Встретил я одну из очень многих На моем на жизненном пути. А у ней - широкая натура, А у ней - открытая душа, А у ней - отличная фигура, А у меня в кармане - ни гроша. Ну а ей - в подарок нужно кольца; Кабаки, духи из первых рук, А взамен - немного удовольствий От ее сомнительных услуг. "Я тебе, - она сказала, - Вася, Дорогое самое отдам!.." Я сказал: "За сто рублей согласен, Если больше - с другом пополам!" Женщины - как очень злые кони: Захрипит, закусит удила!.. Может, я чего-нибудь не понял, Но она обиделась - ушла. ...Через месяц улеглись волненья Через месяц вновь пришла она, У меня такое ощущение, Что ее устроила цена! # 006

1964 Парня спасем, парня в детдомі

Парня спасем, Парня в детдом На воспитанье! Даром учить, Даром поить, Даром питанье!.. Жизнь - как вода, Вел я всегда Жизнь

бесшабашную, Все ерунда, Кроме суда самого страшного. Все вам дадут, Все вам споют Будьте прилежными, А за оклад Ласки дарят Самые нежные. Вел я всегда Жизнь без труда Жизнь бесшабашную, Все ерунда, Кроме суда самого страшного. # 007

1964 Я теперь на девок крепкий

Я теперь на девок крепкий, И теперь одною меткой Я всех баб ровняю как одну: Пусть у ней во лбу семь пядей, Пусть при полном при параде, Встречу бабу - в сторону сверну. Был я раньше тоже хлипкий Провожал я их с улыбкой, Даже, помню, год с одною жил, А теперь, пройду не глядя Мне плевать, что ейный дядя Раньше где-то в органах служил. Баб держу я в черном теле, А чтоб лечь в одну постелю Этим меня можно насмешить, Даже если умоляет, Даже в экстренном случае Очень меня трудно уложить! Почему с таким напором Я воюю с женским полом: Изучил я их как свой портрет, Ведь полвека я - не меньше Изучаю этих женщин, И сейчас мне - восемьдесят лет. # 008

1964 Там были генеральши, были жены офицеров

Там были генеральши, были жены офицеров И старшины-сверхсрочника жена. Там хлопало шампанское, там булькала мадера, Вину от водки тесно было, водке - от вина. Прошла пора, чтоб вешаться, прошла пора стреляться, Пришла пора спокойная - как паиньки сидим. Сегодня пусть начальницы вовсю повеселятся, А завтра мы начальников вовсю повеселим. # 009

1964 Наводчица

- Сегодня я с большой охотой Распоряжусь своей субботой, И если Нинка не капризная, Распоряжусь своею жизнью я! - Постой, чудак, она ж - наводчица, Зачем? - Да так, уж очень хочется! - Постой, чудак, у нас - компания, Пойдем в кабак - зальем желание! - Сегодня вы меня не пачкайте, Сегодня пьянка мне - до лампочки: Сегодня Нинка соглашается Сегодня жизнь моя решается! - Ну и дела же с этой Нинкою! Она спала со всей Ордынкою, И с нею спать ну кто захочет сам!.. - А мне плевать - мне очень хочется! Сказала: любит, - все, заматано! - Отвечу рупь за то, что врет она! Она ж того - ко всем ведь просится... - А мне чего - мне очень хочется! - Она ж хрипит, она же грязная, И глаз подбит, и ноги разные, Всегда одета, как уборщица... - Плевать на это - очень хочется! Все говорят, что - не красавица, А мне

такие больше нравятся. Ну, что ж такого, что - наводчица, А мне еще сильнее хочется! # 010

1964 Нам говорят без всякой лестии

Нам говорят без всякой лести: "Без вас со скуки мы умрем!" И мы всегда и всюду вместе Везде втроем, всегда поем. Мы успеваем еле-еле Пить у одних, пить у других, Хотя б нам на одной неделе Давали восемь выходных! Без нас нельзя на дне рожденья, Без нас и свадьбам - не бывать. И мы сейчас идем веселье На новоселье подымать. Нам ничего, а парень болен Ему бы есть, ему бы спать... Без нас нельзя - чего же боле, Что можем мы еще сказать? # 011

1964 Счетчик щелкает

Твердил он нам: "Моя она!", "Да ты смеешься, друг, да ты смеешься! Уйди, пацан, - ты очень пьян, А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься!" А он кричал: "Теперь мне все одно! Садись в такси - поехали кататься! Пусть счетчик щелкает, пусть все равно В конце пути придется рассчитаться". Не жалко мне таких парней. "Ты от греха уйди!" - твержу я снова, А он - ко мне, и все - о ней... "А ну - ни слова, гад, гляди, ни слова!" Ударила в виски мне кровь с вином И, так же продолжая улыбаться, Ему сказал я тихо: "Все равно В конце пути придется рассчитаться!" К слезам я глух и к просьбам глух В охоту драка мне, ох как в охоту! И хочешь, друг, не хочешь, друг, Плати по счету, друг, плати по счету!.. А жизнь мелькает, как в немом кино, Мне хорошо, мне хочется смеяться, А счетчик - щелк да щелк, - да все равно В конце пути придется рассчитаться... # 012

1964 Ребята, напишите мне письмо

Мой первый срок я выдержать не смог, Мне год добавят, может быть - четыре... Ребята, напишите мне письмо: Как там дела в свободном вашем мире? Что вы там пьете? Мы почти не пьем. Здесь - только снег при солнечной погоде... Ребята, напишите обо всем, А то здесь ничего не происходит! Мне очень-очень не хватает вас, Хочу увидеть милые мне рожи! Как там Надюха, с кем она сейчас? Одна? - тогда пускай напишет тоже. Страшной, быть может, - только Страшный суд! Письмо мне будет уцелевшей нитью, Его, быть может, мне не отдадут, Но все равно, ребята, напишите!.. # 013

1964 Если б водка была на одногои

Если б водка была на одного Как чудесно бы было! Но всегда покурить - на двоих, Но всегда распивать - на троих. Что же - на

одного ? На одного - колыбель и могила. От утра и до утра Раньше песни пелись, Как из нашего двора Все поразлетелись Навсегда, кто куда, На долгие года. Говорят, что жена - на одного, Спокон веку так было. Но бывает жена - на двоих, Но бывает она - на троих. Что же - на одного ? На одного - колыбель и могила. От утра и до утра Раньше песни пелись, Как из нашего двора Все поразлетелись Навсегда, кто куда, На долгие года. Сколько ребят у нас в доме живет, Сколько ребят в доме рядом! Сколько блатных мои песни поет, Сколько блатных еще сядут Навсегда, кто куда, На долгие года! # 014

1964 Так оно и естѣ

Так оно и есть Словно встарь, словно встарь: Если шел вразрез На фонарь, на фонарь, Если воровал Значит, сел, значит, сел, Если много знал Под расстрел, под расстрел! Думал я - наконец не увижу я скоро Лагерьей, лагерей, Но попал в этот пыльный расплывчатый город Без людей, без людей. Бродят толпы людей, на людей непохожих, Равнодушных, слепых, Я заглядывал в черные лица прохожих Ни своих, ни чужих. Так зачем проклинал свою горькую долю? Видно, зря, видно, зря! Так зачем я так долго стремился на волю В лагерях, в лагерях?! Бродят толпы людей, на людей непохожих, Равнодушных, слепых, Я заглядывал в черные лица прохожих Ни своих, ни чужих. Так оно и есть Словно встарь, словно встарь: Если шел вразрез На фонарь, на фонарь, Если воровал Значит, сел, значит, сел, Если много знал Под расстрел, под расстрел! # 015

1964 Передо мной любой факирѣ

Передо мной любой факир - ну просто карлик, Я их держу за самых мелких фраеров, Возьмите мне один билет до Монте-Карло Я потревожу ихних шулеров! Не соблазнят меня ни ихние красотки, А на рулетку - только б мне взглянуть, Их банккометы мне вылизут подметки, А я на поезд - и в обратный путь. Играть я буду и на красных и на черных, И Монте-Карло я облажу все углы, Останутся у них в домах игорных Одни хваленые зеленые столы. Я привезу с собою массу впечатлений: Попью коктейли, послушаю джаз-банд, Я привезу с собою кучу ихних денег И всю валюту сдам в советский банк. Я говорю про все про это без ухарства Шутить мне некогда: мне "вышка" на носу, Но пользу нашему родному государству Наверняка я этим принесу! # 016

1964 В этом доме большом раньше пьянка былаі (Г.Епифанцеву)

В этом доме большом раньше пьянка была Много дней, много дней, Ведь в Каретном ряду первый дом от угла Для друзей, для друзей. За пьянками, гулянками, За банками, полбанками, За спорами, за ссорами, раздорами Ты стой на том, Что этот дом Пусть ночью, днем Всегда твой дом, И здесь не смотрят на тебя с укорами. И пускай иногда недовольна жена Но бог с ней, но бог с ней! Есть у нас нечто больше, чем рюмка вина, У друзей, у друзей. За пьянками, гулянками, За банками, полбанками, За спорами, за ссорами, раздорами Ты стой на том, Что этот дом Пусть ночью, днем Всегда твой дом, И здесь не смотрят на тебя с укорами. # 017

1964 Ну о чем с тобой говорить!

Ну о чем с тобой говорить! Все равно ты порешишь ахинею, Лучше я пойду к ребятам пить У ребят есть мысли поважнее. У ребят серьезный разговор Например, о том, кто пьет сильнее. У ребят широкий кругозор От ларька до нашей бакалеи. Разговор у нас и прям и груб Две проблемы мы решаем глоткой: Где достать недостающий рупь И - кому потом бежать за водкой. Ты даешь мне утром хлебный квас Ну что тебе придумать в оправданье! Интеллекты разные у нас, Повышай свое образованье! # 018

1964 Песня про Уголовный Кодекс

Нам ни к чему сюжеты и интриги: Про все мы знаем, про все, чего ни дашь. Я, например, на свете лучшей книгой Считаю Кодекс уголовный наш. И если мне нейдет и не спится Или с похмелья нет на мне лица Открою Кодекс на любой странице, И не могу - читаю до конца. Я не давал товарищам советы, Но знаю я - разбой у них в чести, Вот только что я прочитал про это: Не ниже трех, не свыше десяти. Вы вдумайтесь в простые эти строки Что нам романы всех времен и стран! В них есть бараки, длинные как сроки, Скандалы, драки, карты и обман... Сто лет бы мне не видеть этих строчек! За каждой вижу чью-нибудь судьбу, И радуюсь, когда статья - не очень: Ведь все же повезет кому-нибудь! И сердце стонет раненною птицей, Когда начну свою статью читать, И кровь в висках так ломится-стучится, Как мусора, когда приходят брать. # 019

1964 Песня про стукача

В наш тесный круг не каждый попадал, И я однажды - проклятая дата Его привел с собою и сказал: "Со мною он - нальем ему, ребята!" Он пил как все и был как будто рад, А мы - его мы встретили как

брата... А он назавтра продал всех подряд, Ошибся я - простите мне, ребята! Суда не помню - было мне невмочь, Потом - барак, холодный как могила, Казалось мне - кругом сплошная ночь, Тем более что так оно и было. Я сохраню хотя б остаток сил, Он думает - отсюда нет возврата, Он слишком рано нас похоронил, Ошибся он - поверьте мне, ребята! И день наступит - ночь не на года, Я попрошу, когда придет расплата: "Ведь это я привел его тогда И вы его отдайте мне, ребята!..." # 020

1964 Вот раньше жизни

Вот раньше жизнь! Вверх и вниз Идешь без конвоиров, Покуришь план, Пойдешь на бан И щиплешь пассажиров. А на разбой Берешь с собой Надежную шалаву, Потом - за грудь Кого-нибудь И делаешь варшаву. Пока следят, Пока грозят Мы это переносим. Наелся всласть, Но вот взялась "Петровка 38". Прошел детдом, тюрьму, приют, И срока не боялся, Когда ж везли в народный суд Немного волновался. Зачем нам врут: "Народный суд"! Народу я не видел, Судье простор, И прокурор Тотчас меня обидел. Ответил на вопросы я, Но приговор - с издевкой, И не согласен вовсе я С такой формулировкой! Не отрицаю я вины Не в первый раз садился, Но - написали, что с людьми Я грубо обходился. Неправда! - тихо подойдешь, Попросишь сторублевку... Причем тут нож, Причем грабеж? Меняй формулировку! Эх, был бы зал Я б речь сказал: "Товарищи родные! Зачем пенять Ведь вы меня Кормили и поили! Мне каждый деньги отдавал Без слез, угроз и крови... Огромное спасибо вам За все на добром слове!" И этот зал Мне б хлопать стал, И я б, прервав рыдания, Им тихим голосом сказал: "Спасибо за вниманье!" Ну правда ведь Неправда ведь, Что я - грабитель ловкий? Как людям мне в глаза смотреть С такой формулировкой?! # 021

1964 Я был слесарь шестого разряда

Я был слесарь шестого разряда, Я получки на ветер кидал, Получал я всегда сколько надо И плюс премию в каждый квартал. Если пьешь, - понимаете сами Должен чтой-то иметь человек, Ну, и кроме невесты в Рязани, У меня - две шалавы в Москве. Шлю посылки и письма в Рязань я, А шалавам - себя и вино, Каждый вечер - одно наказанье И всю ночь - истязанье одно. Вижу я, что здоровье тает, На работе - все брак и скандал, Никаких моих сил не хватает И плюс премии в каждый квартал. Синяки и морщины на роже, И сказал я тогда им без слов: На

фиг вас - мне здоровье дороже, Поищите других фраеров!.. Если б знали, насколько мне лучше, Как мне чудно - хоть кто б увидал: Я один пропиваю получку И плюс премию в каждый квартал! # 022

1964 О нашей встрече

О нашей встрече что там говорить! Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий, Но мы с тобою сразу стали жить, Не опасаясь пагубных последствий. Я сразу сузил круг твоих знакомств, Одед, обул и вытащил из грязи, Но за тобой тащился длинный хвост Длиннющий хвост твоих коротких связей. Потом, я помню, бил друзей твоих: Мне с ними было как-то неприятно, Хотя, быть может, были среди них Наверняка отличные ребята. О чем просила - делал мигом я, Я каждый день старался сделать ночью брачной. Из-за тебя под поезд прыгнул я, Но, слава богу, не совсем удачно. И если б ты ждала меня в тот год, Когда меня отправили на дачу, Я б для тебя украл весь небосвод И две звезды Кремлевские в придачу. И я клянусь - последний буду гад! Не ври, не пей - и я прощу измену, И подарю тебе Большой театр И Малую спортивную арену. А вот теперь я к встрече не готов: Боюсь тебя, боюсь речей интимных Как жители японских городов Боятся повторенья Хиросимы. # 023

1964 Все позади - и КПЗ, и суді

Все позади - и КПЗ, и суд, И прокурор, и даже судьи с адвокатом, Теперь я жду, теперь я жду - куда, куда меня пошлют, Куда пошлют меня работать за бесплатно. Мать моя - давай рыдать, Давай думать и гадать, Куда, куда меня пошлют. Мать моя - давай рыдать, А мне ж ведь в общем наплевать, Куда, куда меня пошлют. До Воркуты идут посылки долго, До Магадана - несколько скорей, Но там ведь все, но там ведь все такие падлы, суки, волки, Мне передач не видеть, как своих ушей. Мать моя - давай рыдать, Давай думать и гадать, Куда, куда меня пошлют. Мать моя - давай рыдать, А мне ж ведь в общем наплевать, Куда, куда меня пошлют. И вот уж слышу я: за мной идут Открыли дверь и сонного подняли, И вот сейчас, вот прям сейчас меня куда-то повезут, А вот куда - опять, паскуды, не сказали. Мать моя - опять рыдать, Опять думать и гадать, Куда, куда меня пошлют. Мать моя - опять рыдать, А мне ж ведь в общем наплевать, Куда, куда меня пошлют. И вот на месте мы - вокзал и брань, Но, слава богу, хоть с махрой не остро. И вот сказали нам, что нас везут туда - в Тьмутаракань Кудай-то там на Кольский полуостров. Мать моя - опять

рыдать, Опять думать и гадать, Куда, куда меня пошлют... Мать моя, кончай рыдать, Давай думать и гадать, Когда меня обратно привезут! # 024

1964 Рецидивист

Это был воскресный день - и я не лазил по карманам: В воскресенье - отдыхать, - вот мой девиз. Вдруг - свисток, меня хватают, обзывают хулиганом, А один узнал - кричит: "Рецидивист!" "Брось, товарищ, не ершись, Моя фамилия - Сергеев, Ну, а кто рецидивист Так я ж понятия не имею". И это был воскресный день, но мусора не отдыхают: У них тоже - план давай, хоть удавись, Ну а если перевыполнят, так их там награждают На вес золота там вор-рецидивист. С уваженьем мне: "Садись! Угощают "Беломором". Значит - ты рецидивист? Распишись под протоколом!" И это был воскресный день, светило солнце как бездельник, И все люди - кто с друзьями, кто с семьей, Ну а я сидел скучал, как в самый грустный понедельник: Мне майор попался очень деловой. "Сколько раз судились вы?" "Плохо я считать умею!" "Но все же вы - рецидивист?" "Да нет, товарищ, я - Сергеев". Это был воскресный день - а я потел, я лез из кожи, Но майор был в математике горазд: Он чего то там сложил, потом умножил, подытожил И сказал, что я судился десять раз. Подал мне начальник лист Расписался как умею Написал: "Рецидивист По фамилии Сергеев". И это был воскресный день, я был усталым и побитым, Но одно я знаю, одному я рад: В семилетний план поимки хулиганов и бандитов Я ведь тоже внес свой очень скромный вклад! # 025

1964 Помню, я однажды и в "очко", и в "стос" игралі

Помню, я однажды и в "очко", и в "стос" играл, А с кем играл - не помню этой стервы. Я ему тогда двух сук из зоны проиграл, Зря пошел я в пику, а не в черву! Я сперва как следует колоду стасовал, А потом я сделал ход неверный: Он рубли с Кремлем кидал, а я слюну глотал, И пошел я в пику, а не в черву! Руки задрожали, будто кур я воровал, Будто сел играть я в самый первый... Делать было нечего - и я его убрал, Зря пошел я в пику, а не в черву!... # 026

1964 Нам вчера прислали из рук вон плохую вестыі

Нам вчера прислали Из рук вон плохую весты: Нам вчера сказали, Что Алеха вышел весь. Как же так! Он Наде Говорил, что - пофартит, Что сыграет свадьбу На неделю загудит... Не видать девахе Этот

свадебный гудеж Потому что в драке Налетел на чей-то нож, Потому что - плохо, Хоть не первый раз уже Получал Алеха Дырки новые в душе. Для того ль он душу, Как рубаху, залатал, Чтоб его убила В пьяной драке сволота! Если б все в порядке Мы б на свадьбу нынче шли, И с ножом в лопатке Поутру его нашли. Что ж, поубивается Девчонка, поревет, Что ж, посомневается И слезы оботрет, А потом без вздоха Отопрет любому дверь... Ничего, Алеха, Все равно ему теперь! Мы его схороним очень скромно Что рыдать! Некому о нем и похоронную Послать, Потому - никто не знает, Где у Лехи дом, Вот такая смерть шальная Всех нас ждет потом. Что ж, поубивается Девчонка, поревет, Что ж, посомневается И слезы оботрет, А потом без вздоха Отопрет любому дверь, Бог простит, а Леха... Все равно ему теперь... # 027

1965 Войны и голодухи натерпелися мы всласть

Войны и голодухи натерпелися мы всласть, Наслышались, наелись уверений, И шлепнули царя, а после - временную власть, Потому что кончилось их время. А если кто-то где-нибудь надеется на что, Так мы тому заметим между прочим: Обрато ваше время не вернется ни за что Мы как-нибудь об этом похлопочем. Нам вовсе не ко времени вся временная власть Отныне власть советская над всеми. Которые тут временные, - слазь! А ну-ка слазь! Кончилось ваше время! # 001

1965 В куски разлетелася коронаї

В куски Разлетелася корона, Нет державы, нету трона, Жизнь, Россия и законы Все к чертям! И мы Словно загнанные в норы, Словно пойманные воры, Только - кровь одна с позором Пополам. И нам Ни черта не разобраться, С кем порвать и с кем остаться, Кто за нас, кого бояться, Где пути, куда податься, Не понять! Где дух? Где честь? Где стыд?! Где свои, а где чужие, Как до этого дожили, Неужели на Россию Нам плевать?! Позор Всем, кому покой дороже, Всем, кого сомнение гложет Может он или не может Убивать! Сигнал! И по-волчьи, и по-бычьи, И - как коршун на добычу, Только воронов покличем Пировать. Эй, вы! Где былая ваша твердость? Где былая ваша гордость? Отдыхать сегодня - подлость! Пистолет сжимает твердая рука. Конец! Всему конец! Все разбилось, поломалось, Нам осталось только малость Только выстрелить в висок иль во врага. # 002

1965 Песня матроса

Всю Россию до границы Царь наш кровью затопил, А жену свою - царицу Колька Гришке уступил. За нескладуху-неладуху Сочинителю по уху! Сочинитель - это я, А часового бить нельзя! # 003

1965 Мне ребята сказали про такую наколку!

Мне ребята сказали про такую наколку! На окраине, где даже нет фонарей. Если выгорит дело обеспечусь надолго, Обеспечу себя я и лучших друзей. Но в двенадцать часов Людям хочется спать Им назавтра вставать На работу, Не могу им мешать Не пойду воровать, Мне их сон нарушать Неохота! Мне ребята сказали, что живет там артистка, Что у ей - бриллианты, золотишко, денюга, И что все будет тихо, без малейшего риска, Ну а после, конечно, мы рванем на бега. Но в двенадцать часов Людям хочется спать И артистке вставать На работу, Не могу ей мешать Не пойду воровать, Мне ей сон нарушать Неохота! Говорил мне друг Мишка, что у ей есть сберкнижка, Быть не может, не может - наш артист не богат! "Но у ей - подполковник, он - ей-ей - ей любовник!" Этим доводом Мишка убедил меня, гад. Но в двенадцать часов Людям хочется спать Им назавтра вставать На работу, Ничего, не поспят! Я иду - сам не рад: Мне их сон нарушать Неохота! ...Говорил я ребятам, что она не богата: Бриллианты - подделка, подполковник сбежал. Ну а эта артистка лет примерно под триста, Не прощу себе в жизни, что ей спать помешал! Но в двенадцать часов Людям хочется спать Им назавтра вставать На работу, Не могу им мешать Не пойду воровать, Мне их сон нарушать Неохота! # 004

1965 Катерина, Катя, Катерина!

Катерина, Катя, Катерина! Все в тебе, ну все в тебе по мне! Ты как елка: стоишь рупь с полтиной, Нарядить - поднимешься в цене. Я тебя одену в пан и бархат, В пух и прах и богу душу, вот, Будешь ты не хуже, чем Тамарка, Что лишил я жизни в прошлый год. Ты не бойся, Катя, Катерина, Наша жизнь как речка потечет! Что там жизнь! Не жизнь наша - малина! Я ведь режу баб не каждый год. Катерина, хватит сомневаться, Разорву рубаху на груди! Вот им всем! Поехали кататься! Панихида будет впереди... # 005

1965 День рождения лейтенанта милиции в ресторане "Берлин"

Побудьте день вы в милицейской шкуре Вам жизнь покажется наоборот. Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, За тех, кто в МУРе никто не пьет. А за соседним столом - компания, А за соседним столом

- веселие, А она на меня - ноль внимания, Ей сосед ее шпарит Есенина. Побудьте день вы в милицейской шкуре Вам жизнь покажется наоборот. Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, За тех, кто в МУРе никто не пьет. Понимаю я, что в Тамаре - ум, Что у ей - диплом и стремления, И я вылил водку в аквариум: Пейте, рыбы, за мой день рождения! Побудьте день вы в милицейской шкуре Вам жизнь покажется наоборот. Давайте ж выпьем за тех, кто в МУРе, За тех, кто в МУРе никто не пьет... # 006

1965 Песня о нейтральной полосе

На границе с Турцией или с Пакистаном Полоса нейтральная; справа, где кусты, Наши пограничники с нашим капитаном, А на ихней стороне - ихние посты, А на нейтральной полосе - цветы Необычайной красоты! Капитанова невеста жить решила вместе Прикатила, говорит, "Милый!.." - то да се. Надо ж хоть букет цветов подарить невесте: Что за свадьба без цветов! - пьянка, да и все. А на нейтральной полосе - цветы Необычайной красоты! К ихнему начальнику, точно по повестке, Тоже баба прикатила - налетела блажь, Тоже "Милый" говорит, только по-турецки, Будет свадьба, говорит, свадьба - и шабаш! А на нейтральной полосе - цветы Необычайной красоты! Наши пограничники - храбрые ребята, Трое вызвались идти, а с ними капитан, Разве ж знать они могли про то, что азиаты Порешили в эту ночь вдарить по цветам! А на нейтральной полосе - цветы Необычайной красоты! Пьян от запаха цветов капитан мертвецки, Ну и ихний капитан тоже в доску пьян, Повалился он в цветы, охнув по-турецки, И, по-русски крикнув: "...мать!", рухнул капитан. А на нейтральной полосе - цветы Необычайной красоты! Спит капитан - и ему снится, Что открыли границу как ворота в Кремле, Ему и на фиг не нужна была чужая заграница Он пройтиться хотел по ничейной земле. Почему же нельзя? Ведь земля-то - ничья, Ведь она - нейтральная! А на нейтральной полосе - цветы Необычайной красоты! # 007

1965 Песня про снайпера, который через 15 лет после войны спился и сидит в ресторане

А ну-ка пей-ка, Кому не лень! Вам жизнь - копейка, А мне - мишень. Который в фетрах, Давай на спор: Я - на сто метров, А ты - в упор. Не та раскладка, Но я не трус. Итак, десятка Бубновый туз... Ведь ты же на спор Стрелял в упор, Но я ведь - снайпер, А ты - тапер.

Куда вам деться! Мой выстрел - хлоп! Девятка в сердце, Десятка - в лоб... И черной точкой На белый лист Легла та ночка На мою жисть! # 008

1965 У нас - у всех наземных жителейї

У нас - у всех, у всех, у всех, У всех наземных жителей, На небе есть - и смех и грех Ангелы-хранители. И ты, когда спился и сник, И если головой поник, Бежишь за отпущеньем, Твой ангел просит в этот миг У Господа прощенье. # 009

1965 Есть у всех, у дураковї

Есть у всех, у дураков И у прочих жителей Средь небес и облаков Ангелы-хранители. То же имя, что и вам, Ангелам присвоено: Если, скажем, я - Иван, Значит, он - Святой Иван. У меня есть друг, мозгуем Мы с Николкой все вдвоем, Мы на пару с ним воруем И на пару водку пьем. Я дрожал, а он ходил, Не дрожа нисколечко Видно, очень бог любил Николай Угодничка. После дела тяжкого Ох, завидовал я как... Вот святой Никола - во! Ну, а мой Иван - дурак. Я задумал ход такой, Чтоб заране причитать: Мне ж до бога далеко, А ему - рукой подать. А недавно снилось мне, И теперь мне кажется: Николай Угодник - не-, А Иван мой - пьяница. Но вчера патруль накрыл И меня, и Коленьку Видно, мой-то соблазнил Николай Угодника. Вот в тюрьме и ожидай Вдруг вы протрезвеете. Хоть пошли бы к Богу в Рай, Это ж вы умеете. Нет, надежды нет на вас! Сами уж отвертимся! На похмелку пьете квас Мы на вас не сердимся. # 010

1965 Дайте собакам мяса

Дайте собакам мяса Может, они подерутся. Дайте похмельным кваса Авось они перебьются. Чтоб не жиреть воронам Ставьте побольше пугал. Чтобы любить, влюбленным Дайте укромный угол. В землю бросайте зерна Может, появятся всходы. Ладно, я буду покорным Дайте же мне свободу! Псам мясные ошметки Дали - а псы не подрались. Дали пьяницам водки А они отказались. Люди ворон пугают Но воронье не боится. Пары соединяют А им бы разъединиться. Лили на землю воду Нету колосьев, - чудо! Мне вчера дали свободу Что я с ней делать буду?! # 011

1965 То была не интрижкаї

То была не интрижка, Ты была на ладошке, Как прекрасная книжка В грубой суперобложке. Я влюблен был как мальчик С тихим трепетом тайным Я читал наш романчик С неприличным названьем. Были

слезы, угрозы Все одни и все те же, В основном была проза, А стихи были реже. Твои бурные ласки И все прочие средства Это страшно, как в сказке Очень раннего детства. Я надеялся втайне, Что тебя не листали, Но тебя, как в читальне, Очень многие брали. Не дожидаться мне мига, Когда я с опозданием Сдам с рук на руки книгу С неприличным названьем. # 012

1965 Она на двор - он со двора

Она на двор - он со двора, Такая уж любовь у них. А он работает с утра, Всегда с утра работает. Ее никто и знать не знал, А он считал пропащею, А он носился и страдал Идеєю навязчивой: У ней отец - полковником, А у него - пожарником, Он, в общем, ей не ровня был, Но вел себя охальником. Роман случился просто так, Роман так странно начался: Он предложил ей четвертак Она давай артачиться... А черный дым все шел и шел, А черный дым взвивался вверх... И так им было хорошо Любить ее он клялся век. А клены длинные росли Считались колокольнями, А люди шли, а люди шли, Путями шли окольными... Какие странные дела У нас в России лепятся! А как она ему дала, Расскажут - не поверится... А после дела темного, А после дела крупного Искал места укромные, Искал места уютные. А если б наша власть была Для нас для всех понятная, То счастье б она нашла, А нынче жизнь - проклятая!.. # 013

1965 Попутчик

Хоть бы - облачко, хоть бы - тучка В этот год на моем горизонте, Но однажды я встретил попутчика Расскажу вам о нем, знакомьтесь. Он спросил: "Вам куда?" - "До Вологды", "Ну, до Вологды - это полбеды". Чемодан мой от водки ломится Предложил я, как полагается: "Может, выпить нам - познакомиться, Поглядим, кто быстрее сломается!.." Он сказал: "Вылезать нам в Вологде, Ну, а Вологда - это вона где!.." Я не помню, кто первый сломался, Помню, он подливал, поддакивал, Мой язык, как шнурок, развязался Я кого-то ругал, оплакивал... И проснулся я в городе Вологде, Но - убей меня - не припомню где. А потом мне пришили дельце По статье Уголовного кодекса, Успокоили: "Все перемелется", Дали срок - не дали опомниться. И остался я городе Вологде, Ну а Вологда - это вона где!.. Пятьдесят восьмую дают статью Говорят: "Ничего, вы так молоды..." Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, Он бы хрен доехал до Вологды! Он живет себе в городе Вологде, А я - на Севере, а Север - вона где! ...Все обиды мои - годы

стерли, Но живу я теперь, как в наручниках: Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика! Но живет он в городе Вологде,
А я - на Севере, а Север - вона где!.. # 014

1965 Смех, веселье, радость - у него все былої

Смех, веселье, радость У него все было, Но, как говорится,
жадность Фраера сгубила... У него - и то, и се, А ему - все мало! Ну,
так и накрылось все, Ничего не стало. # 015

1963, ред. 1965 Братские могилы

На братских могилах не ставят крестов, И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов, И Вечный огонь зажигают.
Здесь раньше вставала земля на дыбы, А нынче - гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы Все судьбы в единую слиты.
А в Вечном огне - видишь вспыхнувший танк, Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг, Горящее сердце солдата. У
братских могил нет заплаканных вдов Сюда ходят люди покрепче, На
братских могилах не ставят крестов... Но разве от этого легче?! # 016

1965 Ты не вейся, черный воронї

Ты не вейся, черный ворон, Не маши бойцу крылом, Не накличешь
сердцу горя, Все равно свое возьмем! В ночки темные, чужие, Все мне
снятся Жигули... Ой, не спите часовые, Как бы нас не обошли. # 017

1965 И фюрер кричал, от "завода" бледнеяї

И фюрер кричал, от "завода" бледнея, Стуча по своим телесам, Что
если бы не было этих евреев, То он бы их выдумал сам. Но вот
запускают ракеты Евреи из нашей страны. А гетто? Вы помните гетто
Во время и после войны? # 018

1965 Солдаты группы "Центр"

Солдат всегда здоров, Солдат на все готов, И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог. И не остановиться, И не сменить ноги, Сияют
наши лица, Сверкают сапоги! По выжженной равнине За метром метр
Идут по Украине Солдаты группы "Центр". На "первый-второй"
рассчитайсь! Первый-второй... Первый, шаг вперед! - и в рай. Первый-
второй... А каждый второй - тоже герой, В рай попадет вслед за тобой.
Первый-второй, Первый-второй, Первый-второй... А перед нами все
цветет, За нами все горит. Не надо думать - с нами тот, Кто все за нас
решит. Веселые - не хмурые Вернемся по домам, Невесты белокурые
Наградой будут нам! Все впереди, а ныне За метром метр Идут по
Украине Солдаты группы "Центр". На "первый-второй" рассчитайсь!

Первый-второй... Первый, шаг вперед! - и в рай. Первый-второй... А каждый второй - тоже герой, В рай попадет вслед за тобой. Первый-второй, Первый-второй, Первый-второй... # 019

1965 Высота

Вцепились они в высоту, как в свое. Огонь минометный, шквальный... А мы все лезли толпой на нее, Как на буфет вокзальный. И крики "ура" застывали во рту, Когда мы пули глотали. Семь раз занимали мы ту высоту Семь раз мы ее оставляли. И снова в атаку не хочется всем, Земля - как горелая каша... В восьмой раз возьмем мы ее насовсем Свое возьмем, кровное, наше! А может ее стороной обойти, И что мы к ней прицепились?! Но, видно, уж точно - все судьбы-пути На этой высотке скрестились. # 020

1965 Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог

Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог Кто считал, кто считал!.. Сообщается в сводках Информбюро Лишь про то, сколько враг потерял. Но не думай, что мы обошлись без потерь Просто так, просто так... Видишь - в поле застыл как подстреленный зверь, Весь в огне, искалеченный танк! Где ты, Валя Петров? - что за глупый вопрос: Ты закрыл своим танком брешь. Ну а в сводках прочтем: враг потери понес, Ну а мы - на исходный рубеж. # 021

1965 В тюрьме Таганской нас стало мало

В тюрьме Таганской нас стало мало Вести по-бабски нам не пристало. Дежурный по предбаннику Все бьет - хоть землю с мелом ешь, И я сказал охраннику: "Ну что ж ты, сука, делаешь?!" В тюрьме Таганской легавых нету, Но есть такие - не взвидишь свету! И я вчера напарнику, Который всем нам вслух читал, Как будто бы охраннику, Сказал, что он легавым стал. В тюрьме Таганской бывает хуже, Там каждый - волком, никто не дружит. Вчера я подстаканником По темечку по белому Употребил охранника: Ну что он, сука, делает?! # 022

1965 И. Кохановскому: Сыт я по горло, до подбородка

Сыт я по горло, до подбородка Даже от песен стал уставать, Лечь бы на дно, как подводная лодка, Чтоб не могли запеленговать! Друг подавал мне водку в стакане, Друг говорил, что это пройдет, Друг познакомил с Веркой по пьяни: Верка поможет, а водка спасет. Не помогли ни Верка, ни водка: С водки - похмелье, а с Верки - что взять! Лечь бы на дно, как подводная лодка, И позывных не передавать!.. Сыт

я по горло, сыт я по глотку Ох, надоело петь и играть, Лечь бы на дно,
как подводная лодка, Чтоб не могли запеленговать! # 023

1965 И. Кохановскому: Мой друг уедет в Магадані

Мой друг уедет в Магадан Снимите шляпу, снимите шляпу! Уедет
сам, уедет сам Не по этапу, не по этапу. Не то чтоб другу не везло, Не
чтоб кому-нибудь назло, Не для молвы: что, мол, - чужак, А просто так.
Быть может, кто-то скажет: "Зря! Как так решиться - всего лишиться!
Ведь там - сплошные лагеря, А в них - убийцы, а в них - убийцы..."
Ответит он: "Не верь молве Их там не больше, чем в Москве!" Потом
уложит чемодан, И - в Магадан. Не то чтоб мне - не по годам, Я б
прыгнул ночью из электрички, Но я не еду в Магадан, Забыв
привычки, закрыв кавычки. Я буду петь под струнный звон Про то, что
будет видеть он, Про то, что в жизни не видал, Про Магадан. Мой друг
поедет сам собой С него довольно, с него довольно, Его не будет бить
конвой Он добровольно, он добровольно. А мне удел от бога дан... А
может, тоже - в Магадан? Уехать с другом заодно И лечь на дно!.. # 024

1965 Перед выездом в загранку заполняешь кучу бланкові

Перед выездом в загранку Заполняешь кучу бланков Это еще не
беда, Но в составе делегаций С вами едет личность в штатском Просто
завсегда. А за месяц до вояжа Инструктаж проходишь даже Как там
проводить все дни: Чтоб поменьше безобразий, А потусторонних
связей Чтобы - ни-ни-ни! ...Личность в штатском - парень рыжий Мне
представился в Париже: "Будем с вами жить, я - Никодим. Вел
нагрузки, жил в Бобруйске, Папа - русский, сам я - русский, Даже не
судим". Исполнительный на редкость, Соблюдал свою секретность И
во всем старался мне помочь: Он теперь по роду службы Дорожил
моею дружбой Просто день и ночь. На экскурсию по Риму Я решил -
без Никодиму: Он всю ночь писал - и вот уснул, Но личность в
штатском, оказалось, Раньше боксом увлекалась Так что - не рискнул.
Со мной он завтракал, обедал, И везде - за мною следом, Будто у него
нет дел. Я однажды для порядку Заглянул в его тетрадку Просто
обалдел! Он писал - такая стервьва! Что в Париже я на мэра С кулаками
нападал, Что я к женщинам несдержан И влияниям подвержен Будто
Запада... Значит, личность может даже Заподозрить в шпионаже!.. Вы
прикиньте - что тогда? Это значит - не увижу Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!.. # 025

1965 Песня студентов-археологов

Наш Федя с детства связан был с землею Домой таскал и щебень и гранит... Однажды он принес домой такое, Что папа с мамой плакали навзрыд. Студентом Федя очень был настроен Поднять археологию на щит, Он в институт притаскивал такое, Что мы кругом все плакали навзрыд. Привез однажды с практики Два ржавых экспонатика И утверждал, что это - древний клад, Потом однажды в Элисте Нашел вставные челюсти Размером с самогонный аппарат. Диплом писал про древние святыни, о скифах, о языческих богах. При этом так ругался по-латыни, Что скифы эти корчились в гробах. Он древние строения Искал с остервенением И часто диким голосом кричал, Что есть еще пока тропа, Где встретишь питекантропа, И в грудь себя при этом ударял. Он жизнь решил закончить холостую И стал бороться за семейный быт. "Я, - говорил, - жену найду такую От зависти заплачете навзрыд!" Он все углы облазил - и В Европе был, и в Азии И вскоре откопал свой идеал, Но идеал связать не мог В археологии двух строк, И Федя его снова закопал. # 026

1965 В холода, в холодаі

В холода, в холода От насиженных мест Нас другие зовут города, Будь то Минск, будь то Брест, В холода, в холода... Неспроста, неспроста, От родных тополей Нас суровые манят места Будто там веселей, Неспроста, неспроста... Как нас дома ни грей Не хватает всегда Новых встреч нам и новых друзей, Будто с нами беда, Будто с ними теплей... Как бы ни было нам Хорошо иногда Возвращаемся мы по домам. Где же ваша звезда? Может - здесь, может - там... # 027

1965 В плен - приказ: не сдаватьсяі

В плен - приказ: не сдаваться! - они не сдаются, Хоть им никому не иметь орденов. Только черные вороны стаею выются Над трупами наших бойцов. Бог войны - по цепям на своей колеснице, И в землю уткнувшись солдаты лежат. Появились откуда-то белые птицы Над трупами наших солдат. После смерти - для всех свои птицы найдутся, Так и белые птицы - для наших бойцов. Ну а вороны - словно над падалью - выются Над черной колонной врагов. # 028

1965 Песня завистника

Мой сосед объездил весь Союз Что-то ищет, а чего - не видно, Я в дела чужие не суюсь, Но мне очень больно и обидно. У него на окнах - плюш и шелк, Баба его шастает в халате, Я б в Москве с киркой уран нашел При такой повышенной зарплате! И, сдается мне, что люди

врут, Он нарочно ничего не ищет: Для чего? - ведь денежки идут Ох, какие крупные деньжищи! А вчера на кухне ихний сын Головой упал у нашей двери И разбил нарочно мой графин, Я - мамаше счет в тройном размере. Ему, значит, - рупь, а мне - пятак?! Пусть теперь мне платит неустойку! Я ведь не из зависти, я так Ради справедливости, и только. ...Ничего, я им создам уют Живо он квартиру обменяет, У них денег - куры не клюют, А у нас - на водку не хватает! # 029

1965 Про черта

У меня запой от одиночества По ночам я слышу голоса... Слышу - вдруг зовут меня по отчеству, Глянул - черт, - вот это чудеса! Черт мне корчил рожи и моргал, А я ему тихонечко сказал: "Я, брат, коньяком напился вот уж как! Ну, ты, наверно, пьешь денатурат... Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка, Сядь со мной - я очень буду рад... Да неужели, черт возьми, ты трус?! Слезь с плеча, а то перекрещусь!" Черт сказал, что он знаком с Борисовым Это наш запойный управдом, Черт за обе щеки хлеб уписывал, Брезговать не стал и коньяком. Кончился коньяк - не пропадем, Съездим к трем вокзалам и возьмем. Я устал, к вокзалам черт мой съездил сам... Просыпаюсь - снова черт, - боюсь: Или он по новой мне пригрелся, Или это я ему кажусь. Черт ругнулся матом, а потом Целоваться лез, вилял хвостом. Насмеялся я над ним до колик И спросил: "Как там у вас в аду Отношение к нашим алкоголикам Говорят, их жарят на спирту?!" Черт опять ругнулся и сказал: "И там не тот товарищ правит бал!" ...Все кончилось, светлее стало в комнате, Черта я хотел опохмелять, Но растворился черт как будто в омуте... Я все жду - когда придет опять... Я не то чтоб чокнутый какой, Но лучше - с чертом, чем с самим собой. # 030

1965 Песня о сумасшедшем доме

Сказал себе я: брось писать, но руки сами просятся. Ох, мама моя родная, друзья любимые! Лежу в палате - косятся, не сплю: боюсь - набросятся, Ведь рядом - психи тихие, неизлечимые. Бывают психи разные не буйные, но грязные, Их лечат, морят голодом, их санитары бьют. И вот что удивительно: все ходят без смиренных И то, что мне приносится, все психи эти жрут. Куда там Достоевскому с "Записками" известными, Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы! И рассказать бы Гоголю про нашу жизнь убогую, Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы. Вот это мука, - плюй на них! они же

ведь, суки, буйные: Все норовят меня лизнуть, - ей-богу, нету сил! Вчера в палате номер семь один свихнулся насовсем Кричал: "Даешь Америку!" - и санитаров бил. Я не желаю славы, и пока я в полном здравии Рассудок не померк еще, но это впереди, Вот главврачиха - женщина пусть тихо, но помешана, Я говорю: "Сойду с ума!" - она мне: "Подожди!" Я жду, но чувствую - уже хожу по лезвию ноже: Забыл алфавит, падежей припомнил только два... И я прошу моих друзья, чтоб кто бы их бы ни был я, Забрать его, ему, меня отсюда! # 031

1965 Есть на земле предостаточно расі

Есть на земле предостаточно рас Просто цветная палитра, Воздуха каждый вдыхает за раз Два с половиною литра! Если так дальше, так - полный привет Скоро конец нашей эры: Эти китайцы за несколько лет Землю лишат атмосферы! Сон мне тут снился неделю подряд Сон с пробуждением кошмарным: Будто - я в дом, а на кухне сидят Мао Цзедун с Ли Сын Маном! И что - разделился наш маленький шар На три огромные части, Нас - миллиард, их - миллиард, А остальное - китайцы. И что - подают мне какой-то листок: На, мол, подписывай - ну же, Очень нам нужен ваш Дальний Восток Ах, как ужасно нам нужен!.. Только об этом я сне вспоминал, Только о нем я и думал, Я сослуживца недавно назвал Мао - простите - Цзедуном!

Но вскорости мы на Луну полетим, И что нам с Америкой драться: Левую - нам, правую - им, А остальное - китайцам. # 032

1966 Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате

Стоял тот дом, всем жителям знакомый, Его еще Наполеон застал, Но вот его назначили для слома, Жильцы давно уехали из дома, Но дом пока стоял... Холодно, холодно, холодно в доме. Парадное давно не открывалось, Мальчишки окна выбили уже, И штукатурка всюду осыпалась, Но что-то в этом доме оставалось На третьем этаже... Ахало, охало, ухало в доме. И дети часто жаловались маме И обходили дом тот стороной, Объединясь с соседними дворами, Вооружась лопатами, ломami, Вошли туда гурьбой Дворники, дворники, дворники тихо. Они стоят и недоумевают, Назад спешат, боязни не тая: Вдруг там Наполеонов дух витает! А может, это просто слуховая Галлюцинация?.. Боязно, боязно, боязно дворникам. Но наконец приказ о доме вышел, И вот рабочий - тот, что дом ломал, Ударил с маху гирею по крыше, А после клялся, будто бы услышал, Как кто-то

застонал Жалобно, жалобно, жалобно в доме. ...От страха дети больше не трясутся: Нет дома, что два века простоял, И скоро здесь по плану реконструкций Ввысь этажей десятки вознесутся Бетон, стекло, металл... Весело, здорово, красочно будет... # 001

1966 Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную

Десять тысяч - и всего один забег остался. В это время наш Бескудников Олег зазнался: Я, говорит, болен, бюллетеню, нету сил и сгинул. Вот наш тренер мне тогда и предложил: беги, мол. Я ж на длинной на дистанции помру не охну, Пробегу, быть может, только первый круг и сдохну! Но сурово эдак тренер мне: мол, на до, Федя, Главно дело - чтоб воля, говорит, была к победе. Воля волей, если сил невпроворот, а я увлекся: Я на десять тыщ рванул, как на пятьсот и спекся! Подвела меня - ведь я предупреждал! дыхалка: Пробежал всего два круга - и упал, а жалко! И наш тренер, экс- и вице-чемпион ОРУДа, Не пускать меня велел на стадион иуда! Ведь вчера еще мы брали с ним с тоски по банке А сегодня он кричит: "Меняй коньки На санки!" Жалко тренера - он тренер неплохой, ну и бог с ним! Я ведь нынче занимаюсь борьбой и боксом, Не имею больше я на счет на свой сомнений: Все вдруг стали очень вежливы со мной, и - тренер... # 002

1966 Бродят по свету люди разныеї

Бродят По свету люди разные, Грезят они о чуде Будет или не будет! Стук - и в этот вечер Вдруг тебя замечу! Вот это чудо. Да! Скачет По небу всадник облако, Плачет дождем и градом, Значит, на землю надо. Здесь чудес немало Есть - звезда упала. Вот и чудо. Да. Знаешь! Я с чудесами запросто... Хочешь, моргни глазами Тотчас под небесами! Я заклятье знаю, Ну скажи: "Желаю!" Вот и чудо. Да! # 003

1966 Вот и настал этот час опятьї

Вот и настал этот час опять, И я опять в надежде, Но... можешь ты - как знать! Не прийти совсем или опоздать! Но поторопись, постарайся прийти и прийти без опозданья, Мы с тобой сегодня обсудим лишь самую главную тему из тем. Ведь пойми: ты пропустишь не только час свиданья Можешь ты забыть, не прийти, не прийти, опоздать насовсем. Мне остается лишь наблюдать За посторонним счастьем, Но... продолжаю ждать Мне уж почти нечего терять. Ладно! Опоздай! Буду ждать! Приходи! Я как будто не замечу. И не беспокойся - сегодня стихами тебе не надоем! Ведь пойми: ты пропустишь не только эту

встречу Можешь ты забыть, не прийти, не прийти, опоздать насовсем. Диктор давно уж устал желать Людям спокойной ночи. Парк надо закрывать, Диктор хочет спать, а я буду ждать. Ничего, что поздно, я жду. Приходи, я как будто не замечу, Потому что точность, наверное, - свойство одних лишь королей, Ведь пойми: ты пропустишь не просто эту встречу!.. Так поторопись, я ведь жду, это нужно, как можно скорей! # 004

1966 Экспресс Москва - Варшава, тринадцатое местої

Экспресс Москва - Варшава, тринадцатое место, В приметы я не верю - приметы ни при чем: Ведь я всего до Минска, майор - всего до Бреста, Толкуем мы с майором, и каждый - о своем. Я ему про свои неполадки, Но ему незнакома печаль: Материально - он в полном порядке, А морально... Плевать на мораль! Майор неразговорчив - кончал войну солдатом, Но я ему от сердца - и потеплел майор. Но через час мы оба пошли ругаться матом, И получился очень конкретный разговор.

Майор чуть-чуть не плакал, что снова уезжает, Что снова под Берлином еще на целый год: Ему без этих немцев своих забот хватает, Хотя бы воевали, а то - наоборот... Майор сентиментален - не выдержали нервы: Жена ведь провожала, - я с нею говорил. Майор сказал мне после: "Сейчас не сорок первый, А я - поверишь, парень! - как снова пережил". # 005

1966 При всякой погоде - раз надо, так надої

При всякой погоде Раз надо, так надо Мы в море уходим Не на день, не на два. А на суше - ромашка и клевер, А на суше - поля залило, Но и птицы летят на Север, Если им надоест тепло. Не заходим мы в порты Раз надо, так надо, Не увидишь Босфор ты, Не увидишь Канады. Море бурное режет наш сейнер, И подчас без земли тяжело, Но и птицы летят на Север, Если им надоест тепло. По дому скучаешь Не надо, не надо, Зачем уплываешь Не на день, не на два! Ведь на суше - ромашка и клевер, Ведь на суше - поля залило... Но и птицы летят на Север, Если им надоест тепло. # 006

1966 Корабли постоят - и ложатся на курсї

Корабли постоят - и ложатся на курс, Но они возвращаются сквозь непогоды... Не пройдет и полгода - и я появлюсь, Чтобы снова уйти на полгода. Возвращаются все - кроме лучших друзей, Кроме самых любимых и преданных женщин. Возвращаются все - кроме тех, кто

нужней, Я не верю судьбе, а себе - еще меньше. Но мне хочется верить, что это не так, Что сжигать корабли скоро выйдет из моды. Я, конечно, вернусь - весь в друзьях и в делах Я, конечно, спою - не пройдет и полгода. Я, конечно, вернусь - весь в друзьях и в мечтах, Я, конечно, спою - не пройдет и полгода. # 007

1966 Быть может, о нем не узнают в странеї

Быть может, о нем не узнают в стране, И не споют в хоралах, Он брал производные даже во сне, И сдачу считал в интегралах. Но теория вероятности Вещь коварная, как США. У него одни неприятности, А приятностей - ни шиша! # 008

1966 Песня о сентиментальном боксере

Удар, удар... Еще удар... Опять удар - и вот Борис Буткеев (Краснодар) Проводит апперкот. Вот он прижал меня в углу, Вот я едва ушел... Вот апперкот - я на полу И мне нехорошо! И думал Буткеев, мне челюсть кроша: И жить хорошо, и жизнь хороша! При счете семь я все лежу Рыдают землячки. Встаю, ныряю, ухожу И мне идут очки. Неправда, будто бы к концу Я силы берегу, Бить человека по лицу Я с детства не могу. Но думал Буткеев, мне ребра круша: И жить хорошо, и жизнь хороша! В трибунах свист, в трибунах вой: "Ату его, он трус!" Буткеев лезет в ближний бой А я к канатам жмусь. Но он пролез - он сибиряк, Настырные они, И я сказал ему: "Чудак! Устал ведь - отдохни!" Но он не услышал - он думал, дыша: Что жить хорошо, и жизнь хороша

А он все бьет - здоровый, черт! Я вижу - быть беде. Ведь бокс не драка - это спорт Отважных и т. д. Вот он ударил - раз, два, три И... сам лишился сил, Мне руку поднял рефери, Которой я не бил. Лежал он и думал, что жизнь хороша, Кому хороша, а кому - ни шиша! # 009

1966 Проходят годы, прожитые всемії

Проходят годы, прожитые всеми, Но не у всех один и тот же срок. Когда сказал: а вот, мол, в наше время, То это значит, что подвел итог. Вот! В наше время все было не так По другим дорогам мы ходили. В наше время все было не так Мы другие слова говорили... В наше время все было не так. Мы не всегда чем старше, тем мудрее, Но почему-то - сразу не поймешь Мы часто вспоминаем наше время, Когда ругаем нашу молодежь. Да! В наше время все было не так По другим дорогам мы ходили. В наше время все было не так Мы другие слова говорили... В наше время все было не так. Конечно, неизбежно повторенье. Но

сетуя на тех, кто слишком юн, И часто говоря: "Вот в наше время..." Мы вспоминаем молодость свою. Нет! В наше время все было и так Мы по тем же дорогам ходили. В наше время бывало и так Мы и те же слова говорили... В наше время бывало и так. # 010

1966 Гитара

Один музыкант объяснил мне пространно, Что будто гитара свой век отжила, Заменят гитару электроорганы, Электророяль и электропила... Гитара опять Не хочет молчать Поет ночами лунными, Как в юность мою, Своими семью Серебряными струнами!.. Я слышал вчера - кто-то пел на бульваре: Был голос уверен, был голос красив, Но кажется мне - надоело гитаре Звенеть под его залихватский мотив. И все же опять Не хочет молчать Поет ночами лунными, Как в юность мою, Своими семью Серебряными струнами!.. Электророяль мне, конечно, не пара Другие появятся с песней другой, Но кажется мне - не уйдем мы с гитарой В заслуженный и нежеланный покой. Гитара опять Не хочет молчать Поет ночами лунными, Как в юность мою, Своими семью Серебряными струнами!.. # 011

1966 Здравствуйте, наши добрые зрители!

Здравствуйте, Наши добрые зрители, Наши строгие критики! Вы увидите фильм Про последнего самого жулика. Жулики Это люди нечестные, Они делают пакости, И за это их держат в домах, Называемых тюрьмами. Тюрьмы Это крепкие здания, Окна, двери - с решетками, Лучше только смотреть, Лучше только смотреть на них. Этот фильм Не напутствие юношам, А тем более девушкам, Это, Это просто игра, Вот такая игра. Жулики Иногда нам встречаются, Правда, реже значительно, Реже, чем при царе Или, скажем, в Америке. Этот фильм Не считайте решением: Все в нем - шутка и вымысел, Это, Это просто игра, Вот такая игра. # 012

1966 Здесь сидел ты, Валет!

Здесь сидел ты, Валет, Тебе счастья нет, Тебе карта всегда не в цвет. Наши общие дни Ты в душе сохрани И за карты меня извини! На воле теперь вы меня забываете, Вы порасползлись все по семьям в дома, Мои товарищи, по старой памяти, Я с вами веду разговор по душам. # 013

1966 О вкусах не спорят

О вкусах не спорят: есть тысяча мнений Я этот закон на себе испытал, Ведь даже Эйнштейн, физический гений, Весьма

относительно все понимал. Оделся по моде, как требует век, Вы скажете сами: "Да это же просто другой человек!" А я - тот же самый.

Вот уж действительно Все относительно, Все-все, все. Набедренный пояс из шкуры пантеры, О да, неприлично, согласен, ей-ей, Но так одевались все до нашей эры, А до нашей эры - им было видней. Оделся по моде как в каменный век, Вы скажете сами: "Да это же просто другой человек!" А я - тот же самый. Вот уж действительно Все относительно, Все-все, все. Оденусь как рыцарь и после турнира Знакомые вряд ли узнают меня, И крикну, как Ричард я в драме Шекспира: "Коня мне! Полцарства даю за коня!" Но вот усмехнется и скажет сквозь смех Ценитель упрямый: "Да это же просто другой человек!" А я - тот же самый. Вот уж действительно Все относительно, Все-все, все. Вот трость, канотье - я из нэпа, - похоже? Не надо оваций - к чему лишний шум! Ах, в этом костюме узнали, - ну что же, Тогда я одену последний костюм. Долой канотье, вместо тросточки - стек, И шепчутся дамы: "Да это же просто другой человек!" А я - тот же самый. Вот уж действительно Все относительно, Все-все, все. # 014

1966 Прошлое остается только здесь

Прошлое остается только здесь - в музее древностей, Люди постепенно привыкают к чудесам, Время наступает такое, что каждому - по потребности... А у меня потребность - все вернуть по адресам. Вот она, собственность разных людей. Вещи, как вы сохранились? Я эту собственность сделал своей Но времена изменились. Хватит гоняться за мной по пятам, Мрачное напоминание! Хватит с меня - ты останешься там, В этой приятной компании. Ты приходил, чтобы сбить с меня спесь, Шел к своей цели упрямо... Я уйду, ты останешься здесь: Место твое среди хлама. # 015

1966 Вот что: Жизнь прекрасна, товарищи

Вот что: Жизнь прекрасна, товарищи, И она удивительно, И она коротка, Это самое-самое главное. Этого В фильме прямо не сказано, Может, вы не заметили И решили, что не было Самого-самого главного? Может быть, В самом деле и не было, Было только желание, Значит, Значит, это для вас Будет в следующий раз. И вот что: Человек человечеству Друг, товарищ и брат у нас, Друг, товарищ и брат, Это самое-самое главное. Труд нас Должен облагораживать, Он из всех из нас делает Настоящих людей, Это самое-самое главное. Правда вот, В фильме этого не было Было только желание, Значит, Значит, это для

вас Будет в следующий раз. Мир наш Колыбель человечества, Но не век находиться нам В колыбели своей, Циолковский сказал еще. Скоро Даже звезды далекие Человечество сделает Достояньем людей, Это самое-самое главное. Этого В фильме прямо не сказано Было только желание, Значит, Значит, это для вас Будет в следующий раз. # 016

1966 Каждому хочется малость погретьсяї

Каждому хочется малость погреться Будь ты хоть гомо, хоть тля, В космосе шастали как-то пришельцы Вдруг впереди Земля, Наша родная Земля! Быть может, окончился ихний бензин, А может, заглохнул мотор, Но навстречу им вышел какой-то кретин И затеял отчаянный спор... Нет бы - раскошелиться, И накормить пришельца... Нет бы - раскошелиться, А он - ни мычит, ни телится! Не важно что пришельцы Не ели черный хлеб, Но в их тщедушном тельце Огромный интеллект. И мозгу у пришельцев Килограмм примерно шесть, Ну, а у наших предков Только челюсти и шерсть. Нет бы - раскошелиться, И накормить пришельца... Нет бы - раскошелиться, А он - ни мычит, ни телится! Обидно за предков! # 017

1966 Песня космических негодяев

Вы мне не поверите и просто не поймете: В космосе страшней, чем даже в дантовском аду, По пространству-времени мы прем на звездолете, Как с горы на собственном заду. Но от Земли до Беты - восемь ден, Ну а до планеты Эпсилон Не считаем мы, чтоб не сойти с ума. Вечность и тоска - ох, влипли как! Наизусть читаем Киплинга, А вокруг - космическая тьма. На земле читали в фантастических романах Про возможность встречи с иноземным существом, Мы на Земле забыли десять заповедей рваных, Нам все встречи с ближним нипочем! Но от Земли до Беты - восемь ден, Ну а до планеты Эпсилон Не считаем мы, чтоб не сойти с ума. Вечность и тоска - ох, влипли как! Наизусть читаем Киплинга, А вокруг - космическая тьма. Нам прививки сделаны от слез и грез дешевых, От дурных болезней и от бешеных зверей, Нам плевать из космоса на взрывы всех сверхновых На Земле бывало веселей! Но от Земли до Беты - восемь ден, Ну а до планеты Эпсилон Не считаем мы, чтоб не сойти с ума. Вечность и тоска - ох, влипли как! Наизусть читаем Киплинга, А вокруг - космическая тьма. Прежнего, земного не увидим небосклона, Если верить рассказам ученых чудаков, То, когда вернемся мы, по всем по их законам На Земле пройдет семьсот веков! То-то есть смеяться

отчего: На Земле бояться нечего На Земле нет больше тюрем и дворцов. На Бога уповали бедного, Но теперь узнали: нет его Ныне, присно и во век веков! # 018

1966 В далеком созвездии Тау Кита

В далеком созвездии Тау Кита Все стало для нас непонятно, Сигнал посылаем: "Вы что это там?" А нас посылают обратно. На Тау Ките Живут в тесноте Живут, между прочим, по-разному Товарищи наши по разуму. Вот, двигаясь по световому лучу Без помощи, но при посредстве, Я к Тау Кита этой самой лечу, Чтоб с ней разобраться на месте. На Тау Кита Чегой-то не так Там таукитайская братия Свихнулась, - по нашим понятиям. Покамест я в анабиозе лежу, Те таукитяне буянят, Все реже я с ними на связь выхожу: Уж очень они хулиганят. У таукитов В алфавите слов Немного, и строй - буржуазный, И юмор у них - безобразный. Корабль посадил я как собственный зад, Слегка покривив отражатель. Я крикнул по-таукитянки: "Виват!" Что значит по-нашему - "Здрасьте!". У таукитян Вся внешность - обман, Тут с ними нельзя состязаться: То явятся, то растворятся... Мне таукитянин - как вам папуас, Мне вкратце об них намекнули. Я крикнул: "Галактике стыдно за вас!" В ответ они чем-то мигнули. На Тау Ките Условья не те: Тут нет атмосферы, тут душно, Но таукитяне радушны. В запале я крикнул им: мать вашу, мол!.. Но кибернетический гид мой Настолько буквально меня перевел, Что мне за себя стало стыдно. Но таукиты Такие скоты Наверно, успели набраться: То явятся, то растворятся... "Вы, братья по полу, - кричу, - мужики! Ну что..." - тут мой голос сорвался, Я таукитянку схватил за грудки: "А ну, - говорю,- признавайся!.." Она мне: "Уйди!" Мол, мы впереди Не хотим с мужчинами знаться, А будем теперь почковаться! Не помню, как поднял я свой звездолет, Лечу в настроенье питейном: Земля ведь ушла лет на триста вперед, По гнусной теории Эйнштейна! Что, если и там, Как на Тау Кита, Ужасно повысилось знанье, Что, если и там - почкованье?! # 019

1966 А люди все роптали и роптали

А люди все роптали и роптали, А люди справедливости хотят: "Мы в очереди первыми стояли, А те, кто сзади нас, уже едят!" Им объяснили, чтобы не ругаться: "Мы просим вас, уйдите, дорогие! Те, кто едят - ведь это иностранцы, А вы, прошу прощенья, кто такие?" Но люди все роптали и роптали, Но люди справедливости хотят: "Мы в

очереди первыми стояли, А те, кто сзади нас, уже едят!" Им снова объяснил администратор: "Я вас прошу, уйдите, дорогие! Те, кто едят, - ведь это ж делегаты, А вы, прошу прощения, кто такие?" А люди все роптали и роптали, Но люди справедливости хотят: "Мы в очереди первыми стояли, А те, кто сзади, нас уже едят..." # 020

1966 Песня о друге

Если друг оказался вдруг И не друг, и не враг, а так; Если сразу не разберешь, Плох он или хорош, Парня в горы тьяни рискни! Не бросай одного его: Пусть он в связке в одной с тобой Там поймешь, кто такой. Если парень в горах не ах, Если сразу раскис и вниз, Шаг ступил на ледник и сник, Оступился - и в крик, Значит, рядом с тобой чужой, Ты его не брани гони. Вверх таких не берут и тут Про таких не поют. Если ж он не скулил, не ныл, Пусть он хмур был и зол, но шел. А когда ты упал со скал, Он стонал, но держал; Если шел он с тобой как в бой, На вершине стоял - хмельной, Значит, как на себя самого Положись на него! # 021

1966 Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной Идут лавины одна за одной. И здесь за камнепадом ревет камнепад, И можно свернуть, обрыв обогнуть, Но мы выбираем трудный путь, Опасный, как военная тропа!. Кто здесь не бывал, кто не рисковал Тот сам себя не испытал, Пусть даже внизу он звезды хватал с небес: Внизу не встретишь, как не тянись, За всю свою счастливую жизнь Десятой доли таких красот и чудес. Нет алых роз и траурных лент, И не похож на монумент Тот камень, что покой тебе подарил, Как Вечным огнем, сверкает днем Вершина изумрудным льдом Которую ты так и не покорил. И пусть говорят, да, пусть говорят, Но - нет, никто не гибнет зря! Так лучше - чем от водки и от простуд. Другие придут, сменив уют На риск и непомерный труд, Пройдут тобой не пройденный маршрут. Отвесные стены... А ну - не зевай! Ты здесь на везение не уповай В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала, Надеемся только на крепость рук, На руки друга и вбитый крюк И молимся, чтобы страховка не подвела. Мы рубим ступени... Ни шагу назад! И от напряженья колени дрожат, И сердце готово к вершине бежать из груди. Весь мир на ладони - ты счастлив и нем И только немного завидуешь тем, Другим - у которых вершина еще впереди. # 022

1966 Военная песня

Мерцал закат, как сталь клинка. Свою добычу смерть считала. Бой будет завтра, а пока Взвод зарывался в облака И уходил по перевалу. Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там... Ведь это наши горы Они помогут нам! А до войны - вот этот склон Немецкий парень брал с тобою, Он падал вниз, но был спасен, А вот теперь, быть может, он Свой автомат готовит к бою. Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там... Ведь это наши горы Они помогут нам! Ты снова здесь, ты собран весь Ты ждешь заветного сигнала. А парень тот - он тоже здесь. Среди стрелков из "Эдельвейс", Их надо сбросить с перевала! Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там... Ведь это наши горы Они помогут нам! Взвод лезет вверх, а у реки Тот, с кем ходил ты раньше в паре. Мы ждем атаки до тоски, А вот альпийские стрелки Сегодня что-то не в ударе... Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там... Ведь это наши горы Они помогут нам! # 023

1966 Скалолазка

Я спросил тебя: "Зачем идете в горы вы? А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой, Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово..." Рассмеялась ты - и взяла с собой. И с тех пор ты стала близкая и ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя, Первый раз меня из пропасти вытаскивая, Улыбалась ты, скалолазка моя! А потом за эти проклятые трещины, Когда ужин твой я нахваливал, Получил я две короткие затрещины Но не обиделся, а приговаривал: "Ох, какая же ты близкая и ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя!.." Каждый раз меня по трещинам выискивая, Ты бранила меня, альпинистка моя! А потом на каждом нашем восхождении Но почему ты ко мне недоверчивая?! Страхovala ты меня с наслаждением, Альпинистка моя, гуттаперчевая! Ох, какая ты не близкая, не ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя! Каждый раз меня из пропасти вытаскивая, Ты учила меня, скалолазка моя. За тобой тянулся из последней силы я До тебя уже мне рукой подать, Вот долезу и скажу: "Довольно, милая!" Тут сорвался вниз, но успел сказать: "Ох, какая ты близкая и ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя!.." Мы теперь одной веревкой связаны Стали оба мы скалолазками! # 024

1966 Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин Возвращаемся мы - просто некуда деться! И спускаемся вниз с покоренных вершин, Оставляя в горах свое сердце. Так оставьте ненужные споры Я себе уже все

доказал: Лучше гор могут быть только горы, На которых еще не бывал. Кто захочет в беде оставаться один, Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?! Но спускаемся мы с покоренных вершин, Что же делать - и боги спускались на землю. Так оставьте ненужные споры Я себе уже все доказал: Лучше гор могут быть только горы, На которых еще не бывал. Сколько слов и надежд, сколько песен и тем Горы будят у нас - и зовут нас остаться! Но спускаемся мы - кто на год, кто совсем, Потому что всегда мы должны возвращаться. Так оставьте ненужные споры Я себе уже все доказал: Лучше гор могут быть только горы, На которых никто не бывал! # 025

1966 Свои обиды каждый человек

Свои обиды каждый человек Проходит время - и забывает. А моя печаль - как вечный снег: Не тает, не тает. Не тает она и летом В полуденный зной, И знаю я: печаль-тоску мне эту Век носить с собой. # 026

1966 Она была в Париже (Л.Лужиной)

Наверно, я погиб: глаза закрою - вижу. Наверно, я погиб: робею, а потом Куда мне до нее - она была в Париже, И я вчера узнал - не только в нем одном! Какие песни пел я ей про Север дальний! Я думал: вот чуть-чуть - и будем мы на ты, Но я напрасно пел о полосе нейтральной Ей глубоко плевать, какие там цветы. Я спел тогда еще - я думал, это ближе "Про счетчик", "Про того, кто раньше с нею был"... Но что ей до меня - она была в Париже, Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил! Я бросил свой завод, хоть, в общем, был не вправе, Засел за словари на совесть и на страх... Но что ей оттого - она уже в Варшаве, Мы снова говорим на разных языках... Приедет - я скажу по-польски: "Прошу пани, Прими таким, как есть, не буду больше петь..." Но что ей до меня - она уже в Иране, Я понял: мне за ней, конечно, не успеть! Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, Да, я попал впросак, да, я попал в беду!.. Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, Пусть пробуют они - я лучше пережду! # 027

1966 Возле города Пекина

Возле города Пекина Ходят-бродят хунвейбины, И старинные картины Ищут-рыщут хунвейбины, И не то чтоб хунвейбины Любят статуи, картины: Вместо статуй будут урны "Революции культурной". И ведь главное, знаю отлично я, Как они произносятся, Но чтой-то весьма неприличное На язык ко мне просится: Хун-вей-бины... Вот

придумал им забаву Ихний вождь товарищ Мао: Не ходите, дети, в школу, Приходите бить крамолу! И не то чтоб эти детки Были вовсе - малолетки, Изрубили эти детки Очень многих на котлетки! И ведь главное, знаю отлично я, Как они произносятся, Но чтой-то весьма неприличное На язык ко мне просится: Хун-вей-бины... Вот немного посидели, А теперь похулиганим Что-то тихо, в самом деле, Думал Мао с Ляо Бянем, Чем еще уконтрапупишь Мировую атмосферу: Вот еще покажем крупный кукиш СэШэА и эСэСэРу! И ведь главное, знаю отлично я, Как они произносятся, Но чтой-то весьма неприличное На язык ко мне просится: Хун-вей-бины... # 028

1966 Про дикого вепря

В королевстве, где все тихо и складно, Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь, Появился дикий вепрь огромный То ли буйвол, то ли бык, то ли тур. Сам король страдал желудком и астмой, Только кашлем сильный страх наводил, А тем временем зверюга ужасный Коих ел, а коих в лес волочил. И король тотчас издал три декрета: "Зверя надо одолеть наконец! Вот кто отчаётся на это, на это, Тот принцессу поведет под венец". А в отчаявшемся том государстве Как войдешь, так прямо наискосок В бесшабашной жил тоске и гусарстве Бывший лучший, но опальный стрелок. На полу лежали люди и шкуры, Пели песни, пили меды - и тут Протрубили во дворце трубадуры, Хвать стрелка - и во дворец волокут. И король ему прокашлял: "Не буду Я читать тебе морали, юнец, Но если завтра победишь чуду-юду, То принцессу поведешь под венец". А стрелок: "Да это что за награда?! Мне бы - выкатить портвейна бадью!" Мол, принцессу мне и даром не надо, Чуду-юду я и так победю! А король: "Возьмешь принцессу - и точка! А не то тебя раз-два - и в тюрьму! Ведь это все-же королевская дочка!.." А стрелок: "Ну хоть убей - не возьму!" И пока король с ним так препирался, Съел уже почти всех женщин и кур И возле самого дворца ошивался Этот самый то ли бык, то ли тур. Делать нечего - портвейн он отспорил, Чуду-юду уложил - и убег.. Вот так принцессу с королем опозорил Бывший лучший, но опальный стрелок. # 029

1966 Парус. Песня беспокойства

А у дельфина Врезано брюхо винтом! Выстрела в спину Не ожидает никто. На батарее Нету снарядов уже. Надо быстрее На вираже! Парус! Порвали парус! Каюсь! каюсь! каюсь! Даже в дозоре Можешь не встретить врага. Это не горе Если болит нога. Петли

дверные Многим скрипят, многим поют: Кто вы такие? Здесь вас не ждут! Парус! Порвали парус! Каюсь! каюсь! каюсь! Многие лета Тем, кто поет во сне! Все части света Могут лежать на дне, Все континенты Могут гореть в огне, Только все это Не по мне! Парус! Порвали парус! Каюсь! каюсь! каюсь! # 030

1966 У домашних и хищных зверей

У домашних и хищных зверей Есть человеческий вкус и запах. А целый век ходить на задних лапах Это грустная участь людей. Сегодня зрители, сегодня зрители Не желают больше видеть укротителей. А если хочется поукрощать Работай в розыске, - там благодать! У немногих приличных людей Есть человеческий вкус и запах, А каждый день ходить на задних лапах Это грустная участь зверей. Сегодня жители, сегодня жители Не желают больше видеть укротителей. А если хочется поукрощать Работай в цирке, - там благодать! # 031

1966 Сколько лет, сколько лет - все одно и то же

Сколько лет, сколько лет Все одно и то же: Денег нет, женщин нет, Да и быть не может. Сколько лет воровал, Сколько лет старался, Мне б скопить капитал Ну а я спивался. Ни кола ни двора И ни рожи с кожей, И друзей - ни хера, Да и быть не может. Сколько лет воровал, Сколько лет старался, Мне б скопить капитал Ну а я спивался ... Только - водка на троих, Только - пика с червой, Комом - все блины мои, А не только первый. # 032

1966 Холодно, метет кругом

Холодно, метет кругом, я мерзну и во сне, Холодно и с женщиной в постели... Встречу ли знакомых я - морозно мне, Потому что все обледенели. # 033

1966 Гололед

Гололед на земле, гололед Целый год напролет гололед. Будто нет ни весны, ни лета В саван белый одета планета Люди, падая, бьются об лед. Гололед на Земле, гололед Целый год напролет гололед. Гололед, гололед, гололед Целый год напролет, целый год. Даже если всю Землю - в облет, Не касаясь планеты ногами, Не один, так другой упадет На поверхность, а там - гололед! И затопчут его сапогами. Гололед на Земле, гололед Целый год напролет гололед. Гололед, гололед, гололед Целый год напролет, целый год. Только - лед, словно зеркало, лед, Но на детский каток не похоже, Может - зверь не упавши

пройдет... Гололед! - и двуногий встает На четыре конечности тоже. Гололед на Земле, гололед Целый год напролет гололед. Гололед, гололед, гололед Целый год напролет, целый год. # 034

1966 Дела (В. Абдулову)

Дела! Меня замучили дела - каждый миг, каждый час, каждый день, Дотла Сгорело время, да и я - нет меня, - только тень, только тень! Ты ждешь... А может, ждать уже устал - и ушел или спишь, Ну что ж, Быть может, мысленно со мною говоришь... Теперь Ты должен вечер мне один подарить, подарить, Поверь, Мы будем только говорить! Опять! Все время новые дела у меня, все дела и дела... Догнать, Или успеть, или найти... Нет, опять не нашла, не нашла! Беда! Теперь мне кажется, что мне не успеть за судьбой Всегда Последний в очереди ты, дорогой! Теперь Ты должен вечер мне один подарить, подарить, Поверь, Мы будем только говорить! Подруг Давно не вижу - все дела у меня, без конца все дела, И вдруг Сгорели пламенем дотла все дела, - не дела, а зола! Весь год Он ждал, но дольше ждать и дня не хотел, не хотел, И вот Не стало вовсе у меня больше дел. Теперь Ты должен вечер мне один подарить, подарить, Поверь, Что мы не будем говорить! # 035

1966 Пародия на плохой детектив

Опасаясь контрразведки, избегая жизни светской, Под английским псевдонимом "мистер Джон Ланкастер Пек", Вечно в кожаных перчатках - чтоб не делать отпечатков, Жил в гостинице "Советской" несоветский человек. Джон Ланкастер в одиночку, преимущественно ночью, Щелкал носом - в ем был спрятан инфракрасный объектив, А потом в нормальном свете представало в черном цвете То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив: Клуб на улице Нагорной - стал общественной уборной, Наш родной Центральный рынок - стал похож на грязный склад, Искаженный микропленкой, ГУМ - стал маленькой избенкой, И уж вспомнить неприлично, чем предстал театр МХАТ. Но работать без подручных - может, грустно, а может скучно, Враг подумал - враг был дока, - написал фиктивный чек, И, где-то в дебрях ресторана гражданина Епифана Сбил с пути и с панталыку несоветский человек. Епифан казался жадным, хитрым, умным, плотоядным, Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел. В общем так: подручный Джона был находкой для шпиона, Так случиться может с каждым - если пьян и мягкотел! "Вот и первое задание: в три пятнадцать возле бани Может, раньше, а может, позже -

остановится такси, Надо сесть, связать шофера, разыграть простого вора, А потом про этот случай растреляют по "Би-би-си". И еще. Побрейтесь свежее, и на выставке в Манеже К вам приблизится мужчина с чемоданом - скажет он: "Не хотите ли черешни?" Вы ответите: "Конечно", Он вам даст батон с взрывчаткой - принесете мне батон. А за это, друг мой пьяный, - говорил он Елифану, Будут деньги, дом в Чикаго, много женщин и машин!" ...Враг не ведал, дурачина: тот, кому все поручил он, Был - чекист, майор разведки и прекрасный семьянин. Да, до этих штук мастер этот самый Джон Ланкастер!.. Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек Обезврежен он, и даже он пострижен и посажен, А в гостинице "Советской" поселился мирный грек. # 036

1966 Нынче очень сложный век

Нынче очень сложный век. Вот - прохожий... Кто же он? Может, просто человек, Ну а может быть, шпион! # 037

1966 Чем и как, с каких позиций

Чем и как, с каких позиций Оправдаешь тот поход? Почему мы от границы Шли назад, а не вперед? Может быть, считать маневром, Мудрой тактикой какой Только лучше б в сорок первом Дратся нам не под Москвой... Но в виски, как в барабаны, Бьется память, рвется в бой, Только меньше ноют раны: Четверть века - срок большой. Москвичи писали письма, Что Москвы врагу не взять. Наконец разобрались мы, Что назад уже нельзя. Нашу почту почтальоны Доставляли через час. Слишком быстро, лучше б годы Эти письма шли от нас. Мы, как женщин, боя ждали, Врывшись в землю и снега, И виновных не искали, Кроме общего врага. И не находили места Ну, скорее, хоть в штыки! Отступавшие от Бреста И - сибирские полки. Ждали часа, ждали мига Наступленья - столько дней!.. Чтоб потом писал в книгах: "Беспримерно по своей..." По своей громадной вере, По желанью отомстить, По таким своим потерям, Что ни вспомнить, ни забыть. Кто остался с похоронной, Прочитал: "Ваш муж, наш друг..." Долго будут по вагонам Кто без ног, а кто без рук. Память вечная героям Жить в сердцах, спокойно спать... Только б лучше б под Москвою Нам тогда не воевать. ...Помогите хоть немного Оторвите от жены. Дай вам бог! Поверишь в бога, Если это бог войны. # 038

1966 Случай в ресторане

В ресторане по стенкам висят тут и там "Три медведя", "Заколотый витязь"... За столом одиноко сидит капитан. "Разрешите?" - спросил я. "Садитесь! ...Закури!" - "Извините, "Казбек" не курю..." "Ладно, выпей, - давай-ка посуду!.. Да пока принесут... Пей, кому говорю! Будь здоров!" - "Обязательно буду!" "Ну, так что же, - сказал, захмелев, капитан, Водку пьешь ты красиво, однако. А видал ты вблизи пулемет или танк? А ходил ли ты, скажем, в атаку? В сорок третьем под Курском я был старшиной, За моею спиной - такое... Много всякого, брат, за моею спиной, Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!" Он ругался и пил, он спросил про отца, И кричал он, уставясь на блюдо: "Я полжизни отдал за тебя, подлеца, А ты жизнь прожигаешь, иуда! А винтовку тебе, а послать тебя в бой?! А ты водку тут хлещешь со мною!.." Я сидел как в окопе под Курской дугой Там, где был капитан старшиною. Он все больше хмелел, я - за ним по пятам, Только в самом конце разговора Я обидел его - я сказал: "Капитан, Никогда ты не будешь майором!.." # 039

1966 Вот - главный вході

Вот - главный вход, но только вот Упрашивать - я лучше сдохну, Хожу я через черный ход, А выходить стараюсь в окна. Не вгоняю я в гроб никого, Но вчера меня, тепленького Хоть бываю и хуже я сам, Оскорбили до ужаса. И, плюнув в пьяное мурло И обвязав лицо портьерой, Я вышел прямо сквозь стекло В объяття к милиционеру. И меня - окровавленного, Всенародно прославленного, Прямо как был я - в амбиции Довели до милиции. И, кулаками покарав И попинав меня ногами, Мне присудили крупный штраф За то, что я нахулиганил. А потом - перевязанному, Несправедливо наказанному Сердобольные мальчишки Дали спать на диванчике. Проснулся я - еще темно, Успел поспать и отдохнуть я, Я встал и, как всегда, - в окно, А на окне - стальные прутья! И меня - патентованного, Ко всему подготовленного, Эти прутья печальные Ввергли в бездну отчаянья. А рано утром - верь не верь Я встал, от слабости шатаясь, И вышел в дверь - я вышел в дверь! С тех пор в себе я сомневаюсь. В мире - тишь и безветрие, Тишина и симметрия, На душе моей - тягостно, И живу я безрадостно. # 040

1966 Песня-сказка о нечисти

В заповедных и дремучих, страшных Муромских лесах Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх: Воет воем, что твои

упокойники, Если есть там соловьи - то разбойники. Страшно, аж жуть! В заколдованных болотах там кикиморы живут, Защекочат до икоты и на дно уволочут. Будь ты пеший, будь ты конный заграбастают, А уж лешие - так по лесу и шастают. Страшно, аж жуть! А мужик, купец и воин попадал в дремучий лес, Кто зачем: кто с перепую, а кто сдуру в чащу лез. По причине пропадали, без причины ли, Только всех их и видали - словно сгнули. Страшно, аж жуть! Из заморского из лесу где и вовсе сущий ад, Где такие злые бесы чуть друг друга не едят, Чтоб творить им совместное зло потом, Поделиться приехали опытом. Страшно, аж жуть! Соловей-разбойник главный им устроил буйный пир, А от них был Змей трехглавый и слуга его - Вампир, Пили зелье в черепах, ели бульники, Танцевали на гробах, богохульники! Страшно, аж жуть! Змей Горыныч взмыл на дерево, ну - раскачивать его: "Выводи, Разбойник, девок, пусть покажут кой-чего! Пусть нам лешие попляшут, попоют! А не то я, мать вашу, всех сгною!" Страшно, аж жуть! Все взревели, как медведи: "Натерпелись - сколько лет! Ведьмы мы али не ведьмы, Патриоты али нет?! Налил бельма, ишь ты, клещ, - отоварился! А еще на наших женщин позарился!.." Страшно, аж жуть! Соловей-разбойник тоже был не только лыком шит, Гикнул, свистнул, крикнул: "Рожа, ты, заморский, паразит! Убирайся без боя, уматывай И Вампира с собою прихватывай!" Страшно, аж жуть! ...А теперь седые люди помнят прежние дела: Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела, Прекратилось навек безобразие Ходит в лес человек безбоязненно, И не страшно ничуть! # 041

1966 Что сегодня мне суды и заседанья

Что сегодня мне суды и заседанья Мчусь галопом, закусивши удила: У меня приехал друг из Магадана Так какие же тут могут быть дела! Он привез мне про колымскую столицу небылицы, Ох, чего-то порасскажет он про водку мне в охотку! Может, даже прослезится долгожданная девица Комом а горле ей рассказы про Чукотку. Не начну сегодня нового романа, Плюнь в лицо от злости - только вытрусь я: У меня не каждый день из Магадана Приезжают мои лучшие друзья. Спросит он меня, конечно, как ребята, все в порядке! И предложит рюмку водки без опаски я в завязке. А потом споем на пару ну конечно, дай гитару! "Две гитары", или нет - две новых сказки. Не уйду - пускай решит, что прогадала, Ну и что же, что она его ждала: У

меня приехал друг из Магадана Попрошу не намекать, - что за дела! Он приехал не на день - он все успеет, он умеет! У него на двадцать дней командировка правда ловко? Он посмотрит все хоккеи поболает, похудеет, У него к большому старту подготовка. Он стихов привез небось - два чемодана, Хорошо, что есть кому его встречать! У меня приехал друг из Магадана, Хорошо, что есть откуда приезжать! # 042

1966 Забыли

Икона висит у них в левом углу Наверно, они молокане, Лежит мешковина у них на полу, Затапанная каблуками. Кровати да стол - вот и весь их уют, И две - в прошлом винные - бочки, Я словно попал в инвалидный приют Прохожий в крахмальной сорочке. Мне дали вино - и откуда оно! На рубль - два здоровых кувшина, А дед - инвалид без зубов и без ног Глядел мне просительно в спину. "Желаю удачи!" - сказал я ему. "Какая там на хрен удача!" Мы выпили с ним, посидели в дыму, И начал он сразу, и начал!.. "А что, - говорит, - мне дала эта власть За зубы мои и за ноги! А дел - до черта, - напиваешься всласть И роешь культями дороги. Эх, были бы ноги - я б больше успел, Обил бы я больше порогов! Да толку, я думаю, - дед просипел, Да толку б и было немного". "Что надобно, дед?" - я спросил старика. "А надобно самую малость: Чтоб - бог с ним, с ЦК, - но хотя бы ЧК Судьбою заинтересовалась..." # 043

1966 Подымайте руки, в урны суйтеї

Подымайте руки, в урны суйте Бюллетени, даже не читав, Помереть от скуки! Голосуйте, Только, чур, меня не приплюсуйте: Я не разделяю ваш Устав! # 044

1966 Машины идутї

Машины идут, вот еще пронеслась Все к цели конечной и четкой, Быть может, из песни Анчарова - МАЗ, Грузеный каспийской селедкой. Хожу по дорогам, как нищий с сумой, С умом экономлю копейку И силы расходую тоже с умом, И кутаю крик в телогрейку. Куда, я, зачем? - можно жить, если знать. И можно - без всякой натуги Проснуться и встать, если мог бы я спать, И петь, если б не было вьюги. # 045

1966 {К 50-летию Г.М. Ронинсона} Готлибу Михайловичу в день его (Готлиба Михайловича) пятидесятилетия

Если болен глобально ты Или болен физически, Заболел эпохально ты Или периодически. Не ходи ты по частникам, Не плати ты им

грошики. Иди к Гоше, несчастненький, Тебя вылечит Гошенька. # 046
1966 {О процессах над А.Синявским и Ю.Даниэлем}

Вот и кончился процесс, Не слышать овацию Без оваций все и без
Права на кассацию. Изругали в пух и прах, И статья удобная: С
поражением в правах И тому подобное. Посмотреть продукцию: Что в
ней там за трещина, Контр- ли революция, Анти- ли советчина? Но
сказали твердо: "Нет! Чтоб ни грамма гласности!" Сам все знает
Комитет Нашей безопасности. Кто кричит: "Ну то-то же! Поделом,
нахлебники! Так-то, перевертыши! Эдак-то, наследники". "Жили, -
скажут, - тятями! Сколько злобы в бестиях!" Прочитав с цитатами Две
статьи в "Известиях". А кто кинет в втихаря Клич про конституцию,
"Что ж, - друзьям шепнет, - зазря Мерли в революцию?!..." По
парадным, по углам Чуть повольнодумствуют: "Снова - к старым
временам..." И опять пойдут в уют. А Гуревич говорит: "Непонятно,
кто хитрей? Как же он - антисемит, Если друг его - еврей? Может быть,
он даже был Мужества немало! Шверубович-то сменил Имя на
Качалова..." Если это, так сказать, "Злобные пародии", Почему б не
издавать Их у нас на Родине? И на том поставьте крест! Ишь, умы
кольщутся! В лагерях свободных мест Поискать - отыщутся. Есть
Совет - они сидят, Чтоб "сидели" с пользой, На счету у них лежат
Суммы грандиозные, Пусть они получают враз Крупный куш обломится,
И валютный наш запас Очень пополнится. # 047

1967 Песенка про йогов

Чем славится индийская культура? Ну, скажем, - Шива - многорук,
клькаст... Еще артиста знаем - Радж Капура, И касту йогов - странную
из каст. Говорят, что раньше йог мог Ни черта не бравши в рот год, А
теперь они рекорд бьют Все едят и целый год пьют! А что же мы? И
мы не хуже многих Мы тоже можем много выпивать, И бродят
многочисленные йоги Их, правда, очень трудно распознать. Очень
много может йог штук: Вот один недавно лег вдруг, Третий день уже
летит, стыд! Ну, а он себе лежит спит. Я знаю, что у них секретов
много, Поговорить бы с йогом тет-на-тет, Ведь даже яд не действует на
йога: На яды у него иммунитет. Под водой не дышит час раз, Не
обидчив на слова два, Если чует, что старик вдруг Скажет: "стоп!", и в
тот же миг труп! Я попросил подвыпившего йога (Он бритвы, гвозди
ел, как колбасу): "Послушай, друг, откройся мне - ей-бога, С собой в
могилу тайну унесу!" Был ответ на мой вопрос прост, Но поссорились
мы с ним в дым, Я бы мог открыть ответ тот, Но йог велел хранить
секрет, вот... # 001

1967 Профессионалы

Профессионалам зарплата навалом, Плевать, что на лед они зубы плюют. Им платят деньжищи огромные тыщи, И даже за проигрыш, и за ничью. Игрок хитер - пусть берет на корпус, Бьет в зуб ногой и - ни в зуб ногой, А сам в итоге калечит ноги И вместо клюшки идет с клюкой. Профессионалам, отчаянным малым, Игра - лотерея, - кому повезет. Играют с партнером как бык с матадором, Хоть, кажется, принято - наоборот. Как будто мертвый лежит партнер твой. И ладно, черт с ним - пускай лежит. Не оплошай, бык, бог хочет шайбы, Бог на трибуне - он не простит! Профессионалам судья криминалом Ни бокс не считает, ни злой мордобой, И с ними лет двадцать кто мог потягаться Как школьнику драться с отборной шпаной?! Но вот недавно их козырь главный Уже не козырь, а так, - пустяк, И их оружием теперь не хуже Их бьют, к тому же - на скоростях. Профессионалы в своем Монреале Пускай разбивают друг другу носы, Но их представитель (хотите - спросите!) Недавно заклеен был в две полосы. Сперва распластан, а после - пластырь... А ихний пастор - ну как назло! Он перед боем знал, что слабо им, Молились строем - не помогло. Профессионалам по разным каналам То много, то мало - на банковский счет, А наши ребята за ту же зарплату Уже пятикратно уходят вперед! Пусть в высшей лиге плетут интриги И пусть канадским зовут хоккеей За нами слово, до встречи снова! А футболисты - до лучших дней... # 002

1967 Песня-сказка про джина

У вина достоинства, говорят, целебные, Я решил попробовать - бутылку взял, открыл... Вдруг оттуда вылезло чтой-то непотребное: Может быть, зеленый змий, а может - крокодил! Если я чего решил - я выпью обязательно, Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно! А оно - зеленое, пахучее, противное Прыгало по комнате, ходило ходуном, А потом послышалось пенье заунывное И виденье оказалось грубым мужиком! Если я чего решил - я выпью обязательно, Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно! И если б было у меня времени хотя бы час Я бы дворников позвал бы с метлами, а тут Вспомнил детский детектив - "Старика Хоттабыча" И спросил: "Товарищ ибн, как тебя зовут?" Если я чего решил - я выпью обязательно, Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно! "Так, что хитрость, - говорю, - брось свою иудину Прямо, значит, отвечай: кто тебя послал, Кто загнал

тебя сюда, в винную посудину, От кого скрывался ты и чего скрывал?" Тот мужик поклоны бьет, отвечает вежливо: "Я не вор, я не шпион, я вообще-то - дух, За свободу за мою - захотите ежели вы Изобью за вас любого, можно даже двух!" Тут я понял: это - джин, - он ведь может многое Он ведь может мне сказать: "Враз озолочу!"... "Ваше предложение, - говорю, - убогое. Морды будем после бить - я вина хочу! Ну а после - чудеса по такому случаю: Я до небес дворец хочу - ты на то и бес!..." А он мне: "Мы таким делам вовсе не обучены, Кроме мордобитиев - никаких чудес!" "Врешь!" - кричу. "Шалишь!" - кричу. Но и дух - в амбицию, Стукнул раз - специалист! - видно по нему. Я, конечно, побежал - позвонил в милицию. "Убивают, - говорю, - прямо на дому!" Вот они подъехали - показали аспиду! Супротив милиции он ничего не смог: Вывели болезного, руки ему - за спину И с размаху кинули в черный воронок. ...Что с ним стало? Может быть, он в тюрьме мается, Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке посидеть! Ну а может, он теперь боксом занимается, Если будет выступать - я пойду посмотреть! # 003

1967 Вы учтите, я раньше был стойкомі

Вы учтите, я раньше был стойком, Физзарядкой я - систематически... А теперь ведь я стал параноиком И морально слабей и физически. Стал подвержен я всяким шатаниям И в физическом смысле и в нравственном, Расшатал свои нервы и знания, Приходить стали чаще друзья с вином... До сих пор я на жизнь не сетовал: Как приказ на работе - так премия. Но... связался с гражданкой этой вот, Обманувшей меня без зазрения. ...Я женился с завидной поспешностью, Как когда-то на бабушке - дедушка. Оказалось со всей достоверностью, Что была она вовсе не девушка, Я был жалок, как нищий на паперти, Ведь она похвалялась невинностью! В загсе я увидал в ее паспорте Два замужества вместе с судимостью. Но клялась она мне, что любимый я, Что она - работающая, скромная, Что мужа ее были фиктивные, Что судимости - только условные. И откуда набрался терпенья я, Когда мать ее - подлая женщина Поселилась к нам без приглашения И сказала: "Так было обещано!" Они с мамой отдельно обедают, Им, наверное, очень удобно тут, И теперь эти женщины требуют Разделить мою мебель и комнату. ...И надеюсь я на справедливое И скорейшее ваше решение. Я не вспыльчивый и не трусливый я И созревший я для преступления! # 004

1967 Песня о вещем Олеге

Как ныне собирается вещей Олег Щита прибавать на ворота, Как вдруг подбегает к нему человек И ну шепелявить чего-то. "Эй, князь, - говорит ни с того ни с сего, Ведь примешь ты смерть от коня своего!" Но только собрался идти он на вы Отмщать неразумным хазарам, Как вдруг прибежали седые волхвы, К тому же разя перегаром, И говорят ни с того ни с сего, Что примет он смерть от коня своего. "Да кто вы такие, откуда взялись?! Дружина взялась за нагайки, Напился, старик, - так пойдя похмелись, И неча рассказывать байки И говорить ни с того ни с сего, Что примет он смерть от коня своего!" Ну, в общем, они не носили голов, Шутить не можете с князьями! И долго дружина топтала волхвов Своими гнедыми конями: Ишь, говорят ни с того ни с сего, Что примет он смерть от коня своего! А вещей Олег свою линию гнул, Да так, что никто и не пикнул, Он только однажды волхвов вспомянул, И то - саркастически хмыкнул: Ну надо ж болтать ни с того ни с сего, Что примет он смерть от коня своего! "А вот он, мой конь - на века опочил, Один только череп остался!.." Олег преспокойно стопу возложил И тут же на месте скончался: Злая гадюка кусила его И принял он смерть от коня своего. ...Каждый волхвов покарать норовит, А нет бы - послушаться, правда? Олег бы послушал - еще один щит Прибил бы к вратам Цареграда. Волхвы-то сказали с того и с сего, Что примет он смерть от коня своего! # 005

1967 Песня о вещи Кассандре

Долго Троя в положении осадном Оставалась неприступною твердыней, Но троянцы не поверили Кассандре, Троя, может быть, стояла б и поныне. Без умолку безумная девица Кричала: "Ясно вижу Троя, павшей в прах!" Но ясновидцев - впрочем, как и очевидцев Во все века сжигали люди на кострах. И в ночь, когда из чрева лошади на Троя Спустилась смерть, как и положено, крылата, Над избиваемой безумною толпою Кто-то крикнул: "Это ведьма виновата!" Без умолку безумная девица Кричала: "Ясно вижу Троя, павшей в прах!" Но ясновидцев - впрочем, как и очевидцев Во все века сжигали люди на кострах. И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту Когда сбылись все предсказания на славу, Толпа нашла бы подходящую минуту, Чтоб учинить свою привычную расправу. Без умолку безумная девица Кричала: "Ясно вижу Троя, павшей в прах!" Но ясновидцев - впрочем, как и очевидцев Во все века сжигали люди на кострах. Конец простой -

хоть не обычный, но досадный: Какой-то грек нашел Кассандрину обитель, И начал пользоваться ей, не как Кассандрой, А как простой и ненасытный победитель. Без умолку безумная девица Кричала: "Ясно вижу Троию, павшей в прах!" Но ясновидцев - впрочем, как и очевидцев Во все века сжигали люди на кострах. # 006

1967 Два письма

I. Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный! Во первых строках письма шлю тебе привет. Вот приедешь ты, боюсь, занятой, нарядный Не заглянешь и домой, - сразу в сельсовет. Как уехал ты - я в крик, - бабы прибежали. "Ой, разлуки, - говорят, - ей не перенести". Так скучала за тобой, что меня держали, Хоть причины не скучать очень даже есть. Тут Пашка приходил - кум твой окаянный, Еле-еле не далась - даже щас дрожу. Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный Перед тем как приставать, пьет для куражу. Ты, болтают, получил премию большую; Будто Борька, наш бугай, - первый чемпион... К злыдню этому быку я тебя ревную И люблю тебя сильнее, нежели чем он. Ты приснился мне во сне - пьяный, злой, угрюмый, Если думаешь чего - так не мучь себя: С агрономом я прошла, - только ты не думай Говорили мы весь час только про тебя. Я-то ладно, а вот ты - страшно за тебя-то: Тут недавно приезжал очень важный чин, Так в столице, говорит, всякие развраты, Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин. Ты уж Коля, там не пей - потерпи до дому, Дома можно хоть чего: можешь - хоть в запой! Мне не надо никого - даже агроному, Хоть культурный человек - не сравню с тобой. Наш амбар в дожди течет - прохудился, верно, Без тебя невоготу - кто создаст уют?! Хоть какой, но приезжай - жду тебя безмерно! Если можешь, напиши - что там продают. II. Не пиши мне про любовь - не поверю я: Мне вот тут уже дела твои прошлые. Слушай лучше: тут - с лавсаном материя, Если хочешь, я куплю - вещь хорошая. Водки я пока не пью - ну ни стопочки! Экономлю и не ем даже супу я, Потому что я куплю тебе кофточку, Потому что я люблю тебя, глупая. Был в балете, - мужики девок лапают. Девки - все как на подбор - в белых тапочках. Вот пишу, а слезы душат и капают: Не давай себя хватать, моя лапочка! Наш бугай - один из первых на выставке. А сперва кричали - будто бракованный, Но очухались - и вот дали приз-таки: Весь в медалях он лежит, запакованный. Председателю скажи, пусть избу мою Кроет нынче же, и пусть травку выкосют, А не то я телок крыть -

не подумаю: Рекордсмена портить мне - на-кось, выкуси! Пусть починют наш амбар - ведь не гнить зерну! Будет Пашка приставать - с им как с предателем! С агрономом не гуляй, - ноги выдерну, Можешь раза два пройтись с председателем. До свидания, я - в ГУМ, за покупками: Это - вроде наш лабаз, но - со стеклами... Ты мне можешь надоесть с полущубками, В сером платье с узорами блеклыми. ...Тут стоит культурный парк по-над речкою, В ем гуляю - и плюю только в урны я. Но ты, конечно, не поймешь - там, за печкою, Потому - ты темнота некультурная. # 007

1967 Случай на шахте

Сидели пили вразнобой "Мадеру", "старку", "зверобой" И вдруг нас всех зовут в забой, до одного: У нас - стахановец, гагановец, Загладовец, - и надо ведь, Чтоб завалило именно его. Он - в прошлом младший офицер, Его нам ставили в пример, Он был, как юный пионер - всегда готов, И вот он прямо с корабля Пришел стране давать угля, А вот сегодня - наломал, как видно, дров. Спустились в штрек, и бывший зек Большого риска человек Сказал: "Беда для нас для всех, для всех одна: Вот раскопаем - он опять Начнет три нормы выполнять, Начнет стране угля давать - и нам хана. Так что, вы, братцы, - не стараться, А поработаем с прохладцей Один за всех и все за одного". ...Служил он в Таллине при Сталине Теперь лежит заваленный, Нам жаль по-человечески его... # 008

1967 Ой, где был я вчера

Ой, где был я вчера - не найду, хоть убей! Только помню, что стены - с обоями, Помню - Клавка была, и подруга при ей, Целовался на кухне с обоими. А наутро я встал Мне давай сообщать, Что хозяйку ругал, Всех хотел застращать, Будто голым скакал, Будто песни орал, А отец, говорил, У меня - генерал! А потом рвал рубаху и бил себя в грудь, Говорил, будто все меня продали, И гостям, говорят, не давал продыхнуть Донимал их блатными аккордами. А потом кончил пить Потому что устал, Начал об пол крушить Благородный хрусталь, Лил на стены вино, А кофейный сервиз, Растворивши окно, Взял да выбросил вниз. И никто мне не мог даже слова сказать. Но потом потихоньку оправились, Навалились гурьбой, стали руки вязать, А потом уже - все позабавились. Кто - плевал мне в лицо, А кто - водку лил в рот, А какой-то танцор Бил ногами в живот... Молодая вдова, Верность мужу храня, Ведь живем одна Пожалела меня. И бледнел я

на кухне разбитым лицом, Делал вид, что пошел на попятную, "Развяжите, - кричал, - да и дело с концом!" Развязали, - но вилки попрятали. Тут вообще началось Не опишешь в словах, И откуда взялось Столько силы в руках! Я как раненый зверь Напоследок чудил: Выбил окна и дверь И балкон уронил. Ой, где был я вчера - не найду днем с огнем! Только помню, что стены - с обоями, И осталось лицо - и побои на нем, Ну куда теперь выйти с побоями! ...Если правда оно Ну, хотя бы на треть, Остается одно: Только лечь помереть! Хорошо, что вдова Все смогла пережить, Пожалела меня И взяла к себе жить. # 009

1967 Зарисовка о Ленинграде

В Ленинграде-городе у Пяти Углов Получил по морде Саня Соколов: Пел немзыкально, скандалил, Ну и, значит, правильно, что дали. В Ленинграде-городе тишь и благодать! Где шпана и воры где? Просто не видать! Не сравнить с Афинами прохладно, Правда - шведы с финнами, ну ладно! В Ленинграде-городе как везде, такси, Но не остановите даже не проси! Если сильно водку пьешь по пьянке Не захочешь, а дойдешь к стоянке! # 010

1967 Сказка о несчастных сказочных персонажах

На краю края земли, где небо ясное Как бы вроде даже сходит за кордон, На горе стояло здание ужасное, Издаля напоминавшее ООН. Все сверкает как зарница Красота, - но только вот В этом здании царица В заточении живет. И Кощей Бессмертный грубую животную Это здание поставил охранять, Но по-своему несчастное и кроткое, Может, было то животное - как знать! От большой тоски по маме Вечно чудище в слезах, Ведь оно с семьей главами, О пятнадцати глазах. Сам Кощей (он мог бы раньше - врукопашную) От любви к царице высох и увял Стал по-своему несчастным старикашкой, Ну а зверь - его к царице не пускал. "Пропусти меня, чего там. Я ж от страсти трепещу!.." "Хоть снимай меня с работы Ни за что не пропущу!" Добрый молодец Иван решил попасть туда: Мол, видали мы кощеев, так-растак! Он все время: где чего - так сразу шасть туда, Он по-своему несчастный был - дурак! То ли выпь захохотала, То ли филин заикал, На душе тоскливо стало У Ивана-дурака. Начались его подвиги напрасные, С баб-ягами никчemuшная борьба, Тоже ведь она по-своему несчастная Эта самая лесная гольтьба. Скольких ведьмочек пошибнул! Двух молоденьких, в соку, Как увидел утром - всхлипнул:

Жалко стало, дураку! Но, однако же, приблизился, дремотное Состоянье превозмог свое Иван, В уголку лежало бедное животное, Все главы свои склонившее в фонтан. Тут Иван к нему сизает Рубит головы спеша, И к Кощею подступает, Кладенцом своим маша. И грозит он старику двухтыщелетнему. "Щас, - говорит, - бороду-то мигом обстригу! Так умри ты, сгинь, Кощей!" А тот в ответ ему: "Я бы - рад, но я бессмертный - не могу!" Но Иван себя не помнит: "Ах ты, гнусный фабрикант! Вон настроил сколько комнат, Девку спрятал, интриган! Я dokonчу дело, взявши обязательство!.." И от этих-то несслыханных речей Умер сам Кощей, без всякого вмешательства, Он неграмотный, отсталый был Кощей. А Иван, от гнева красный, Пнул Кощея, плюнул в пол И к по-своему несчастной Бедной узнице взошел!.. # 011

1967 Запретили все цари всем царевичамі

Запретили все цари всем царевичам Строго-настроого ходить по Гуревичам, К Рабиновичам не сметь, тоже - к Шифманам! Правда, Шифманы нужны лишь для рифмы нам. В основном же речь идет за Гуревичей: Царский род ну так и прет к ихней девичьей Там три дочки - три сестры, три красавицы... За царевичей цари опасаются. И Гуревичи всю жизнь озабочены: Хоть живьем в гробы ложись из-за доченок! Не устали бы про них песню петь бы мы, Но назвали всех троих дочек ведьмами. И сожгли всех трех цари их, умеючи, И рыдали до зари все царевичи, Не успел растаять дым костров еще А царевичи пошли к Рабиновичам. Там три дочки - три сестры, три красавицы. И опять, опять цари опасаются... Ну, а Шифманы смекнули - и Жмеринку Вмиг покинули, махнули в Америку. # 012

1967 Бывало, Пушкина читалі

Бывало, Пушкина читал всю ночь до зорь я Про дуб зеленый и про цепь златую там. И вот сейчас я нахожусь у Лукоморья, Командированный по пушкинским местам. Мед и пиво предпочел зелью приворотному, Хоть у Пушкина прочел: "Не попало в рот ему..." Правда, пиво, как назло, Горьковато стало, Все ж не можно, чтоб текло Прямо куда попало! Работал я на ГЭСах, ТЭЦах и каналах, Я видел всякое, но тут я онемел: Зеленый дуб, как есть, был весь в инициалах, А Коля Волков здесь особо преуспел. И в поэтических горячих моих жилах, Разгоряченных после чайной донельзя, Я начал бешено копать в старожилах, Но, видно, выпала мне горькая стезя. Лежали

банки на невидимой дорожке, А изб на ножках - здесь не видели таких. Попались две худые мартовские кошки, Просил попеть, но результатов никаких. # 013

1967 Лукоморья больше нет (Антисказка)

Лукоморья больше нет, От дубов простыл и след, Дуб годится на паркет так ведь нет: Выходили из избы Здоровенные жлобы Порубили все дубы на гробы. Ты уймись, уймись, тоска У меня в груди! Это - только присказка, Сказка - впереди. Распрекрасно жить в домах На куриных на ногах, Но явился всем на страх вертопрах, Добрый молодец он был Бабку Ведьму подпоил, Ратный подвиг совершил, дом спалил. Тридцать три богатыря Порешили, что зазря Берегли они царя и моря, Каждый взял себе надел Кур завел - и в ем сидел, Охраняя свой удел не у дел. Ободрав зеленый дуб, Дядька ихний сделал сруб, С окружающими туп стал и груб, И ругался день деньской Бывший дядька их морской, Хоть имел участок свой под Москвой. Здесь и вправду ходит Кот, Как направо - так поет, Как налево - так загнет анекдот, Но, ученый сукин сын, Цепь золотую снес в торгсин, И на выручку - один в магазин. Как-то раз за божий дар Получил он гонорар, В Лукоморье перегар на гектар! Но хватил его удар, Чтоб избежать больших кар, Кот диктует про татар мемуар. И Русалка - вот дела! Честь недолго берегла И однажды, как могла, родила, Тридцать три же мужука Не желают знать сынка, Пусть считается пока сын полка. Как-то раз один Колдун Врун, болтун и хохотун Предложил ей как знаток дамских струн: Мол, Русалка, все пойму И с дитем тебя возьму, И пошла она к ему как в тюрьму. Бородатый Черномор Лукоморский первый вор Он давно Людмилу спер, ох хитер! Ловко пользуется, тать, Тем, что может он летать: Зазеваешься - он хватить! и тикать. А коверный самолет Сдан в музей в запрошлый год Любознательный народ так и прет! Без опаски старый хрыч Баб ворует, хнычь не хнычь, Ох, скорей ему накличь паралич! Нету мочи, нету сил, Леший как-то недопил Лешачиху свою бил и вопил: "Дай рубля, прибью а то, Я добытчик али кто?! А не дашь - тады пропью долото!" "Я ли ягод не носил?! Снова Леший голосил. А коры по сколько кил приносил! Надрывался - издаля, Все твоей забавы для, Ты ж жалеешь мне рубля ах ты тля!" И невиданных зверей, Дичи всякой - нету ей: Понаехало за ей егерей... В общем, значит, не секрет: Лукоморья больше нет, Все, про что писал поэт, это - бред. Ты уймись,

уймись, тоска, Душу мне не рань! Раз уж это присказка Значит, сказка - дрянь. # 014

1967 Мне каждый вечер зажигают свечиі

Мне каждый вечер зажигают свечи, И образ твой окуривает дым, И не хочу я знать, что время лечит, Что все проходит вместе с ним. Я больше не избавлюсь от покоя: Ведь все, что было на душе на год вперед, Не ведая, она взяла с собою Сначала в порт, а после - в самолет. Мне каждый вечер зажигают свечи, И образ твой окуривает дым, И не хочу я знать, что время лечит, Что все проходит вместе с ним. В душе моей - пустынная пустыня, Так что ж стоите над пустой моей душой! Обрывки песен там и паутина, А остальное все она взяла с собой. Теперь мне вечер зажигает свечи, И образ твой окуривает дым, И не хочу я знать, что время лечит, Что все проходит вместе с ним. В душе моей - все цели без дороги, Поройтесь в ней - и вы найдете лишь Две полуфразы, полудиалоги, А остальное - Франция, Париж... И пусть мне вечер зажигает свечи, И образ твой окуривает дым, Но не хочу я знать, что время лечит, Что все проходит вместе с ним. # 015

1967 Вот и кончилось все, продолжения ждуі

Вот и кончилось все, продолжения жду, хоть в других городах, Но надежды, надежды, одной лишь надежды хотим мы. Словно все порвалось, словно слышится SOS на далеких судах... Или нет - это птицы на запад уносят любимых. И вот я жду письма, я жду письма, я жду письма... Мне все про тебя интересно! Но это ты знаешь сама, ты знаешь сама, ты знаешь сама, А вот что напишешь, что - неизвестно. # 016

1967 Спасите наши души

Уходим под воду В нейтральной воде. Мы можем по году Плевать на погоду, А если накроют Локаторы взвоят О нашей беде. Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам! Услышьте нас на суше Наш SOS все глуше, глуше, И ужас режет души Напополам... И рвутся аорты, Но наверх - не смей! Там слева по борту, Там справа по борту, Там прямо по ходу Мешает проходу Рогатая смерть! Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам! Услышьте нас на суше Наш SOS все глуше, глуше, И ужас режет души Напополам... Но здесь мы - на воле, Ведь это наш мир! Свихнулись мы, что ли, Всплывать в минном поле!

"А ну, без истерик! Мы врежемся в берег", Сказал командир. Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам! Услышьте нас на суше Наш SOS все глуше, глуше, И ужас режет души Напополам... Всплывем на рассвете Приказ есть приказ! Погибнуть во цвете Уж лучше при свете! Наш путь не отмечен... Нам нечем... Нам нечем!.. Но помните нас! Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам! Услышьте нас на суше Наш SOS все глуше, глуше, И ужас режет души Напополам... Вот вышли наверх мы. Но выхода нет! Вот - полный на верфи! Натянуты нервы. Конец всем печалям, Концам и началам Мы рвемся к причалам Вместо торпед! Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам! Услышьте нас на суше Наш SOS все глуше, глуше, И ужас режет души Напополам... Спасите наши души! Спасите наши души... # 017

1967 Песня о новом времени

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, Значит, скоро и нам - уходить и прощаться без слов. По нехоженным тропам протопали лошади, лошади, Неизвестно к какому концу унося седоков. Значит, время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи! И в погоню за ним мы летим, убегающим, вслед. Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей, На скаку не заметив, что рядом - товарищей нет. И еще будем долго огни принимать за пожары мы, Будет долго зловецим казаться нам скрип сапогов, О войну будут детские игры с названиями старыми, И людей будем долго делить на своих и врагов. Но когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется, И когда наши кони устанут под нами скакать, И когда наши девушки сменят шинели на платица, Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!.. # 018

1967 Аисты

Небо этого дня ясное, Но теперь в нем - броня лязгает. А по нашей земле гул стоит, И деревья в смоле грустно им. Дым и пепел встают как кресты, Гнезд по крышам не вьют аисты. Колос - в цвет янтаря, успеем ли? Нет! Выходит, мы зря сеяли. Что там, цветом в янтарь, светится? Это в поле пожар мечется. Разбрелись все от бед в стороны... Певчих птиц больше нет вороны! И деревья в пыли к осени. Те, что песни могли, бросили. И любовь не для нас, верно ведь, Что нужнее сейчас ненависть? Дым и пепел встают как кресты, Гнезд по крышам не вьют аисты. Лес шумит, как всегда, кронами, А земля и вода

стонами. Но нельзя без чудес аukaет Довоенными лес звуками. Побрели все от бед на восток, Певчих птиц больше нет, нет аистов. Воздух звуки хранит разные, Но теперь в нем - гремит, лязгает. Даже цокот копыт топотом, Если кто закричит шепотом. Побрели все от бед на восток, И над крышами нет аистов... # 019

1967 У нас вчера с позавчераї

У нас вчера с позавчера шла спокойная игра Козырей в колоде каждому хватало, И сходились мы на том, что оставшись при своем, Расходились, а потом - давай сначала! Но вот явились к нам они - сказали: "Здрасьте!". Мы их не ждали, а они уже пришли... А в колоде как-никак - четыре масти, Они давай хватать тузы и короли! И пошла у нас с утра неудачная игра, Не мешайте и не хлопайте дверями! И шерстят они нас в пух им успех, а нам испуг, Но тузы - они ведь бьются козырями! Но вот явились к нам они - сказали: "Здрасьте!". Мы их не ждали, а они уже пришли... А в колоде как-никак - четыре масти, И им достались все тузы и короли! Неудачная игра одолели шулера, Карта прет им, ну а нам - пойду покличу! Зубы щелкают у них видно, каждый хочет вмиг Кончить дело - и начать делить добычу. Но вот явились к нам они - сказали: "Здрасьте!". Мы их не ждали, а они уже пришли... А в колоде как-никак - четыре масти, И им достались все тузы и короли! Только зря они шустры не сейчас конец игры! Жаль, что вечер на дворе такой безлунный!.. Мы плетемся наугад, нам фортуна кажет зад, Но ничего - мы рассчитаемся с фортуной! Но вот явились к нам они - сказали: "Здрасьте!". Мы их не ждали, а они уже пришли... Но в колоде все равно - четыре масти, И нам достанутся тузы и короли! # 020

1967 Дом хрустальный

Если я богат, как царь морской, Крикни только мне: "Лови блесну!" Мир подводный и надводный свой, Не задумываясь, выплесну! Дом хрустальный на горе - для нее, Сам, как пес бы, так и рос - в цепи. Родники мои серебряные, Золотые мои россыпи! Если беден я, как пес - один, И в доме моем - шаром кати, Ведь поможешь ты мне, господи, Не позволишь жизнь скомкати! Дом хрустальный на горе - для нее, Сам, как пес бы, так и рос - в цепи. Родники мои серебряные, Золотые мои россыпи! Не сравнил бы я любую с тобой Хоть казни меня, расстреливай. Посмотри, как я любуюсь тобой, Как мадонной

Рафаэлевой! Дом хрустальный на горе - для нее, Сам, как пес бы, так и рос - в цепи. Родники мои серебряные, Золотые мои россыпи! # 021

1967 Песня Саньки

У моря, у порта Живет одна девчонка, Там моряков до черта Из дальних разных стран, Загадочных стран. И все они едва ли Девчонку эту знали, Одни не замечали: Мол, не было печали, Ну а другим, кто пьян, Скорее бы - стакан. Подруга, блондинка, Та, что живет у рынка: Как день - так вечеринка, Веселье там и смех, Веселье и смех. А тихая девчонка, Хоть петь умела звонко, К подруге не ходила Ей не до песен было, Веселье и успех В почете не у всех; Манеры, поклоны, Мегеры и матроны, Красавчики пижоны До них ей далеко, До них далеко. Ей не до поцелуев Ведь надо бить буржуев! И надо бить, заметьте, На всем на белом свете И будет всем легко, И будет всем легко! # 022

1967 Гром прогремел

Гром прогремел - золяция идет, Губернский розыск рассылает телеграммы, Что вся Одесса переполнута з ворами, И что настал критический момент И заедает темный элемент. Не тот расклад - начальники грустят, Во всех притонах пьют не вины, а отравы, Во всем у городе - убийства и облавы, Они приказ дают - идти ва-банк И применить запасный вариант! Вот мент идет - идет в обход, Губернский розыск рассылает телеграммы, Что вся Одесса переполнута з ворами И что настал критический момент И заедает темный элемент. А им в ответ дают такой совет: Имейте каплю уваженья к этой драме, Четыре сбоку - ваших нет в Одессе-маме! Пусть мент идет, идет себе в обход, Расклад не тот - и номер не пройдет! # 023

1967 До нашей эры соблюдалось чувство меры

До нашей эры соблюдалось чувство меры, Потом бандитов называли - "флибустьеры", Потом названье звучное "пират" Забыли, Бить их И словом оскорбить их Всякий рад. Бандит же ближних возлюбил, - души не чаёт, И если чтой-то им карман отягощает Он подходит к им как интеллигент, Улыбку Выжмет И облегчает ближних За момент. А если ближние начнут сопротивляться, Излишне нервничать и сильно волноваться, Тогда бандит поступит как бандит: Он стрельнет Трижды И вмиг приводит ближних В трупный вид. А им за это - ни чинов, ни послаблений, Доходит даже до взаимных оскорблений, Едва бандит выходит за порог, Как сразу: "Стойте!"

Невинного не стройте! Под замок!" На теле общества есть много паразитов, Но почему-то все стесняются бандитов, И с возмущением хочется сказать: "Поверьте, Боже, Бандитов надо тоже Понимать!" # 024

1967 Песня Бродского

Как все, мы веселы бываем и угрюмы, Но если надо выбирать и выбор труден Мы выбираем деревянные костюмы, Люди! Люди! Нам будут долго предлагать не прогадать: "Ах, - скажут, - что вы! Вы еще не жили! Вам надо только-только начинать!.." Ну, а потом предложат: или - или. Или пляжи, вернисажи, или даже Пароходы, в них наполненные трюмы, Экипажи, скачки, рауты, вояжи Или просто деревянные костюмы. И будут веселы они или угрюмы, И будут в роли злых шутов и добрых судей, Но нам предложат деревянные костюмы, Люди! Люди! Нам могут даже предложить и закурить: "Ах, - вспомнят, - вы ведь долго не курили! Да вы еще не начинали жить!.." Ну а потом предложат: или - или. Дым папиросы навевает что-то, Одна затяжка - веселее думы. Курить охота! Как курить охота! Но надо выбрать деревянные костюмы. И будут вежливы и ласковы настолько Предложат жизнь счастливую на блюде, Но мы откажемся - и бьют они жестоко, Люди! Люди! Люди! # 025

1967 Не отдавайте в физики детей

Не отдавайте в физики детей, Из них уже не вырастут Эйнштейны, Сейчас сплошные кризисы идей Все физик на редкость безыдейны. У математиков еще какой-то сдвиг, Но он у вас не вызовет улыбок, Ведь сдвиг намечен по теории игр, А также и по линии ошибок. Математики все голову ломают, как замасть грехи, Кибернетики машины заставляют сочинять стихи, А биологи искусственно мечтают про живой белок, А филологи все время выясняют, кто такой Блок. Мы, граждане, привыкли с давних пор, Что каждая идея - есть идея, А кто-то там с фамилией Нильс Бор Сказал, что чем безумней - тем вернее... Нет, Бор, ты от ответа не уйдешь! Не стыдно ли ученым называться? Куда же ты толкаешь молодежь При помощи таких ассоциаций?! Математики все голову ломают, как замасть грехи, Кибернетики машины заставляют сочинять стихи, А биологи искусственно мечтают про живой белок, А филологи все время выясняют, кто такой Блок. Мы все в себе наследников несем, Но ведь обидно, до каких же пор так? Так много наших ген и хромосом Испорчено в пробирках и ретортах! Биологи - у

них переполох, Их итальянцы малость обскакали: Пока они у нас растят белок Уж те зародыш пестуют в стакане. Математики все голову ломают, как замасть грехи, Кибернетики машины заставляют сочинять стихи, А биологи искусственно мечтают про живой белок, А филологи все время выясняют, кто такой Блок. # 026

1967 Письмо

Полчаса до атаки, Скоро снова - под танки, Снова слышать разрывов концерт, А бойцу молодому Передали из дому Небольшой голубой треугольный конверт. И как будто не здесь ты, Если - почерк невесты Или пишут отец твой и мать, Но случилось другое Видно, зря перед боем Поспешили солдату письмо передать. Там стояло сначала: "Извини, что молчала, Ждать не буду". - И все, весь листок. Только снизу - приписка: "Уезжаю не близко, Ты спокойно воюй, и прости, если что". Вместе с первым разрывом Парень крикнул тоскливо: "Почтальон, что ты мне притащил! За минуту до смерти В треугольном конверте Пулевое ранение я получил". Он шагнул из траншеи С автоматом на шее, Он осколков беречься не стал, И в бою над Сурюю Он обнялся с землею, Только - ветер обрывки письма разметал. # 027

1967 Наши предки - люди темные и грубыеї

Наши предки - люди темные и грубые, Кулаками друг на дружку помахав, Вдруг увидели: громадное и круглое Пролетело, всем загадку загадав. А в спорах, догадках, дебатах Вменяют тарелкам в вину Утечку энергии в Штатах И горькую нашу слюну. Ой, вон блюдец пролетело над Флоренцией! И святая инквизиция под страх Очень бойко продавала индульгенции, Очень шибко жгла ученых на кострах.

А в спорах, догадках, дебатах Вменяют тарелкам в вину Утечку энергии в Штатах И горькую нашу слюну. Нашу жизнь не назовешь ты скучной, серенькой Тем не менее не радуется сейчас: Ктой-то видел пару блюдец над Америкой, Ктой-то видел две тарелки и у нас. И в спорах, догадках, дебатах Вменяют тарелкам в вину Утечку энергии в Штатах И горькую нашу слюну. # 028

1967 Приехал в Монако какой-то воякаї

Приехал в Монако какой-то вояка, Зашел в казино и спустил капитал, И внутренний голос воскликнул, расстроясь: "Эх, елки-моталки, - опять проиграл!" Вот я выпиваю, потом засыпаю, Потом просыпаюсь попить натошак И вот замечаю: не хочется чаю, А в

крайнем случае - желаю коньяк. Всегда по субботам мне в баню охота, Но нет - иду соображать на троих... Тут врали ребята, что есть телепаты И даже читали в газете про них. А я их рассказу поверил не сразу Сперва я женился - и вспомнил, ей-ей: Чтоб как у людей, я желаю жить с нею Ан нет - все выходит не как у людей! У них есть агенты и порпаценты, Агенты - не знаю державы какой, У них инструменты - магнитные ленты, И нас они делают "левой ногой". Обидно, однако - вчера была драка: Подрались - обнялись, гляжу - пронесло. А агент внушает: "Добей - разрешаю!" Добил... Вот уже восемь суток прошло. Мне эта забота совсем не по нраву: пусть гнусности мне перестанут внушать! Кончайте калечить людям каждый вечер И дайте возможность самим поступать! # 029

1967 Я тут подвиг совершилї

Я тут подвиг совершил - два пожара потушил. Про меня вчера в газете напечатали. И вчера ко мне припер вдруг японский репортер, Обещает кучу всякой всячины. "Мы, - говорит, - организм ваш изучим до йот, И мы запишем - баш на баш - наследственный ваш код!" "Ни за какие иены Я не продам свои гены, Ни за какие хоромы Не уступлю хромосомы!" Он мне "Сони" предлагал, джиу-джитсою стращал, Диапозитивы мне прокручивал. Думал он, пробьет мне брешь чайный домик, полный гейш Ничего не выдумали лучшего! Досидел до ужина - бросает его в пот. "Очень, - говорит, - он нужен нам, наследственный ваш код!"

"Ни за какие иены Я не продам свои гены, Ни за какие хоромы Не уступлю хромосомы!" Хотя японец желтолиц - у него шикарный "блиц": "Дай, хоть фотографией порадуя!" Я не дал: а вдруг он врет? Вон, с газеты пусть берет Там я схожий с ихнею микадою. Я спросил его в упор: "А ну, - говорю, - ответь: Код мой нужен, репортер, не для забавы ведь? Ни за какие иены Я не продам свои гены, Ни за какие хоромы Не уступлю хромосомы!" Он решил, что победил, сразу карты мне открыл. Разговор пошел без накомарников: "Код ваш нужен сей же час - будем мы учить по вас Всех японских наших пожарников..." "Эх, неопытный народ, где до наших вам! Лучше этот самый код я своим отдам. Ни за какие иены Я не продам свои гены, Только для нашей науки Ноги мои и руки!" # 030

1967 Он был хирургом, даже "нейро"ї

Он был хирургом, даже "нейро", Хотя и путал мили с га, На съезде в Рио-де-Жанейро Пред ним все были мелюзга. Всех, кому уже жить не светило, Превращал он в нормальных людей. Но огромное это светило, К сожалению было еврей. В науке он привык бороться. И за скачком - всегда скачок! Он одному первопроходцу Поставил новый мозжечок. Всех, кому уже жить не светило, Превращал он в нормальных людей. Но огромное это светило, К сожалению было еврей. # 031

1967 Мао Цзедун - большой шалуні

Мао Цзедун большой шалун Он до сих пор не прочь кого-нибудь потискать, Заметив слабину, меняет враз жену. И вот недавно докатился до артистки. Он маху дал он похудал: У ней открылся темперамент слишком бурный, Не баба - зверь, она теперь Вершит делами "революции культурной". А ну-ка встань, Цин Цзянь, а ну талмуд достань, Уже трепещут мужнины враги! Уже видать концы жена Лю Шаоцы Сломала две свои собачие ноги. А кто не читит цитат, тот - ренегат и гад, Тому на задницы наклеим дацзыбао! Кто с Мао вступит в спор, тому дадут отпор Его супруга вместе с другом Линем Бяо. А кто не верит нам, тот - негодяй и хам. А кто не верит нам, тот - прихвостень и плакса. Марксизм для нас - азы, ведь Маркс не плыл в Янцзы, Китаец Мао раздолбал еврея Маркса! # 032

1967 Песня про плотника Иосифа, Святого Духа, Деву Марию и непорочное зачатие

Возвращаюся с работы, Рашпиль ставлю у стены, Вдруг в окно порхает кто-то Из постели от жены! Я, конечно, вопрошаю: "Кто такой?" А она мне отвечает: "Дух святой!" Ох, я встречу того Духа Ох, отмечу его в ухо! Дух он тоже Духу рознь: Коль святой - так Машку брось! Хоть ты - кровь голубая, Хоть ты - белая кость, Ведь родится Он, и знаю Не пожалует Христос! Машка - вредная натура Так и лезет на скандал, Разобиделась, дура: Вроде, значит, помешал! Я сперва-сначала с лаской: То да се... А она - к стене с опаской: "Нет, и все!" Я тогда цежу сквозь зубы, Но уже, конечно, грубо: "Хоть он возрастом и древний, Хоть годов ему тыщ шесть, У него в любой деревне Две-три бабы точно есть!" Я - к Марии с предложеньем, Я на выдумки мастак! Мол, в другое воскресенье Ты, Мария, сделай так: Я потопаю под утро Мол, пошел, А ты прими его как будто, Хорошо? Ты накрой его периной И запой, - тут я с дубиной! Он - крылом, а я - колом, Он -

псалмом, а я - кайлом! Тут, конечно, он сдается Честь Марии спасена, Потому что мне сдается, Этот Ангел - Сатана! ...Вот влетаю с криком, с деревом, Весь в надежде на испуг... Машка плачет. "Машка, где он?" "Улетел, желанный Дух!" "Как же это, я не знаю, Как успел?" "Да вот так вот, - отвечает, Улетел! Он псалом мне прочитал И крылом пощекотал..." "Так шутить с живым-то мужем! Ах ты скверная жена!.." Я взмахнул своим оружием... Смейся, смейся, Сатана! # 033

1967 От скучных шабашей смертельно уставшиї

От скучных шабашей Смертельно уставши, Две ведьмы идут и беседу ведут: "Ну что ты, брат-ведьма, Пойти посмотри бы, Как в городе наши живут! Как все изменилось! Уже развалилось Подножие Лысой горы. И молодцы вроде Давно не заходят Остались одни упыри..." Спросил у них леший: "Вы камо грядеши?" "Намылились в город - у нас ведь тоска!. "Ах, гнусные бабы! Да взяли хотя бы С собою меня, старика". Ругая друг дружку, Вошли на опушку. Навстречу попался им враг-вурдалак. Он скверно ругался, Он к ним увязался, Кричал, будто знает, что как. Те к лешему: как он? "Возьмем вурдалака! Но кровь не сосать и прилично вести!" Тот малость покрякал, Клыки свои спрятал Красавчиком стал, - хоть крести. Освоились быстро, Под видом туристов Поели-попили в кафе "Гранд-отель". Но леший поганил Своими ногами И их попросили оттель. Пока леший брился, Упырь испарился, И леший доверчивость проклял свою. А ведьмы пошлялись И тоже смотались, Освоившись в этом раю. И наверняка ведь Прельстили бега ведьм: Там много орут, и азарт на бегах, И там проиграли Ни много ни мало Три тысячи в новых деньгах. Намокший, поблекший, Насупился леший, Но вспомнил, что здесь его друг, домовой, Он начал стучаться: "Где друг, домочадцы?!" Ему отвечают: "Запой". Пока ведьмы выли И все просадили, Пока леший пил-надирался в кафе, Найдя себе вдовушку, Выпив ей кровушку, Спал вурдалак на софе. # 034

1967 Невидимка

Сижу ли я, пишу ли я, пью кофе или чай, Приходит ли знакомая блондинка Я чувствую, что на меня глядит соглядатай, Но только не простой, а - невидимка. Иногда срываюсь с места Будто тронутый я, До сих пор моя невеста Мной не тронутая! Про погоду мы с невестой Ночью диспуты ведем, Ну, а что другое если Мы стесняемся при ем. Обидно мне, Досадно мне, Ну ладно! Однажды выпиваю - да и кто

сейчас не пьет! Неидет она: как рюмка - так в отрывку, Я чувствую - сидит, подлец, и выпитому счет Ведет в свою невидимую книжку. Иногда срываюсь с места Как напудренный я, До сих пор моя невеста Целомудренная! Про погоду мы с невестой Ночью диспуты ведем, Ну, а что другое если Мы стесняемся при ем. Обидно мне, Досадно мне, Ну ладно! Я дергался, я нервничал - на хитрости пошел: Вот лягу спать и поднимаю храп; ну, Коньяк открытый ставлю и - закусочку на стол, Вот сядет он - тут я его и хапну! Иногда срываюсь с места Будто тронутый я, До сих пор моя невеста Мной не тронутая! Про погоду мы с невестой Ночью диспуты ведем, Ну, а что другое если Мы стесняемся при ем. Обидно мне, Досадно мне, Ну ладно! К тому ж он мне вредит, - да вот не дале, как вчера Поймаю, так убью его на месте! Сижу, а мой партнер подряд играет "мизера", А у меня "гора" - три тыщи двести! Побледнев, срываюсь с места Как напудренный я, До сих пор моя невеста Целомудренная! Про погоду мы с невестой Ночью диспуты ведем, Ну, а что другое если Мы стесняемся при ем. Обидно мне, Досадно мне, Ну ладно! А вот он мне недавно на работу написал Чудовищно тупую анонимку, Начальник прочитал, мне показал, - а я узнал По почерку - родную невидимку. Оказалась невидимкой Нет, не тронутый я Эта самая блондинка, Мной не тронутая! Эта самая блондинка... У меня весь лоб горит! Я спросил: "Зачем ты, Нинка?" "Чтоб женился", - говорит. Обидно мне, Досадно мне, Ну ладно! # 035

1967 - Ну что, Кузьма!

- Ну что, Кузьма? - А что, Максим? - Чего стоймя Стоим глядим? - Да вот глядим, Чего орут, Понять хотим, Про что поют. Куда ни глянь Все голытьба, Куда ни плюнь Полна изба. И полн кабак Нетрезвыми Их как собак Нерезанных. Кто зол - молчит, Кто добр - поет. И слух идет, Что жив царь Петр! - Ох не сносить Им всем голов! Пойти спросить Побольше штоф?!

.....

- Кузьма! Андрей! - Чего, Максим? - Давай скорей Сообразим! И-их На троих! - А ну их На троих! - На троих, Так на троих!

.....

- Ну что, Кузьма? - А что, Максим? - Чего стоймя Опять стоим? - Теперь уж вовсе Не понять: И там висять И тут висять! Им только б здесь Повоевать! И главный есть Емелькой звать! - Так был же Петр! - Тот был сперва. - Нет, не пойдет У нас стрезва! - Кузьма! - Готов! -

Неси-ка штоф! - И-и-их На троих!.. - Подвох! - Не пойдет! На трех - не возьмет! - Чего же ждем Давай вдвоем! А ты, Кузьма, Стрезва взглянешь И, может статься, Сам возьмешь.

.....

- Кузьма, Кузьма! Чего ты там? Помрешь глядеть! Ходи-ка к нам! - Да что ж они Как мухи мрут, Друг дружку бьют, Калечат, жгут! Не понять ничего! Андрей, Максим! На одного Сообразим! Такой идет Раздор у них, Что не возьмет И на двоих! - Пугач! Живи! Давай! Дави! - А ну его! На одного!

.....

- Э-эй, Кузьма! - Э-эй, Максим! Эх-ма, эх-ма! - Что так, Кузьма? - Да всех их черт Побрал бы, что ль! Уж третий штоф И хоть бы что! Пропился весь я До конца А все трезвее Мертвеца! Уже поник Такой нарез: Взгляну на них И снова трезв! - Мы тоже так Не плачь, Кузьма, Кругом - бардак И кутерьма! Ведь до петли Дойдем мы так Уж все снесли Давно в кабак! Но не забыться Вот беда! И не напиться Никогда! И это - жисть, Земной наш рай?! Нет, хоть ложись И помирай! # 036

1967 В сон мне - желтые огни

В сон мне - желтые огни, И хриплю во сне я: "Повремени, повремени Утро мудренее!" Но и утром все не так, Нет того веселья: Или куришь натошак, Или пьешь с похмелья. В кабаках - зеленый штоф, Белые салфетки, Рай для нищих и шутов, Мне ж - как птице в клетке. В церкви - смрад и полумрак, Дьяки курят ладан... Нет и в церкви все не так, Все не так, как надо! Я - на гору впопыхах, Чтоб чего не вышло, На горе стоит ольха, А под горою - вишня. Хоть бы склон увит плющом Мне б и то отрада, Хоть бы что-нибудь еще... Все не так, как надо! Я - по полю вдоль реки: Света - тьма, нет Бога! В чистом поле - васильки, Дальняя дорога. Вдоль дороги - лес густой С бабами-ягами, А в конце дороги той Плаха с топорами. Где-то кони пляшут в такт, Нехотя и плавно. Вдоль дороги все не так, А в конце - подавно. И ни церковь, ни кабак Ничего не свято! Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята... # 037

1967 Москва-Одесса

В который раз лечу Москва - Одесса, Опять не выпускают самолет. А вот прошла вся в синем стюардесса как принцесса Надежная, как весь гражданский флот. Над Мурманском - ни туч, ни облаков, И хоть

сейчас лети до Ашхабада, Открыты Киев, Харьков, Кишинев, И Львов открыт, - но мне туда не надо! Сказали мне: "Сегодня не надейся Не стоит уповать на небеса!" И вот опять дают задержку рейса на Одессу: Теперь - обледенела полоса. А в Ленинграде - с крыши потекло, И что мне не лететь до Ленинграда?! В Тбилиси - там все ясно, там тепло, Там чай растет, - но мне туда не надо! Я слышу: ростовчане вылетают, А мне в Одессу надо позарез! Но надо мне туда, куда меня не принимают, И потому откладывают рейс. Мне надо - где сугробы намело, Где завтра ожидают снегопада!.. Пусть где-нибудь все ясно и светло Там хорошо, - но мне туда не надо! Отсюда не пускают, а туда не принимают, Несправедливо - грустно мне, - но вот Нас на посадку скучно стюардесса приглашает, Доступная, как весь гражданский флот. Открыли самый дальний закуток, В который не заманят и награды, Открыт закрытый порт Владивосток, Париж открыт, - но мне туда не надо! Взлетим мы, распогодится - теперь запреты снимут! Напрягся лайнер, слышен визг турбин... А я уже не верю ни во что - меня не примут, Опять найдется множество причин. Мне надо - где метели и туман, Где завтра ожидают снегопада!.. Открыты Лондон, Дели, Магадан Открыли все, - но мне туда не надо! Я прав, хоть плачь, хоть смейся, - но опять задержка рейса И нас обратно к прошлому ведет Вся стройная, как "ТУ", та стюардесса мисс Одесса, Похожая на весь гражданский флот. Опять дают задержку до восьми И граждане покорно засыпают... Мне это надоело, черт возьми, И я лечу туда, где принимают! # 038

1967 О. Ефремову

Вот Вы докатились до сороковых... Неправда, что жизнь скоротечна: Ведь Ваш "Современник" - из "Вечно живых", А значит, и быть ему - вечно! На "ты" не называть Вас - теперь Вы в летах, В царях, королях и в чекистах. Вы "в цвет" угадали еще в "Двух цветах", Недаром цветы - в "Декабристах". Живите по сто и по сто пятьдесят, Несите свой крест - он тяжелый. Пусть Вам будет сорок полвека подряд: Король оказался не голый! # 039

1968 Две песни об одном воздушном бое I. Песня летчика

Их восемь - нас двое, - расклад перед боем Не наш, но мы будем играть! Сережа, держись! Нам не светит с тобою, Но козыри надо равнять. Я этот небесный квадрат не покину Мне цифры сейчас не важны: Сегодня мой друг защищает мне спину, А значит - и шансы

равны. Мне в хвост вышел "мессер", но вот задымил он, Надсадно завыли винты, Им даже не надо крестов на могилы Сойдут и на крыльях кресты! Я - "Первый", я - "Первый", - они под тобою! Я вышел им наперерез! Сбей пламя, уйди в облака - я прикрою! В бою не бывает чудес. Сергей, ты горишь! Уповай, человек, Теперь на надежность строп! Нет, поздно - и мне вышел "мессер" навстречу, Прощай, я приму его в лоб!.. Я знаю - другие сведут с ними счеты, Но, по облакам скользя, Взлетят наши души, как два самолета, Ведь им друг без друга нельзя. Архангел нам скажет: "В раю будет туго!" Но только ворота - щелк, Мы Бога попросим: "Впишите нас с другом В какой-нибудь ангельский полк!" И я попрошу Бога, Духа и Сына, Чтоб выполнил волю мою: Пусть вечно мой друг защищает мне спину, Как в этом последнем бою! Мы крылья и стрелы попросим у Бога, Ведь нужен им ангел-ас, А если у них истребителей много Пусть примут в хранители нас! Хранить - это дело почетное тоже, Удачу нести на крыле Таким, как при жизни мы были с Сережей, И в воздухе и на земле. # 001

1968 Две песни об одном воздушном бое II. Песня самолета-истребителя (Ю. Любимову)

Я - "ЯК", истребитель, - мотор мой звенит, Небо - моя обитель, А тот, который во мне сидит, Считает, что он - истребитель. В этом бою мною "юнкерс" сбит Я сделал с ним, что хотел, А тот, который во мне сидит, Изрядно мне надоел! Я в прошлом бою навывлет прошит, Меня механик заштопал, А тот, который во мне сидит, Опять заставляет - в штопор! Из бомбардировщика бомба несет Смерть аэродрому, А кажется - стабилизатор поет: "Мир вашему дому!" Вот сзади заходит ко мне "мессершмитт", Уйду - я устал от ран!.. Но тот, который во мне сидит, Я вижу, решил - на таран! Что делает он?! Вот сейчас будет взрыв!.. Но мне не гореть на песке, Запреты и скорости все перекрыв, Я выхожу из пике! Я - главный, а сзади... Ну, чтоб я сгорел! Где же он, мой ведомый? Вот он задымился, кивнул - и запел: "Мир вашему дому!" И тот, который в моем черепке, Остался один - и влип, Меня в заблужденье он ввел - и в пике Прямо из мертвой петли. Он рвет на себя - и нагрузки вдвойне, Эх, тоже мне - летчик-ас!.. Но снова приходится слушаться мне, Но это - в последний раз! Я больше не буду покорным - клянусь! Уж лучше лежать на земле... Но что ж он не слышит, как бесится пульс: Бензин - моя кровь - на нуле! Терпенью

машины бывает предел, И время его истекло, И тот, который во мне сидел, Вдруг ткнулся лицом в стекло. Убит! Наконец-то лечу налегке, Последние силы жгу... Но что это, что?! Я - в глубоком пике, И выйти никак не могу! Досадно, что сам я не много успел, Но пусть повезет другому! Выходит, и я напоследок спел: " Мир вашему дому!" # 002

1968 Песня Геращенко

Аппарат и наметанный глаз И работа идет эффективно, Только я - столько знаю про вас, Что подчас мне бывает противно. Нат Пинкертон - вот с детства мой кумир, Сравниться с ним теперь никто не может, Но он имел такой преступный мир, Что плохо спится мне, и зависть гложет. Не скрыться вам, ведь от меня секретов нет. Мой метод прост: брать всех под подозренье. Любой преступник оставляет след И возвращается на место преступления. У детективов хмурый вид и мрачный нрав, Характер наш достоин укоризны, Имеем дело с попираньем прав И только с темной стороною нашей жизни. Другие люди пьют всем горестям назло, Гуляют всласть по Ноябрью и Маю, Я ж не сижу за праздничным столом, Хожу кругом и в окна наблюдаю. "Наш мир - театр" - так говорил Шекспир, Я вижу лишь характерные роли: Тот - негодяй, тот - жулик, тот - вампир, И все, - как Пушкин говорил: "чего же боле?" Но имя есть - я повторяю как пароль, Не верь, что детективы нелюдимы: Она играет голубую роль, Мне голубая роль - необходима. Аппарат и наметанный глаз И работа идет эффективно, Только я - столько знаю про вас, Что подчас мне бывает противно. # 003

1968 Утренняя гимнастика

Вдох глубокий, руки шире, Не спешите - три-четыре! Бодрость духа, грация и пластика! Общеукрепляющая, Утром отрезвляющая, Если жив пока еще, гимнастика! Если вы в своей квартире, Лягте на пол - три-четыре! Выполняйте правильно движения! Прочь влияние извне Привыкайте к новизне, Вдох глубокий до изнеможения! Очень вырос в целом мире Гриппа вирус - три-четыре! Ширится, растет заболевание. Если хилый - сразу в гроб! Сохранить здоровье чтоб Применяйте, люди, об тирание! Если вы уже устали Сели-встали, сели-встали, Не страшны нам Арктика с Антарктикой! Главный академик Иоффе Доказал: коньяк и кофе Вам заменят спорта профи лактика. Разговаривать не надо Приседайте до упада, Да не будьте мрачными и хмурыми! Если вам совсем нейдет Обтирайтесь чем

придется, Водными займитесь проце дурами! Не страшны дурные вести Мы в ответ бежим на месте, В выигрыше даже начинающий. Красота - среди бегущих Первых нет и отстающих, Бег на месте общеприми ряющий! # 004

1968 Песня Снежина

Вот некролог, словно отговорка, Объяснил смертельный мой исход Просто: он - помер, он - поморка, Это то же, что огонь и лед... И тогда все поймут, кого потеряли, И осудят ее - это точно, Скажут: "Как он любил! А она..." - и так далее. Вот причина: "Муму" и пощечина. Будет так - суда и караваны Проревут про траурную весть, И запьют от горя капитаны, И суровой станет Север весь. И тогда все поймут, кого потеряли, И осудят ее - это точно, Скажут: "Как он любил! А она..." - и так далее. Вот причина: "Муму" и пощечина. И матросы, крепко зажав штурвалы И судьбу жестоко матеря, Перестанут уповать на тралы: Разве тут до сельди - нет меня! И тогда все поймут, кого потеряли, И осудят ее - это точно, Скажут: "Как он любил! А она..." - и так далее. Вот причина: "Муму" и пощечина. # 005

1968 Песня Понедельника

Понятие "кресло" Интересно: Ведь в креслах отдыхают, Так почему же словом "кресло" Рабочье место Называют? Кресло стоит - ангел на нем, бес ли? Как усидеть мне на своем кресле! Приятно, если Сидишь на кресле, Оно не возражает. И выбрать кресло Тоже лестно, Но чаще - кресло выбирает. Надо напрячь на ответственном мне слух, Чтоб поступать соответственно креслу. # 006

1968 Я уехал в Магадан

Ты думаешь, что мне - не по годам, Я очень редко раскрываю душу, Я расскажу тебе про Магадан Слушай! Как я видел Нагайскую бухту да тракты, Улетел я туда не с бухты барахты. Однажды я уехал в Магадан Я от себя бежал, как от чахотки. Я сразу там напился вдрабадан Водки! Но я видел Нагайскую бухту да тракты, Улетел я туда не с бухты барахты. За мной летели слухи по следам, Опережая самолет и вьюгу, Я все-таки уехал в Магадан К другу! И я видел Нагайскую бухту да тракты, Улетел я туда не с бухты барахты. Я повода врагам своим не дал Не взрезал вену, не порвал аорту, Я взял да как уехал в Магадан, К черту! Я увидел Нагайскую бухту да тракты, Улетел я туда не с бухты барахты. Я, правда, здесь оставил много дам, Писали мне: "Все ваши дамы биты!" Ну что ж - а я уехал в Магадан,

Квиты! И я видел Нагайскую бухту да тракты, Улетел я туда не с бухты барахты. Когда подходит дело к холодам, Пусть это далеко, да и накладно, Могу уехать к другу в Магадан Ладно! Ты не видел Нагайскую бухту да тракты, Улетел я туда не с бухты барахты. # 007

1968 На стол колоду, господаї

"На стол колоду, господа, Крапленная колода! Он подменил ее". - "Когда?" "Барон, вы пили воду... Валет наколот, так и есть! Барон, ваш долг погашен! Вы проходимец, ваша честь, И я к услугам вашим! Что? Я не слышу ваш апарт... О нет, так не годится!" ...А в это время Бонапарт Переходил границу. "Закончить не смогли вы кон Верните бриллианты! А вы, барон, и вы, виконт, Пожалте в секунданты! Ответьте, если я не прав, Но наперед все лживо! Итак, оружие ваше, граф?! За вами выбор - живо! Вы не получите инфаркт, Вам не попасть в больницу!" ...А в это время Бонапарт Переходил границу. "Да полно, назначаю сам: На шпагах, пистолетах, Хотя сподручней было б вам На дамских амулетах. Кинжал... - ах, если б вы смогли!.. Я дрался им в походах! Но вы б, конечно, предпочли На шулерских колодах!

Вам скоро будет не до карт Вам предстоит сразиться!" ...А в это время Бонапарт Переходил границу. "Не поднимайте, ничего, Я встану сам, сумею! И снова вызову его, Пусть даже протрезвею. Барон, молчать! Виконт, не хнычь! Плевать, что тьма народу! Пусть он расскажет, старый хрыч, Чем он крапил колоду! Когда откроет тайну карт Дуэль не состоится!" ...А в это время Бонапарт Переходил границу. "А коль откажется сказать Клянусь своей главою: Графиню можете считать Сегодня же вдовою. И хоть я шуток не терплю, Но я могу взбеситься, Тогда я графу прострелю, Эскюз ми, ягодицу!" Стоял июль, а может - март... Летели с юга птицы... А в это время Бонапарт Переходил границу. ..."Ах, граф, прошу меня простить Я вел себя бестактно, Я в долг хотел у вас просить, Но не решился как-то. Хотел просить наедине Мне на людях неловко И вот пришлось затеять мне Дебош и потасовку. О да, я выпил целый штоф И сразу вышел червой... Дурак?! Вот как! Что ж, я готов! Итак, ваш выстрел первый..." Стоял весенний месяц март, Летели с юга птицы... А в это время Бонапарт Переходил границу. # 008

1968 Сколько чудес за туманами кроетсяяї

Сколько чудес за туманами кроется Ни подойти, ни увидеть, ни взять, Дважды пытались, но бог любит троицу Глупо опять

поворачивать вспять. Выучи намертво, не забывай И повторяй как заклинанье: "Не потеряй веру в тумане, Да и себя не потеряй!" Было когда-то - тревожили беды нас, Многих туман укрывал от врагов. Нынче, туман, не нужна твоя преданность Хватит тайгу запирать на засов! Выучи намертво, не забывай И повторяй как заклинанье: "Не потеряй веру в тумане, Да и себя не потеряй!" Тайной покрыто, молчанием скелето Заколдовала природа-шаман. Черное золото, белое золото Сторож седой охраняет - туман. Только ты выучи, не забывай И повторяй как заклинанье: "Не потеряй веру в тумане, Да и себя не потеряй!" Что же выходит - и пробовать нечего, Перед туманом ничто человек? Но от тепла, от тепла человеческого Даже туман поднимается вверх!

Выучи, вызубри, не забывай И повторяй как заклинанье: "Не потеряй веру в тумане, Да и себя не потеряй!" # 009

1968 Песенка ни про что, или Что случилось в Африке (Одна семейная хроника)

В желтой жаркой Африке, В центральной ее части, Как-то вдруг вне графика Случилось несчастье, Слоны сказали, не разобрав: "Видно, быть потопу!.." В общем, так: один Жираф Влюбился - в Антилопу! Тут поднялся галдеж и лай, Только старый Попугай Громко крикнул из ветвей: "Жираф большой - ему видней!" "Что же что рога у ней, Кричал Жираф любовно, Нынче в нашей фауне Равны все пороговно! Если вся моя родня Будет ей не рада Не пеняйте на меня, Я уйду из стада!" Тут поднялся галдеж и лай, Только старый Попугай Громко крикнул из ветвей: "Жираф большой - ему видней!" Папе Антилопному Зачем такого сына: Все равно - что в лоб ему, Что по лбу - все едино! И Жирафов зять брюзжит: "Видали остолопа?!" И ушли к Бизонам жить С Жирафом Антилопа. Тут поднялся галдеж и лай, Только старый Попугай Громко крикнул из ветвей: "Жираф большой - ему видней!" В желтой жаркой Африке Не видать идиллий Лют Жираф с Жирафихой Слезы крокодилы, Только горю не помочь Нет теперь закона: У Жирафов вышла дочь Замуж - за Бизона! ...Пусть Жираф был не прав, Но виновен не Жираф, А тот, кто крикнул из ветвей: "Жираф большой - ему видней!" # 010

1968 Еще не вечер (К 4-летию Таганки, Ю. Любимову)

Четыре года рыскал в море наш корсар, В боях и штормах не поблекло наше знамя, Мы научились штопать паруса И затыкать

пробоины телами. За нами гонится эскадра по пятам, На море штиль - и не избежать встречи! Но нам сказал спокойно капитан: "Еще не вечер, еще не вечер!" Вот развернулся боком флагманский фрегат И левый борт окрасился дымами, Ответный залп - на глаз и наугад Вдали пожар и смерть! Удача с нами! Из худших выбирались передряг, Но с ветром худо, и в трюме течи, А капитан нам шлет привычный знак: Еще не вечер, еще не вечер! На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз И видят нас от дыма злых и серых, Но никогда им не увидят нас Прикованными к веслам на галерах! Неравный бой - корабль кренился наш, Спасите наши души человечьи! Но крикнул капитан: "На абордаж! Еще не вечер, еще не вечер!" Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, Готовьте ваши руки к рукопашной! А крысы - пусть уходят с корабля, Они мешают схватке бесшабашной. И крысы думали: а чем не шутит черт, И тупо прыгали, спасаясь от картечи. А мы с фрегатом становились к борту борт, Еще не вечер, еще не вечер! Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза, Чтоб не достаться спрутам или крабам Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах, Мы покидали тонущий корабль. Но нет, им не послать его на дно Поможет океан, взвалив на плечи, Ведь океан-то с нами заодно. И прав был капитан: еще не вечер!
011

1968 Н.С. Хрущеву

Жил-был добрый дурачина-простофиля. Куда только его черти не носили! Но однажды, как назло, Повезло И в совсем чужое царство занесло. Слезы градом - так и надо Простофиле: Не усаживайся задом На кобыле. Ду-ра-чи-на! Посреди большого поля - глядь - три стула, Дурачину в область печени кольнуло, Сверху - надпись: "Для гостей", "Для князей", А на третьем - "Стул для царских кровей". Вот на первый стул уселся Простофиля, Потому что он у сердца Обессилел, Ду-ра-чи-на! Только к стулу примостился дурачина Сразу слуги принесли хмельные вина, Дурачина ощутил Много сил Элегантно ел, кутил и шутил. Погляди-ка, поглазей В буйной силе Влез на стул для князей Простофиля, Ду-ра-чи-на! И сейчас же бывший добрый дурачина Ощутил, что он - ответственный мужчина, Стал советы отдавать, Кликнул рать И почти уже решил воевать. Дальше - больше руки грей, Ежли в силе! Влез на стул для королей Простофиля, Ду-ра-чи-на! Сразу руки потянулись к печати, Сразу топать стал ногами и кричати: "Будь ты князь, будь ты хоть Сам господь Вот возьму и

прикажу запороть!" Если б люди в сей момент Рядом были Не сказали б комплимент Простофиле, Ду-ра-чи-не! Но был добрый этот самый простофиля Захотел издать Указ про изобилье... Только стул подобных дел Не терпел: Как тряхнет - и, ясно, тот не усидел...

И очнулся добрый малый Простофиля У себя на сеновале В чем родили, Ду-ра-чи-на! # 012

1968 Марш аквалангистов

Нас тянет на дно как балласты. Мы цепки, легки как фаланги, А ноги закованы в ласты, А наши тела - в акваланги. В пучину не просто полезли, Сжимаем до судорог скулы, Боимся кессонной болезни И, может, немного - акулы. Замучила жажда - воды бы! Красиво здесь - все это сказки, Здесь лишь пучеглазые рыбы Глядят удивленно нам в маски. Понять ли лежащим в постели, Изведать ли ищущим брода?! Нам нужно добраться до цели, Где третий наш без кислорода! Мы плачем - пускай мы мужчины: Застрял он в пещере кораллов, Как истинный рыцарь пучины, Он умер с открытым забралом. Пусть рок оказался живучей, Он сделал что мог и должен. Победу отпраздновал случай, Ну что же, мы завтра продолжим! # 013

1968 Все было не так, как хотелось вначалеї

Все было не так, как хотелось вначале, Хоть было все как у людей, Но вот почему-то подолгу молчали, И песни для них по-другому звучали, Но, может, не надо, им так тяжелей... И нужно чуть-чуть веселей. Ну пожалуйста! Нам так хорошо, но куда интересней, Когда все не так хорошо, И люди придумали грустные песни, Со мной ей не скучно, не скучно и мне с ней, И любят, и хвалят их - песни с душой: "Пожалуйста, сroyте еще!" Ну пожалуйста! Со средневековья подобных идиллий Не видел никто из людей: Они друг без друга в кино не ходили, Они друг у друга часы проводили Хитрили, чтоб встретиться им поскорей. Не верите? Что? Для детей? Ну пожалуйста! # 014

1968 Красивых любят чаще и прилежнейї

Красивых любят чаще и прилежней, Веселых любят меньше, но быстрее, И молчаливых любят, только реже, Зато уж если любят, то сильнее. Не кричи нежных слов, не кричи, До поры поддержи их в неволе, Пусть кричат пароходы в ночи, Ну а ты промолчи, промолчи, Поспешись - и ищи ветра в поле. Она читает грустные романы, Ну пусть сравнит, и ты доверься ей, Ведь появились черные тюльпаны

Чтобы казались белые белей. Не кричи нежных слов, не кричи, До поры поддержи их в неволе, Пусть кричат пароходы в ночи, Ну а ты промолчи, промолчи, Поспешишь - и ищи ветра в поле. Слова бегут, им тесно - ну и что же! Ты никогда не бойся опоздать. Их много - слов, но все же если можешь Скажи, когда не можешь не сказать. Не кричи нежных слов, не кричи, До поры поддержи их в неволе, Пусть кричат пароходы в ночи, Ну а ты промолчи, промолчи, Поспешишь - и ищи ветра в поле. # 015

1968 В. Абрамову

Вот и разошлись пути-дороги вдруг: Один - на север, другой - на запад, Грустно мне, когда уходит друг Внезапно, внезапно. Ушел, - невелика потеря Для многих людей. Не знаю, как другие, а я верю, Верю в друзей. Наступило время неудач, Следы и души заносит вьюга, Все из рук плохо - плач не плач, Нет друга, нет друга. Ушел, - невелика потеря Для многих людей. Не знаю, как другие, а я верю, Верю в друзей. А когда вернется друг назад И скажет: "Ссора была ошибкой", Бросим на минувшее мы взгляд С улыбкой, с улыбкой. Ушло, - невелика потеря Для многих людей... Не знаю, как другие, а я верю, Верю в друзей. # 016

1968 Давно смолкли залпы орудий

Давно смолкли залпы орудий, Над нами лишь солнечный свет, На чем проверяются люди, Если войны уже нет? Приходится слышать нередко Сейчас, как тогда: "Ты бы пошел с ним в разведку? Нет или да?" Не ухнет уже бронебойный, Не быть похоронной под дверь, И кажется - все так спокойно, Негде раскрыться теперь... Но все-таки слышим нередко Сейчас, как тогда: "Ты бы пошел с ним в разведку? Нет или да?" Покой только снится, я знаю, Готовься, держись и дерись! Есть мирная передовая Беда, и опасность, и риск. Поэтому слышим нередко Сейчас, как тогда: "Ты бы пошел с ним в разведку? Нет или да?" В полях обезврежены мины, Но мы не на поле цветов, Вы поиски, звезды, глубины Не сбрасывайте со счетов. Поэтому слышим нередко Сейчас, как тогда: "Ты бы пошел с ним в разведку? Нет или да?" # 017

1968 Песня командировочного

Всего один мотив Доносит с корабля; Один аккредитив На двадцать два рубля. А жить еще две недели, Работы - на восемь лет, Но я докажу на деле, На что способен аскет! Дежурная по этажу Грозилась мне на днях, В гостиницу вхожу Бесшумно - на руках. А

жить еще две недели, Работы - на восемь лет, Но я докажу на деле, На что способен аскет! В столовой номер два Всегда стоит кефир; И мыслей полна голова, И все - про загробный мир. А жить еще две недели, Работы - на восемь лет, Но я докажу на деле, На что способен аскет! Одну в кафе позвал, Увы, романа нет, Поел - и побежал, Как будто в туалет. А жить еще две недели, Работы - на восемь лет, Но я докажу на деле, На что способен аскет! А пляжи все полны Пленительнейших вдов, Но стыдно снять штаны: Ведь я здесь с холодов. А жить еще две недели, Работы - на восемь лет, Но я докажу на деле, На что способен аскет! О проклятый Афон! Влюбился, словно тля, Беру последний фонд Все двадцать два рубля. Пленительна, стройна, Все деньги на проезд, Наверное, она Сегодня их проест. А жить еще две недели, Работы - на восемь лет, Но я докажу на деле, На что способен... скелет! # 018

1968 Песня Рябого

На реке ль, на озере Работал на бульдозере, Весь в комбинезоне и в пыли, Вкалывал я до зари, Считал, что черви - козыри, Из грунта выколачивал рубли. Не судьба меня манила, И не золотая жила, А широкая моя кость И природная моя злость. Мне ты не подставь щеки: Не ангелы мы - сплавщики, Недоступны заповеди нам... Будь ты хоть сам бог Аллах, Зато я знаю толк в стволах И весело хожу по штабелям. Не судьба меня манила, И не золотая жила, А широкая моя кость И природная моя злость. # 019

1968 Куплеты Бенгальского

Дамы, господа! Других не вижу здесь. Блеск, изыск и общество - прелестно! Сотвори господь хоть пятьдесят Одесс Все равно в Одессе будет тесно. Говорят, что здесь бывала Королева из Непала И какой-то крупный лорд из Эдинбурга, И отсюда много ближе До Берлина и Парижа, Чем из даже самого Санкт-Петербурга. Вот приехал в город меценат и крез Весь в деньгах, с задатками повесы. Если был он с гонором, так будет - без, Шаг ступив по улицам Одессы. Из подробностей пикантных Две: мужчин столь элегантных В целом свете вряд ли встретить бы смогли вы. Ну а женщины Одессы Все скромны, все - поэтессы, Все умны, а в крайнем случае - красивы. Грузчики в порту, которым равных нет, Отдыхают с баснями Крылова. Если вы чуть-чуть художник и поэт Вас поймут в Одессе с полуслова. Нет прохода здесь, клянусь вам, От любителей искусства, И об этом много

раз писали в прессе. Если в Англии и в Штатах Недостаток в меценатах Пусть приедут, позаимствуют в Одессе. Дамы, господа! Я восхищен и смят. Мадам, месье! Я счастлив, что таиться! Леди, джентльмены! Я готов сто раз Умереть и снова здесь родиться. Все в Одессе - море, песни, Порт, бульвар и много лестниц, Крабы, устрицы, акации, мезон шанте, Да, наш город процветает, Но в Одессе не хватает Самой малости - театра варьете! # 020

1968 Цыганская песня

Камнем грусть весит на мне, в омут меня тянет, Отчего любое слово больно нынче ранит? Просто где-то рядом встали табором цыгане И тревожат душу вечерами. И, как струны, поют тополя. Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля! И звенит, как гитара, земля. Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля! Утоплю тоску в реке, украду хоть ночь я, Там в степи костры горят и пламя меня манит. Душу и рубаху - эх! - искромсаю в клочья, Только пособите мне, цыгане! Я сегодня пропьюсь до рубля! Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля! Пусть поет мне цыганка, шаля. Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля! Все уснувшее во мне - струны вновь разбудят, Все поросшее былем - да расцветет цветами! Люди добрые простят, а злые - пусть осудят, Я, цыгане, жить останусь с вами! Ты теперь не дождешься, петля! Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля! Лейся, песня, как дождь на поля! Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля! # 021

1968 Баллада о цветах, деревьях и миллионерах

В томленьи одиноком В тени - не на виду Под неусыпным оком Цвела она в саду. Маман - всегда с друзьями, Папа от них сбежал, Зато Каштан ветвями От взглядов укрывал. Высоко ль или низко Каштан над головой, Но Роза-гимназистка Увидела - его. Нарцисс - цветок воспетый, Отец его - магнат, И многих Роз до этой Вдыхал он аромат. Он вовсе был не хамом Изысканных манер. Мама его - гран-дама, Папа - миллионер. Он в детстве был опрыскан Не запахом, а дурманом, И Роза-гимназистка Вступила с ним в роман. И вот, исчадь ада, Нарцисс тот, ловелас, "Иди ко мне из сада!" Сказал ей как-то раз. Когда еще так пелось?! И Роза, в чем была, Сказала: "Ах!" - зарделась И вещи собрала. И всеми лепестками Вмиг завладел нахал. Маман была с друзьями, Каштан уже опал. Искала Роза счастья И не видала, как Сох от любви и страсти Почти что зрелый Мак. Но думала едва ли, Как душен пошлый цвет, Все лепестки опали И Розы больше нет. И в

черном цвете Мака Был траурный покой. Каштан ужасно плакал, Когда расцвел весной. # 022

1968 Романс

Было так - я любил и страдал. Было так - я о ней лишь мечтал. Я ее видел тайно во сне Амазонкой на белом коне. Что мне была вся мудрость скучных книг, Когда к следам ее губами мог припасть я! Что с вами было, королева грез моих? Что с вами стало, мое призрачное счастье? Наши души купались в весне, Плыли головы наши в огне. И печаль, с ней и боль - далеки, И казалось - не будет тоски. Ну а теперь - хоть саван ей готовь, Смеюсь сквозь слезы я и плачу без причины. Вам вечным холодом и льдом сковало кровь От страха жить и от предчувствия кончины. Понял я - больше песен не петь, Понял я - больше снов не смотреть. Дни тянулись с ней нитями лжи, С нею были одни миражи. Я жгу остатки праздничных одежд, Я струны рву, освобождаясь от дурмана, Мне не служить рабом у призрачных надежд, Не поклоняться больше идолам обмана! # 023

1968 Охота на волков

Рвусь из сил - и из всех сухожилий, Но сегодня - опять как вчера: Обложили меня, обложили Гонят весело на номера! Из-за елей хлопчут двустволки Там охотники прячутся в тень, На снегу кувыркаются волки, Превратившись в живую мишень. Идет охота на волков, идет охота На серых хищников, матерых и щенков! Кричат загонщики, и лают псы до рвоты, Кровь на снегу - и пятна красные флажков. Не на равных играют с волками Егеря - но не дрогнет рука, Оградив нам свободу флажками, Бьют уверенно, наверняка. Волк не может нарушить традиций, Видно, в детстве - слепые щенки Мы, волчата, сосали волчицу И всосали: нельзя за флажки! И вот - охота на волков, идет охота На серых хищников, матерых и щенков! Кричат загонщики, и лают псы до рвоты, Кровь на снегу - и пятна красные флажков. Наши ноги и челюсти быстры, Почему же, вожак, - дай ответ Мы затравленно мчимся на выстрел И не пробуем - через запрет?! Волк не может, не должен иначе. Вот кончается время мое: Тот, которому я предназначен, Улыбнулся - и поднял ружье. Идет охота на волков, идет охота На серых хищников, матерых и щенков! Кричат загонщики, и лают псы до рвоты, Кровь на снегу - и пятна красные флажков. Я из повиновения вышел За флажки, - жажда жизни сильнее! Только сзади я с радостью слышал Удивленные крики людей. Рвусь из

сил - и из всех сухожилий, Но сегодня не так, как вчера: Обложили меня, обложили Но остались ни с чем егеря! Идет охота на волков, идет охота На серых хищников, матерых и щенков! Кричат загонщики, и лают псы до рвоты, Кровь на снегу - и пятна красные флажков. # 024

1968 Банька по-белому

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка, Раскалю я себя, распалю, На полоче, у самого краюшка, Я сомненья в себе истреблю. Разомлею я до неприличности, Ковш холодной - и все позади, И наколка времен культа личности Засинеет на левой груди. Протопи ты мне баньку по-белому, Я от белого свету отвык, Угорю я - и мне, угорелому, Пар горячий развяжет язык. Сколько веры и лесу повалено, Сколь изведено горя и трасс! А на левой груди - профиль Сталина, А на правой - Маринка анфас. Эх, за веру мою беззаветную Сколько лет отдыхал я в раю! Променял я на жизнь беспросветную Несусветную глупость мою.

Протопи ты мне баньку по-белому, Я от белого свету отвык, Угорю я - и мне, угорелому, Пар горячий развяжет язык. Вспоминаю, как утречком раненько Брату крикнуть успел: "Пособи!" И меня два красивых охранника Повезли из Сибири в Сибирь. А потом на карьере ли, в топи ли, Наглотавшись слезы и сырца, Ближе к сердцу кололи мы профили, Чтоб он слышал как рвутся сердца. Протопи ты мне баньку по-белому, Я от белого свету отвык, Угорю я - и мне, угорелому, Пар горячий развяжет язык. Ох, знобит от рассказа дотошного! Пар мне мысли прогнал от ума. Из тумана холодного прошлого Окунаюсь в горячий туман. Застучали мне мысли под темечком: Получилось - я зря им клеймен, И хлещу я березовым веничком По наследию мрачных времен. Протопи ты мне баньку по-белому, Чтоб я к белому свету привык, Угорю я - и мне, угорелому, Ковш холодной развяжет язык. Протопи!... Не топи!.. Протопи!.. # 025

1968 У Доски, где почетные гражданеї

У Доски, где почетные граждане, Я стоял больше часа однажды и Вещи слышал там очень важные... "...В самом ихнем тылу, Под какой-то дырой, Мы лежали в пыли Да над самой горой, На природе, как в песне - на лоне, И они у нас как на ладони, Я и друг - тот, с которым зимой Из Сибири сошлись под Москвой. Раньше оба мы были охотники А теперь на нас ватные потники Да протертые подлокотники! Я в Сибири всего Только соболя бил, Ну а друг - он того На медведя ходил. Он колпашевский - тоже берлога! Ну а я из Выезжего Лога. И

еще (если друг не хитрит): Белку - в глаз, да в любой, говорит. Разговор у нас с немцем двухствольчатый: Кто шевелится - тот и кончатый, Будь он лапчатый, перепончатый! Только спорить любил Мой сибирский дружок Он во всем находил Свой, невидимый прок, Оторвался на миг от прицела И сказал: "Это мертвое тело Бьюсь на пачку махорки с тобой!" Я взглянул, говорю: "Нет - живой! Ты его лучше пулей попотчевай. Я oprичь же того ставлю хошь чего Он усидчивый да улежчивый!" Друг от счастья завыл Он уверен в себе: На медведя ходил Где-то в ихней тайге, Он аж вскрикнул (негромко, конечно. Потому что - светло, не кромешно), Поглядел еще раз на овраг И сказал, что я лапоть и враг. И еще заявил, что икра у них! И вообще, мол, любого добра у них!.. И - позарился на мой браунинг. Я тот браунинг взял После ходки одной: Фрица, значит, подмял, А потом - за спиной... И за этот мой подвиг геройский Подарил сам майор Коханойский Этот браунинг - тот, что со мной, Он уж очень был мне дорогой! Но он только на это позарился. Я и парился, и мытарился... Если б знал он, как я отоварился! Я сначала: "Не дам, Не поддамся тебе!" А потом: "По рукам!" И аж плюнул в злобе. Ведь не вещи же - ценные в споре! Мы сошлись на таком договоре: Значит, я прикрываю, а тот Во весь рост на секунду встает... Мы еще пять минут погутарили По рука, как положено, вдарили, Вроде на поле, на базаре ли! Шепчет он: "Коль меня И в натуре убьют Значит, здесь схоронят, И - чего еще тут..." Поглядел еще раз вдоль дороги И шагнул как медведь из берлоги, И хотя уже стало светло Видел я, как сверкнуло стекло. Я нажал - выстрел был первосортненький, Хотя "соболь" попался мне вертненький. А у ног моих - уже мертвенький... Что теперь и наган мне Не им воевать. Но свалился к ногам мне Забыл, как и звать, На природе, как в песне - на лоне, И они у нас как на ладони. ...Я потом разговор вспоминал: Может, правда - он белок стрелял? Вот всю жизнь и кручусь я как верченый. На доске меня этой зачерчивай! ...Эх, зачем он был недоверчивый!" # 026

1968 С Средней Азии - безобразии

С Средней Азии - безобразие (Мне письмо передали с оказией): Как воскресение - так землетрясение, В аэропортах - столпотворение... И если в Кении - наводнение, То, скажем, в Сопоте - песнопения. Грущу я в сумерки и в новолуние: В Китае - жуткая маоцзедунья...

...Остановился вдруг на середине я: В Каире жарко и насерединия. # 027

1968 Угадаешь ли сегодня, елки-палкиі

Угадаешь ли сегодня, елки-палки, Что засядет нам назавтра в черепа?! Я, к примеру, собираю зажигалки, Ну а Севка - начал мучать черепах. Друг мой Колька увлекается Ириной, Друг мой Юрка бредит верховой ездой, Друг мой Витька дни проводит под машиной, Друг мой Левка летом ходит с бородой. Если я задурю, захандрю Зажигалки я вмиг раздарю Или выбросить просто могу, Или одновременно зажгу. # 028

1968 Как тесто на дрожжах, растут рекордыі

Как тесто на дрожжах, растут рекорды, И в перспективе близкой, может быть, Боксеры разобью друг другу морды И скоро будет не по чему бить. Прыгун в длину упрыгнет за границу, А тот, кто будет прыгать в высоту, Взлетит - и никогда не приземлится, Попав в "ТУ-104" на лету. Возможности спортсмена безграничны, И футболисты - даже на жаре Так станут гармоничны и тактичны, Что все голы забьют в одной игре. Сейчас за положенье вне игры - жмут, А будет, тот, кто вне, тот - молодец, Штангисты вырвут, вытолкнут и выжмут Всю сталь, чугун, железо и свинец. Сольются вместе финиши и старты, Болельщикам - задышится легко, Любители азарта - сядут в карты, Стремясь набрать заветное "очко". И - враз и навсегда поставят маты Друг другу все гроссмейстеры в момент, А судьи подадутся в адвокаты, Любой экс-чемпион для них клиент. # 029

1968 Песенка про метателя молота

I. Я раззудил плечо - трибуны замерли, Молчанье в ожидании храня. Эх, что мне мой соперник - Джон ли, Крамер ли, Рекорд уже в кармане у меня! Заметано, заказано, заколото, Мне кажется - я следом полечу. Но мне нельзя, ведь я - метатель молота: Приказано метать - и я мечу. Эх, жаль, что я мечу его в Италии: Я б дома кинул молот без труда, Ужасно далеко, куда подальше, И лучше - если б враз и навсегда. Я против восхищения повального, Но я надеюсь: года не пройдет Я все же зашвырну в такую даль его, Что и судья с ищейкой не найдет... Вокруг меня корреспонденты бесятся. "Мне помогли, - им отвечаю я, Подняться по крутой спортивной лестнице Мой коллектив, мой тренер и - семья".

II. Два пижона из "Креста и полумесяца" И еще один из "Дейли телеграф" Передали ахиною с околесицей, Обзывая меня "Русский Голиаф". Два приятеля моих - копьеметатели И еще один товарищ-дискобол Показали неплохие показатели... Я - в гостинице позвал их в нижний холл. И сказал я им: "Товарищи, внимание! Взявши в руки копья, диски всех систем, При метаньи культивируйте желание Позакидывать их к черту насовсем!" # 030

1968 Песня про правого инсайда

Ох, инсайд! Для него - что футбол, что балет, И всегда он играет по правому краю, Справедливости в мире и на поле нет Потому я всегда только слева играю. Мяч затаился в стриженной траве. Секунда паузы на поле и в эфире... Они играют по системе "дубль-вэ", А нам плевать, у нас - "четыре-два-четыре". Вот инсайд гол забил, получив точный пас. Я хочу, чтоб он встретился мне на дороге, Не могу: меня тренер поставил в запас, А ему сходят с рук перебитые ноги. Мяч затаился в стриженной траве. Секунда паузы на поле и в эфире... Они играют по системе "дубль-вэ", А нам плевать, у нас - "четыре-два-четыре". Ничего! Я немножечко повременю, И пускай мне дадут от команды квартиру Догоню, я сегодня его догоню, Пусть меня не заявят на первенство миру. Мяч затаился в стриженной траве. Секунда паузы на поле и в эфире... Они играют по системе "дубль-вэ", А нам плевать, у нас - "четыре-два-четыре". Ничего! После матча его подожду И тогда побеседуем с ним без судьи мы, Попаду, чуется сердце мое - попаду Со скамьи запасных на скамью подсудимых. Мяч затаился в стриженной траве. Секунда паузы на поле и в эфире... Они играют по системе "дубль-вэ", А нам плевать, у нас - "четыре-два-четыре". # 031

1968 У нее все своеї

У нее все свое - и белье, и жилье, Ну а я ангажирую угол у тети. Для нее все свободное время мое, На нее я гляжу из окна, что напротив. У нее и под утро не гаснет окно, И вчера мне лифтер рассказал за полбанки: У нее два знакомых артиста кино И один популярный артист из "Таганки". И пока у меня в ихнем ЖЭКе рука, Про нее я узнал очень много нюансов: У нее старший брат - футболист "Спартака", А отец референт в Министерстве финансов. Я скажу, что всегда на футболы хожу На "Спартак", и слова восхищенья о брате. Я скажу, что с министром финансов дружу И что сам как любитель играю во МХАТе. У нее, у нее на окошке - герань, У нее, у нее -

занавески в разводах, У меня, у меня на окне - ни хрена, Только пыль, только толстая пыль на комодах... # 032

1968 Я все чаще думаю о судьях

Я все чаще думаю о судьях. Я такого не предполагал: Если обниму ее при людях Будет политический скандал. Будет тон в печати комедийный, Я представлен буду чудачком: Начал целоваться с беспартийной, А теперь целуюсь с жожаком! Трубачи, валяйте, дуйте в трубы! Я еще не сломлен и не сник: Я в ее лице целую в губы Общество "Франс - Юньон Советик". # 033

1968 Марине

То ли - в избу и запеть, Просто так, с морозу, То ли взять и помереть От туберкулезу. То ли выстонать без слов, А может - под гитару?.. Лучше - в сани рысаков И уехать к "Яру"! Вот напасть! - то не всласть, То не в масть карту класть, То ли счастье украсть, То ли просто упасть В грязь... Навсегда в никуда Вечное стремление. То ли - с неба вода, То ль - разлив весенний... Может, эта песня - без конца, А может - без идеи... А я строю печку в изразцах Или просто сею. Сколько лет счастья нет, Впереди - все красный свет... Недопетый куплет, Недодаренный букет... Бред! Назло всем - насовсем Со звездой в лапах, Без реклам, без эмблем, В пимах косолапых... Не догнал бы кто-нибудь, Не почуял запах, Отдохнуть бы, продыхнуть Со звездой в лапах! Без нее, вне ее Ничего не мое, Невеселое житье, И былье - и то ее... Е-мое! # 034

1968 Возвратился друг у меня

Возвратился друг у меня Неожиданно. Бабу на меня променял Где же это видано? Появился друг, Когда нет вокруг Никого - с этим свыкнулся! Ну а он в первый раз Враз все понял без фраз И откликнулся. Может, это бред, может - нет, Только знаю я: Погасить бы мне красный свет! И все же зажигаю я... Оказался он, Как брони заслон, А кругом - с этим свыкнулся! Нет как нет ни души Хоть пиши, хоть вороши... А он откликнулся. Правда, этот друг - если нет Ну ни грамма вам! (А у меня - уже много лет, С детства самого) Он передо мной, Как лист перед травой, А кругом - с этим свыкнулся! Ни души святой, Даже нету той... А он откликнулся. # 035

1968 Песня о двух красивых автомобилях

Без запретов и следов, Об асфальт сжигая шины, Из кошмара городов Рвутся за город машины, И громоздкие, как танки, "Форды",

"линкольны", "селены", Элегантные "мустанги", "Мерседесы", "ситроены". Будто знают - игра стоит свеч, Это будет как кровная месть городам! Поскорей - только б свечи не сжечь, Карбюратор... и что у них есть еще там... И не видно полотна Лимузины, лимузины... Среди них - как два пятна Две красивые машины, Будто связанные тросом (А где тонко, там и рвется). Акселераторам, подсосам Больше дела не найдется. Будто знают - игра стоит свеч, Только вырваться - вы платят все по счетам! Ну а может, он скажет ей речь На клаксоне... и что у них есть еще там... Это скопище машин На тебя таит обиду, Светло-серый лимузин, Не теряй ее из виду! Впереди, гляди, разъезд, Больше риску, больше веры! Опоздаешь!.. Так и есть Ты промедлил, светло-серый! Они знали - игра стоит свеч, А теперь - что ж сигналить рекламным щитам?! Ну а может, гора ему с плеч, И с капота... и что у них есть еще там... Нет, развилка - как беда, Стрелки врозь - и вот не здесь ты! Неужели никогда Не сближают нас разъезды? Этот - сходится, один! И, врубив седьмую скорость, Светло-серый лимузин Позабыл нажать на тормоз... Что ж съезжаться - пустые мечты? Или это есть кровная месть городам?.. Покатались колеса, мосты, И сердца... или что у них есть еще там... # 036

1968 Я не люблю

Я не люблю фатального исхода, От жизни никогда не устаю. Я не люблю любое время года, Когда веселых песен не пою. Я не люблю открытого цинизма, В восторженность не верю, и еще Когда чужой мой читает письма, Заглядывая мне через плечо. Я не люблю, когда - наполовину Или когда прервали разговор. Я не люблю, когда стреляют в спину, Я также против выстрелов в упор. Я ненавижу сплетни в виде версий, Червей сомненья, почестей иглу, Или - когда все время против шерсти, Или - когда железом по стеклу. Я не люблю уверенности сытой, Уж лучше пусть откажут тормоза. Досадно мне, что слово "честь" забыто И что в чести наветы за глаза. Когда я вижу сломанные крылья Нет жалости во мне, и неспроста: Я не люблю насилье и бессилье, Вот только жаль распятого Христа. Я не люблю себя когда я трушу, Обидно мне, когда невинных бьют. Я не люблю, когда мне лезут в душу, Тем более - когда в нее плюют. Я не люблю манежи и арены: На них миллион меняют по рублю, Пусть впереди большие перемены Я это никогда не полюблю! # 037

1969 Оловянные солдатики (Н. Высоцкому)

Будут и стихи, и математика, Почести, долги, неравный бой, Нынче ж оловянные солдатики Здесь, на старой карте, стали в строй. Лучше бы уж он держал в казарме их, Только - на войне как на войне Падают бойцы в обеих армиях, Поровну на каждой стороне. Может быть - пробелы в воспитании И в образовании слабина, Но не может выиграть кампании Та или другая сторона. Свести проблемы окаянные Как перед собой не согрешить? Тут и там - солдаты оловянные, Как решить, кто должен победить? И какая, к дьяволу, стратегия, И какая тактика, к чертям! Вот сдалась нейтральная Норвегия. Ордам оловянных египтян. Левою рукою Скандинавия Лишена престижа своего, Но рука решительная правая Вмиг восстановила статус-кво. Где вы, легкомысленные гении, Или вам являться недосуг? Где вы, проигравшие сражения Просто, не испытывая мук? Или вы, несущие в венце зарю Битв, побед, триумфов и могил, Где вы, уподобленные Цезарю, Что пришел, увидел, победил? Нервничает полководец маленький, Непосильной ношей отягчен, Вышедший в громадные начальники, Шестилетний мой Наполеон. Чтобы прекратить его мучения, Ровно половину тех солдат Я покрасил синим - шутка гения, Утром вижу - синие лежат. Я горжусь успехами такими, но Мысль одна с тех пор меня гнетет: Как решил он, чтоб погибли именно Синие, а не наоборот?.. # 001

1969 У меня долги перед друзьями

У меня долги перед друзьями, А у них зато - передо мной, Но своими странными делами И они чудят, и я чудной. Напишите мне письма, ребята, Подарите мне пару минут, А не то моя жизнь будет смята, И про вас меньше песен споют. Вы мосты не жгите за собою, Вы не рушьте карточных домов. Бог с ними совсем, кто рвется к бою Просто из-за женщин и долгов! Напишите мне письма, ребята, Осчастливьте меня хоть чуть-чуть, А не то я умру без зарплаты, Не успев вашей ласки хлебнуть. # 002

1969 Я лежу в изоляторе

Я лежу в изоляторе, Здесь кругом резонаторы: Если что-то случается Тут же врач появляется. Здесь врачи - узурпаторы, Злые, как аллигаторы! Персонал - то есть нянечки Запирают в предбанничке. Что мне север, экваторы, Что мне бабы-новаторы, Если в нашем предбанничке Так свирепствуют нянечки! Санитары - как авторы, Хоть не бегай в театры вы! Бьют и вяжут, как веники, Правда, мы -

шизофреники. У них лапы косматые, У них рожи усатые И бутылки початые, Но от нас их попрятали. # 003

1969 Нет рядом никого, как ни дышии

Нет рядом никого, как ни дыши! Давай с тобой организуем встречу! Марина, ты письмо мне напиши, По телефону я тебе отвечу. Пусть будет так, как года два назад, Пусть встретимся надолго или вечно, Пусть наши встречи только наугад, Хотя ведь ты работаешь, конечно. Не видел я любой другой руки, Которая бы так меня ласкала, Вот по таким тоскуют моряки... Сейчас - моя душа затосковала. Я песен петь не буду никому! Пусть, может быть, ты этому не рада, Я для тебя могу пойти в тюрьму, Пусть это будет за тебя награда. Не верь тому, что будут говорить, Не верю я тому, что люди рады. Когда-нибудь мы будем вместе пить Любовный взор и трепетного яда. # 004

1969 Ноль семь

Для меня эта ночь - вне закона, Я пишу - по ночам больше тем. Я хватаюсь за диск телефона, Набираю вечное ноль семь. "Девушка, здравствуйте! Как вас звать?" - "Тома". "Семьдесят вторая! Жду дыханье затая... Быть не может, повторите, я уверен - дома!.. Вот уже ответили. Ну здравствуй, это я!" Эта ночь для меня вне закона, Я не сплю - я кричу: "Поскорей!.." Почему мне в кредит, по талону Предлагают любимых людей! "Девушка, слушайте! Семьдесят вторая! Не могу дождаться, и часы мои стоят... К дьяволу все линии - я завтра улетаю!.. Вот уже ответили. Ну здравствуй, это я!" Телефон для меня - как икона, Телефонная книга - триптих, Стала телефонистка мадонной, Расстоянье на миг сократив. "Девушка, милая! Я прошу - продлите! Вы теперь как ангел - не сходите ж с алтаря! Самое главное - впереди, поймите... Вот уже ответили. Ну здравствуй, это я!" Что, опять повреждение на трассе? Что, реле там с ячейкой шалют? Мне плевать - буду ждать, - я согласен Начинать каждый вечер с нуля! "Ноль семь, здравствуйте! Снова я". - "Да что вам?" "Нет, уже не нужно, - нужен город Магадан. Не даю вам слова, что звонить не буду снова, Просто друг один - узнать, как он, бедняга, там..." Эта ночь для меня вне закона, Ночи все у меня не для сна, А усну - мне приснится мадонна, На кого-то похожа она. "Девушка, милая! Снова я, Тома! Не могу дождаться - жду дыханье затая... Да, меня!.. Конечно, я!.. Да, я!.. Конечно, дома!" "Вызываю... Отвечайте..." - "Здравствуй, это я!" # 005

1969 Не писать мне повестей, романови

Не писать мне повестей, романов, Не читать фантастику в углу, Я лежу в палате наркоманов, Чувствую - сам сяду на иглу. Кто-то раны лечил боевые, Кто-то так, обеспечил тылы... Эх вы парни мои "шировые", Поскорее слезайте с иглы! В душу мне сомнения запали, Голову вопросами сверлят, Я лежу в палате, где глотали, Нюхали, кололи все подряд. Кто-то там проколол свою душу, Кто-то просто остался один... Эй вы парни, бросайте "морфушу" Перейдите на апоморфин! Тут один знакомый шизофреник В него тайно няня влюблена Говорит "Когда не будет денег Перейду на капли Зимина". Кто-то там проколол свою совесть, Кто-то в сердце вкурил анашу... Эх вы парни, про вас нужно повесть, Жалко, повестей я не пишу. Требуются срочно перемены! Самый наш веселый - тоже сник. Пятый день кому-то ищут вены Не найдут, - он сам от них отвык. Кто-то даже нюхнул кокаина, Говорят, что - мгновенный приход; Кто-то съел килограмм кодеина И пустил себя за день в расход. Я люблю загульных, но не пьяных, Я люблю отчаянных парней. Я лежу в палате наркоманов, Сколько я наслушался здесь, в ней! Кто-то гонит кубы себе в руку, Кто-то ест даже крепкий вольфрам... Добровольно принявшие муку, Эта песня написана вам! # 006

1969 И душа и голова, кажись, болиті

И душа и голова, кажись, болит, Верьте мне, что я не притворяюсь. Двести тыщ - тому, кто меня вызволит! Ну и я, конечно, постараюсь. Нужно мне туда, где ветер с соснами, Нужно мне, и все, - там интереснее! Поделюсь хоть всеми папиросами И еще вдобавок тоже - песнями. Дайте мне глоток другого воздуха! Смею ли роптать? Наверно, смею. Запах здесь... А может быть, вопрос в духах?.. Отблагодарю, когда сумею. Нервы у меня хотя луженые, Кончилось спокойствие навеки. Эх вы мои нервы обнаженные! Ожили б - ходили б как калеки. Не смотрите на меня, что губы сжал, Если слово вылетит, то - злое. Я б отсюда в тапочках в тайгу сбежал, Где-нибудь зарююсь - и завою! # 007

1969 Жизни после смерти неті

Жизни после смерти нет. Это все неправда. Ночью снятся черти мне, Убежав из ада. # 008

1969 Песенка о переселении душ

Кто верит в Магомета, кто - в Аллаха, кто - в Исуса, Кто ни во что не верит - даже в черта, назло всем, Хорошую религию придумали

индусы: Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя Родишься вновь с мечтою, Но если жил ты как свинья Останешься свиньею. Пусть косо смотрят на тебя - привыкни к укоризне, Досадно - что ж, родишься вновь на колкости горазд. А если видел смерть врага еще при этой жизни, В другой тебе дарован будет верный зоркий глаз. Живи себе нормальненько Есть повод веселиться: Ведь, может быть, в начальника Душа твоя вселится. Пускай живешь ты дворником - родишься вновь прорабом, А после из прораба до министра дорастешь, Но, если туп, как дерево - родишься баобабом И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь. Досадно попугаем жить, Гадюкой с длинным веком, Не лучше ли при жизни быть Приличным человеком?! Так кто есть кто, так кто был кем? - мы никогда не знаем. Кто был никем, тот станет всем - задумайся о том! Быть может, тот облезлый кот - был раньше негодяем, А этот милый человек - был раньше добрым псом.

Я от восторга прыгаю, Я обхожу искусства, Удобную религию Придумали индусы! # 009

1969 Поездка в город

Я - самый непьющий из всех мужуков: Во мне есть моральная сила, И наша семья большинством голосов, Снабдив меня списком на восемь листов, В столицу меня снарядила. Чтобы я привез снохе с ейным мужем по дохе, Чтобы брату с бабой - кофе растворимый, Двум невесткам - по ковру, зятю - черную икру, Тестю - что-нибудь армянского розлива. Я ранен, контужен - я малость боюсь Забыть, что кому по порядку, Я список вещей заучил наизусть, А деньги зашил за подкладку. Значит, брату - две дохи, сестрин муж - ему духи, Тесть сказал: "Давай бери что попадетсЯ!" Двум невесткам - по ковру, зятю - заячью икру, Куму - водки литра два, - пущай зальетсЯ! Я тыкался в спины, блуждал по ногам, Шел грудью к плащам и рубашкам. Чтоб список вещей не достался врагам, Его проглотил я без страха. Но помню: шубу просит брат, Куму с бабой - все подряд, Тестю - водки ереванского розлива, Двум невесткам - по ковру, зятю - заячью нору, А сестре - плевать чего, но чтоб - красиво! Да что ж мне - пустым возвращаться назад?! Но вот я набрел на товары. "Какая валюта у вас?" - говорят. "Не бойсь, - говорю, - не доллары!" Растворимой мне махры, зять - подойдет без икры, Тестю, мол, даешь духи для опохмелки! Двум невесткам - все равно, мужу сестрину - вино, Ну а мне - вот это

желтое в тарелке! Не помню про фунты, про стерлинги слов, Сраженный ужасной загадкой: Зачем я тогда проливал свою кровь, Зачем ел тот список на восемь листов, Зачем мне рубли за подкладкой?! Где же все же взять доху, зятю - кофе на меху? Тестю - хрен, а кум и пивом обойдется. Где мне взять коня в пуху, растворимую сноху? Ну а брат и самогоном перебьется! # 010

1969 Как-то раз, цитаты Мао прочитаві

Как-то раз, цитаты Мао прочитав, Вышли к нам они с большим его портретом. Мы тогда чуть-чуть нарушили устав... Остальное вам известно по газетам. Вспомнилась песня, вспомнился стих, Словно шепнули мне в ухо: "Сталин и Мао слушают их..." Вот почему - заваруха. При поддержке минометного огня, Молча, медленно, как будто - на охоту, Рать китайская бежала на меня... Позже выяснилось - численностью в роту. Вспомнилась песня, вспомнился стих, Словно шепнули мне в ухо: "Сталин и Мао слушают их..." Вот почему - заваруха. Раньше - локти хоть кусать, но не стрелять! Лучше дома пить сгущенное какао. Но сегодня приказали: не пускать! Теперь вам шиш, по расаганс, товарищ Мао! Вспомнилась песня, вспомнился стих, Словно шепнули мне в ухо: "Сталин и Мао слушают их..." Вот почему - заваруха. Раньше я стрелял с колена: на бегу Не привык я просто к медленным решеньям, Раньше я стрелял по мнимому врагу, А теперь придется по живым мишеням. Вспомнилась песня, вспомнился стих, Словно шепнули мне в ухо: "Сталин и Мао слушают их..." Вот почему - заваруха. Мины падают, и рота так и прет, Кто как может - по воде, не зная броду. Что обидно! - этот самый миномет Подарили мы китайскому народу. Вспомнилась песня, вспомнился стих, Словно шепнули мне в ухо: "Сталин и Мао слушают их..." Вот почему - заваруха. Он давно - Великий Кормчий - вылезал, А теперь, не успокоившись на этом, Наши братья залегли - и дали залп... Остальное вам известно по газетам. Вспомнилась песня, вспомнился стих, Словно шепнули мне в ухо: "Сталин и Мао слушают их..." Вот почему - заваруха. # 011

1969 Подумаешь - с женой не очень ладноі

Подумаешь - с женой не очень ладно, Подумаешь - неважно с головой, Подумаешь - ограбили в парадном, Скажи еще спасибо, что - живой! Ну что ж такого - мучает саркома, Ну что ж такого - начался запой, Ну что ж такого - выгнали из дома, Скажи еще спасибо, что -

живой! Плевать - партнер по покеру дал дуба, Плевать, что снится ночью домовой, Плевать - в "Софии" выбили два зуба, Скажи еще спасибо, что - живой! Да ладно - ну уснул вчера в опилках, Да ладно - в челюсть врезали ногой, Да ладно - потащили на носилках, Скажи еще спасибо, что - живой! Да, правда - тот, кто хочет, тот и может, Да, правда - сам виновен, бог со мной, Да, правда, - но одно меня тревожит: Кому сказать спасибо, что - живой! # 012

1969 Я склонен думать, гражданин судьяі

Я склонен думать, гражданин судья, Что прокурор сегодня был поддавши, Ведь нападавшим вовсе не был я, А я, скорее, даже - пострадавший. Зачем я дрался? Я вам отвечу: Я возвращался, А он - навстречу! Я вижу - тучи По небу мчатся... Конечно, лучше б Нам не встречаться. Так вот, товарищ гражданин судья, Поймите, не заваривал я кашу. Учтите - это ложная статья Мешком камней на совесть ляжет вашу. # 013

1969 Рядовой Борисові

"Рядовой Борисов!" - "Я!" - "Давай, как было дело!" "Я держался из последних сил: Дождь хлестал, потом устал, потом уже стемнело... Только я его предупредил! На первый окрик: "Кто идет?" он стал шутить, На выстрел в воздух закричал: "Кончай дурить!" Я чуть замешкался и, не вступая в спор, Чинарик выплюнул - и выстрелил в упор". "Бросьте, рядовой, давайте правду, - вам же лучше! Вы б его узнали за версту..." "Был туман - узнать не мог - темно, на небе тучи, Кто-то шел - я крикнул в темноту. На первый окрик: "Кто идет?" он стал шутить, На выстрел в воздух закричал: "Кончай дурить!" Я чуть замешкался и, не вступая в спор, Чинарик выплюнул - и выстрелил в упор". "Рядовой Борисов, - снова следователь мучил, Попадете вы под трибунал!" "Я был на посту - был дождь, туман, и были тучи, Снова я устало повторял. На первый окрик: "Кто идет?" он стал шутить, На выстрел в воздух закричал: "Кончай дурить!" Я чуть замешкался и, не вступая в спор, Чинарик выплюнул - и выстрелил в упор". ...Год назад - а я обид не забываю скоро В шахте мы повздорили чуток, Правда, по душам не получилось разговора: Нам мешал отбойный молоток. На крик души: "Оставь ее!" он стал шутить, На мой удар он закричал: "Кончай дурить!" Я чуть замешкался - я был обижен, зол, Чинарик выплюнул, нож бросил и ушел. Счастье мое, что оказался он живучим!... Ну а я - я долг свой выполнял. Правда ведь, - был дождь,

туман, по небу плыли тучи... По уставу - правильно стрелял! На первый окрик: "Кто идет?" он стал шутить, На выстрел в воздух закричал: "Кончай душить!" Я чуть замешкался и, не вступая в спор, Чинарик выплюнул - и выстрелил в упор. # 014

1969 Я уверен, как ни разу в жизни

Я уверен, как ни разу в жизни Это точно, Что в моем здоровом организме Червоточина. Может, мой никчемный орган - плевра, Может - многие, Но лежу я в отделении невро Паталогии. Выдам то, что держится в секрете, Но наверное, Наше население на две трети Люди нервные. Эврика! Нашел - вот признак первый, Мной замеченный: Те, кто пьют - у них сплошные нервы Вместо печени. Высох ты и бесподобно жилист, Словно мумия, Знай, что твои нервы обнажились До безумия. Если ты ругаешь даже тихих Или ссоришься Знай, что эти люди тоже психи, Ох, напорешься! # 015

1969 Слухи по России верховодят

Слухи по России верховодят И со сплетней в терции поют. Ну а где-то рядом с ними ходит Правда, на которую плюют. # 016

1969 Песенка о слухах

Сколько слухов наши уши поражает, Сколько сплетен разъедает, словно моль! Ходят сухи, будто все подорожает абсолютно, А особенно - штаны и алкоголь! Словно мухи, тут и там Ходят слухи по домам, А беззубые старухи Их разносят по умам! - Слушай, слышал? Под землю город строят, Говорят - на случай ядерной войны! - Вы слышали? Скоро бани все закроют повсеместно Навсегда, - и эти сведенья верны! Словно мухи, тут и там Ходят слухи по домам, А беззубые старухи Их разносят по умам! - А вы знаете? Мамыкина снимают За разврат его, за пьянство, за дебош! - Кстати, вашего соседа забирают, негодяя, Потому что он на Берию похож!

Словно мухи, тут и там Ходят слухи по домам, А беззубые старухи Их разносят по умам! - Ой, что дается! Вчерась траншею рыли Так откопали две коньячные струи! - Говорят, шпионы воду отравили самогоном. Ну а хлеб теперь - из рыбной чешуи! Словно мухи, тут и там Ходят слухи по домам, А беззубые старухи Их разносят по умам! Закаленные во многих заварухах, Слухи ширятся, не ведая преград, Ходят сплетни, что не будет больше слухов абсолютно. Ходят слухи, будто сплетни запретят! Словно мухи, тут и там Ходят слухи по домам, А беззубые старухи Их разносят по умам! # 017

1969 Старательская (Письмо друга, И.Кохановскому)

Друг в порядке - он, словом, при деле, Завязал он с газетой тесьмой: Друг мой золото моет в артели, Получил я сегодня письмо. Пишет он, что работа - не слишком... Словно лозунги клеит на дом: "Государство будет с золотишком, А старатель будет - с трудоднем!" Говорит: "Не хочу отпираться, Что поехал сюда за рублем..." Говорит: "Если чуть постараться, То вернуться могу королем!" Написал, что становится злее. "Друг, - он пишет, - запомни одно: Золотишко всегда тяжелее И всегда оседает на дно. Тонет золото - хоть с топорщиком. Что ж ты скис, захандрил и поник? Не бойсь: если тонешь, дружище, Значит, есть и в тебе золотник!" Пишет он второпях, без запинки: "Если грязь и песок над тобой Знай: то жизнь золотые песчинки Отмывает живящей водой..." Он ругает меня: "Что ж не пишешь?! Знаю - тонешь, и знаю - хандра, Все же золото - золото, слышишь! Люди бережно снимут с ковра..." Друг стоит на насосе и в метку Отбивает от золота муть. ...Я письмо проглотил как таблетку И теперь не боюсь утонуть! Становлюсь я упрямею, прямее, Пусть бежит по колоде вода, У старателей - все лотерея, Но старатели будут всегда! # 018

1969 И вкусы и запросы мои - странный

И вкусы и запросы мои - странны, Я экзотичен, мягко говоря: Могу одновременно грызть стаканы И Шиллера читать без словаря. Во мне два Я - два полюса планеты, Два разных человека, два врага: Когда один стремится на балеты Другой стремится прямо на бега. Я лишнего и в мыслях не позволю, Когда живу от первого лица, Но часто вырывается на волю Второе Я в обличье подлеца. И я боюсь, давлю в себе мерзавца, О, участь беспокойная моя! Боюсь ошибки: может оказаться, Что я давлю не то второе Я. Когда в душе я раскрываю гранки На тех местах, где искренность сама, Тогда мне в долг дают официантки И женщины ласкают задарма. Но вот летят к чертям все идеалы, Но вот я груб, я нетерпим и зол, Но вот сижу и тупо ем бокалы, Забрасывая Шиллера под стол. ...А суд идет, весь зал мне смотрит в спину. Вы, прокурор, вы, гражданин судья, Поверьте мне: не я разбил витрину, А подлое мое второе Я. И я прошу вас: строго не судите, Лишь дайте срок, но не давайте срок! Я буду посещать суды как зритель И в тюрьмы заходить на огонек. Я больше не намерен бить витрины И лица граждан - так и запиши! Я воссоединю две половины

Моей больной раздвоенной души! Искоренно, похороню, зарюю,
Очищусь, ничего не скрою я! Мне чуждо это е мое второе, Нет, это не
мое второе Я. # 019

1969 Про любовь в каменном веке

А ну отдай мой каменный топор! И шкур моих набедренных не
тронь! Молчи, не вижу я тебя в упор, Сиди вон и поддерживай огонь!
Выгадывать не смей на мелочах, Не опошляй семейный наш уклад! Не
убрана пещера и очаг, Избаловалась ты в матриархат! Придержи свое
мнение: Я - глава, и мужчина - я! Соблюдай отношения
Первобытнообщинныя. Там мамонта убьют - поднимут вой, Начнут
добычу поровну делить... Я не могу весь век сидеть с тобой Мне надо
хоть кого-нибудь убить! Старейшины сейчас придут ко мне, Смотри
еще - не выйди голой к ним! Век каменный - и не достать камней, Мне
стыдно перед племенем моим! Пять бы жен мне - наверное,
Разобрался бы с вами я! Но дела мои - скверные, Потому - моногамия.
А все - твоя проклятая родня! Мой дядя, что достался кабану, Когда
был жив, предупреждал меня: Нельзя из людоедок брать жену! Не
ссорь меня с общиной - это ложь, Что будто к тебе кто-то пристаёт, Не
клевети на нашу молодежь, Она - надежда наша и оплот! Ну что
глядишь - тебя пока не бьют, Отдай топор - добром тебя прошу! А
шкуры - где? Ведь люди засмеют!.. До трех считаю, после - задушу! #
020

1969 Семейные дела в Древнем Риме

Как-то вечером патриции Собрались у Капитолия Новостями
поделиться и Выпить малость алкоголя. Не вести ж бесед тверезыми!
Марк-патриций не мытарился Пил нектар большими дозами И ужасно
нанектарился. И под древней под колонною Он исторг из уст
проклятия: "Эх, с почтенною матреною Разойдусь я скоро, братия! Она
спуталась с поэтами, Помешалась на театрах Так и шастает с билетами
На приезжих гладиаторов! "Я, - кричит, - от бескультурия Скоро стану
истеричкою!" В общем, злобствует как фурия, Поощряема
сестричкою! Только цыкают и шикают... Ох, налейте мне "двойных"!
Мне ж - рабы в лицо хихикают. На войну бы мне, да нет войны! Я
нарушу все традиции Мне не справиться с обеими, Опускаюсь я,
патриции, Дую горькую с плебеями! Я ей дом оставляю в Персии Пусть
берет сестру-мегерочку, На отцовские сестерции Заведу себе
гетерочку. У гетер хотя безнравственней, Но они не обезумели. У

гетеры пусть все явственней, Зато родственники умерли. Там сумею исцелиться и Из запоя скоро выйду я!" ...И пошли домой патриции, Марку пьяному завидуя. # 021

1969 В прекрасном зале Гранд-Операї

В прекрасном зале Гранд-Опера Затихли клакеры, погасли все огни, Шуршали платья и веера. Давали "Фронду" при участии Дени. А в ложе "Б", обняв за талью госпожу, Маркиз шептал: "Ах, я у ваших ног лежу! Пока вступленье - я скажу, что больше нету терпежу, Я из-за вас уж третий месяц как гужу". Оркестр грянул - и зал затих. Она сказала: "Но я замужем, синьор. Во-первых - это, а во-вторых Я вам не верю, пьете вы из-за нее". "Мадам, клянусь, я вам на деле докажу! Мадам, я жизни и себя не пощажу. Да я именье заложу, я всех соперников - к ножу! Я даже собственного папу накажу". Пел Риголетто как на духу, Партер и ярусы закончили жевать, Он "ля" спокойно взял наверху... И лишь двоим на это было наплевать. И в ложе "Б" маркиз шептал: "Я весь дрожу, Я мужа вашего ударом награжу, А ту, другую, я свяжу, но, если вас не заслужу То в монастырь я в этом разе ухожу". # 022

1969 Про любовь в Средние века

Сто сарацинов я убил во славу ей Прекрасной даме посвятил я сто смертей, Но наш король - лукавый сир затеял рыцарский турнир, Я ненавижу всех известных королей! Вот мой соперник - рыцарь Круглого стола, Чужую грудь мне под копьё король послал. Но - в сердце нежное ее мое направлено копьё, Мне наплевать на королевские дела! Герб на груди его - там плаха и петля, Но будет дырка там, как в днище корабля. Он - самый первый фаворит, к нему король благоволит, Но мне сегодня наплевать на короля! Король сказал: "Он с вами справится шая! И пошутил: - Пусть будет пухом вам земля!" Я буду пищей для червей тогда он женится на ней, Простит мне бог, я презираю короля! Вот подан знак - друг друга взглядом пепеля, Коней мы гоним, задыхаясь и пыля. Забрало поднято - изволь! Ах, как волнуется король!.. Но мне, ей-богу, наплевать на короля! Ну вот все кончено - пусть отдохнут поля, Вот льется кровь его на стебли ковыля. Король от бешенства дрожит, но мне она принадлежит Мне так сегодня наплевать на короля! ...Но в замке счастливо мы не пожили с ней: Король в поход послал на сотни долгих

дней, Не ждет меня мой идеал, ведь он - король, а я - вассал, И рано, видимо, плевать на королей! # 023

1969 Про любовь в эпоху Возрождения

Может быть, выпив поллитру, Некий художник от бед Встретил чужую палитру И посторонний мольберт. Дело теперь за немногим Нужно натуры живой, Глядь - симпатичные ноги С гордой идут головой. Он подбегает к Венере: "Знаешь ли ты, говорят Данте к своей Алигьери Запросто шастает в ад! Ада с тобой нам не надо Холодно в царстве теней... Кличут меня Леонардо. Так раздевайся скорей! Я тебя - даже нагую Действием не оскорблю, Дай я тебя нарисую Или из глины слеплю!" Но отвечала сестричка: "Как же вам не ай-яй-яй! Честная я католичка И не согласная я! Вот испохабились нынче Так и таскают в постель! Ишь - Леонардо да Винчи Тоже какой Рафаэль! Я не привыкла без чувства Не соглашусь ни в жисть! Мало что ты - для искусства, Сперва давай-ка женись! Там и разденемся в спальней Как у людей повелось... Мало что ты - гениальный! Мы не глупее небось!" "Так у меня ж - вдохновенье, Можно сказать, что экстаз!" Крикнул художник в волненье... Свадьбу сыграли на раз. ...Женщину с самого низа Встретил я раз в темноте, Это была Монна Лиза В точности как на холсте. Бывшим подругам в Сорренто Хвасталась эта змея: "Ловко я интеллигента Заполучила в мужья!.." Вкалывал он больше года Весь этот длительный срок Все ухмылялась Джоконда: Мол, дурачок, дурачок! ...В песне разгадка дается Тайны улыбки, а в ней Женское племя смеется Над простодушьем мужей! # 024

1969 Песня о Земле

Кто сказал: "Все сгорело дотла, Больше в землю не бросите семя!?" Кто сказал, что Земля умерла? Нет, она затаилась на время! Материнства не взять у Земли, Не отнять, как не вычерпать моря. Кто поверил, что Землю сожгли? Нет, она почернела от горя. Как разрезы, траншеи легли, И воронки - как раны зияют. Обнаженные нервы Земли Неземное страдание знают. Она вынесет все, переждет, Не записывай Землю в калеки! Кто сказал, что Земля не поет, Что она замолчала навеки?! Нет! Звенит она, стоны глуша, Изо всех своих ран, из отдушин, Ведь Земля - это наша душа, Сапогами не вытоптать душу! Кто поверил, что Землю сожгли?! Нет, она затаилась на время... # 025

1969 В темноте

Темнота впереди - подожди! Там - стеною закаты багровые, Встречный ветер, косые дожди И дороги неровные. Там - чужие слова, там - дурная молва, Там ненужные встречи случаются, Там пожухла, сгорела трава И следы не читаются, В темноте. Там проверка на прочность - бои, И закаты, и ветры с прибоями, Сердце путает ритмы свои И стучит с перебоями. Там - чужие слова, там - дурная молва, Там ненужные встречи случаются, Там пожухла, сгорела трава И следы не читаются, В темноте. Там и звуки и краски - не те, Только мне выбирать не приходится Видно, нужен я там, в темноте, Ничего - распогодится!

Там - чужие слова, там - дурная молва, Там ненужные встречи случаются, Там пожухла, сгорела трава И следы не читаются, В темноте. # 026

1969 Он не вернулся из боя

Почему все не так? Вроде - все как всегда: То же небо - опять голубое, Тот же лес, тот же воздух и та же вода... Только - он не вернулся из боя. Мне теперь не понять, кто же прав был из нас В наших спорах без сна и покоя. Мне не стало хватать его только сейчас Когда он не вернулся из боя. Он молчал невпопад и не в такт подпевал, Он всегда говорил про другое, Он мне спать не давал, он с восходом вставал, А вчера не вернулся из боя. То, что пусто теперь, - не про то разговор: Вдруг заметил я - нас было двое... Для меня - будто ветром задуло костер, Когда он не вернулся из боя. Нынче вырвалась, словно из плена, весна, По ошибке окликнул его я: "Друг, оставь прикурить!" - а в ответ - тишина... Он вчера не вернулся из боя. Наши мертвые нас не оставят в беде, Наши павшие - как часовые... Отражается небо в лесу, как в воде, И деревья стоят голубые. Нам и места в землянке хватало вполне, Нам и время текло - для обоих... Все теперь - одному, - только кажется мне Это я не вернулся из боя. # 027

1969 Сыновья уходят в бой

Сегодня не слышно биенье сердец Оно для аллей и беседок. Я падаю, грудью хватая свинец, Подумать успев напоследок: "На этот раз мне не вернуться, Я ухожу - придет другой". Мы не успели оглянуться А сыновья уходят в бой! Вот кто-то решил: после нас - хоть потоп, Как в пропасть шагнул из окопа. А я для того свой покинул окоп, Чтоб не было вовсе потопа. Сейчас глаза мои сомкнутся, Я крепко обнимусь с землей. Мы не успели оглянуться А сыновья уходят

в бой! Кто сменит меня, кто в атаку пойдет? Кто выйдет к заветному мосту? И мне захотелось - пусть будет вон тот, Одетый во все не по росту. Я успеваю улыбнуться, Я видел, кто придет за мной. Мы не успели оглянуться А сыновья уходят в бой! Разрывы глушили биенье сердец, Мое же - мне громко стучало, Что все же конец мой - еще не конец: Конец - это чье-то начало. Сейчас глаза мои сомкнутся, Я крепко обнимусь с землей. Мы не успели оглянуться А сыновья уходят в бой! # 028

1969 К вершине (Памяти Михаила Хергиани)

Ты идешь по кромке ледника, Взгляд не отрывая от вершины. Горы спят, вдыхая облака, Выдыхая снежные лавины. Но они с тебя не сводят глаз Будто бы тебе покой обещан, Предостерегая всякий раз Камнепадом и оскалом трещин. Горы знают - к ним пришла беда, Дымом затянуло перевалы. Ты не отличал еще тогда От разрывов горные обвалы. Если ты о помощи просил Громким эхом отзывались скалы, Ветер по ущельям разносил Эхо гор, как радиосигналы. И когда шел бой за перевал, Чтобы не был ты врагом замечен, Каждый камень грудью прикрывал, Скалы сами подставляли плечи. Ложь, что умный в гору не пойдет! Ты пошел - ты не поверил слухам, И мягчал гранит, и таял лед, И туман у ног стелился пухом... Если в вечный снег навеки ты Ляжешь - над тобою, как над близким, Наклонятся горные хребты Самым прочным в мире обелиском. # 029

1969 Ну, вот исчезла дрожь в руках

Ну, вот исчезла дрожь в руках, Теперь - наверх! Ну вот, сорвался в пропасть страх Навек, навек, Для остановки нет причин Иду, скользю... И в мире нет таких вершин, Что взять нельзя! Среди нехоженных путей Один - пусть мой, Среди невзятых рубежей Один - за мной! А имена тех, кто здесь лег, Снега таят... Среди непройденных дорог Одна - моя! Здесь голубым сияньем льдов Весь склон облит, И тайну чьих-нибудь следов Гранит хранит... И я гляжу в свою мечту Поверх голов И свято верю в чистоту Снегов и слов! И пусть пройдет немалый срок Мне не забыть, Как здесь сомнения я смог В себе убить, В тот день шептала мне вода: Удач - всегда!.. А день... какой был день тогда? Ах да - среда!.. # 030

1969 Долго же шел ты в конверте

Долго же шел ты в конверте, листок, Вышли последние сроки! Но потому он и Дальний Восток, Что - далеко на востоке... Ждешь с

нетерпением ответ ты Восточку в несколько слов... Мы здесь встречаем рассветы Раньше на восемь часов. Здесь до утра пароходы режут Средь океанской шумихи Не потому его Тихим зовут, Что он действительно тихий. Ждешь с нетерпением ответ ты Восточку в несколько слов... Мы здесь встречаем рассветы Раньше на восемь часов. Ты не пугайся рассказов о том, Будто здесь самый край света, Сзади еще Сахалин, а потом Круглая наша планета. Ждешь с нетерпением ответ ты Восточку в несколько слов... Мы здесь встречаем рассветы Раньше на восемь часов. Что говорить - здесь, конечно, не рай, Но невмозготу переписка, Знаешь что, милая, ты приезжай: Дальний Восток - это близко! Скоро получишь ответ ты Восточку в несколько слов! Вместе бы встретить рассветы Раньше на восемь часов! # 031

1969 Цунами

Пословица звучит витиевато: Не восхищайся прошлогодним небом, Не возвращайся - где был рай когда-то, И брось дурить - иди туда, где не был! Там что творит одна природа с нами! Туда добраться трудно и молве. Там каждый встречный - что ему цунами! Со штормами в душе и в голове! Покой здесь, правда, ни за что не купишь Но ты вернешься, говорят ребята, Наперекор пословице поступишь Придешь туда, где встретил их когда-то! Здесь что творит одна природа с нами! Сюда добраться трудно и молве. Здесь иногда рождаются цунами И рушат все в душе и в голове! На море штиль, но в мире нет покоя Локатор ищет цель за облаками. Тревога - если что-нибудь такое Или сигнал: внимание - цунами! Я нынче поднимаю тост с друзьями! Цунами - равнодушная волна. Бывают беды пострашней цунами И - радости сильнее, чем она! # 032

1969 Парад-alle, не видно креселі

Парад-alle, не видно кресел, мест. Оркестр шпарил марш, и вдруг, весь в черном, Эффектно появился шпрыхштальмейстер И крикнул о сегодняшнем коверном. Вот на манеже мощный черный слон, Он показал им свой нерусский норов. Я раньше был уверен, будто он Главою у зверей и у жонглеров. Я был не прав - с ним шел холуй с кнутом, Кормил его, ласкал, лез целоваться И на ухо шептал ему, о чем? В слоне я сразу начал сомневаться. Потом слон сделал что-то вроде па С презрением, и уведен был куда-то... И всякая полезла шантрапа В лице людей, певиц и акробатов. Вот выскочили трое молодцов, Одновременно всех подвергли мукам, Но вышел мужичок -

из наглецов И их убрал со сцены ловким трюком. Потом, когда там кто-то выжимал Людей ногами, грудью и руками, Тот мужичок весь цирк увеселял Какой-то непонятностью с шарами. Он все за что-то брался, что-то клал, Хватал за все, я понял: вот работа! Весь трюк был в том, что он не то хватал Наверное, высмеивал кого-то. Убрав его - он был навеселе Арену занял сонм эквилибристов. Ну все, пора кончать парад-алле Коверных! Дайте туш, даешь артистов! # 033

1969 Маринка! Слушай, милая Маринка!

Маринка! Слушай, милая Маринка! Кровиночка моя и половинка! Ведь если разорвать, то - рубль за сто! Вторая будет совершать не то. Маринка, слушай, милая Маринка, Прекрасная, как детская картинка, Ну кто сейчас ответит - что есть то? Ты, только ты, ты можешь - и никто. Маринка! Слушай! Милая Маринка, Далекая, как в сказке Метерлинка, Ты птица моя синяя вдали. Вот только жаль, ее в раю нашли. Маринка, слушай, милая Маринка, Загадочная, как жилище инка. Идем со мной! Куда-нибудь идем! Мне все равно куда, но мы найдем! Поэт - а слово долго не стареет Сказал: "Россия, Лета, Лорелея..." Россия - ты, и Лета, где мечты. Но Лорелея - нет! Ты - это ты. # 034

1969 Посмотришь - сразу скажешь: "Это киті"

Посмотришь - сразу скажешь: "Это кит, А вот - дельфин, любитель игр и танцев"... Лицо же человека состоит Из глаз и незначительных нюансов. Там - ухо, рот и нос, Вид и цвет волос, Челюсть - чо в ней: сила или тупость? Да! Еще вот лоб, Чтоб понять без проб: Этот лоб с намеком на преступность. В чужой беде нам разбираться лень Дельфин зарезан и киту не сладко. Не верь, что кто-то там на вид - тюлень, Взгляни в глаза - в них, может быть, касатка! Вот - череп на износ: Нет на нем волос, Правда, он медлителен, как филин, А лицо его Уши с головой, С небольшим количеством извилин. Сегодня оглянулся я назад, Труба калейдоскопа завертелась, И вспомнил все глаза и каждый взгляд, И мне пожить вторично захотелось. И... видел я носы, Бритых и усы, Щеки, губы, шеи - все, как надо, Неба, языки, Зубы, как клыки, И ни одного прямого взгляда. Не относя сюда своих друзей, Своих любимых не подозревая, Привязанности все я сдам в музей Так будет, если вывезет кривая. Пусть врет экскурсовод: "Благородный рот, Волевой квадратный подбородок..." Это все не жизнь, Это - муляжи, Вплоть до носовых перегородок. Пусть

переводит импозантный гид Про типы древних римлян и германцев Не знает гид: лицо-то состоит Из глаз и незначительных нюансов. # 035

1969 Человек за бортом (Анатолию Гарагуле)

Был шторм - канаты рвали кожу с рук, И якорная цепь визжала чертом, Пел ветер песню грубую, - и вдруг Раздался голос: "Человек за бортом!" И сразу - "Полный назад! Стоп машина! На воду шлюпки, помощь Вытащить сукина сына Или, там, сукину дочь!" Я пожалел, что обречен шагать По суше, - значит, мне не ждать подмоги Никто меня не бросится спасать И не объявит шлюпочной тревоги. А скажут: "Полный вперед! Ветер в спину! Будем в порту по часам. Так ему, сукину сыну, Пусть выбирается сам!" И мой корабль от меня уйдет На нем, должно быть, люди выше сортом. Впередсмотрящий смотрит лишь вперед Не видит он, что человек за бортом. Я вижу - мимо суда проплывают, Ждет их приветливый порт, Мало ли кто выпадает С главной дороги за борт! Пусть в море меня вынесет, а там Шторм девять баллов новыми деньгами, За мною спустит шлюпку капитан И обрету я почву под ногами. Они зацепят меня за одежду, Значит, падать одетому - плюс, В шлюпочный борт, как в надежду, Мертвою хваткой вцеплюсь. Я на борту, курс прежний, прежний путь Мне тянут руки, души, папиросы, И я уверен: если что-нибудь Мне бросят круг спасательный матросы. Правда, с качкой у них перебои там, В штормы от вахт не вздохнуть, Но человеку за бортом Здесь не дадут утонуть! # 036

1969 Бросьте скуку, как корку арбузную

Бросьте скуку, как корку арбузную, Небо ясное, легкие сны. Парень лошадь имел и судьбу свою Интересную - до войны. Да, на войне как на войне, А до войны как до войны, Везде, по всей вселенной. Он лихо ездил на коне В конце весны, в конце весны Последней, довоенной. Но туманы уже по росе плелись, Град прошел по полям и мечтам, Для того чтобы тучи рассеялись, Парень нужен именно там. Там - на войне как на войне, А до войны как до войны, Везде, по всей вселенной. Он лихо ездил на коне В конце весны, в конце весны Последней, довоенной. # 037

1969 Романс

Она была чиста как снег зимой. В грязь - соболя, - иди по ним - по праву... Но вот мне руки жжет ея письмо Я узнаю мучительную правду... Не ведал я: смирение - только маска, И маскарад закончится

сейчас, Да, в этот раз я потерпел фиаско Надеюсь, это был последний раз. Подумал я: дни сочтены мои, Дурная кровь в мои проникла вены, Я сжал письмо как голову змеи Сквозь пальцы просочился яд измены. Не ведать мне страданий и агоний, Мне встречный ветер слезы оботрет, Моих коней обида не нагонит, Моих следов метель не заметет. Итак, я оставляю позади, Под этим серым неприглядным небом, Дурман фиалок, наготу гвоздик И слезы вперемешку с талым снегом. Москва слезам не верит и слезинкам И не намерен больше я рыдать, Спешу навстречу новым поединкам И, как всегда, намерен побеждать!
038

1969 Танго

Как счастье зыбко!.. Опять ошибка: Его улыбка, Потом - бокал на стол, В нем откровенно Погасла пена; А он надменно Простился и ушел. Хрустальным звоном Бокалы стонут. Судьба с поклоном Проходит стороной. Грустно вино мерцало, Пусто на сердце стало, Скрипки смеялись надо мной... Впервые это со мной: В игре азартной судьбой, Казалось, счастье выпало и мне На миг пригрезился он, Проник волшебником в сон, И вспыхнул яркий свет в моем окне. Но счастье зыбко Опять ошибка! Его улыбка, Потом - бокал на стол, В бокале, тленна, Погасла пена; А он надменно Простился - и ушел. Хрустальным звоном Бокалы стонут. Бесцеремонно он Прервал мой сон. Вино мерцало... А я рыдала. Скрипки рыдали в унисон. # 039

1969 Грезится мне наявуї

Грезится мне наяву или в бреде, Как корабли уплывают! Только своих я не вижу на рейде Или они забывают? Или уходят они в эти страны Лишь для того, чтобы смыться, И возвращаются в Наши Романы, Чтоб на секунду забыться. Чтобы сойти в той закованной спальне Слушать ветра в перелесье, Чтобы похерить весь рейс этот дальний Вновь оказаться в Одессе. Слушайте, вы! Ну кого же мы судим И для чего так поемся? Знаете вы? Эти грустные люди Сдохнут - и мы испечемся! # 040

1969 Я думал: это все без сожаленьяї

Я думал: это все без сожаленья, Уйду - невеждой! Мою богиню, сон мой и спасенье Я жду с надеждой! Я думал: эти траурные руки Уйдут в забвенье. Предполагал, что эти все доуки Без вдохновенья. Я думал: эти слезы мало стоят Сейчас - в запарке... Но понял я - тигрица это стонет, Как в зоопарке. # 041

1969 Я скольжу по коричневой пленкеї

Я скольжу по коричневой пленке... Или это - красивые сны? Простыня на постели в сторонке Смята комом, они зажжены. Или просто погашены свечи? Я проснусь - липкий пот и знобит. Лишь во вне долгожданные речи, Лишь во сне яркий факел горит. И усталым, больным каннибалом, Что способен лишь сам себя съесть, Я грызу свои руки шакалом Это так, это все, это есть!

Оторвите от сердца аорту, Сердце можно давно заменять! Не послать ли тоску мою к черту? Оторвите меня от меня! Путь блестящий наш - смех и загадка, Вот и время всех бледных времен. Расплескалась судьба без остатка... Кто прощает, тот не обречен. # 042

1969 Теперь я буду сохнуть от тоскиї

Теперь я буду сохнуть от тоски И сожалеть, проглатывая слюни, Что не доел в Батуми шашлыки И глупо отказался от сулгуни. Пусть много говорил белиберды Наш тамада - вы тамаду не троньте, За Родину был тост алаверды, За Сталина, - я думал - я на фронте. И вот уж за столом никто не ест И тамада над всем царит шерифом, Как будто бы двадцатый с чем-то съезд Другой - двадцатый - объявляет мифом. Пил тамада за город, за аул И всех подряд хвалил с остервененьем, При этом он ни разу не икнул И я к нему проникся уваженьем. Правда, был у тамады Длинный тост алаверды За него - вождя народов, И за все его труды. Мне тамада сказал, что я - родной, Что если плохо мне - ему не спится, Потом спросил меня: "Ты кто такой?" А я сказал: "Бандит и кровопийца". В умах царил шашлык и алкоголь, Вот кто-то крикнул, что не любит прозы, Что в море не поваренная соль Что в море человеческие слезы. И вот конец - уже из рога пьют, Уже едят инжир и мандаринки, Которые здесь запросто растут, Точь-точь как те, которые на рынке. Обхвалены все гости, и пока Они не окончательно уснули Хозяина привычная рука Толкает вверх бокал "Киндзмараули"... О как мне жаль, что я и сам такой: Пусть я молчал, но я ведь пил - не реже, Что не могу я моря взять с собой И захватить все солнце побережья. # 043

1969 Анатолию Гарагуле

Ну вот и все! Закончен сон глубокий! Никто и ничего не разрешает! Я ухожу отдельный, одинокий По полю летному, с которого взлетают! Я посещу надводную обитель, Что кораблем зовут другие люди. Мой капитан, мой друг и мой спаситель! Давай с тобой хоть что-нибудь

забудем! Забудем что-нибудь - мне нужно, можно! Все - женщину, с которой знакомы! Все помнить - это просто невозможно, Да это просто и не нужно, - что мы? # 044

1969 Ну почемуї

Ну почему, ну для чего - сюда? Чем объяснить такой поступок странный? Какие бы ни строились суда На них должны быть люди-капитаны. # 045

1969 В Азии, в Европе ли родился ознобї

В Азии, в Европе ли Родился озноб Только даже в опере Кашляют захлеб. Не поймешь, откуда дрожь - страх ли это, грипп ли? Духовые дуют врозь, струнные - урчат, Дирижера кашель бьет, тенора охрипли, Баритоны запили, и басы молчат. Раньше было в опере Складно, по уму, И хоть хору хлопали А теперь кому?! Не берет и верхних нот и сопрано-меццо, У колоратурного не бельканто - бред! Цены резко снизились до рубля за место. Словом, все понизилось и сошло на нет. Сквозняками в опере Дует, валит с ног, Как во чистом во поле Ветер-ветерок. Партии проиграны, песенки отпеты, Партитура съежилась, и софит погас. Развалились арии, разошлись дуэты, Баритон - без бархата, без металла - бас. Что ни делай - все старо, Гулок зал и пуст. Тенорово серебро Вытекло из уст. Тенор в арии Ленского заорал: "Полундра!" Буйное похмелье ли, просто ли заскок? Дирижера Вилькина мрачный бас-профундо Чуть едва не до смерти струнами засек. # 046

1969 Песня о нотах

Я изучил все ноты от и до, Но кто мне на вопрос ответит прямо?
Ведь начинают гаммы с ноты "до" И ею же заканчивают гаммы.
Пляшут ноты врозь и с толком, Ждут "до", "ре", "ми", "фа", " соль", "ля" и
"си", пока Разбросает их по полкам Чья-то дерзкая рука. Известно
музыкальной детворе Я впасть в тенденциозность не рискую, Что
занимает место нота "ре" На целый такт и на одну восьмую. Какую ты
тональность ни возьми Неравенством от звуков так и пышет: Одна и та
же нота - скажем, "ми", Одна внизу, другая - рангом выше. Пляшут
ноты врозь и с толком, Ждут "до", "ре", "ми", "фа", " соль", "ля" и "си",
пока Разбросает их по полкам Чья-то дерзкая рука. За строфами всегда
идет строфа Как прежние, проходит перед взглядом, А вот бывает,
скажем, нота "фа" Звучит сильнее, чем та же нота рядом. Вот затесался
где-нибудь "бемоль" И в тот же миг, как влез он беспардонно,
Внушавшая доверье нота " соль" Себе же изменяет на полтона. Пляшут
ноты врозь и с толком, Ждут "до", "ре", "ми", "фа", " соль", "ля" и "си",
пока Разбросает их по полкам Чья-то дерзкая рука. Сел композитор,
жажду утоля, И грубым знаком музыку прорезал, И нежная как бархат
нота "ля" Свой голос повышает до "диеза". И наконец - Бетховена
спроси Без ноты "си" нет ни игры, ни пенья, Возносится над всеми
нота "си" И с высоты взирает положенья. Пляшут ноты врозь и с
толком, Ждут "до", "ре", "ми", "фа", " соль", "ля" и "си", пока Разбросает
их по полкам Чья-то дерзкая рука. Напрасно затевать о нотах спор:
Есть и у них тузы и секретарши, Считается, что в "си-бемоль минор"
Звучат прекрасно траурные марши. А кроме этих подневольных нот,
Еще бывают ноты-паразиты, Кто их сыграет, кто их пропоет?.. Но с
нами - бог, а с ними - композитор! Пляшут ноты врозь и с толком,
Ждут "до", "ре", "ми", "фа", " соль", "ля" и "си", пока Разбросает их по
полкам Чья-то дерзкая рука. # 047

1969 Пиратская

На судне бунт, над нами чайки реют! Вчера из-за дублона золотых
Двух негодяев вздернули на рею, Но мало - нужно было четверых.
Ловите ветер всеми парусами! К чему гадать, любой корабль - враг!
Удача - миф, но эту веру сами, Мы создали, поднявши черный флаг!
Катился ком по кораблю от бака, Забыто все - и честь, и кутежи, И,
подвывая, может быть от страха, Они достали длинные ножи. Ловите
ветер всеми парусами! К чему гадать, любой корабль - враг! Удача -
миф, но эту веру сами, Мы создали, поднявши черный флаг! Вот двое

в капитана пальцем тычут: Достать его - и им не страшен черт! Но капитан вчерашнюю добычу При всей команде выбросил за борт. Ловите ветер всеми парусами! К чему гадать, любой корабль - враг! Удача - миф, но эту веру сами, Мы создали, поднявши черный флаг! И вот волна, подобная надгробью, Все смыла, с горла сброшена рука... Бросайте ж за борт все, что пахнет кровью, Поверьте, что цена невысока! Ловите ветер всеми парусами! К чему гадать, любой корабль - враг! Удача - здесь, и эту веру сами, Мы создали, поднявши черный флаг! # 048

1969 В царстве троллей

В царстве троллей - главный тролль И гражданин Был, конечно, сам король Только один. И бывал он, правда, лют Часто порол! Но был жуткий правдолюб Этот король. Десять раз за час серчал Бедный король. Каждый вечер назначал Новый пароль. Своих подданных забил До одного. Правда, правду он любил Больше всего. Может, правду кто кому Скажет тайком, Но королю жестокому Нет дураков! И созвал король - вот смех! Конкурс шутов: Кто сострит удачней всех Деньги и штоф. Что за цель? А в шутке - соль, Доля правды там. Правду узнавал король По мелочам. Но все больше корчился, Вскоре - готов! И плачевно кончился Конкурс шутов. # 049

1969 Странная сказка

В Тридевятом государстве (Трижды девять - двадцать семь) Все держалось на коварстве Без проблем и без систем. Нет того чтоб сам - воевать, Стал король втихаря попивать, Расплевался с королевой, Дочь оставил старой девой, А наследник пошел воровать. В Тридесятom королевстве (Трижды десять - тридцать, что ль?) В добром дружеском соседстве Жил еще один король. Тишь да гладь, да спокойствие там, Хоть король был отъявленный хам, Он прогнал министров с кресел, Оппозицию повесил И скучал от тоски по делам. В Триодиннадцатом царстве, (То бишь - в царстве Тридцать три) Царь держался на лекарстве: Воспалились пузыри. Был он - милитарист и вандал, Двух соседей зазря оскорблял Слал им каждую субботу Оскорбительную ноту, Шел на международный скандал. В Тридцать третьем царь сказался: Не хватает, мол, земли, На соседей покусился И взбесились короли: "Обуздать его, смять!" - только глядь Нечем в Двадцать седьмом воевать, А в Тридцатом - полководцы Все утоплены в колодце, И вассалы восстать норовят... # 050

1969 Не возьмут и невзгоды в крутой обороті

Не возьмут и невзгоды в крутой оборот Мне плевать на поток новостей: Мои верные псы сторожат у ворот От воров и неожиданных гостей. # 051

1969 {К 5-летию Театра на Таганке}

Даешь пять лет! Ну да! Короткий срок! Попробуйте, допрыгните до МХАТа! Он просидел все семьдесят - он смог, Но нам и пять - торжественная дата. Спасибо! Дали испытать ее, Хлебнули Горького, глаголют нам, что правы. Пусть Зине Славиной за "Мать" ее Вручают орден материнской славы. И пусть проходит каждый наш спектакль Под гром оваций ли, под тихий вздох ли, Но вы должны играть "Мать" вашу так, Чтоб все отцы от зависти подошли. Лет через сто, когда снесут театр И все кругом, не тронут только "Каму", Потомки вспомнят нас, вскричат "Vivat!" За нашего отца и нашу "маму". # 052

1970 Посещение Музы, или Песенка плагиатора

Я щас взорвусь, как триста тонн тротила, Во мне заряд нетворческого зла: Меня сегодня Муза посетила, Немного посидела и ушла! У ней имелись веские причины Я не имею права на нытье, Представьте: Муза... ночью... у мужчины! Бог весть что люди скажут про нее. И все же мне досадно, одиноко: Ведь эта Муза - люди подтвердят! Засиживалась сутками у Блока, У Пушкина жила не выходя. Я бросился к столу, весь нетерпенье, Но - господи помилуй и спаси Она ушла, - исчезло вдохновенье И - три рубля: должно быть, на такси. Я в бешенстве мечусь, как зверь, по дому, Но бог с ней, с Музой, - я ее простил. Она ушла к кому-нибудь другому: Я, видно, ее плохо угостил. Огромный торт, утыканный свечами, Засох от горя, да и я иссяк. С соседями я допил, сволочами, Для Музы предназначенный коньяк. ...Ушли года, как люди в черном списке, Все в прошлом, я зеваю от тоски. Она ушла безмолвно, по-английски, Но от нее остались две строки. Вот две строки - я гений, прочь сомненья, Даешь восторги, лавры и цветы: "Я помню это чудное мгновенье, Когда передо мной явилась ты"! # 001

1970 Нет меня - я покинул Расеюі

Нет меня - я покинул Расею, Мои девочки ходят в соплях! Я теперь свои семечки сею На чужих Елисейских полях. Кто-то вякнул в трамвае на Пресне: "Нет его - умотал наконец! Вот и пусть свои чуждые песни Пишет там про Версальский дворец". Слышу сзади -

обмен новостями: "Да не тот! Тот уехал - спроси!.." "Ах не тот?!" - и толкают локтями, И сидят на коленях в такси. Тот, с которым сидел в Магадане, Мой дружок по гражданской войне Говорит, что пишу я ему: "Ваня! Скучно, Ваня, - давай, брат, ко мне!" Я уже попросился обратно Унижался, юлил, умолял... Ерунда! Не вернусь, вероятно, Потому что я не уезжал! Кто поверил - тому по подарку, Чтоб хороший конец, как в кино: Забирай Триумфальную арку, Налетай на заводы Рено! Я смеюсь, умираю от смеха: Как поверили этому бреду?! Не волнуйтесь - я не уехал, И не надейтесь - я не уеду! # 002

1970 Веселая покойницкая

Едешь ли в поезде, в автомобиле Или гуляешь, хлебнувши винца, При современном машинном обилье Трудно по жизни пройти до конца. Вот вам авария: в Замоскворечье Трое везли хоронить одного, Все, и шофер, получили увечья, Только который в гробу - ничего. Бабы по найму рыдали сквозь зубы, Дьякон - и тот верхней ноты не брал, Громко фальшивили медные трубы, Только который в гробу - не соврал. Бывший начальник - и тайный разбойник В лоб лобызал и брезгливо плевал, Все приложились, - а скромный покойник Так никого и не поцеловал. Но грянул гром - ничего не попишешь, Силам природы на речи плевать, Все побежали под плиты и крыши, Только покойник не стал убежать. Что ему дождь - от него не убудет, Вот у живущих - закалка не та. Ну а покойники, бывшие люди, Смелые люди и нам не чета. Как ни спеша, тебя опережает Клейкий ярлык, как отметка на лбу, А ничего тебе не угрожает, Только когда ты в дубовом гробу. Можно в отдельный, а можно и в общий Мертвых квартирный вопрос не берет, Вот молодец этот самый - усопший Вовсе не требует лишних хлопот. В царстве теней - в этом обществе строгом Нет ни опасностей, нет ни тревог, Ну а у нас - все мы ходим под богом, Только которым в гробу - ничего. Слышу упрек: "Он покойников славит!" Нет, - я в обиде на злую судьбу: Всех нас когда-нибудь ктой-то задавит, За исключением тех, кто в гробу. # 003

1970 Переворот в мозгах из края в край

Переворот в мозгах из края в край, В пространстве - масса трещин и смещений: В Аду решили черти строить рай Для собственных грядущих поколений. Известный черт с фамилией Черток Агент из Рая - ночью, внеурочно Отстукал в Рай: в Аду черт знает что, Что точно - он, Черток, не знает точно. Еще ввернул тревожную строку Для шефа

всех лазутчиков Амура: "Я в ужасе, - сам Дьявол начеку, И крайне ненадежна агентура". Тем временем в Аду сам Вельзевул Потребовал военного парада, Влез на трибуну, плакал и загнул: "Рай, только рай - спасение для Ада!" Рыдали черти и кричали: "Да! Мы рай в родной построим Преисподней! Даешь производительность труда! Пять грешников на нос уже сегодня!" "Ну что ж, вперед! А я вас поведу! Закончил Дьявол. - С богом! Побежали!" И задрожали грешники в Аду, И ангелы в Раю затрепетали. И ангелы толпой пошли к Нему К тому, который видит все и знает, А он сказал: "Мне плевать на тьму!" И заявил, что многих расстреляет. Что Дьявол - провокатор и кретин, Его возня и крики - все не ново, Что ангелы - ублюдки, как один И что Черток давно перевербован. "Не Рай кругом, а подлинный бедлам, Спускаюсь на землю - там хоть уважают! Уйду от вас к людям ко всем чертям Пускай меня вторично распинают!.." И он спустился. Кто он? Где живет?.. Но как-то раз узрели прихожане На паперти у церкви нищий пьет, "Я Бог, - кричит, - даешь на пропитанье!" Конец печален (плачьте, стар и млад, Что перед этим всем сожженье Трои?) Давно уже в Раю не рай, а ад, Но рай чертей в Аду зато построен! # 004

1970 Надо с кем-то рассорить кого-тої

Надо с кем-то рассорить кого-то, Только с кем и кого? Надо сделать трагичное что-то. Только что, для чего? Надо выстрадать, надо забыться. Только в чем и зачем? Надо как-то однажды напиться. Только с кем, только с кем? Надо сделать хорошее что-то. Для кого, для чего? Это, может быть, только работа Для себя самого! Ну, а что для других, что для многих? Что для лучших друзей? А для них - земляные дороги Души моей! # 005

1970 Мне в душу ступит кто-то постороннийї

Мне в душу ступит кто-то посторонний, А может, даже плюнет, - что ему?! На то и существует посторонний На противоположном берегу. Он, посторонний, - он поту-сторонний По ту, другую сторону от нас... Ах, если бы он был потусторонний, Тогда б я был спокойнее в сто раз. # 006

1970 Цыган кричал, коня менялі

Цыган кричал, коня менял: "С конем живется вольно. Не делай из меня меня, С меня - меня довольно! Напрасно не расстраивай, Без пользы не радей... Я не гожусь в хозяева Людей и лошадей. Не

совещайся с гадиной, Беги советов бабских... Клянусь, что конь не краденый И - что кровей арабских". # 007

1970 Запомню, оставлю в душе этот вечері

Запомню, оставлю в душе этот вечер Не встречу с друзьями, не праздничный стол: Сегодня я сам - самый главный диспетчер, И стрелки сегодня я сам перевел. И пусть отправляю составы в пустыни, Где только барханы в горячих лучах, Мои поезда не вернутся пустыми, Пока мой оазис еще не зачах. Свое я отъездил, и даже сверх нормы, Стою, вспоминаю, сжимая флажок, Как мимо меня проносились платформы И реки - с мостами, которые сжег. Теперь отправляю составы в пустыни, Где только барханы в горячих лучах, Мои поезда не вернутся пустыми, Пока мой оазис еще не зачах. Они без меня понесутся по миру Я рук не ломаю, навзрыд не кричу, А то мне навяжут еще пассажиров Которых я вовсе сажать не хочу. Итак, я отправил составы в пустыни, Где только барханы в горячих лучах, Мои поезда не вернутся пустыми, Пока мой оазис еще не зачах. Растаяли льды, километры и годы Мой первый состав возвратился назад, Он мне не привез драгоценной породы, Но он - возвратился, и рельсы гудят. Давай постоим и немного остынем: ты весь раскален - ты не встретил реки. Я сам не поехал с тобой по пустыням И вот мой оазис убили пески. # 008

1970 Я стою, стою спиною к строюі

Я стою, стою спиною к строю, Только добровольцы - шаг вперед! Нужно провести разведку боем, Для чего - да кто ж там разберет... Кто со мной? С кем идти? Так, Борисов... Так, Леонов... И еще этот тип Из второго батальона! Мы ползем, к ромашкам припадая, Ну-ка, старшина, не отставай! Ведь на фронте два передних края: Наш, а вот он - их передний край. Кто со мной? С кем идти? Так, Борисов... Так, Леонов... И еще этот тип Из второго батальона! Проволоку грызли без опаски: Ночь - темно, и не видать ни зги. В двадцати шагах - чужие каски, С той же целью - защищать мозги. Кто со мной? С кем идти? Так, Борисов... Так, Леонов... Ой!.. Еще этот тип Из второго батальона. Скоро будет "Надя с шоколадом" В шесть они подавят нас огнем, Хорошо, нам этого и надо С богом, потихонечку начнем! С кем обратно идти? Так, Борисов... Где Леонов?! Эй ты, жив? Эй ты, тип Из второго батальона! Пулю для себя не оставляю, Дзот накрыт и не рассекречен дот... А этот тип, которого не знаю, Очень хорошо себя

ведет. С кем в другой раз идти? Где Борисов? Где Леонов?.. Правда жив этот тип Из второго батальона. ...Я стою спокойно перед строем В этот раз стою к нему лицом, Кажется, чего-то удостоен, Награжден и назван молодцом. С кем в другой раз ползти? Где Борисов? Где Леонов? И парнишка затих Из второго батальона... # 009

1970 О моем старшине

Я помню райвоенкомат: "В десант не годен - так-то, брат, Таким, как ты, - там невпротык..." И дальше - смех: Мол, из тебя какой солдат? Тебя - хоть сразу в медсанбат!.. А из меня - такой солдат, как изо всех. А на войне как на войне, А мне - и вовсе, мне - вдвойне, Присохла к телу гимнастерка на спине. Я отставал, сбоил в строю, Но как-то раз в одном бою Не знаю чем - я приглянулся старшине. ...Шумит окопная братва: "Студент, а сколько дважды два? Эй, холостой, а правда - графом был Толстой? А кто евонная жена?..." Но тут встретал мой старшина: "Иди поспи - ты ж не святой, а утром - бой". И только раз, когда я встал Во весь свой рост, он мне сказал: "Ложись!.. - и дальше пару слов без падежей. К чему две дырки в голове!" И вдруг спросил: "А что в Москве, Неужто вправду есть дома в пять этажей?.." Над нами - шквал, - он застонал И в нем осколок остывал, И на вопрос его ответить я не смог. Он в землю лег - за пять шагов, За пять ночей и за пять снов Лицом на запад и ногами на восток. # 010

1970 Песенка прыгуна в высоту

Разбег, толчок... И - стыдно подыматься: Во рту опилки, слезы из-под век, На рубеже проклятом два двенадцать Мне планка преградила путь наверх. Я признаюсь вам, как на духу: Такова вся спортивная жизнь, Лишь мгновение ты наверху И стремительно падаешь вниз. Но съем плоды запретные с древа я, И за хвост подергаю славу я. У кого толчковая - левая, А у меня толчковая - правая! Разбег, толчок... Свидетели паденья Свистят и тянут за ноги ко дну. Мне тренер мой сказал без сожаленья: "Да ты же, парень, прыгаешь в длину! У тебя - растяжение в паху; Прыгать с правой - дурацкий каприз, Не удержишься ты наверху Ты стремительно падаешь вниз". Но, задыхаясь словно от гнева я, Объяснил толково я: главное, Что у них толчковая - левая, А у меня толчковая - правая! Разбег, толчок... Мне не догнать канадца Он мне в лицо смеется на лету! Я снова планку сбил на два двенадцать И тренер мне сказал напрямому, Что - начальство в

десятом ряду, И что мне прополощут мозги, Если враз, в сей же час не сойду Я с неправильной правой ноги. Но я лучше выпью зелье с отравою, И над собой что-нибудь сделаю Но свою неправую правую Я не сменю на правую левую! Трибуны дружно начали смеяться Но пыл мой от насмешек не ослаб: Разбег, толчок, полет.. И два двенадцать Теперь уже мой пройденный этап! Пусть болит мая травма в паху, Пусть допрыгался до хромоты, Но я все-таки был наверху И меня не спихнуть с высоты! Я им всем показал "ху из ху", Жаль, жена подложила сюрприз: Пока я был на самом верху Она с кем-то спустилася вниз... Но съел плоды запретные с древа я, И за хвост подергал все же славу я, Хоть у них толчковая - левая, Но моя толчковая - правая! # 011

1970 Вагоны не обедают

Вагоны не обедают, Им перерыва нет. Вагоны честно бегают По лучшей из планет. Вагоны всякие, Для всех пригодные. Бывают мягкие, Международные. Вагон опрятненький, В нем нету потненьких, В нем все - десятники И даже сотники. Ох, степь колышется! На ней - вагончики. Из окон слышится: "Мои лимончики!.." Лежат на полочке Мешки-баллончики. У каждой сволочи Свои вагончики. Порвешь животики На аккуратненьких! Вон едут сотники Да на десятниках! Многосемейные И просто всякие Войдут в купейные И даже в мягкие. А кто с мешком - иди По шпалам в ватнике. Как хошь - пешком иди, А хошь - в телятнике. На двери нулики Смердят вагончики. В них едут жулики И самогонщики. А вот теплушка та Прекрасно, душно в ней, На сорок туш скота И на сто душ людей. Да в чем загвоздка-то? Бей их дубиною! За одного скота Двух с половиною. А ну-ка, кончи-ка, Гармонь хрипатая! Вон в тех вагончиках Голь перекатная... Вестимо, тесно тут, Из пор - сукровица... Вагоны с рельс сойдут И остановятся! # 012

1970 В тайгу!

В тайгу! На санях, на развалюхах, В соболях или в треухах, И богатый, и солидный, и убогий. Бегут! В неизведанные чащи, Кто-то реже, кто-то чаще, В волчьи логова, в медвежие берлоги. Стоят! Как усталые боксеры, Вековые гренадеры В два обхвата, в три обхвата и поболее. И я Воздух ем, жую, глотаю, Да я только здесь бываю За решеткой из деревьев - но на воле. # 013

1970 Нараспашку - при любой погоде

Нараспашку - при любой погоде, Босиком хожу по лужам и росе. Даже конь мой иноходью ходит, Это значит - иначе, чем все. Я иду в строю всегда не в ногу, Сколько раз уже обруган старшиной. Шаг я прибавляю понемногу, И весь строй сбивается на мой. Мой кумир - на рынке зазывалы, Каждый хвалит свой товар вразвес. Из меня не выйдет запевалы Я пою с мелодией вразрез. Знаю, мне когда-то будет лихо, Мне б заранее могильную плиту. На табличке "Говорите тихо!" Я второго слова не прочту. "Говорите тихо!" Как хотите, Я второго слова не терплю, Я читаю только - "Говорите" И, конечно, громко говорю. Из двух зол - из темноты и света Люди часто выбирают темноту, Мне с любимой наплевать на это, Мы гуляем только на свету. Ах, не кури, когда не разрешают, Закури, когда не вмоготу. Не дури, когда не принимают Наготу твою и немоту! # 014

1970 Бег иноходца

Я скачу, но я скачу иначе, По камням, по лужам, по росе. Бег мой назван иноходью - значит: По-другому, то есть - не как все. Мне набили раны на спине, Я дрожу боками у воды. Я согласен бегать в табуне Но не под седлом и без узды! Мне сегодня предстоит бороться, Скачки! - я сегодня фаворит. Знаю, ставят все на иноходца, Но не я - жокей на мне хрипит! Он вонзает шпоры в ребра мне, Зубоскалят первые ряды... Я согласен бегать в табуне, Но не под седлом и без узды! Нет, не будут золотыми горы Я последним цель пересеку: Я ему припомню эти шпоры Засбою, отстану на скаку!.. Колокол! Жокей мой "на коне" Он смеется в предвкушение мзды. Ох, как я бы бегал в табуне, Но не под седлом и без узды! Что со мной, что делаю, как смею Потакаю своему врагу! Я собою просто не владею Я прийти не первым не могу!

Что же делать? Остается мне Вышвырнуть жокея моего И бежать, как будто в табуне, Под седлом, в узде, но - без него! Я пришел, а он в хвосте плетется По камням, по лужам, по росе... Я впервые не был иноходцем Я стремился выиграть, как все! # 015

1970 Баллада о брошенном корабле

Капитана в тот день называли на ты, Шкипер с юнгой сравнялись в талантах; Распрямляя хребты и срывая бинты, Бесновались матросы на вантах. Двери наших мозгов Посрывало с петель В миражи берегов, В покрывала земель, Этих обетованных, желанных И колумбовых, и магелланских. Только мне берегов Не видать и земель С хода в девять

узлов Сел по горло на мель! А у всех молодцов Благородная цель... И в конце-то концов Я ведь сам сел на мель. И ушли корабли - мои братья, мой флот, Кто чувствительней - брызги сглотнули. Без меня продолжался великий поход, На меня ж парусами махнули. И погоду и случай Безбожно кляня, Мои пасынки кучей Бросали меня. Вот со шлюпок два залпа - и ладно! От Колумба и от Магеллана. Я пью пену - волна Не доходит до рта, И от палуб до дна Обнажились борта, А бока мои грязны Таи не таи, Так любуйтесь на язвы И раны мои! Вот дыра у ребра - это след от ядра, Вот рубцы от тарана, и даже Видны шрамы от крючьев - какой-то пират Мне хребет перебил в абордаже. Киль - как старый неровный Гитаровый гриф: Это брюхо вспорол мне Коралловый риф. Задыхаюсь, гнию - так бывает: И просоленное загнивает. Ветры кровь мою пьют И сквозь щели снуют Прямо с бака на ют, Меня ветры добьют: Я под ними стою От утра до утра, Гвозди в душу мою Забивают ветра. И гулякой шальным все швыряют вверх дном Эти ветры - незваные гости, Захлебнуться бы им в моих трюмах вином Или - с мели сорвать меня в злости! Я уверовал в это, Как загнанный зверь, Но не злобные ветры Нужны мне теперь. Мои мачты - как дряблые руки, Паруса - словно груди старухи. Будет чудо восьмое И добрый прибой Мое тело омоет Живою водой, Моря божья роса С меня снимет табу Вздует мне паруса, Словно жилы на лбу. Догоню я своих, догоню и прощу Позабывшую помнить армаду. И команду свою я обратно пущу: Я ведь зла не держу на команду. Только, кажется, нет Больше места в строю. Плохо шутишь, корвет, Потеснись - раскрою! Как же так - я ваш брат, Я ушел от беды... Полевее, фрегат, Всем нам хватит воды! До чего ж вы дошли: Значит, что - мне уйти?! Если был на мели Дальше нету пути?! Разомкните ряды, Все же мы - корабли, Всем нам хватит воды, Всем нам хватит земли, Этой обетованной, желанной И колумбовой, и магелланной! # 016

1970 Охота на кабанов

Грязь сегодня еще непролазней, Сверху мразь, словно бог без штанов, К черту дождь - у охотников праздник: Им сегодня стрелять кабанов. Били в ведра и гнали к болоту, Вытирали промокшие лбы, Презирали лесов позолоту, Поклонялись азарту пальбы. Егерей за кровожадность не пинайте, Вы охотников носите на руках, Любим мы кабанье мясо в карбонате, Обожаем кабанов в окороках. Кабанов не тревожила дума: Почему и за что, как в плену, Кабаны убежали от

шума, Чтоб навек обрести тишину. Вылетали из ружей жаканы, Без разбору разя, наугад, Будто радостно бил в барабаны Боевой пионерский отряд. Егерей за кровожадность не пинайте, Вы охотников носите на руках, Любим мы кабанье мясо в карбонате, Обожаем кабанов в окороках. Шум, костер и тушенка из банок, И "охотничья" водка - на стол. Только полз присмиривший подранок, Завороженно глядя на ствол. А потом - спирт плескался в канистре, Спал азарт, будто выигран бой: Снес подранку полчерепа выстрел И рога протрубили отбой. Егерей за кровожадность не пинайте, Вы охотников носите на руках, Любим мы кабанье мясо в карбонате, Обожаем кабанов в окороках. Мне сказали они про охоту, Над угольями тушу вертя: "Стосковались мы, видно, по фронту, По атакам, да и по смертям. Это вроде мы снова в пехоте, Это вроде мы снова - в штыки, Это душу отводят в охоте Уцелевшие фронтовики..." Егерей за кровожадность не пинайте, Вы охотников носите на руках, Любим мы кабанье мясо в карбонате, Обожаем кабанов в окороках. # 017

1970 Комментатор из своей кабины

Комментатор из своей кабины Кроет нас для красного словца, Но недаром клуб "Фиорентины" Предлагал мильон за Бышевца. Что ж, Пеле, как Пеле, Объясняю Зине я, Ест Пеле крем-брюле, Вместе с Жаирзинио. Муром занялась прокуратура, Что ему - реклама! - он и рад. Здесь бы МУР не выбрался из МУРа Если б был у нас чемпионат. Я сижу на нуле, Дрянь купил жене - и рад. А у Пеле - "шевроле" В Рио-де-Жанейро. Может, не считает и до ста он, Но могу сказать без лишних слов: Был бы глаз второй бы у Тостао Он вдвое больше б забивал голов. Что ж, Пеле, как Пеле, Объясняю Зине я, Ест Пеле крем-брюле, Вместе с Жаирзинио. Я сижу на нуле, Дрянь купил жене - и рад. А у Пеле - "шевроле" В Рио-де-Жанейро. # 018

1970 Не покупают никакой еды

Не покупают никакой еды Все экономят вынужденно деньги: Холера косит стройные ряды, Но люди вновь смыкаются в шеренги. Закрыт Кавказ, горит "Аэрофлот", И в Астрахани лихо жгут арбузы, Но от станка рабочий не уйдет, И крепнут все равно здоровья узы. Убытки терпит целая страна, Но вера есть, все зиждется на вере, Объявлена смертельная война Одной несчастной, бедненькой холере. На трудовую вахту встал народ В честь битвы с новоявленной порчей, Но пасаран, холера не пройдет, Холере - нет, и все, и бал окончен! Я

погадал вчера на даму треф, Назвав ее для юмора холерой, И понял я: холера - это блеф, Она теперь мне кажется химерой. Во мне теперь прибавилось ума, Себя я ощущаю Гулливером, Ведь понял я: холера - не чума, У каждого всегда своя холера! Уверен я: холере скоро тлеть. А ну-ка - залп из тысячи орудий! Вперед!.. Холерой могут заболеть Холерики - несдержанные люди. # 019

1970 Песня про первые ряды

Была пора - я рвался в первый ряд, И это все от недопониманья, Но с некоторых пор сажусь назад: Там, впереди, как в спину автомат Тяжелый взгляд, недоброе дыханье. Может, сзади и не так красиво, Но - намного шире кругозор, Больше и разбег, и перспектива, И еще - надежность и обзор. Стволы глазищ - числом до десяти Как дуло на мишень, но на живую, Затылок мой от взглядов не спасти, И сзади так удобно нанести Обиду или рану ножевую. Может, сзади и не так красиво, Но - намного шире кругозор, Больше и разбег, и перспектива, И еще - надежность и обзор. Мне вреден первый ряд, и говорят От мыслей этих я в ненастье ною. Уж лучше - где темней - последний ряд: Отсюда больше нет пути назад, А за спиной стоит стена стеною. Может, сзади и не так красиво, Но - намного шире кругозор, Больше и разбег, и перспектива, И еще - надежность и обзор. И пусть хоть реки утекут воды, Пусть будут в пух засалены перины До лысин, до седин, до бороды Не выходите в первые ряды И не стремитесь в примыбалерины. Может, сзади и не так красиво, Но - намного шире кругозор, Больше и разбег, и перспектива, И еще - надежность и обзор. Надежно сзади, но бывают дни Я говорю себе, что выйду червой: Не стоит вечно пребывать в тени С последним рядом долго не тяни, А постепенно пробивайся в первый. Может, сзади и не так красиво, Но - намного шире кругозор, Больше и разбег, и перспектива, И еще - надежность и обзор. # 020

1970 Черное золото

Не космос - метры грунта надо мной, И в шахте не до праздничных процессий, Но мы владеем тоже взвешенной И самую земную из профессий! Любой из нас - ну чем не чародей?! Из преисподней наверх уголь мечем. Мы топливо отнимем у чертей Свои котлы топить им будет нечем! Взорвано, уложено, сколото Черное надежное золото. Да, сами мы - как дьяволы - в пыли, Зато наш поезд не уйдет порожний. Терзаем чрево матушки-Земли Но на земле теплее и

надежней. Вот вагонетки, душу веселя, Пронесются, как в фильме о погонях, И шуточку "Даешь стране угля!" Мы чувствуем на собственных ладонях. Взорвано, уложено, сколото Черное надежное золото. Воронками изрытые поля Не позабудь - и оглянись во гневе, Но нас, благословенная Земля, Прости за то, что роемся во чреве. Не бойся заблудиться в темноте И захлебнуться пылью - не один ты! Вперед и вниз! Мы будем на щите Мы сами рыли эти лабиринты! Взорвано, уложено, сколото Черное надежное золото. # 021

1970 Маски

Смеюсь навзрыд - как у кривых зеркал, Меня, должно быть, ловко разыграли: Крючки носов и до ушей оскал Как на венецианском карнавале! Вокруг меня смыкается кольцо Меня хватают, вовлекают в пляску, Так-так, мое нормальное лицо Все, вероятно, приняли за маску. Петарды, конфетти... Но все не так, И маски на меня глядят с укором, Они кричат, что я опять - не в такт, Что наступаю на ногу партнерам. Что делать мне - бежать, да поскорей? А может, вместе с ними веселиться?.. Надеюсь я - под масками зверей Бывают человеческие лица. Все в масках, в париках - все как один, Кто - сказочен, а кто - литературен... Сосед мой слева - грустный арлекин, Другой - палач, а каждый третий - дурень. Один - себя старался обелить, Другой - лицо скрывает от огласки, А кто - уже не в силах отличить Свое лицо от непременно маски. Я в хоровод вступаю, хохоча, Но все-таки мне беспокойно с ними: А вдруг кому-то маска палача Понравится - и он ее не снимет? Вдруг арлекин навеки загрустит, Любуясь сам своим лицом печальным; Что, если дурень свой дурацкий вид Так и забудет на лице нормальном?! Как доброго лица не прозевать, Как честных угадать наверняка мне? Они решили маски надевать, Чтоб не разбить свое лицо о камни. Я в тайну масок все-таки проник, Уверен я, что мой анализ точен: И маски равнодушия у них Защита от плевков и от пощечин. # 022

1970 Вот я вошел, и дверь прикрыл

Вот я вошел, и дверь прикрыл, И показал бумаги, И так толково объяснил Зачем приехал в лагерь!.. Начальник - как уключина: Скрипит - и ни в какую. "В кино мне роль поручена, Опять ему толкую. И вот для изучения Такое ремесло Имею направление. Дошло теперь?" - "Дошло! Вот это мы приветствуем! Чтоб было, как с копирки, Еще бы вам под следствием Полгодика в Бутырке, Чтоб

ощутить затылочком, Что чуть не расстреляли, Потом по пересылочкам... Тогда бы вы сыграли!" Внушаю бедолаге я Настойчиво, с трудом: "Мне нужно - прямо с лагеря, Не бывши под судом". "Да вы ведь знать не знаете, За что вас осудили. Права со мной качаете, А вас еще не брили". "Побреют! - рожа сплющена, Но все же знать желаю, А что уже упущено Талантом наверстаю..." "Да что за околесица? Опять он возражать. Пять лет в четыре месяца, Экстерном, так сказать?" Он даже шаркнул мне ногой (Для секретарши Светы): "У нас, товарищ дорогой, Не университеты. У нас не выйдет с кондачка Из ничего - конфетка. Здесь - от звонка и до звонка, У нас не пятилетка. Так что, давай-ка ты, валяй!.. Какой с артиста толк? У нас своих - хоть отбавляй," Сказал он и умолк. Я снова вынул пук бумаг, Ору до хрипа в глотке: Мол, не имеешь права, враг, Мы здесь не в околотке! Мол, я начальству доложу, Оно, мол, разберется!.. Я стервенею, в роль вхожу, А он, гляжу, - сдается. Я в раже, удержу мне нет, Бумагами трясусь: "Мне некогда сидеть пять лет Премьера на носу!" # 023

1970 Песенка киноактера

Словно в сказке, на экране И не нужен чародей В новом фильме вдруг крестьяне Превращаются в князей! То купец - то неимущий, То добряк - а то злодей, В жизни же - почти непьющий И отец восьми детей. Мальчишки, мальчишки бегут по дворам, Загадочны и голосисты. Скорее! Спешите! Приехали к вам Живые киноартисты! Но для нашего для брата, Откровенно говоря, Иногда сыграть солдата Интересней, чем царя. В жизни все без изменений, А в кино: то бог, то вор, Много взлетов и падений Испытал киноактер. Мальчишки, мальчишки бегут по дворам, Загадочны и голосисты. Скорее! Спешите! Приехали к вам Живые киноартисты! Сколько версий, сколько спора Возникает тут и там! Знают про киноактера Даже больше, чем он сам. И по всюду обсуждают, И со знаньем говорят Сколько в месяц получает И в который раз женат. Мальчишки, мальчишки - не нужно рекламы Загадочны и голосисты. Скорее! Спешите! Приехали к вам Живые киноартисты! Хватит споров и догадок Дело поважнее есть. Тем, кто до сенсаций падок, Вряд ли интересно здесь. Знаете, в кино эпоха, Может пролететь за миг. Люди видят нас, но - плохо То, что мы не видим их. Вот мы и спешим к

незнакомым друзьям И к взрослым, и к детям, На вас посмотреть, -
все, что хочется вам, Спросите - ответим! # 024

1970 Здесь лапы у елей дрожат на весу

Здесь лапы у елей дрожат на весу, Здесь птицы щебечут тревожно
Живешь в заколдованном диком лесу, Откуда уйти невозможно. Пусть
черемухи сохнут бельем на ветру, Пусть дождем опадают сирени, Все
равно я отсюда тебя заберу Во дворец, где играют свирели! Твой мир
колдунами на тысячи лет Укрыт от меня и от света, И думаешь ты, что
прекраснее нет, Чем лес заколдованный этот. Пусть на листьях не
будет росы поутру, Пусть луна с небом пасмурным в ссоре, Все равно я
отсюда тебя заберу В светлый терем с балконом на море! В какой день
недели, в котором часу Ты выйдешь ко мне осторожно, Когда я тебя на
руках унесу Туда, где найти невозможно? Украду, если кража тебе по
душе, Зря ли я столько сил разбазарил?! Соглашайся хотя бы на рай в
шалаше, Если терем с дворцом кто-то занял! # 025

1970 Свой остров

Отплываем в теплый край навсегда. Наше плаванье, считай, на
года. Ставь фортуны колесо поперек, Мы про штормы знаем все
наперед. Поскорей на мачту лезь, старик! Встал вопрос с землей остро,
Может быть, увидишь материк, Ну а может быть - остров. У кого-
нибудь расчет под рукой, Этот кто-нибудь плывет на покой. Ну а
прочие - в чем мать родила Не на отдых, а опять на дела. Ты судьбу в
монахини постриг, Смейся ей в лицо просто. У кого - свой личный
материк, Ну а у кого - остров. Мне накаркали беду с дамой пик,
Нагадали, что найду материк, Нет, гадалка, ты опять не права Мне
понравилось искать острова. Вот и берег призрачно возник, Не спеша -
считай до ста. Что это, тот самый материк Или это мой остров?.. # 026

1971 Сколько великих выбыло

Сколько великих выбыло! Их выбивали нож и отравы. Что же, на
право выбора Каждый имеет право. # 001

1971 О фатальных датах и цифрах

Моим друзьям - поэтам Кто кончил жизнь трагически, тот -
истинный поэт, А если в точный срок, так - в полной мере: На цифре
26 один шагнул под пистолет, Другой же - в петлю слазил в
"Англетере". А 33 Христу - он был поэт, он говорил: "Да не убий!"
Убьешь - везде найду, мол. Но - гвозди ему в руки, чтоб чего не
сотворил, Чтоб не писал и чтобы меньше думал. С меня при цифре 37

в момент слетает хмель, Вот и сейчас - как холодом подуло: Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль И Маяковский лег виском на дуло. Задержимся на цифре 37! Коварен бог Ребром вопрос поставил: или - или! На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, А нынешние - как-то проскочили. Дуэль не состоялась или - перенесена, А в 33 распяли, но - не сильно, А в 37 - не кровь, да что там кровь! - и седина Испачкала виски не так обильно. "Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно ушла душа!" Терпенье, психопаты и кликуши! Поэты ходят пятками по лезвию ножа И режут в кровь свои босые души! На слово "длинношее" в конце пришлось три "е", Укоротить поэта! - вывод ясен, И нож в него! - но счастлив он висеть на острие, Зарезанный за то, что был опасен! Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, Томитесь, как наложницы в гареме! Срок жизни увеличился - и, может быть, концы Поэтов отодвинулись на время! # 002

1971 Общеприемлимые перлы

Общеприемлимые перлы! В восторге я! Душа поет! Противоборцы перемерли И подсознанье выдает. А наша первая пластинка Неужто ты заезжена? Ну что мы делаем, Маринка! Ведь жизнь - одна, одна, одна... Мне тридцать три - висят на шее, Пластинка Дэвиса снята. Хочу в тебе, в бою, в траншее Погибнуть в возрасте Христа. А ты - одна ты виновата В рожденьи собственных детей... Люблю тебя любовью брата, А может быть, еще сильнее. # 003

1971 Видно, острая заноза

Видно, острая заноза В душу врезалась ему, Только зря ушел с колхоза Хуже будет одному. Ведь его не село До такого довело.

*

Воронку бы власть - любого Он бы прятал в "воронки", А особенно - Живого, Только руки коротки! Черный Ворон, что ты вьешься Над Живою головой? Пашка-Ворон, зря смеешься: Лисапед еще не твой! Как бы через село Пашку вспять не понесло!

*

Мотяков, твой громкий голос Не на век, не на года, Этот голос - тонкий волос, Лопнет раз и навсегда! Уж как наше село И не то еще снесло!

*

Петя Долгий в сельсовете Как Господь на небеси, Хорошо бы эти Пети Долго жили на Руси! Ну а в наше село Гузенкова занесло.

*

Больно Федька загордился, Больно требовательным стал: Ангел с неба появился Он и ангела прогнал! Ходит в наше село Ангел редко, как назло!

*

Эй, кому бока намяли? Кто там ходит без рогов? Мотякова обломали, Стал комольй Мотяков! Так бежал через село Потерял аж два кило!

*

Без людей да без получки До чего, Фомич, дойдешь?! Так и знай - дойдешь до ручки, С горя горькую запьешь! Знает наше село, Что с такими-то было!

*

Настрадался в одиночку, Закрутился блудный сын, То ль судьбе он влепит точк{у} То ль судьба - в лопатки клин. Что ни делал - как назло, Завертело, замело.

*

Колос вырос из побега Всем невзгодам супротив. Он промыкался, побегал И вернулся в коллектив. Уж как наше село Снова члена обрело!

*

Хватит роги ломать, как коровам, Перевинчивать, перегибать, А не то, Гузенков с Мотяковым, Мы покажем вам кузькину мать! # 004

1971 Банька по-черному

Копи! Ладно, мысли свои вздорные копи! Топи! Ладно, баню мне по-черному топи! Вопи! Все равно меня утопишь, но - вопи!.. Топи! Только баню мне как хочешь натопи. Ох, сегодня я отмоюсь, эх, освоюсь! Но сомневаюсь, что отмоюсь! Не спи! Где рубаху мне по пояс добыла?! Топи! Ох, сегодня я отмоюсь добела! Кропи! В бане стены закопченные кропи! Топи! Слышишь, баню мне по-черному топи! Ох, сегодня я отмоюсь, эх, освоюсь! Но сомневаюсь, что отмоюсь! Кричи! Загнан в угол зельем, словно гончей - лось. Молчи! У меня уже похмелье кончилось. Терпи! Ты ж сама по дури продала меня! Топи! Чтоб я чист был, как щенок, к исходу дня! Ох, сегодня я отмоюсь, эх, освоюсь! Но сомневаюсь, что отмоюсь! Купи! Хоть кого-то из охранников купи! Топи! Слышишь, баню ты мне раненько топи! Вопи! Все равно меня утопишь, но - вопи!.. Топи! Эту баню мне как

хочешь, но - топи! Ох, сегодня я отмоюсь, эх, освоюсь! Но сомневаюсь, что отмоюсь! # 005

1971 Отпишите мне в Сибирь

Отпишите мне в Сибирь, я - в Сибири! Лоб стеною прошиби в этом мире! Отпишите мне письмо до зарплаты, Чтоб прочесть его я смог до питья-то. У меня теперь режим номер первый Хоть убей, хоть завяжи! - очень скверный. У меня теперь дела ох в упадке, То ли пепел, то ль зола, все в порядке. Не ходите вы ко мне, это мало, Мне достаточно вполне персонала. Напишите мне письмо по-правдивей, Чтоб я снова стал с умом, нерадивей. Мне дадут с утра яйцо, даже всмятку, Не поят меня винцом за десятку, Есть дают одно дерьмо - для диеты... Напишите ж мне письмо не про это. # 006

1971 Ядовит и зол, ну, словно кобра, я

Ядовит и зол, ну, словно кобра, я, У меня больничный режим. Сделай-ка такое дело доброе, Нервы мне мои перевяжи. У меня ужасная компания Кресло, телефон и туалет... Это же такое испытание, Мука... и другого слова нет. Загнан я, как кабаны, как гончей лось, И терплю, и мучаюсь во сне. У меня похмелье не кончилось, У меня похмелье вдвойне. У меня похмелья от сознания, Будто я так много пропустил... Это же моральное страдание! Вынести его не хватит сил. Так что ты уж сделай дело доброе, Так что ты уж сделай что-нибудь. А не то - воткну себе под ребра я Нож - и все, и будет кончен путь! # 007

1971 Отпустите мне грехи

Отпустите мне грехи мои тяжкие, Хоть родился у реки и в рубашке я! Отпустите мою глотку, друзья мои, Ей еще и выпить водку, песни спеть свои. Други, - во тебе на! что вы знаете, Вы, как псы кабана, загоняете... Только на рассвете кабаны Очень быстро лютые Хуже привокзальной шпаны И сродни с Малютою. Отпустите ж мне вихры мои прелые, Не ломайте руки вы мои белые, Не хлещите вы по горлу, друзья мои, Вам потом тащить покорно из ямы их! Други, - вот тебе на! Руки белые, Снова словно у пацана, загорелые... Вот тебе и ночи, и вихры Вашего напарника, Не имел смолы и махры, Даже накомарника. Вот поэтому и сдох, весь изжаленный, Вот поэтому и вздох был печальный... Не давите вы мне горло, мои голеньки, Горло смерзло, горло сперло. Мы - покойники. Други, - вот тебе на! То вы знаете Мародерами меня раскопаете. Знаю я ту вьюгу зимы Очень быстро лютую! Жалко, что промерзнете вы, В саван вас укутаю. # 008

1971 В голове моей тучи безумных идей

В голове моей тучи безумных идей Нет на свете преград для талантов! Я под брюхом привыкших теснить лошадей Миновал верховых лейтенантов. Разъярилась толпа, напрягалась толпа, Нарывалась толпа на заслоны, И тогда становилась толпа "на попа", Извергая проклятья и стоны. Столько было в тот миг в моем взгляде на мир Безотчетной, отчаянной прыти, Что, гарцуя на сером коне, командир Удивленно сказал: "Пропустите!" Дома я раздражителен, резок и груб. Домочадцы б мои поразились, Увидав, как я плакал, взобравшись на круп... Контролеры - и те прослезились. ...Он, растрогавшись, поднял коня на дыбы, Волево упираясь на стремя, Я пожал ему ногу, как руку судьбы... Ах, живем мы в прекрасное время! Серый конь мне прощально хвостом помахал, Я пошел - предо мной расступились, Ну а мой командир на концерт поскакал Музыканта с фамилией Гилельс. Я свободное место легко отыскал После вялой незлой перебранки: Все! Не сгонят! Не то что, когда посещал Пресловутый театр на Таганке. Вот сплоченность то где, вот уж где коллектив, Вот отдача где и напряженье!... Все болеют за нас - никого супротив: Монолит без симптомов брожения! ...Меня можно спокойно от дел отстранить, Робок я перед сильными, каюсь, Но нельзя меня силою остановить, Когда я на футбол прорываюсь! # 009

1971 Не заманишь меня на эстрадный концерт

Не заманишь меня на эстрадный концерт, Ни на западный фильм о ковбоях: Матч финальный на первенство СССР Нам сегодня болеть за обоих! Так прошу: не будите меня поутру Не проснусь по гудку и сирене, Я болею давно, а сегодня - помру На Центральной спортивной арене. Буду я помирать - вы снесите меня До агонии и до конвульсий Через западный сектор, потом на коня И несите до паузы в пульсе. Но прошу: не будите меня на ветру Не проснусь как Джульетта на сцене, Все равно я сегодня возьму и умру На Центральной спортивной арене. Пронесите меня, чтоб никто ни гугу: Кто-то умер - ну что ж, все в порядке, Закопайте меня вы в центральном кругу, Или нет - во вратарской площадке! ...Да, лежу я в центральном кругу на лугу, Шлю проклятья Виленеву Пашке, Но зато - по мне все футболисты бегут, Словно раньше по телу мурашки. Вижу я все развитие быстрых атак, Уличаю голкипера в фальши, Виже все - и теперь не кричу как дурак: Мол, на мыло судью или дальше... Так прошу: не будите меня поутру,

Глубже чем на полметра не ройте, А не то я вторичною смертью помру
Будто дважды погибший на фронте. # 010

1971 Вратарь

Льву Яшину Да, сегодня я в ударе, не иначе Надрываются в восторге москвичи, Я спокойно прерываю передачи И вытаскиваю мертвые мячи. Вот судья противнику пенальти назначает Репортеры тучею кишат у тех ворот. Лишь один упрямо за моей спиной сучает Он сегодня славно отдохнет! Извиняюсь, вот мне бьют головой... Я касаюсь подаю угловой. Бьет десятый - дело в том, Что своим "сухим листом" Размочить он может счет нулевой. Мяч в моих руках - с ума трибуны сходят, Хоть десятый его ловко завернул. У меня давно такие не проходят!.. Только сзади кто-то тихо вдруг вздохнул. Обернулся - слышу голос из-за фотокамер: "Извини, но ты мне, парень, снимок запорол. Что тебе- ну лишний раз потрогать мяч руками, Ну, а я бы снял красивый гол". Я хотел его послать не пришлось: Еле-еле мяч достать удалось. Но едва успел привстать, Слышу снова: "Вот, опять! Все б ловить тебе, хватать - не дал снять!" "Я, товарищ дорогой, все понимаю, Но культурно вас прошу: пойдите прочь! Да, вам лучше, если хуже я играю, Но поверьте - я не в силах вам помочь". Вот летит девятый номер с пушечным ударом Репортер бормочет: "Слушай, дай ему забить! Я бы всю семью твою всю жизнь снимал задаром..." Чуть не плачет парень. Как мне быть?! "Это все-таки футбол, говорю. Нож по сердцу - каждый гол вратарю". "Да я ж тебе как вратарю Лучший снимок подарю, Пропусти - а я отблагодарю!" Гнусь как ветка от напора репортера, Неуверенно иду на перехват... Попрошу-ка потихонечку партнеров, Чтоб они ему разбили аппарат. Ну а он все ноет: "Это ж, друг, бесчеловечно Ты, конечно, можешь взять, но только, извини, Это лишь момент, а фотография - навечно. А ну не шевелись, потяни!" Пятый номер в двадцать два заменит, Не бежит он, а едва семенит. В правый угол мяч, звеня, Значит, в левый от меня, Залетает и нахально лежит. В этом тайме мы играли против ветра, Так что я не мог поделаться ничем... Снимок дома у меня - два на три метра Как свидетельство позора моего. Проклинаю миг, когда фотографу потрафил, Ведь теперь я думаю, когда беру мячи: Сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий! Стыд меня терзает, хоть кричи. Искуситель змей, палач! Как мне жить?! Так и тянет каждый мяч

пропустить. Я весь матч боролся с собой Видно, жребий мой такой...
Так, спокойно - подают угловой... # 011

1971 Марафон

Я бегу, топчу, скользя По гаревой дорожке, Мне есть нельзя, мне
пить нельзя, Мне спать нельзя - ни крошки. А может, я гулять хочу У
Гурьева Тимошки, Так нет: бегу, бегу, топчу По гаревой дорожке. А
гвинеец Сэм Брук Обошел меня на круг, А вчера все вокруг Говорили:
"Сэм - друг! Сэм - наш гвинейский друг!" Друг гвинеец так и прет Все
больше отставание, Ну, я надеюсь, что придет Второе мне дыхание.
Третье за ним ищу, Четвертое дыханье, Ну, я на пятом сокращу С
гвинейцем расстоянье! Тоже мне - хороший друг, Обошел меня на
круг! А вчера все вокруг Говорили: "Сэм - друг! Сэм - наш гвинейский
друг!" Гвоздь программы - марафон, А градусов - все тридцать, Но к
жаре привыкший он Вот он и мастерится. Я поглядел бы на него, Когда
бы - минус тридцать! Ну, а теперь - достань его, Осталось -
материться! Тоже мне - хороший друг, Обошел на третий круг! Нужен
мне такой друг, Как его - забыл... Сэм Брук! Сэм - наш гвинейский
Брук! # 012

1971 Песенка про прыгуна в длину

Что случилось, почему кричат? Почему мой тренер завопил?
Просто - восемь сорок результат, Правда, за черту переступил. Ох,
приходится до дна ее испить Чашу с ядом вместо кубка я беру, Стоит
только за черту переступить Превращаюсь в человека-кенгуру. Что
случилось, почему кричат? Почему соперник завопил? Просто - ровно
восемь шестьдесят, Правда, за черту переступил. Что же делать мне,
как быть, кого винить Если мне черта совсем не по нутру? Видно
негру мне придется уступить Этот титул человека-кенгуру. Что
случилось, почему кричат? Стадион в единстве завопил... Восемь
девяносто, говорят, Правда, за черту переступил. Посоветуйте, вы все,
ну как мне быть? Так и есть, что негр титул мой забрал. Если б ту
черту да к черту отменить Я б Америку догнал и перегнал! Что
случилось, почему молчат? Комментатор даже приуныл. Восемь пять -
который раз подряд, Значит - за черту не заступил. # 013

1971 Я теперь в дураках - не уйти мне с земли

Я теперь в дураках - не уйти мне с земли Мне поставила суша
капканы: Не заметивши сходней, на берег сошли И навечно - мои
капитаны. И теперь в моих песнях сплошные нули, В них все больше

прорехи и раны: Из своих кителей капитанских ушли, Как из кожи, мои капитаны. Мне теперь не выйти в море И не встретить их в порту. Ах, мой вечный санаторий Как оскомина во рту! Капитаны мне скажут: "Давай не скули!" Ну а я не скулю - волком вою: Вы ж не просто с собой мои песни везли Вы везли мою душу с собою. Вас встречали в порту толпы верных друзей, И я с вами делил ваши лавры, Мне казалось, я тоже ходил с кораблей В эти Токио, Гамбурги, Гавры... Вам теперь не выйти в море, Мне не встретить их в порту. Ах, мой вечный санаторий Как оскомина во рту! Я надеюсь, что море сильней площадей И прочнее домов из бетона, Море лучший колдун, чем земной чародей, И я встречу вас из Лиссабона. Я механиков вижу во сне, шкиперов Вижу я, что не бесятся с жира, Капитаны по сходням идут с танкеров, С сухогрузов, да и с "пассажиров"... Нет, я снова выйду в море Или встречу их в порту, К черту вечный санаторий И оскомину во рту! # 014

1971 Я несла свою Бедуї

Я несла свою Беду по весеннему по льду, Обломился лед - душа оборвалася Камнем под воду пошла, а Беда - хоть тяжела, А за острые края задержалася. И Беда с того вот дня ищет по свету меня, Слухи ходят - вместе с ней - с Кривотолками. А что я не умерла знала голая ветла И еще - перепела с перепелками. Кто ж из них сказал ему, господину моему, Только - выдали меня, проболталися, И, от страсти сам не свой, он отправился за мной, Ну а с ним - Беда с Молвой увязалися. Он настиг меня, догнал обнял, на руки поднял, Рядом с ним в седле Беда ухмылялася. Но остаться он не мог был всего один денек, А Беда - на вечный срок задержалася... # 015

1971 Я б тоже согласился на полетї

"Я б тоже согласился на полет, Чтоб приобрести блага по возвращеньи! Так кто-то говорил, - Да им везет!.." Так что ж он скажет о таком везенье? Корабль "Союз" и станция "Салют", И Смерть в конце, и Реквием - в итоге... "СССР" - да, так передают Четыре буквы - смысл их дороги. И если Он - живет на небеси, И кто-то вдруг поднял у входа полог Его шатра. Быть может, он взбесил Всевышнего. Кто б ни был - космонавт или астролог... Для скорби в этом мире нет границ, Ах, если б им не быть для ликования! И безгранична скорбь всех стран и лиц, И это - дань всемирного признанья... # 016

1971 Жизнь оборвет мою водитель-ротозейї

Жизнь оборвет мою водитель-ротозей. Мой труп из морга не востребует никто. Возьмут мой череп в краеведческий музей, Скелет пойдет на домино или лото. Ну все, решил - попью чайку, да и помру: Невмоготу свою никчемность превозмочь. Нет, лучше пусть все будет поутру, А то - лежи, пока не хватятся - всю ночь. В музее будут объегоривать народ, Хотя народу это, в общем, все равно. Мне глаз указкою проткнет экскурсовод И скажет: "Вот недостающее звено". Иль в виде фишек принесут меня на сквер, Перетряхнут, перевернут наоборот, И, сделав "рыбу", может быть, пенсионер Меня впервые добрым словом помянет. Я шел по жизни, как обычный пешеход, Я, чтоб успеть, всегда вставал в такую рань... Кто говорит, что уважал меня - тот врет. Одна... себя не уважающая пьянь. # 017

1971 Целуя знамя в пропыленный шелк

Целуя знамя в пропыленный шелк И выплюнув в отчаянье протезы, Фельдмаршал звал: "Вперед, мой славный полк! Презрейте смерть, мои головорезы!" И смятыми знаменами горды, Воспламенены талантливою речью, Расталкивая спины и зады, Они стремились в первые ряды И первыми ложились под картечью. Хитрец - и тот, который не был смел, Не пожелав платить такую цену, Полз в задний ряд - но там не уцелел: Его свои же брали на прицел И в спину убивали за измену. Сегодня каждый третий - без сапог, Но после битвы - заживут, как крезы, Прекрасный полк, надежный, верный полк Отборные в полку головорезы! А третьии средь битвы и беды Старались сохранить и грудь и спину, Не выходя ни в первые ряды, Ни в задние, - но как из-за еды, Дрались за золотую середину. Они напишут толстые труды И будут гибнуть в рамах, на картине, Те, что не вышли в первые ряды, Но не были и сзади - и горды, Что честно прозябали в середине. Уже трубач без почестей умолк, Не слышно меди, тише звон железа, Разбит и смят надежный, верный полк, В котором сплошь одни головорезы. Но нет, им честь знамен не запятнать, Дышал фельдмаршал весело и ровно, Чтоб их в глазах потомков оправдать, Он молвил: "Кто-то должен умирать А кто-то должен выжить, - безусловно!" Пусть нет звезды тусклее, чем у них, Уверенно дотянут до кончины Скрываясь за отчаянных и злых Последний ряд оставив для других Умеренные люди середины. В грязь втоптаны знамена, смятый шелк, Фельдмаршальские жезлы и протезы.

Ах, славный полк!.. Да был ли славный полк, В котором сплошь одни
головорезы?! # 018

1971 Если все - и спасенье в ножеі

Если все - и спасенье в ноже, И хирург с колпаком, Лучше, чтоб это
было уже, Чем сейчас и потом. # 019

1971 Дурацкий сон, как кистенемі

Дурацкий сон, как кистенем, Избил нещадно. Невнятно выглядел я
в нем И неприглядно. Во сне я лгал и предавал, И льстил легко я... А я
и не подозревал В себе такое. Еще сжимал я кулаки И бил с натугой,
Но мягкой кистию руки, А не упругой. Тускнело сновиденье, но Опять
являлось. Смыкал я веки, и оно Возобновлялось. Я не шагал, а
семенял На ровном бруссе, Ни разу ногу не сменил, Трусил и трусил. Я
перед сильным лебезил, Пред злобным гнулся. И сам себе я мерзок
был, Но не проснулся. Да это бред - я свой же стон Слышал сквозь
дрему, Но это мне приснился сон, А не другому. Очнулся я и разобрал
Обрывок стона. И с болью веки разодрал, Но облегченно. И сон повис
на потолке И распластался. Сон в руку ли? И вот в руке Вопрос
остался. Я вымыл руки - он в спине Холодной дрожью. Что было
правдою во сне, Что было ложью? Коль это сновиденье - мне Еще
везенье. Но если было мне во сне Ясновиденье? Сон - отраженье
мыслей дня? Нет, быть не может! Но вспомню - и всего меня
Перекорежит. А после скажут: "Он вполне Все знал и ведал!" Мне
будет мерзко, как во сне В котором предал. Или - в костер?.. Вдруг нет
во мне Шагнуть к костру сил! Мне будет стыдно как во сне, В котором
струсил. Но скажут мне: "Пой в унисон! Жми что есть духу!" И я
пойму: вот это сон, Который в руку. # 020

1971 Мои похороны, или Страшный сон очень смелого человекаі

Сон мне снится - вот те на: Гроб среди квартиры, На мои похорона
Съехались вампиры, Стали речи говорить Все про долголетие, Кровь
сосать решили погодить: Вкусное - на третье. В гроб вогнали кое-как,
А самый сильный вурдалак Все втискивал, и всовывал, И плотно
утрамбовывал, Сопел с натуги, сплевывал И желтый клык высовывал.
Очень бойкий упырек Стукнул по колену, Подогнал - и под шумок
Надкусил мне вену. А умудренный кровосос Встал у изголовья И
очень вдохновенно произнес Речь про полнокровье. И почетный караул
Для приличия всплакнул, Но я чую взглядов серию На сонную мою
артерию: А если кто пронзит артерию Мне это сна грозит потерю.

Погодите, спрячьте крюк! Да куда же, черт, вы! Я же слышу, что вокруг, Значит, я не мертвый. Яду капнули в вино, Ну а мы набросились, Опить меня хотели, но Опростоволосились. Тот, кто в зелье губы клал, В самом деле дуба дал, Ну а на меня - как рвотное То зелье приворотное: Здоровье у меня добротное, И закусил отраву плотно я. Так почему же я лежу, Дурака валяю, Ну почему, к примеру, не заржу Их не напугаю?! Я ж их мог прогнать давно Выходкою смелою Мне бы взять пошевелиться, но Глупостей не делаю. Безопасный как червяк, Я лежу, а вурдалак Со стаканом носится Сейчас наверняка набросится, Еще один на шею косится Ну, гад, он у меня допросится! Кровожадно вопия, Высунули жалы И кровиночка моя Полилась в бокалы. Погодите - сам налью, Знаю, знаю - вкусная!.. Ну нате, пейте кровь мою, Кровососы гнусные! А сам - и мышцы не напряг И не попытался сжать кулак, Потому что кто не напрягается, Тот никогда не просыпается, Тот много меньше подвергается И много больше сохраняется. Вот мурашки по спине Смертные крадутся... А всего делов-то мне Было, что - проснуться! ...Что, сказать, чего боюсь (А сновиденья - тянутся)? Да того, что я проснусь А они останутся!.. # 021

1971 Зарыты в нашу память на векаї

Зарыты в нашу память на века И даты, и события, и лица. А память как колодец глубока. Попробуй заглянуть: наверняка Лицо - и то неясно отразится. Разглядеть, что истинно, что ложно Может только беспристрастный суд. Осторожно с прошлым, осторожно... Не разбейте глиняный сосуд. Иногда как-то вдруг вспоминается Из войны пара фраз Например, что сапер ошибается Только раз. Одни его лениво ворошат, Другие неохотно вспоминают, А третьи даже помнить не хотят, И прошлое лежит, как старый клад, Который никогда не раскопают. И поток годов унес с границы Стрелки - указатели пути. Очень просто в прошлом заблудиться И назад дороги не найти. До сих пор как-то вдруг вспоминается Из войны пара фраз Например, что сапер ошибается Только раз. С налета не вини - повремени! Есть у людей на все свои причины. Не скрыть, а позабыть хотят они: Ведь в толще лет еще лежат в тени Забытые заржавленные мины. В минном поле прошлого копаться Лучше без ошибок, потому Что на минном поле ошибаться... Нет! Не удавалось никому. До сих пор как-то вдруг вспоминается Из войны пара фраз Например, что сапер ошибается

Только раз. Один толчок - и стрелки побегут, А нервы у людей не из каната, И будет взрыв, и перетрется жгут... Но, может, мину вовремя найдут И извлекут до взрыва детонатор. Спит земля, врачует раны снами, Но еще находят мины в ней... Нужно брать их чистыми руками И взрывать подальше от людей. До сих пор как-то вдруг вспоминается Из войны пара фраз Например, что сапер ошибается Только раз. # 022

1971 Давно, в эпоху мрачного язычества

Давно, в эпоху мрачного язычества, Огонь горел исправно, без помех, А ныне, в век сплошного электричества, Шабашник - самый главный человек. Нам внушают про проводку, А нам слышится - про водку, Нам толкуют про тройник, А мы слышим: "...На троих!" У нас теперь и опыт есть, и знание, За нами невозможно доглядеть Нарочно можем сделать замыкание, Чтоб без работы долго не сидеть. И мы - необходимая инстанция, Нужны, как выключателя щелчок. Вам кажется - шалит электростанция, А это мы поставили "жучок". Шабаш-электро наш нарубит дров еще, С ним вместе - дружный смежный шабаш-газ. "Шабашник" - унижительное прозвище, Но что-то не обходятся без нас. # 023

1971 Может быть, моряком по призванию

Может быть, моряком по призванию Был поэт Руставели Шота... По швартовому расписанию Занимает команда места. Кто-то подал строителям мудрый совет Создавать поэтический флот. И теперь Руставели - не просто поэт, "Руставели" - большой теплоход. А поэта бы уболтало бы, И в три бала бы он померк, А теперь гляди с верхней палубы Черный корпус его, белый верх. непохожих поэтов сравнить нелегко В разный срок отдавали концы Руставели с Шевченко и Пушкин с Франко... А на море они - близнецы. О далеких странах мечтали - и Вот не дожили - очень жаль!.. И "Шевченко" теперь - близ Италии, А "Франко" идет в Монреаль. # 024

1971 Александру Назаренко и экипажу теплохода "Шота Руставели"

Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты И хрипят табуны, стервенея, внизу. На глазах от натуги худеют канаты, Из себя на причал выжимая слезу. И команды короткие, злые Быстрый ветер уносит во тьму: "Кранцы за борт!", "Отдать носовые!" И - "Буксир, подработать корму!" Капитан, чуть улыбаясь, Все, мол, верно - молодцы, От земли освобождаясь, Приказал рубить концы. Только снова назад

обращаются взоры Цепко держит земля, все и так и не так: Почему слишком долго не сходятся створы, Почему слишком часто мигает маяк?! Все в порядке, конец всем вопросам. Кроме вахтенных, все - отдыхать! Но пустуют каюты - матросам К той свободе еще привыкать. Капитан, чуть улыбаясь, Молвил только: "Молодцы!" От земли освобождаясь, Нелегко рубить концы. Переход - двадцать дней, - рассыхаются шлюпки, Нынче утром последний отстал альбатрос... Хоть бы - шторм! Или лучше - чтоб в радиорубке Обалдевший радист принял чей-нибудь SOS. Так и есть: трое - месяц в корыте, Яхту вдребезги кит разобрал... Так за что вы нас благодарите Вам спасибо за этот аврал! Капитан, чуть улыбаясь, Бросил только: "Молодцы!" Тем, кто, с жизнью расставаясь, Не хотел рубить концы. И опять будут Фиджи, и порт Кюрасао, И еще черта в ступе и бог знает что, И красивейший в мире фиорд Мильфорсаун Все, куда я ногой не ступал, но зато Пришвартуетесь вы на Таити И прокрутите запись мою, Через самый большой усилитель Я про вас на Таити спою. Скажет мастер, улыбаясь, Мне и песне: "Молодцы!" Так, на суше оставаясь, Я везде креплю концы. И опять продвигается, словно на ринге, По воде осторожная тень корабля. В напряженье матросы, ослаблены шпринги... Руль полборта налево - и в прошлом земля! # 025

1971 Мы живем в большом селе Большие Вилы

Мы живем в большом селе Большие Вилы, Нас два брата, два громилы. Я ошибочно скосил дубову рощу, Брату - это даже проще. Нас все любят, но боятся жутко Вдвоем мы Не жидки! Мы с понятем, конечно, не шутка Убьем по Ошибке. Вот послали нас всем миром - ми и плачем К чертям собачьим, к чертям собачьим, Но нашли мы избавление от смерти И сами вышли в собачьи черти! Мы теперь овес едим горстями. Кто скажется Под дых ему! И с предшествующими чертями Собачимся По ихнему. Ну, побыли мы чертями - и обратно: Понятно, понятно! Если встретим мы кого-нибудь дорогой Брат просит: "Не трогай!" Я еще чуть-чуть тренировался Гнул дула На танке. И поэтому братан боялся Я: "Здравствуй!" Он - в дамки! Жить можно бы, и даже - смело, Но нет подходящего дела. Так и мыкаемся с братом по свету, А дела подходящего нету. Я всегда кричу братану: Гляди в оба, Братень! Я маленько поотстану, Может, обо ротень! Но послали на селе нас, как и раньше, Куда подальше, куда подальше... Мы же с братиком протопали планету Такого места в помине нету! И

задумали мы с братом думку Вдвоем мы В три смены... Брат все двери
искусал - и все ж додумал: Пойдем мы В спортсмены! # 026

1971 Про двух громилов - братьев Прова и Николая

Как в селе Большие Вилы, Где еще сгорел сарай, Жили-были два
громилы Огромной жуткой силы Братья Пров и Николай. Николай -
что понахальней По ошибке лес скосил, Ну а Пров - в опочивальни
Рушил стены - и входил. Как братья не вяжут лыка, Пьют отвар из чаги
Все от мала до велика Прячутся в овраге. В общем, лопнуло терпенье,
Ведь добро - свое, не чье, И идти на усмиренье Порешило мужичье.
Николай - что понахальней, В тот момент быка ломал, ну а Пров в
какой-то спальне С маху стену прошибал. "Эй, братан, гляди - ватага,
С кольями, да слышь ли, Чтой-то нынче из оврага Рановато вышли!"
Неудобно сразу драться Наш мужик так не привык, Стали прежде
задираться: "Для чего, скажите, братцы, Нужен вам безрогий бык?!"
Николаю это странно: "Если жалко вам быка С удовольствием с
братаном Можем вам намять бока!" Где-то в поле замер заяц, Постоял -
и ходу... Пров ломается, мерзавец, Сотворивши шкodu. "Ну-ка, кто
попробуй вылезь Вмиг разделаюсь с врагом!" Мужики перекрестились
Всей ватагой навалились: Кто - багром, кто - батогом. Николай, печась
о брате, Первый натиск отражал, Ну а Пров укрылся в хате И оттуда
хохотал. От могучего напора Развалилась хата, Пров оттяпал
ползабора Для спасенья брата. "Хватит, брат, обороняться Пропадать
так пропадать! Коля, нечего стесняться, Колья начали ломаться, Надо,
Коля, нападать!" По мужьям да по ребятам Будут бабы слезы лить... Но
решили оба брата С наступленьем погодить. "Гляди в оба, братень, Со
спины заходят!" "Может, оборотень?" "Не похоже вроде!" Дело в том,
что к нам в селенье Напросился на ночлег И остался до Успенья, А
потом - на поселенье Никчemuшный человек. И сейчас вот из-за крика
Ни один не услышал: Этот самый горемыка Чтой-то братьям приказал.
Кровь уже лилась ручьями, Так о чем же речь-то? "Бей братьев!" - Но
вдруг с братьями Сотворилось нечто: Братьев как бы подкосило Стали
братья отступать Будто вмиг лишились силы... Мужичье их попросило
Больше бед не сотворять. ...Долго думали-гадали, Что блаженный им
сказал, Как затылков ни чесали Ни один не угадал. И решили: он
заклятьем Обладает, видно... Ну а он сказал лишь: "Братья, Как же вам
не стыдно!" # 027

1971 С общей суммой шестьсот пятьдесят килограммї

С общей суммой шестьсот пятьдесят килограмм Я недавно вернулся из Штатов, Но проблемы бежали за мной по пятам Вслед за ростом моих результатов. Пытаются противники Рекорды повторить... Ах! Я такой спортивненький, Что страшно говорить. Но супруга, с мамашей своею впотьмах Пошептавшись, сказала, белея: "Ты отъелся на американских харчах И на вид стал еще тяжелее! Мне с соседями стало невмочь говорить, Вот на кухне натерпишься сраму! Ты же можешь меня невзначай придавить И мою престарелую маму". Как же это попроще сказать им двоим, Чтоб дошло до жены и до мамы, Что пропорционально рекордам моим Вырастают мои килограммы? Может, грубо сказал (так бывает со мной, Когда я чрезвычайно отчаюсь): "Я тебя как-нибудь обойду стороной, Но за мамину жизнь не ручаюсь". И шныряют по рынку супруга и мать, И корзины в руках - словно гири... Ох, боюсь, что придется мне дни коротать С самой сильною женщиной в мире. "Хорошо, - говорю, - прекращаю разбег, Начинаю сидеть на диете". Но супруге приятно, что я - человек Самый сильный на нашей планете. Мне полтонны - не вес, я уже к семистам Подбираюсь и требую пищи, А она говорит: "Что ты возишься там?! Через год, - говорит, - чтоб до тыщи!" Тут опять парадокс, план жены моей смел, Ультиматум поставлен мне твердый, Чтоб свой собственный вес поднимать я не смел, Но еще - чтобы бил я рекорды. И с мамашей они мне устроили пост, И моя худоба процветала, Штангу я в трех попытках ронял на помост. Проиграл я, но этого мало. Я с позором едва притащился домой, И жена из-за двери сказала, Что ей муторно жить с проигравшим со мной, И мамаша ее поддержала. Бил, но дверь не сломалась, сломалась семья. Я полночи стоял у порога И ушел. Да, тяжелая доля моя Тяжелее, чем штанга - намного! # 028

1971 Песня о штангисте

Василию Алексееву Как спорт - поднятье тяжестей не ново В истории народов и держав: Вы помните, как некий грек другого Поднял и бросил, чуть попридержав? Как шею жертвы, круглый гриф сжимаю Чего мне ждать: оваций или - свист? Я от земли Антея отрываю, Как первый древнегреческий штангист. Не отмечен грацией мустанга, Скован я, в движеньях не скор. Штанга, перегруженная штанга Вечный мой соперник и партнер. Такую неподъемную громаду Врагу не пожелаю своему Я подхожу к тяжелому снаряду С тяжелым

чувством: вдруг не подниму?! Мы оба с ним как будто из металла, Но только он - действительно металл. А я так долго шел до пьедестала, Что вмятины в помосте протоптал. Не отмечен грацией мустанга, Скован я, в движеньях не скор. Штанга, перегруженная штанга Вечный мой соперник и партнер. Повержен враг на землю - как красиво! Но крик "Вес взят!" у многих на слуху. "Вес взят!" - прекрасно, но несправедливо: Ведь я внизу, а штанга наверху. Такой триумф подобен пораженью, А смысл победы до смешного прост: Все дело в том, чтоб, завершив движенье, С размаху штангу бросить на помост. Не отмечен грацией мустанга, Скован я, в движеньях не скор. Штанга, перегруженная штанга Вечный мой соперник и партнер. Он вверх ползет - чем дальше, тем безвольней, Мне напоследок мышцы рвет по швам. И со своей высокой колокольни Мне зритель крикнул: "Брось его к чертям!" Еще одно последнее мгновенье И брошен наземь мой железный бог! ...Я выполнял обычное движенье С коротким злым названием "рывок". # 029

1971 Я все вопросы освещу сполнаі

Я все вопросы освещу сполна Дам любопытству удовлетворенье! Да, у меня французенка жена Но русского она происхожденья. Нет, у меня сейчас любовниц нет. А будут ли? Пока что не намерен. Не пью примерно около двух лет. Запью ли вновь? Не знаю, не уверен. Да нет, живу не возле "Сокола"... В Париж пока что не проник. Да что вы все вокруг да около Да спрашивайте напрямик! Я все вопросы освещу сполна Как на духу попу в исповедалне! В блокноты ваши капает слюна Вопросы будут, видимо, о спальне... Да, так и есть! Вот густо покраснел Интервьюер: "Вы изменяли женам?" Как будто за портьеру подсмотрел Иль под кровать залег с магнитофоном. Да нет, живу не возле "Сокола"... В Париж пока что не проник. Да что вы все вокруг да около Да спрашивайте напрямик! Теперь я к основному перейду. Один, стоявший скромно в уголке, Спросил: "А что имели вы в виду В такой-то песне и в такой-то строчке?" Ответ: во мне Эзоп не воскресал, В кармане фиги нет - не суетитесь, А что имел в виду - то написал, Вот - вывернул карманы - убедитесь! Да нет, живу не возле "Сокола"... В Париж пока что не проник. Да что вы все вокруг да около Да спрашивайте напрямик! # 030

1971 Певец у микрофона

Я весь в свету, доступен всем глазам, Я приступил к привычной процедуре: Я к микрофону встал как к образам... Нет-нет, сегодня точно - к амбразуре. И микрофону я не по натру Да, голос мой любому опостылет, Уверен, если где-то я совру Он ложь мою безжалостно усилит. Бьют лучи от рампы мне под ребра, Светят фонари в лицо недобро, И слепят с боков прожектора, И - жара!.. Жара!.. Жара! Сегодня я особенно хриплю, Но изменить тональность не рискую, Ведь если я душою покривлю Он ни за что не выправит кривую. Он, бестия, потоньше остря Слух безотказен, слышит фальшь до йоты, Ему плевать, что не в ударе я, Но пусть я верно выпеваю ноты! Бьют лучи от рампы мне под ребра, Светят фонари в лицо недобро, И слепят с боков прожектора, И - жара!.. Жара!.. Жара! На шее гибкой этот микрофон Своей змеиной головою вертит: Лишь только замолчу - ужалит он, Я должен петь - до одури, до смерти. Не шевелись, не двигайся, не смей! Я видел жало - ты змея, я знаю! И я - как будто заклинатель змей: Я не пою - я кобру заклинаю! Бьют лучи от рампы мне под ребра, Светят фонари в лицо недобро, И слепят с боков прожектора, И - жара!.. Жара!.. Жара! Прожорлив он, и с жадностью птенца Он изо рта выхватывает звуки, Он в лоб мне влепит девять грамм свинца, Рук не поднять - гитара вяжет руки! Опять не будет этому конца! Что есть мой микрофон - кто мне ответит? Теперь он - как лампада у лица, Но я не свят, и микрофон не светит. Мелодии мои попроще гамм, Но лишь сбиваюсь с искреннего тона Мне сразу больно хлещет по щекам Недвижимая тень от микрофона. Бьют лучи от рампы мне под ребра, Светят фонари в лицо недобро, И слепят с боков прожектора, И - жара!.. Жара! # 031

1971 Песня микрофона

Я оглох от ударов ладоней, Я ослеп от улыбок певиц, Сколько лет я страдал от симфоний, Потакал подражателям птиц! Сквозь меня многократно просеясь, Чистый звук в ваши души летел. Стоп! Вот - тот, на кого я надеюсь. Для кого я все муки стерпел. Сколько раз в меня шептали про луну, Кто-то весело орал про тишину, На пиле один играл - шею спиливал, А я усиливал, усиливал, усиливал... На "низах" его голос утробен, На "верхах" он подобен ножу, Он покажет, на что он способен, Но и я кое-что покажу! Он поет задыхаясь, с натугой Он устал, как солдат на плацу, Я тянусь своей шеей упругой К золотому от пота лицу. Сколько раз в меня шептали про луну, Кто-то весело орал

про тишину, На пиле один играл - шею спиливал, А я усиливал, усиливал, усиливал... Только вдруг: "Человече, опомнись, Что поешь?! Отдохни - ты устал. Эта - патока, сладкая помесь! Зал, скажи, чтобы он перестал!.." Все напрасно - чудес не бывает, Я качаюсь, я еле стою, Он бальзамом мне горечь вливает В микрофонную глотку мою. Сколько раз в меня шептали про луну, Кто-то весело орал про тишину, На пиле один играл - шею спиливал, А я усиливал, усиливал, усиливал... В чем угодно меня обвините Только против себя не пойдешь: По профессии я - усилитель, Я страдал - но усиливал ложь. Застонал я - динамики взвыли, Он сдавил мое горло рукой... Отвернули меня, умертвили Заменяли меня на другой. Тот, другой, - он все стерпит и примет, Он навинчен на шею мою. Нас всегда заменяют другими, Чтобы мы не мешали вранью. ...Мы в чехле очень тесно лежали Я, штатив и другой микрофон, И они мне, смеясь, рассказали, Как он рад был, что я заменен. # 032

1971 Песня из радиоспектакля "Зеленый фургон"

Нет друга, но смогу ли Не вспоминать его Он спас меня от пули И много от чего, Ведь если станет плохо С душой иль с головой, То он в мгновенье ока Окажется со мной. И где бы он не был, куда б не уехал, Как прежде, в бою, и а огне, и в дыму, Я знаю, что он мне желает успеха, Я тоже успеха желаю ему. # 033

1971 "Не бросать!", "Не топтать!"і

"Не бросать!", "Не топтать!" Это модно понять, Или, там, "Не сорить!", Это что говорить... "Без звонка не входить!" Хорошо, так и быть. Я нормальные "не" Уважаю вполне. Но когда это - не Приносить-распивать, Это "не" - не по мне, Не могу принимать. Вот мы делаем вид За проклятым "козлом": Друг костяшкой стучит, Мол, играем - не пьем. А красиво ль - втроем Разливать под столом!.. А что - лучше втроем Лезть с буылкою в дом? Ну а дома жена Не стоит на ногах, И не знает она О подкожных деньгах. Если с ночи - "Молчи, Не шуми, не греми, Не кричи, не стучи, Пригляди за детьми..." Где же тут пировать: По стакану - и в путь! А начнешь шуровать Разобьешь что-нибудь. И соседка опять "Алкоголик!" - орет. А начнешь возражать Участковый придет. Он, пострел, все успел Вон составит акт: нецензурно, мол, пел, Так и так, так и так. Съел кастрюлю с гусем, У соседки лег спать, И еще - то да се... Набежит суток пять! Так и может все быть, Если расшифровать Это "Не приносить!", Это "Не распивать!" "Не

бросать!", "Не топтать!" Это модно понять... И еще надо вскрыть
Смысл слов "Не курить!"... Я встаю ровно в шесть (Это надо учесть),
До без четверти пять У станка мне стоять. Засосу я кваску Иногда в
перерыв, И обратно - к станку, Даже не покурив. И точку я в тоске
Шпинделя да фрезы, Ну а на языке Вкус соленой слезы. Покурить,
например? Но - нельзя прерывать, И мелькает в уме Моя бедная
"мать". Дома я свежий лук На закуску крошу, Забываюсь - и вслух Это
произношу. И глядит мне сосед И его ребяшня Укоризненно вслед,
Осуждая меня. # 034

1971 Милицейский протокол

Считай по-нашему, мы выпили не много, Не вру, ей-бога, - скажи,
Серег! И если б водку гнать не из опилок, То че б нам было с пяти
бутылок! ...Вторую пили близ прилавка в закуточке, Но это были еще
цветочки, Потом - в скверу, где детские грибочки, Потом - не помню, -
дошел до точки. Я пил из горлышка, с устатку и не евши, Но - как
стекло был, - остекленевший. А уж когда коляска подкатила, Тогда в
нас было - семьсот на рыло! Мы, правда, третьего насильно затащили,
Ну, тут промашка - переборщили. А что очки товарищу разбили Так то
портвейном усугубили. Товарищ первый нам сказал, что, мол,
уймитесь, Что - не буяньте, что - разойдитесь. На "разойтись" я тут же
согласился И разошелся, - и расходился! Но если я кого ругал - карайте
строго! Но это вряд ли, - скажи, Серег! А что упал - так то от
помутнения, Орал не с горя - от отупения. ...Теперь позвольте пару
слов без протокола. Чему нас учит семья и школа? Что жизнь сама
таких накажет строго. Тут мы согласны, - скажи, Серег! Вот он
проснется утром - протрезвеет - скажет: Пусть жизнь осудит, пусть
жизнь накажет! Так отпустите - вам же легче будет: Чего возиться, раз
жизнь осудит! Вы не смотрите, что Серег! Он соображает,
все понимает! А что молчит - так это от волнения, От осознания и
просветления. Не запирайте, люди, - плачут дома детки, Ему же - в
Химки, а мне - в Медведки!.. Да, все равно: автобусы не ходят, Метро
закрыто, в такси не содят. Приятно все-таки, что нас здесь уважают:
Гляди - подвозят, гляди - сажают! Разбудит утром не петух,
прокукарекав, Сержант подымет - как человек! Нас чуть не с
музыкой проводят, как проспимся. Я рупь значил, - опохмелимся! И
все же, брат, трудна у нас дорога! Эх, бедолага! Ну спи, Серег! # 035

1971 Песня конченного человека

Истома ящерицей ползает в костях, И сердце с трезвой головой не на ножах, И не захватывает дух на скоростях, Не холодеет кровь на виражах. И не прихватывает горло от любви, И нервы больше не в натяжку, - хочешь - рви, Повисли нервы, как веревки от белья, И не волнует, кто кого, - он или я. На коне, толкни я с коня. Только "не", только "ни" у меня. Не пью воды - чтоб стыли зубы - питьевой И ни событий, ни людей не тороплю, Мой лук валяется со сгнившей тетивой, Все стрелы сломаны - я ими печь топлю. Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так... Не вдохновляет даже самый факт атак. Сорви-голов не принимаю и корю, Про тех, кто в омут головой, - не говорю. На коне, толкни я с коня. Только "не", только "ни" у меня. И не хочу ни выяснять, ни изменять И ни вязать и ни развязывать узлы. Углы тупые можно и не огибать, Ведь после острых - это не углы. Свободный ли, тугой ли пояс - мне-то что! Я пули в лоб не удостоюсь - не за что. Я весь прозрачный, как раскрытое окно, Я неприметный, как льняное полотно. На коне, толкни я с коня. Только "не", только "ни" у меня. Не ноют раны, да и шрамы не болят На них наложены стерильные бинты! И не волнуют, не свербят, не теребят Ни мысли, ни вопросы, ни мечты. Любая нежность душу не разбередит, И не внушит никто, и не разубедит. А так как чужды всякой всячины мозги, То ни предчувствия не жмут, ни сапоги. На коне, толкни я с коня. Только "не", только "ни" у меня. Ни философский камень больше не ищу, Ни корень жизни, - ведь уже нашли женьшень. Не вдохновляюсь, не стремлюсь, не трепещу И не надеюсь поразить мишень. Устал бороться с притяжением земли Лежу, - так больше расстояние до петли. И сердце дергается словно не во мне, Пора туда, где только "ни" и только "не". На коне, толкни я с коня. Только "не", только "ни" у меня. # 036

1971 Так дымно, что в зеркале нет отраженьяї

Так дымно, что в зеркале нет отраженья И даже напротив не видно лица, И пары успели устать от круженья, Но все-таки я допою до конца! Все нужные ноты давно сыграли, Сгорело, погасло вино в бокале, Минутный порыв говорить пропал, И лучше мне молча допить бокал... Полгода не балует солнцем погода, И души застыли под коркою льда, И, видно, напрасно я жду ледохода, И память не может согреть в холода. Все нужные ноты давно сыграли, Сгорело, погасло вино в бокале, Минутный порыв говорить пропал, И лучше мне молча

допить бокал... В оркестре играют устало, сбиваясь, Смыкается круг - не порвать мне кольца... Спокойно! Мне лучше уйти улыбаясь, И все-таки я допою до конца! Все нужные ноты давно сыграли, Сгорело, погасло вино в бокале, Тусклей, равнодушной оскал зеркал... И лучше мне просто разбить бокал! # 037

1971 Случай

Мне в ресторане вечером вчера Сказали с юморком и с этикетом, Что киснет водка, выдохлась икра И что у них ученый по ракетам. И многих с водкой помня пополам, Не разобрав, что плещется в бокале, Я, улыбаясь, подходил к столам И отзывался, если окликали. Вот он - надменный, словно Ришелье, Как благородный папа в старом скетче, Но это был - директор ателье, И не был засекреченный ракетчик. Со мной гитара, струны к ней в запас, И я гордился тем, что тоже в моде: К науке тяга сильная сейчас Но и к гитаре тяга есть в народе. Я ахнул залпом и разбил бокал Мгновенно мне гитару дали в руки, Я три своих аккорда перебрал, Запел и запил - от любви к науке. Я пел и думал: вот икра стоит, А говорят - кеты не стало в реках; А мой ученый где-нибудь сидит И мыслит в миллионах и парсеках... И, обнимая женщину в колье И сделав вид, что хочет в песни вжиться, Задумался директор ателье О том, что завтра скажет сослуживцам. Он предложил мне позже на дому, Успев включить магнитофон в портфеле: "Давай дружить домами!" Я ему Сказал: "Давай, - мой дом - твой дом моделей". И я нарочно разорвал струну И, утаив, что есть запас в кармане, Сказал: "Привет! Зайти не премину, В другой раз, - если будет марсианин". Я шел домой - под утро, как старик, Мне под ноги катались дети с горки, И аккуратный первый ученик Шел в школу получать свои пятерки. Ну что ж, мне поделом и по делам Лишь первые пятерки получают... Не надо подходить к чужим столам И отзываться, если окликают. # 038

1971 Нет прохода и давної

Нет прохода и давно В мире от нахалов, Мразь и серость пьют вино Из чужих бокалов. В виде тряпок видел их Грязных, невозможных, В туалетах не мужских Противоположных. # 039

1971 Песенка про мангустов

"Змеи, змеи кругом - будь им пусто!" Человек в исступленье кричал И позвал на подмогу мангуста, Чтобы, значит, мангуст выручал. И мангусты взялись за работу, Не щадя ни себя, ни родных, Выходили

они на охоту Без отгулов и без выходных. И в пустынях, в степях и в пампасах Даже дали наказ патрулям Игнорировать змей безопасных И сводить ядовитых к нулям. Приготовьтесь - сейчас будет грустно: Человек появился тайком И поставил силки на мангуста, Объявив его вредным зверьком. Он наутро пришел - с ним собака И мангуста упрятал в мешок, А мангуст отбивался и плакал, И кричал: "Я - полезный зверек!" Но зверьков в переломах и ранах, Все швыряли в мешок, как грибы, Одуревших от боли в капканах Ну и от поворота судьбы. И гадали они: в чем же дело Почему нас несут на убой? И сказал им мангуст престарелый С перебитой передней ногой: "Козы в Бельгии съели капусту, Воробьи - рис в Китае с полей, А в Австралии злые мангусты Истребили полезнейших змей. Вот за это им вышла награда От расчетливых этих людей, Видно, люди не могут без яда, Ну а значит - не могут без змей"... И снова: "Змеи, змеи кругом - будь им пусто!" Человек в исступленье кричал И позвал на подмогу... Ну, и так далее как "Сказка про белого бычка". # 040

1971 Баллада о бане

Благодать или благословение Ниспошли на подручных твоих Дай нам, Бог, совершить омовение, Окунаясь в святая святых! Исцеленьем от язв и уродства Будет душ из живительных вод, Это - словно возврат первородства, Или нет - осушение болот. Все порок, грехи и печали, Равнодушие, согласие и спор Пар, который вот только наддали, Вышибает, как пули, из пор. Все, что мучит тебя, - испарится И поднимется вверх, к небесам, Ты ж, очистившись, должен спуститься Пар с грехами расправится сам. Не стремись прежде времени к душе, Не равняй с очищением мытье, Нужно выпороть веником душу, Нужно выпарить смрад из нее. Здесь нет голых - стесняться не надо, Что кривая рука да нога. Здесь - подобие райского сада, Пропуск тем, кто раздет донага. И в предбаннике сбросивши вещи, Всю одетость свою позабудь Одинаково веничек хлещет, Так что зря не вытягивай грудь! Все равны здесь единым богатством, Все легко переносят жару, Здесь свободу и равенство с братством Ощущаешь в кромешном пару. Загоняй поколения в парную И крещенье принять убедил, Лей на нас свою воду святую И от варварства освободи! # 041

1971 Прошла пора вступлений и прелюдий

Прошла пора вступлений и прелюдий, Все хорошо - не вру, без дураков. Меня к себе зовут большие люди Чтоб я им пел "Охоту на

волков"... Быть может, запись слышал из окон, А может быть, с детьми ухи не сварить Как знать, - но приобрел магнитофон Какой-нибудь ответственный товарищ. И, предаваясь будничной беседе В кругу семьи, где свет торшера тускл, Тихонько, чтоб не слышали соседи, Он взял, да и нажал на кнопку "пуск". И там, не разобрав последних слов, Прескверный дубль достали на работе Услышал он "Охоту на волков" И кое-что еще на обороте. И все прослушав до последней ноты, И разозлясь, что слов последних нет, Он поднял трубку: "Автора "Охоты" Ко мне пришлите завтра в кабинет!" Я не хлебнул для храбрости винца, И, подавляя частую икоту, С порога - от начала до конца Я проорал ту самую "Охоту". Его просили дети, безусловно, Чтобы была улыбка на лице, Но он меня прослушал благосклонно И даже аплодировал в конце. И об стакан бутылкою звеня, Которую извлек из книжной полки, Он выпалил: "Да это ж - про меня! Про нас про всех - какие, к черту, волки!" ...Ну все, теперь, конечно, что-то будет Уже три года в день по пять звонков: Меня к себе зовут большие люди Чтоб я им пел "Охоту на волков". # 042

1971 Неизвестно одной моей бедной маманеї

Неизвестно одной моей бедной мамане, Что я с самого детства сижу, Что держу я какую-то фигу в кармане И вряд ли ее покажу. # 043

1971 Горизонт

Чтоб не было следов, повсюду подмели... Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте: Мой финиш - горизонт, а лента - край земли, Я должен первым быть на горизонте! Условия пари одобрили не все И руки разбивали неохотно. Условье таково: чтоб ехать - по шоссе, И только по шоссе - бесповоротно. Наматываю мили на кардан И еду параллельно проводам, Но то и дело тень перед мотором То черный кот, то кто-то в чем-то черном. Я знаю - мне не раз в колеса палки ткнут. Догадываюсь, в чем и как меня обманут. Я знаю, где мой бег с ухмылкой пресекут И где через дорогу трос натянут. Но стрелки я топлю - на этих скоростях Песчинка обретает силу пули, И я сжимаю руль до судорог в кистях Успеть, пока болты не затянули! Наматываю мили на кардан И еду вертикально к проводам, Завинчивают гайки, - побыстрее! Не то поднимут трос как раз где шея. И плавится асфальт, протекторы кипят, Под ложечкой сосет от близости развязки. Я голой грудью рву натянутый канат, Я жив - снимите черные повязки! Кто вынудил меня на жесткое пари Нечистоплотный в споре и расчетах.

Азарт меня пьянит, но как ни говори, Я торможу на скользких поворотах. Наматываю мили на кардан Назло канатам, тросам, проводам Вы только проигравших урезоньте, Когда я появлюсь на горизонте! Мой финиш - горизонт - по-прежнему далек, Я ленту не порвал, но я покончил с тросом, Канат не пересек мой шейный позвонок, Но из кустов стреляют по колесам. Меня ведь не рубли на гонку завели, Меня просили: "Миг не проворонь ты Узнай, а есть предел - там, на краю земли, И - можно ли раздвинуть горизонты?" Наматываю мили на кардан. Я пулю в скат вlepить себе не дам. Но тормоза отказывают, - кода! Я горизонт промахиваю с хода! # 044

1971 Песня автозавистника

Произошел необъяснимый катаклизм: Я шел домой по тихой улице своей Глядь, мне навстречу нагло прет капитализм, Звериный лик свой скрыв под маской "Жигулей"! Я по подземным переходам не пойду: Визг тормозов мне - как романс о трех рублях, За то ль я гиб и мерз в семнадцатом году, Чтоб частный собственник глумился в "Жигулях"! Он мне не друг и не родственник Он мне - заклятый враг, Очкастый частный собственник В зеленых, серых, белых "Жигулях"! Но ничего, я к старой тактике пришел: Ушел в подполье - пусть ругают за прогул! Сегодня ночью я три шины пропорол, Так полегчало - без снотворного уснул! Дверь проломить - купил отбойный молоток, Электродрель, - попробуй крышу пропили! Не дам порочить наш советский городок, Где пиво варят золотое "Жигули"! Он мне не друг и не родственник, Он мне - заклятый враг, Очкастый частный собственник В зеленых, серых, белых "Жигулях"! Мне за грехи мои не будет ничего: Я в психбольнице все права завоевал. И я б их к стенке ставил через одного И направлял на них груженный самосвал! Но вскоре я машину сделаю свою Все части есть, - а от владения уволь: Отполирую - и с разгону разобью Ее под окнами отеля "Метрополь". Нет, чтой-то екнуло - ведь части-то свои! Недосыпал, недоедал, пил только чай... Все, - еду, еду регистрировать в ГАИ!.. Ах, черт! - "москвич" меня забрызгал, негодяй! Он мне не друг и не родственник, Он мне - заклятый враг, Очкастый частный собственник В зеленых, серых, белых "москвичах"! # 045

1971 Песня автомобилиста

Отбросив прочь свой деревянный посох, Упав на снег и полежав ничком, Я встал - и сел в "погибель на колесах", Презрев

передвижение пешком. Я не предполагал играть с судьбою, Не собирался спирт в огонь подлить, Я просто этой быстрою ездою Намеревался жизнь себе продлить. Подошвами своих спортивных "чешек" Топтал я прежде тропы и полы И был неуязвим я для насмешек, И был недосыгаем для хулы. Но я в другие перешел разряды Меня не примут в общую кадриль, Я еду, я ловлю косые взгляды И на меня, и на автомобиль. Прервав общенье и рукопожатья, Отворотилась прочь моя среда, Но кончилось глухое неприятье И началась открытая вражда. Я в мир вкатился, чуждый нам по духу, Все правила движения поправ, Орудовцы мне робко жали руку, Вручая две квитанции на штраф. Я во вражду включился постепенно, Я утром зрел плоды ночных атак: Морским узлом завязана антенна... То был намек: с тобою будет так! Прокравшись огородами, полями, Вонзали шила в шины, как кинжал, Я ж отбивался целый день рублями И не сдавался, и в боях мужал. Безлунными ночами я нередко Противника в засаде поджидал, Но у него поставлена разведка И он в засаду мне не попадал. И вот - как "языка" - бесшумно сняли Передний мост и унесли во тьму. Передний мост!.. Казалось бы - детали, Но без него и задний ни к чему. Я доставал рули, мосты, колеса, Не за глаза красивые - за мзду. И понял я: не одолеть колосса, Назад - пока машина на ходу! Назад, к моим нетленным пешеходам! Пусти назад, о, отворись, сезам! Назад в метро, к подземным пешеходам! Разгон, руль влево и - по тормозам! ...Восстану я из праха, вновь обыден, И улыбнусь, выплевывая пыль: Теперь народом я не ненавидим За то, что у меня автомобиль! # 046

1971 {Валентину и Светлане Савич}

У меня друзья очень странные, С точки зрения остальных, И я слышу речи пространные, Что я с ними пью на троих. Но позвольте самому Решать: кого любить, идти к кому... Но право, все же лучше самому. Валентин у меня есть со Светою, Что владеет всем царствием касс. На предостережения не сетую И опять не пеняю на вас. Но позвольте мне тогда Решать: куда идти, когда Право, лучше самому навсегда! # 047

1972 Мажорный светофор, трехцветье, триої

Мажорный светофор, трехцветье, трио, Палитро-палитурa цвето- нот. Но где же он, мой "голубой период"? Мой "голубой период" не придет! Представьте, черный цвет невидим глазу, Все то, что мы

считаем черным, - серо. Мы черноты не видели ни разу Лишь серость пробивает атмосферу. И ультрафиолет, и инфракрасный Ну, словом, все, что "чересчур", - не видно, Они, как правосудье, беспристрастны, В них - все равны, прозрачны, стекловидны. И только красный, желтый цвет - бесспорны, Зеленый - тоже: зелень в хлорофилле. Поэтому трехцветны светофоры Чтоб проезжали и переходили. Три этих цвета - в каждом организме, В любом мозгу, как яркий отпечаток. Есть, правда, отклоненье в дальтонизме, Но дальтонизм - порок и недостаток. Трехцветны музы, но, как будто серы, А "инфра", "ультра" - как всегда, в загоне, Гуляют на свободе полумеры, И "псевдо" ходят как воры в законе. Все в трех цветах нашло отображенье, Лишь изредка меняется порядок. Три цвета избавляют от броженья Незыблемы, как три ряда трехрядок. # 001

1972 И сегодня, и намереннї

И сегодня, и намереннї Только бредни, только бредни, И третьего тоже дни Снова бредни - все они. # 002

1972 Поздно говорить и смешної

Поздно говорить и смешно Не хотела, но Что теперь скрывать - все равно Дело сделано... Все надежды вдруг Выпали из рук, Как цветы запоздалые, А свою весну Вечную, одну Ах, прозевала я. Весна!.. Не дури Ни за что не пей вина на пари, Никогда не вешай ключ на двери, Ставни затвори, Цветы - не бери, Не бери да и сама не дари, Если даже без ума - не смотри, Затаись, замри! Холода всю зиму подряд Невозможные, Зимняя любовь, говорят, Понадежнее. Но надежды вдруг Выпали из рук, Как цветы запоздалые, И свою весну Первую, одну Знать, прозевала я. Ах, черт побери, Если хочешь - пей вино на пари, Если хочешь - вешай ключ на двери И в глаза смотри, Не то в январе Подкрадутся вновь сугробы к двери, Вновь увидишь из окна пустыри, Двери отвори! И пой до зари, И цветы - когда от сердца - бери, Если хочешь подарить - подари, Подождут - гори! # 003

1972 Снег удлинил в два раза все столбыї

Снег удлинил в два раза все столбы, А ветер сбросил мощь свою о счетов И не считает снежные грибы, Высокие, как шапки звездочетов, Ни с указателей верст, Ни с труб, ни с низеньких кочек, Как будто насмерть замерз И шевельнуться не хочет. # 004

1972 В лабиринте

Миф этот в детстве каждый прочел Черт побери! Парень один к счастью пришел Сквозь лабиринт. Кто-то хотел парня убить Видно, со зла, Но царская дочь путеводную нить Парню дала. С древним сюжетом Знаком не один ты: В городе этом Сплошь лабиринты, Трудно дышать, Не отыскать Воздух и свет. И у меня дело неладно Я потерял нить Ариадны... Словно в час пик Всюду тупик, Выхода нет! Древний герой ниточку ту Крепко держал, И слепоту, и немоту Все испытал, И духоту, и черноту Жадно глотал. И долго руками одну пустоту Парень хватал. Сколько их бьется, Людей одиноких, Словно в колодцах Улиц глубоких! Я тороплюсь, В горло вцеплюсь Вырву ответ! Слышится смех: "Зря вы спешите: Поздно! У всех - порваны нити!" Хаос, возня И у меня Выхода нет! Злобный король в этой стране Повелевал, Бык Минотавр ждал в тишине И убивал. Лишь одному это дано Смерть миновать: Только одно, только одно Нить не порвать! Кончилось лето, Зима на подходе, Люди одеты Не по погоде Видно подолгу Ищут без толку Слабый просвет. Холодно - пусть! Все заберите. Я задохнусь: здесь, в лабиринте Наверняка Из тупика Выхода нет! Древним затея не удалась! Ну и дела! Нитка любви не порвалась, Не подвела. Свет впереди! Именно там На холодок Вышел герой, а Минотавр С голода сдох! Здесь, в лабиринте, Мечутся люди Рядом, смотрите, Жертвы и судьи: Здесь, в темноте, Эти и те Чувствуют ночь. Крики и вопли - все без вниманья, Я не желаю в эту компанью. Кто меня ждет Знаю, придет, Выведет прочь! Только пришла бы, Только нашла бы! И поняла бы Нитка ослабла! Да! Так и есть: Ты уже здесь Будет и свет. Руки сцепились до миллиметра, Все! Мы уходим к свету и ветру, Прямо сквозь тьму, Где одному Выхода нет! # 005

1972 Проделав брешь в затишьи

Проделав брешь в затишьи, Весна идет в штыки, И высунули крыши Из снега языки. Голодная до драки, Оскалилась весна, Как с языка собаки, Стекает с крыш слюна. Весенние армии жаждут успеха, Все ясно, и стрелы на карте прямы, И воины в легких небесных доспехах Врубаются в белые рати зимы. Но рано веселиться! Сам зимний генерал Никак своих позиций Без боя не сдавал. Тайком под белым флагом Он собирал войска, И вдруг ударил с фланга Мороз исподтишка. И битва идет с переменным успехом: Где - свет и ручьи, где - поземка и мгла. И воины в легких небесных доспехах С потерями

вышли назад из котла. Морозу удирать бы, А он впадает в раж: Играет с вьюгой свадьбу, Не свадьбу, а шабаш. Окно скрипит фрамугой То ветер перебрал. Но он напрасно с вьюгой Победу пировал. А в зимнем тылу говорят об успехах, И наглые сводки приходят из тьмы, Но войны в легких небесных доспехах Врубаются клиньями в царство зимы. Откуда что берется, Сжимается без слов Рука тепла и солнца На горле холодов. Не совершиться чуду Снег виден лишь в тылах. Войска зимы повсюду Бросают белый флаг. И дальше на север идет наступленье, Запела вода, пробуждаясь от сна. Весна неизбежна - ну, как обновленье, И необходима, как просто весна. Кто славно жил в морозы Тот ждет и точит зуб, И проливает слезы Из водосточных труб. Но только грош им, нищим, В базарный день цена На эту землю свыше Ниспослана весна. Два слова войскам - несмотря на успехи Не прячьте в чулан или старый комод Небесные легкие ваши доспехи Они пригодятся еще через год. # 006

1972 Сорняков, когда созреют

Сорняков, когда созреют, Всякий опасается. Дураков никто не сеет Сами нарождаются. # 007

1972 Я загадочен, как марсианин

Я загадочен, как марсианин, Я пугливый: чуть что - и дрожу. Но фигу, что держу в кармане, Не покажу! # 008

1972 Белое безмолвие

Все года, и века, и эпохи подряд Все стремится к теплу от морозов и вьюг, Почему ж эти птицы на север летят, Если птицам положено - только на юг? Слава им не нужна - и величие, Вот под крыльями кончится лед И найдут они счастье птичье, Как награду за дерзкий полет! Что же нам не жилось, что же нам не спалось? Что нас выгнало в путь по высокой волне? Нам сиянье пока наблюдать не пришлось, Это редко бывает - сиянья в цене! Тишина... Только чайки - как молнии, Пустотой мы их кормим из рук. Но наградой нам за безмолвие Обязательно будет звук! Как давно снятся нам только белые сны Все другие оттенки снега занесли, Мы ослепли - темно от такой белизны, Но прозреем от черной полоски земли. Наше горло отпустит молчание, Наша слабость растает как тень, И наградой за ночи отчаянья Будет вечный полярный день! Север, воля, надежда - страна без границ, Снег без грязи - как долгая жизнь без вранья. Воронье нам не выключает глаз из глазниц Потому, что не водится здесь воронья. Кто

не верил в дурные пророчества, В снег не лег ни на миг отдохнуть Тем наградою за одиночество Должен встретиться кто-нибудь! # 009

1972 Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю... Что-то воздуху мне мало - ветер пью, туман глотаю, Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю! Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! Вы тугую не слушайте плеть! Но что-то кони мне попались привередливые И дожить не успел, мне допеть не успеть. Я коней напою, я куплет допою Хоть мгновенье еще постою на краю... Сгину я - меня пушинкой ураган сметет с ладони, И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони, Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту! Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! Не указчики вам кнут и плеть! Но что-то кони мне попались привередливые И дожить не успел, мне допеть не успеть. Я коней напою, я куплет допою Хоть мгновенье еще постою на краю... Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий, Так, что ж там ангелы поют такими злыми голосами?! Или это колокольчик весь зашелся от рыданий, Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?! Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! Умоляю вас вскачь не лететь! Но что-то кони мне попались привередливые... Коль дожить не успел, так хотя бы - допеть! Я коней напою, я куплет допою Хоть мгновенье еще постою на краю... # 010

1972 Песня про белого слона

Жили-были в Индии с древней старины Дикие огромные серые слоны Слоны слонялись в джунглях без маршрута, Один из них был белый почему-то. Добрым глазом, тихим нравом отличался он, И умом, и мастью благородной, Среди своих собратьев серых - белый слон Был, конечно, белою вороной. И владыка Индии - были времена Мне из уважения подарил слона. "Зачем мне слон?" - Спросил я иноверца, А он сказал: "В слоне - большое сердце..." Слон мне делал реверанс, а я ему - поклон, Речь моя была незлой и тихой, Потому что этот самый - белый слон Был к тому же белою слонихой. Я прекрасно выглядел, сидя на слоне, Ездил я по Индии - сказочной стране, Ах, где мы только вместе не скитались! И в тесноте отлично уживались. И бывало, шли мы петь под чей-нибудь балкон, Дамы так и прыгали из спален... Надо вам сказать, что этот белый слон Был необычайно музыкален. Карту

мира видели вы наверняка Знаете, что в Индии тоже есть река, Мой слон и я питались соком манго, И как-то потерялись в дебрях Ганга. Я метался по реке, забыв покой и сон, Безвозвратно подорвал здоровье... А потом сказали мне: "Твой белый слон Встретил стадо белое слоновье..." Долго был в обиде я, только - вот те на! Мне владыка Индии вновь прислал слона: В виде украшения на трости Белый слон, но из слоновой кости. Говорят, что семь слонов иметь - хороший тон, На шкафу, как средство от напастей... Пусть гуляет лучше в белом стаде белый слон Пусть он лучше не приносит счастья! # 011

1972 Честь шахматной короны

I. Подготовка Я кричал: "Вы что там, обалдели? Уронили шахматный престиж!" Мне сказали в нашем спортотделе: "Ага, прекрасно - ты и защитишь! Но учти, что Фишер очень ярок, Даже спит с доскою - сила в ем, Он играет чисто, без помарок..." Ничего, я тоже не подарок, У меня в запасе - ход конем. Ох вы мускулы стальные, Пальцы цепкие мои! Эх, резные, расписные Деревянные ладьи! Друг мой, футболист, учил: "Не бойся, Он к таким партнерам не привык. За тылы и центр не беспокойся, А играй по краю - напрямик!.." Я налег на бег, на стометровки, В бане вес согнал, отлично сплю, Были по хоккею тренировки... В общем, после этой подготовки Я его без мата задавлю! Ох, вы сильные ладони, Мышцы крепкие спины! Эх вы кони мои, кони, Ох вы милые слоны! "Не спеши и, главное, не горбись, Так боксер беседовал со мной, В ближний бой не лезь, работай в корпус, Помни, что коронный твой - прямой". Честь короны шахматной - на карте, Он от поражения не уйдет: Мы сыграли с Талем десять партий В преферанс, в очко и на бильярде, Таль сказал: "Такой не подведет!" Ох, рельеф мускулатуры! Дельтовидные - сильны! Что мне его легкие фигуры, Эти кони да слоны! И в буфете, для других закрытом, Повар успокоил: "Не робей! Ты с таким прекрасным аппетитом Враз проглотишь всех его коней! Ты присядь перед дорогой дальней И бери с питанием рюкзак. На двоих готовь пирог пасхальный: Этот Шифер - хоть и гениальный, А небось покушать не дурак!" Ох мы - крепкие орешки! Мы корону - привезем! Спать ложусь я - вроде пешки, Просыпаюсь - ферзем! II. Игра Только прилетели - сразу сели. Фишки все заранее стоят. Фоторепортеры налетели И спяют, и с толку сбить хотят. Но меня и дома - кто положит? Репортерам с ног меня не сбить!.. Мне же неумение

поможет: Этот Шифер ни за что не сможет Угадать, чем буду я ходить. Выпало ходить ему, задире, Говорят, он белыми мастак! Сделал ход с е2 на е4... Что-то мне знакомое... Так-так! Ход за мной - что делать!? Надо, Сева, Наугад, как ночью по тайге... Помню - всех главнее королева: Ходит взад-вперед и вправо-влево, Ну а кони вроде - только буквой "Г". Эх, спасибо заводскому другу Научил, как ходят, как сдают... Выяснилось позже - я с испугу Разыграл классический дебют! Все следил, чтоб не было промашки, Вспоминал все повара в тоске. Эх, сменить бы пешки на рюмашки Живо б прояснилось на доске! Вижу, он нацеливает вилку Хочет съесть, - и я бы съел ферзя... Под такой бы закусью - да бутылку! Но во время матча пить нельзя. Я голодный, посудите сами: Здесь у них лишь кофе да омлет, Клетки - как круги перед глазами, Королей я путаю с тузами И с дебютом путаю дуплет. Есть примета - вот я и рискую: В первый раз должно мне повезти. Да я его замучу, зашахую Мне бы только дамку провести! Не мычу не телюсь, весь - как вата. Надо что-то бить - уже пора! Чем же бить? Ладьею - страшновато, Справа в челюсть - вроде рановато, Неудобно - первая игра. ...Он мою защиту разрушает Старую индийскую - в момент, Это смутно мне напоминает Индо-пакистанский инцидент. Только зря он шутит с нашим братом, У меня есть мера, даже две: Если он меня прикончит матом, Так я его - через бедро с захватом, Или - ход конем - по голове! Я еще чуток добавил прыти Все не так уж сумрачно вблизи: В мире шахмат пешка может выйти Если тренируется - в ферзи! Шифер стал на хитрости пускаться: Встанет, пробежится и - назад; Предложил турами поменаться, Ну, еще б ему меня не опасаться Я же лежа жму сто пятьдесят! Я его фигурку смерил оком, И когда он объявил мне шах Обнажил я бицепс ненароком, Даже снял для верности пиджак. И мгновенно в зале стало тише, Он заметил, что я привстаю... Видно, ему стало не до фишек И хваленый пресловутый Фишер Тут же согласился на ничью. # 012

1972 Так случилось - мужчины ушли

Так случилось - мужчины ушли, Побросали посеvy до срока, Вот их больше не видно из окон Растворились в дорожной пыли. Вытекают из колоса зерна Это слезы несжатых полей, И холодные ветры проворно Потекли из щелей. Мы вас ждем - торопите коней! В добрый час, в добрый час, в добрый час! Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины... А потом возвращайтесь скорей: Ивы плачут по

вас, И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины. Мы в высоких живем теремах Входа нет никому в эти зданья: Одиночество и ожиданье Вместо вас поселилось в домах. Потеряла и свежесть и прелесть Белизна ненадетых рубах. Да и старые песни приелись И навязли в зубах. Мы вас ждем - торопите коней! В добрый час, в добрый час, в добрый час! Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины... А потом возвращайтесь скорей: Ивы плачут по вас, И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины. Все единою болью болит, И звучит с каждым днем непрестанней Вековечный надрыв причитаний Отголоском старинных молитв. Мы вас встретим и пеших, и конных, Утомленных, нецелых - любых, Только б не пустота похоронных, Не предчувствие их! Мы вас ждем - торопите коней! В добрый час, в добрый час, в добрый час! Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины... А потом возвращайтесь скорей: Ивы плачут по вас, И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины. # 013

1972 Когда я спотыкаюсь на стихах

Когда я спотыкаюсь на стихах, Когда ни до размеров, ни до рифм, Тогда друзьям пою о моряках, До белых пальцев стискивая гриф. Всем делам моим на суше вопреки И назло моим заботам на земле Вы возьмите меня в море, моряки, Я все вахты отстою на корабле! Любая тварь по морю знай плывет, Под винт попасть не каждый норовит, А здесь, на суше, каждый пешеход Наступит, оттолкнет - и убежит. Всем делам моим на суше вопреки И назло моим заботам на земле Вы возьмите меня в море, моряки, Я все вахты отстою на корабле! Известно вам - мир не на трех китах, А нам известно - он не на троих. Вам вольничать нельзя в чужих портах А я забыл, как вольничать в своих. Так всем делам моим на суше вопреки, Так назло моим заботам на земле Вы за мной пришлите шлюпку, моряки, Поднесите рюмку водки на весле! # 014

1972 Не гуди без меры, без причин

Не гуди без меры, без причины, Милиционеры из машины Врут аж до хрипоты. Подлецам сигнальте не сигнальте Пол-лица впечаталось в асфальте, Тут не до красоты. По пути - обильные проулки... Все автомобильные прогулки Вплоть надо запретить. Ну а на моем на мотоцикле Тесно вчетвером, но мы привыкли, Хоть трудно тормозить. Крошка-мотороллер так прекрасен! Пешеход доволен, но опасен МАЗ или "пылесос". Я на пешеходов не в обиде, Но враги народа в пьяном

виде Раз! и под колесо. Мотороллер - что ж, он на излете Очень был похож на вертолетик, Ух, и фасон с кого! Побегать и запатентовать бы, Но бежать нельзя - лежать до свадьбы У Склифосовского. # 015

1972 Баллада о гипсе (В. Абдулову)і

Нет острых ощущений - все старье, гнилье и хлам, Того гляди, с тоски сыграю в ящик. Балкон бы, что ли, сверху, иль автобус - пополам, Вот это боле-мене подходяще! Повезло! Наконец повезло! Видит бог, что дошел я до точки! Самосвал в тридцать тысяч кило Мне скелет раздробил на кусочки! Вот лежу я на спине Загипсованный, Каждый член у мене Расфасованный По отдельности До исправности, Все будет в целости И в сохранности! Эх, жаль, что не роняли вам на череп утюгов, Скорблю о вас - как мало вы успели! Ах, это просто прелесть - сотрясение мозгов, Ах, это наслажденье - гипс на теле! Как броня - на груди у меня, На руках моих - крепкие латы, Так и хочется крикнуть: "Коня мне, коня!" И верхом ускакать из палаты! Но лежу я на спине Загипсованный, Каждый член у мене Расфасованный По отдельности До исправности, Все будет в целости И в сохранности! Задавлены все чувства - лишь для боли нет преград, Ну что ж, мы сами часто чувства губим, Зато я, как ребенок, - весь спеленутый до пят И окруженный человеколюбием! Под влияньем сестрички ночной Я любовью к людям проникся И, клянусь, до доски гробовой Я б остался невольником гипса! Вот лежу я на спине Загипсованный, Каждый член у мене Расфасованный По отдельности До исправности, Все будет в целости И в сохранности! Вот жаль, что мне нельзя уже увидеть прежних снов: Они - как острый нож для инвалида, Во сне я рвусь наружу из-под гипсовых оков, Мне снятся свечи, рифмы и коррида... Ах, надежна ты, гипса броня, От того, кто намерен кусаться! Но одно угнетает меня: Что никак не могу почесаться, Что лежу я на спине Загипсованный, Каждый член у мене Расфасованный По отдельности До исправности, Все будет в целости И в сохранности! Так, я давно здоров, но не намерен гипс снимать: Пусть руки стали чем-то вроде бивней, Пусть ноги опухают - мне на это наплевать, Зато кажусь значительней, массивней! Я под гипсом хожу ходуном, Наступаю на пятки прохожим, Мне удобней казаться слоном И себя ощущать толстокожим! И по жизни я иду, Загипсованный, Каждый член - на виду, Расфасованный По отдельности До исправности, Все будет в целости И в сохранности! # 016

1972 Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе, На все я не имею полномочий... Я был зачат, как нужно, во грехе, В поту и нервах первой брачной ночи. Я знал, что отрываясь от земли, Чем выше мы, тем жестче и суровей. Я шел спокойно прямо в короли И вел себя наследным принцем крови. Я знал - все будет так, как я хочу. Я не бывал внакладе и в уроне. Мои друзья по школе и мечу Служили мне, как их отцы - короне. Не думал я над тем, что говорю, И с легкостью слова бросал на ветер Мне верили и так, как главарю, Все высокопоставленные дети. Пугались нас ночные сторожа, Как оспою, болело время нами. Я спал на кожах, мясо ел с ножа И злую лошадь мучил стременами. Я знал, мне будет сказано: "Царуй!" Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег, И я пьянел среди чеканных сбруй. Был терпелив к насилью слов и книжек. Я улыбаться мог одним лишь ртом, А тайный взгляд, когда он зол и горек, Умел скрывать, воспитанный шутком. Шут мертв теперь: "Аминь!" Бедняга! Йорик! Но отказался я от дележа Наград, добычи, славы, привилегий. Вдруг стало жаль мне мертвого пажа... Я объезжал зеленые побеги. Я позабыл охотничий азарт, Возненавидел и борзых, и гончих, Я от подранка гнал коня назад И плетью бил загонщиков и ловчих. Я видел - наши игры с каждым днем Все больше походили на бесчинства. В проточных водах по ночам, тайком Я отмывался от дневного свинства. Я прозревал, глупея с каждым днем, Я прозевал домашние интриги. Не нравился мне век и люди в нем Не нравились. И я зарылся в книги. Мой мозг, до знаний жадный как паук, Все постигал: недвижность и движенье. Но толка нет от мыслей и наук, Когда повсюду им опроверженье. С друзьями детства перетерлась нить, Нить Ариадны оказалась схемой. Я бился над вопросом "быть, не быть", Как над неразрешимой дилеммой. Но вечно, вечно плещет море бед. В него мы стрелы мечем - в сито просо, Отсеивая призрачный ответ От вычурного этого вопроса. Зов предков слыша сквозь затихший гул, Пошел на зов, - сомненья крались с тылу, Груз тяжелых дум наверх меня тянул, А крылья плоти вниз влекли, в могилу. В непрочный сплав меня спаяли дни Едва застыв, он начал расползаться. Я пролил кровь, как все, и - как они, Я не сумел от мести отказаться. А мой подъем пред смертью - есть провал. Офелия! Я тленья не приемлю. Но я себя убийством уравнил С тем, с кем я лег в одну и ту же землю. Я, Гамлет, я насилье презирал, Я наплевал на

Датскую корону. Но в их глазах - за трон я глотку рвал И убивал соперника по трону. Но гениальный всплеск похож на бред, В рождении смерть проглядывает косо. А мы все ставим каверзный ответ И не находим нужного вопроса. # 017

1972 Проложите, проложите хоть туннель по дну реки!

Проложите, проложите Хоть туннель по дну реки И без страха приходите На вино и шашлыки. И гитару приносите, Подтянув на ней колки, Но не забудьте - затупите Ваши острые клыки. А когда сообразите Все пути приводят в Рим, Вот тогда и приходите, Вот тогда поговорим. Нож забросьте, камень выньте Из-за пазухи своей И перебросьте, перекиньте Вы хоть жердь через ручей. За посев ли, за покос ли Надо взяться, поспешать, А прохлопав, сами после Локти будете кусать. Сами будете не рады, Утром вставши, - вот те раз! Все мосты через преграды Переброшены без нас. Так проложите, проложите Хоть туннель по дну реки! Но не забудьте - затупите Ваши острые клыки! # 018

1972 Наши помехи - эпохе под статьи

Наши помехи - эпохе под статью, Все наши страхи - причинны. Очень собаки нам стали мешать, Эти бездомные псины. Бред, говоришь? Но - судить потерпи, Не обойдешься без бредней. Что говорить - на надежной цепи Пес несравненно безвредней. Право, с ума походили не все Это не бредни, не басни: Если хороший ошейник на псе Это и псу безопасней. Едешь хозяином ты вдоль земли Скажем, в Великие Луки, А под колеса снуют кобели И попадают суки. Их на дороге, размазавши в слизь, Что вы за чушь создадите? Вы поощряете сюрреализм, Милый товарищ водитель! Дрожь проберет от такого пятна! Дворников следом когорты Будут весь день соскребать с полотна Мрачные те натюрморты. Пса без намордника чуть раздражи, Он только челюстью лязгни! Вот и кончай свои грешные дни В приступе водобоязни! Не напасутся и тоненьких свеч За упокой - наши дьяки... Все же намордник прекрасная вещь, Ежели он на собаке. Мы и собаки - легли на весы, Всем нам спокойствия нету, Если бездомные шальные псы Бродят свободно по свету. И кругозор крайне узок у вас, Если вас цирк не пленяет: Пляшут собачки под музыку вальс Прямо слеза прошибает! Гордо ступают, вселяя испуг, Страшные пасти раззявив, Будто у них даже больше заслуг, Нежели чем у хозяев. Этих собак не заманишь во двор Им отдохнуть бы, поспать бы... Стыд

просто им и семейный позор Эти собачие свадьбы! Или на выставке псы, например, Даже хватают медали. Пусть не за доблесть, а за экстерьер, Но награждают - беда ли? Эти хозяева славно живут, Не получая получку, Слышал, огромные деньги гребут За... извините - за случку. Значит, к чему это я говорю, Что мне, седому, нейметя? Очень я, граждане, благодарю Всех, кто решили бороться. Вон, притаившись в ночные часы, Из подворотен укромных Лают в свое удовольствие псы Не приручить их, никчемных. Надо с бездомностью этой кончать, С неприрученностью - тоже. Слава же собаководам, качать!.. Боже! Прости меня, Боже! Некуда деться бездомному псу? Места не хватит собакам? Это - при том, что мы строим вовсю, С невероятным размахом?! # 019

1972 Набат

Вот в набат забили: Или праздник, или Надвигается, как встарь, чума. Заглушая лиру, Звон идет по миру, Может быть, сошел звонарь с ума? Следом за тем погребальным набатом Страх овладеет сестрою и братом. Съежмся мы под ногами чумы, Путь уступая гробам и солдатам. Бей же, звонарь, разбуди полусонных, Предупреди беззаботных влюбленных, Что хорошо будет в мире сожженном Лишь мертвецам и еще нерожденным! Нет, звонарь не болен! Видно с колоколен, Как печатает шаги судьба, И чернеют угли Там, где были джунгли, Там, где топчут сапоги хлеба. Выход один беднякам и богатым Смерть. Это самый бесстрастный анатом. Все мы равны перед ликом войны, Может, привычней чуть-чуть - азиатам. Бей же, звонарь, разбуди полусонных, Предупреди беззаботных влюбленных, Что хорошо будет в мире сожженном Лишь мертвецам и еще нерожденным! Не во сне все это, Это близко где-то Запах тленья, черный дым и гарь. А когда остыла Голая пустыня, Стал от ужаса седым звонарь. Всех нас зовут зазывалы из пекла Выпить на празднике пыли и пепла, Потанцевать с одноглазым циклопом, Понаблюдать за Всемирным Потопом. Бей же, звонарь, разбуди полусонных, Предупреди беззаботных влюбленных, Что хорошо будет в мире сожженном Лишь мертвецам и еще нерожденным! # 020

1972 Все с себя снимаю - слишком душної

Все с себя снимаю - слишком душно, За погодой следую послушно, Но... все долой - нельзя ж! Значит, за погодой не угнаться Дальше невозможно раздеваться! Да! Это же не пляж! Что-то с нашей модой

стало ныне: Потеснили "макси" - снова "мини", Вновь, вновь переворот! Право, мне за модой не угнаться Дальше невозможно раздеваться, Но и наоборот! Скучно каждый вечер слушать речи. У меня - за вечер по две встречи! Тот и другой не прост: Значит, мне приходится стараться... Но нельзя ж все время раздеваться Вот, вот ведь в чем вопрос! # 021

1972 Товарищи ученые

Товарищи ученые, доценты с кандидатами! Замучились вы с иксами, запутались в нулях, Сидите, разлагаете молекулы на атомы, Забыв, что разлагается картофель на полях. Из гнили да из плесени бальзам извлечь пытаетесь И корни извлекаете по десять раз на дню, Ох, вы там добалууетесь, ох, вы доизвлекаетесь, Пока сгниет, заплесневает картофель на корню! Автобусом до Сходни доезжаем, А там - рысцой, и не стонать! Небось картошку все мы уважаем, Когда с сольцой ее намять. Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль С лопатами проявите здесь свой патриотизм, А то вы всем кагалом там набросились на опухоль, Собак ножами режете, а это - бандитизм! Товарищи ученые, кончайте поножовщину, Бросайте ваши опыты, гидрид и ангидрид: Садитесь в полуторки, валяйте к нам в Тамбовщину, А гамма-излучение денек повременит. Полуторкой к Тамбову подъезжаем, А там - рысцой, и не стонать! Небось картошку все мы уважаем, Когда с сальцой ее намять. К нам можно даже с семьями, с друзьями и знакомыми Мы славно тут разместимся, и скажете потом, Что бог, мол, с ними, с генами, бог с ними, с хромосомами, Мы славно поработали и славно отдохнем! Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные, Ньютоны ненаглядные, любимые до слез! Ведь лягут в землю общую остатки наши бранные, Земле - ей все едино: апатиты и навоз. Так приезжайте, милые, - рядами и колоннами! Хотя вы все там химики и нет на вас креста, Но вы ж ведь там задохнетесь за синхрофазотронами, А тут места отличные - воздушные места! Товарищи ученые, не сумлевайтесь, милые: Коль, что у вас не ладится, - ну, там, не тот афффект, Мы мигом к вам заявимся с лопатами и с вилами, Денечек покумекаем - и выправим дефект! # 022

1972 Жертва телевидения

Есть телевизор - подайте трибуну, Так проору - разнесется на мили! Он - не окно, я в окно и не плюну, Мне будто дверь в целый мир прорубили. Все на дому - самый полный обзор: Отдых в Крыму, ураган

и Кобзон, Фильм, часть седьмая - тут можно поест: Я не видал предыдущие шесть. Врубаю первую - а там ныряют, Ну, это так себе, а с двадцати "А ну-ка, девушки!" - что вытворяют! И все - в передничках, - с ума сойти! Есть телевизор - мне дом не квартира, Я всею скорбью скорблю мировую, Грудью дышу я всем воздухом мира, Никсона вижу с его госпожою. Вот тебе раз! Иностраный глава Прямо глаз в глаз, к голове голова, Чуть пододвинул ногой табурет И оказался с главой тет-на-тет. Потом - ударники в хлебопекарне, Дают про выпечку до десяти. И вот любимая - "А ну-ка, парни!" Стреляют, прыгают, - с ума сойти! Если не смотришь - ну пусть не болван ты, Но уж, по крайности, богом убитый: Ты же не знаешь, что ищут таланты, Ты же не ведаешь, кто даровитый! Как убедить мне упрямую Настю?! Настя желает в кино - как суббота, Настя твердит, что проникся я страстью К глупому ящику для идиота. Да, я проникся - в квартиру зайду, Глядь - дома и Никсон и Жорж Помпиду! Вот хорошо - я бутылочку взял, Жорж - посошок, Ричард, правда, не стал. Ну а действительность еще кошмарней, Врубил четвертую - и на балкон: "А ну-ка, девушки!" "А ну-ка, парням!" Вручают премию в О-О-ООН! ...Ну а потом, на Канатчиковой даче, Где, к сожаленью, навязчивый сервис, Я и в бреду все смотрел передачи, Все заступался за Анджелу Дэвис. Слышу: не плачь - все в порядке в тайге, Выигран матч СССР - ФРГ, Сто негодяев захвачены в плен, И Магомаев поет в КВН. Ну а действительность еще шикарней Два телевизора - крути-верти: "А ну-ка, девушки!" - "А ну-ка, парни!", За них не боязно с ума сойти! # 023

1972 Свет потушите, вырубите звукі

Свет потушите, вырубите звук, Дайте темноты и тишины глоток, Или отыщите понадежней сук, Иль поглубже вбейте под карниз гвоздок, Билеты лишние стреляйте на ходу: Я на публичное повышение иду, Иду не зрителем и не помешанным Иду действительно, чтоб быть повешенным, Без палача (палач освистан) Иду кончать самоубийством. # 024

1972 Оплавляются свечи на старинный паркеті

Оплавляются свечи На старинный паркет, И стекает на плечи Серебро с эполет. Как в агонии бродит Золотое вино... Все бывшее уходит, Что придет - все равно. И, в предсмертном томленьи Озираясь назад, Убегают олени, Нарываясь на залп. Кто-то дуло наводит На невинную грудь... Все бывшее уходит, Пусть придет что-нибудь. Кто-то

злой и умелый, Веселясь, наугад Мечет острые стрелы В воспаленный закат. Слышно в буре мелодий Повторение нот... Пусть былое уходит, Пусть придет что придет. # 025

1972 При свечах тишина - наших душ глубинаі

При свечах тишина Наших душ глубина, В ней два сердца плывут, как одно... Пора занавесить окно. Пусть в нашем прошлом будут рыться люди странные, И пусть сочтут они, что стоит все его приданное, Давно назначена цена И за обоих внесена Одна любовь, любовь одна. Холодна, холодна Голых стен белизна, Но два сердца стучат, как одно, И греют, и - настезь окно! Но перестал дарить цветы он просто так, не к случаю, Любую ж музыку в кафе теперь считает лучшею... И улыбается она Случайным людям у окна, И привыкает засыпать одна. # 026

1972 Неужели мы заперты в замкнутый кругі

Неужели мы заперты в замкнутый круг? Неужели спасет только чудо? У меня в этот день все валилось из рук И не к счастью билась посуда. Ну пожалуйста, не уезжай Насовсем, - постарайся вернуться! Осторожно: не резко бокалы сближай, Разобьются! Рассвело! Стало ясно: уйдешь по росе, Вижу я, что не можешь иначе, Что всегда лишь в конце длинных рельс и шоссе Гнезда вьют эти птицы удачи. Ну пожалуйста, не уезжай Насовсем, - постарайся вернуться! Осторожно: не резко бокалы сближай, Разобьются! Не сожгу кораблей, не гореть и мостам, Мне бы только набраться терпенья! Но... хотелось бы мне, чтобы здесь, а не там Обитало твое вдохновенье. Ты, пожалуйста, не уезжай Насовсем, - постарайся вернуться! Осторожно: не резко бокалы сближай, Разобьются! # 027

1972 По воде, на колесах, в седле, меж гробов и в вагонахі

По воде, на колесах, в седле, меж гробов и в вагонах, Утром, днем, по ночам, вечерами, в погоду и без, Кто за длинным рублем, ко за делом большим, кто за крупной добычей - в погони Отправляемся мы, судьбам наперекор и советам вразрез. И вот нас бьют в лицо пощечинами ветры, И жены от обид не поднимают век, Но впереди - рубли длиною в километры, И крупные дела, величиною в век. Как чужую гримасу надел я чужую одежду, Или в шкуру чужую на время я вдруг перелез: До и после, в течении, вместо, во время и между Поступаю с тех пор просьбам наперекор и советам вразрез. Мне щеки обожгли пощечины и ветры, Я взламываю лед и прохожу Певек. Ах,

где же вы, рубли длиною в километры? Все вместо мне - дела длиною в век! # 028

1972 Енгибарову - от зрителей

Шут был вор: он воровал минуты, Грустные минуты тут и там, Грим, парик, другие атрибуты Этот шут дарил другим шутам. В светлом цирке между номерами Незаметно, тихо, налегке Появлялся клоун между нами Иногда в дурацком колпаке. Зритель наш шутами избалован Жаждет смеха он, тряхнув мощной, И кричит: "Да разве это клоун?! Если клоун - должен быть смешной!" Вот и мы... Пока мы вслух ворчали: "Вышел на арену, так смейся!" Он у нас тем временем печали Вынимал тихонько из души. Мы опять ы сомненьи - век двадцатый, Цирк у нас, конечно, мировой, Клоун, правда, слишком мрачноватый, Не веселый клоун, не живой. Ну а он, как будто в воду канув, Вдруг при свете, нагло, в две руки Крал тоску из внутренних карманов наших душ, одетых в пиджаки. Мы потом смеялись обалдело, Хлопали, ладони раздробя. Он смешного ничего не делал Горе наше брал он на себя. Только балагурия, тараторя, Все грустнее становился мим, Потому что груз чужого горя По привычке он считал своим. Тяжелы печали, ощутимы... Шут сгибался в световом кольце, Делались все горше пантомимы, И морщины глубже на лице. Но тревоги наши и невзгоды Он горстями выгребал из нас, Будто многим обезболит роды... А себе - защиты не припас. Мы теперь без боли хохотали, Весело по нашим временам: "Ах, как нас прекрасно обокрали Взяли то, что так мешало нам!" Время! И, разбив себе колени, Уходил он, думая свое. Рыжий воцарился на арене, Да и за пределами ее. Злое наше вынес добрый гений За кулисы - вот нам и смешно. Вдруг - весь рой украденных мгновений В нем сосредоточился в одно. В сотнях тысяч ламп погасли свечи. Барабана дробь - и тишина... Слишком много он взвалил на плечи Нашего - и сломана спина. Зрители и люди между ними Думали: "Вот пьяница упал". Шут в своей последней пантомиме Заигрался - и переиграл. Он застыл - не где-то, не за морем Возле нас, как бы прилег, устав. Первый клоун захлебнулся горем, Просто сил своих не рассчитав. Я шагал вперед неукротимо, Но успев склониться перед ним. Этот трюк - уже не пантомима: Смерть была - царица пантомим! Этот вор, с коленей срезав путы, По ночам не угонял коней. Умер шут. Он воровал минуты Грустные минуты у людей. Многие из нас бахвальства ради Не

давались: "Проживем и так!" Шут тогда подкрадывался сзади Тихо и бесшумно - на руках... Сгинул, канул он, как ветер сдунул! Или это шутка чудака? Только я колпак ему - придумал, Этот клоун был без колпака. # 029

1972 Натянутый канат

Он не вышел ни званием, ни ростом. Не за славу, не за плату На свой, необычный манер Он по жизни шагал над помостом По канату, по канату, Натянutoму, как нерв. Посмотрите - вот он без страховки идет. Чуть правее наклон упадет, пропадет! Чуть левее наклон все равно не спасти... Но должно быть, ему очень нужно пройти четыре четверти пути. И лучи его с шага сбивали, И кололи, словно лавры. Труба надрывалась - как две. Крики "Браво!" его оглушали, А литавры, а литавры Как обухом по голове! Посмотрите - вот он без страховки идет. Чуть правее наклон упадет, пропадет! Чуть левее наклон все равно не спасти... Но теперь ему меньше осталось пройти уже три четверти пути. "Ах как жутко, как смело, как мило! Бой со смертью - три минуты!" Раскрыв в ожидании рты, Из партера глядели уныло Лилипуты, лилипуты Казалось ему с высоты. Посмотрите - вот он без страховки идет. Чуть правее наклон упадет, пропадет! Чуть левее наклон все равно не спасти... Но спокойно, - ему остается пройти всего две четверти пути! Он смеялся над славою брэнной, Но хотел быть только первым Такого попробуй угробь! Не по проволоке над ареной, Он по нервам - нам по нервам Шел под барабанную дробь! Посмотрите - вот он без страховки идет. Чуть правее наклон упадет, пропадет! Чуть левее наклон все равно не спасти... Но замрите, - ему остается пройти не больше четверти пути! Закричал дрессировщик - и звери Клали лапы на носилки... Но строг приговор и суров: Был растерян он или уверен Но в опилки, но в опилки Он пролил досаду и кровь!

И сегодня другой без страховки идет. Тонкий шнур под ногой упадет, пропадет! Вправо, влево наклон и его не спасти... Но зачем-то ему тоже нужно пройти четыре четверти пути! # 030

1972 Я первый смерил жизнь обратным счетом

Я первый смерил жизнь обратным счетом. Я буду беспристрастен и правдив: Сначала кожа выстрелила потом И задымилась, поры разрядив. Я затаился и затих, и замер, Мне показалось, я вернулся вдруг В бездушье безвоздушных барокамер И в замкнутые петли

центрифуг. Сейчас я стану недвижим и грузен И погружен в молчанье, а пока Горн и меха земных газетных кузен Раздуют это дело на века. Хлестнула память мне кнутом по нервам, В ней каждый образ был неповторим: Вот мой дублер, который мог быть первым, Который смог впервые стать вторым. Пока что на него не тратят шрифта: Запас заглавных букв - на одного. Мы с ним вдвоем прошли весь путь до лифта, Но дальше я поднялся без него. Вот - тот, который прочертил орбиту, При мне его в лицо не знал никто. Все мыслимое было им открыто И брошено горстями в решето. И, словно из-за дымовой завесы, Друзей явились лица и семьи: Они все скоро на страницах прессы Расскажут биографии свои. Их - всех, с кем вел я доброе соседство, Свидетелями выведут на суд. Обычное мое босое детство Оденут и в скрижали занесут. Чудное слово "Пуск!" - подобье вопля Возникло и нависло надо мной. Недобро, глухо заворчали сопла И сплюнули расплавленной слюной. И вихрем чувств пожар души задуло, И я не смел или забыл дышать. Планета напоследок притянула, Прижала, не желая отпускать. Она вцепилась удесятенно, Глаза, казалось, вышли из орбит, И правый глаз впервые удивленно Взглянул на левый, веком не прикрыт. Мне рот заткнул - не помню, - крик ли, кляп ли, Я рос из кресла, как с корнями пень. Вот сожрала все топливо до капли И отвалилась первая ступень. Там, подо мной, сирены голосили, Не знаю - хороня или храня. А здесь надсадно двигатели взвыли И из объятий вырвали меня. Приборы на земле угомонились, Вновь чередом своим пошла весна. Глаза мои на место возвратились, Исчезли перегрузки, - тишина. Эксперимент вошел в другую фазу. Пульс начал реже в датчики стучать. Я в ночь влетел, минуя вечер, сразу И получил команду отдыхать. И неудобно сделалось в эфире, Но Левитан ворвался в тесный зал Он отчеканил громко: "Первый в мире!" Он про меня хорошее сказал. Я шлем скафандра положил на локоть, Изрек про самочувствие свое... Пришла такая приторная легкость, Что даже затошнило от нее. Шнур микрофона словно в петлю свился, Стучали в ребра легкие, звеня. Я на мгновенье сердцем подавился Оно застряло в горле у меня. Я отдал рапорт весело, на совесть, Разборчиво и очень делово. Я думал: вот она и невесомость, Я вешу нуль, так мало - ничего! Но я не ведал в этот час полета, Шутя над невесомостью чудной, Что от нее кровавой будет рвота И костный кальций вымоет с мочой. # 031

1972 Все, что сумел запомнитьї

Все, что сумел запомнить, я сразу перечислил, Надиктовал на ленту и даже записал. Но надо мной парили разрозненные мысли И стукались боками о вахтенный журнал. Весомых, зримых мыслей я насчитал немало, И мелкие сновали меж ними чуть плавней, Но невесомость в весе их как-то уравнила Там после разберутся, которая важней. А я ловил любую, какая попадалась, Тянул ее за тонкий, невидимы канат. Вот первая возникла и сразу оборвалась, Осталось только слово одно: "Не виноват!" Но слово "невиновен" - не значит "непричастен", Так на Руси ведется уже с давнишних пор. Мы не тянули жребий, - мне подмигнуло счастье, И причастился к звездам член партии, майор. Между "нулем" и "пуском" кому-то показалось, А может - оператор с испугу записал, Что я довольно бодро, красуясь даже малость, Раскованно и браво "Поехали!" сказал. # 032

1972 Мосты сгорели, углубились бродыї

Мосты сгорели, углубились броды, И тесно - видим только черепа, И перекрыты выходы и входы, И путь один - туда, куда толпа. И парами коней, привыкших к цугу, Наглядно доказав, как тесен мир, Толпа идет по замкнутому кругу И круг велик, и сбит ориентир. Течет под дождь попавшая палитра, Врываются галопы в полонез, Нет запахов, цветов, тонов и ритмов, И кислород из воздуха исчез. Ничье безумье или вдохновенье Круговращенье это не прервет. Но есть ли это - вечное движенье, Тот самый бесконечный путь вперед? # 033

1972 Он вышел - зал взбесился на мгновеньеї

Он вышел - зал взбесился на мгновение. Пришла в согласие инструментов рать, Пал пианист на стул и мановенья Волшебной трости начал ожидать. Два первых ряда отделяли ленты Для свиты, для вельмож, для короля. Лениво пререкались инструменты За первой скрипкой повторяя: "ля". Настраивались нехотя и хитро, Друг друга зная издавна до йот. Поскрипывали старые пюпитры, На плечи принимая груды нот. Стоял рояль на возвышеньи в центре Как черный раб, покорный злой судьбе. Он знал, что будет главным на концерте, Он взгляды всех приковывал к себе. И, смутно отражаясь в черном теле Как два соглядатая, изнутри, Из черной лакированной панели Следили за маэстро фонари. В холодном чреве вены струн набухли, В них звук томился, пауза долга... И взмыла вверх рояля крышка - будто Танцовщица разделась донага. Рука маэстро над землей застыла, И пианист подавленно притих, Клавиатура пальцы ощутила И поддалась настойчивости их. Минор мажору портил настроенье, А тот его упрямо повышал, Басовый ключ, спасая положенье, Гармониями ссору заглушал, У нот шел спор о смысле интервала, И вот одноголосия жрецы Кричали: "В унисоне - все начала! В октаве - все начала и концы!" И возмущались грубые бемоли, Негодовал изломанный диез: Зачем, зачем вульгарные триоли Врываются в изящный экосез? Низы стремились выбиться в икары, В верха - их вечно манит высота, Но мудрые и трезвые бекары Всех возвращали на свои места. Склоняясь к пульту, как к военным картам, Войсками дирижер повелевал, Своим резервам - терциям и квартам Смертельные приказы отдавал. И черный лак потрескался от боли, Взвились смычки штыками над толпой И, не жалея сил и канифоли, Осуществили смычку со струной. Тонули мягко клавиши вселенной, Решив, что их ласкают, а не бьют. Подумать только: для ленивой левой Шопен писал Двенадцатый этюд! Тончали струны под смычком, дымились, Медь плавилась на сомкнутых губах, Ударные на мир ожесточились У них в руках звучал жестоко Бах. Уже над грифом пальцы коченели, На чей-то деке трещина, как нить: Так много звука из виолончели Отверстия не в силах пропустить. Как кулаки в сумбурной дикой драке Взлетали вверх манжеты в темноте, Какие-то таинственные знаки Концы смычков чертили в пустоте. И, зубы клавиш обнажив в улыбке, Рояль смотрел, как он его терзал, И слезы пролились из первой скрипки И незаметно затопили зал. Рояль терпел побои, лез из кожи, Звучала в нем, дрожала

в нем мольба, Но господин, не замечая дрожи, Красиво мучал черного раба. Вот разошлись смычковые, картинно Виновников маэстро наказал И с пятой вольты слил всех воедино. Он продолжал нашествие на зал. # 034

1972 Черные бушлаты

Евпаторийскому десанту За нашей спиной остались паденья, закаты, Ну хоть бы ничтожный, ну хоть бы невидимый взлет! Мне хочется верить, что черные наши бушлаты Дадут мне возможность сегодня увидеть восход. Сегодня на людях сказали: "Умрите героически!" Попробуем, ладно, увидим, какой оборот... Я тоже подумал, чужие куря папироски: Тут - кто как умеет, мне важно увидеть восход. Особая рота особый почет для сапера. Не прыгайте с финкой на спину мою из ветвей, Напрасно стараться я и с перерезанным горлом Сегодня увижу восход до развязки своей! Прошли по тылам мы, держась, чтоб не резать их - сонных, И вдруг я заметил, когда прокусили проход: Еще несмышленный, зеленый, но чуткий подсолнух Уже повернулся верхушкой своей на восход. За нашей спиной в шесть тридцать остались я знаю Не только паденья, закаты, но - взлет и восход. Два провода голых, зубами скрипя, зачищаю. Восхода не видел, но понял: вот-вот и взойдет! Уходит обратно на нас поредевшая рота. Что было - не важно, а важен лишь взорванный форт. Мне хочется верить, что грубая наша работа Вам дарит возможность беспощинно видеть восход! # 035

1972 Мы вращаем Землю

От границы мы Землю вертели назад Было дело сначала, Но обратно ее закрутил наш комбат, Оттолкнувшись ногой от Урала. Наконец-то нам дали приказ наступать, Отбирать наши пяди и крохи, Но мы помним, как солнце отправилось вспять И едва не зашло на востоке. Мы не меряем Землю шагами, Понапрасну цветы теребя, Мы толкаем ее сапогами От себя, от себя! И от ветра с востока пригнулись стога, Жмется к скалам отара. Ось земную мы сдвинули без рычага, Изменив направление удара. Не пугайтесь, когда не на месте закат, Судный день - это сказки для старших, Просто Землю вращают куда захотят, Наши сменные роты на марше. Мы ползем, бугорки обнимаем, Кочки тискаем - зло, не любя, И коленями Землю толкаем От себя, от себя! Здесь никто б не нашел, даже если б хотел, Руки кверху поднявших. Всем живым ощутимая польза от тел: Как прикрытье

используем павших. Этот глупый свинец всех ли сразу найдет, Где настигнет - в упор или с тыла? Кто-то там, впереди, навалился на дот И Земля на мгновенье застыла. Я ступни свои сзади оставил, Мимоходом по мертвым скорбя, Шар земной я вращаю локтями От себя, от себя! Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон, Принял пулю на вдохе, Но на запад, на запад ползет батальон, Чтобы солнце взошло на востоке. Животом - по грязи, дышим смрадом болот, Но глаза закрываем на запах. Нынче по небу солнце нормально идет, Потому что мы рвемся на запад. Руки, ноги - на месте ли, нет ли, Как на свадьбе росу пригубя, Землю тянем зубами за стебли На себя! От себя! # 036

1972 Может быть, покажется странным

Может быть, покажется странным кому-то, Что не замечаем попутной красы, Но на перегонах мы теряем минуты, А на остановках - теряем часы. Посылая машину в галоп, Мы летим, не надеясь на Бога!.. Для одних под колесами - гроб, Для других - просто к цели дорога. До чего же чумные они человеки: Руки на баранке, и - вечно в пыли!.. Но на остановках мы теряем копейки, А на перегонах - теряем рубли. Посылая машину в галоп, Мы летим, не надеясь на Бога!.. Для одних под колесами - гроб, Для других - просто к цели дорога. # 037

1972 Дорожная история

Я вышел ростом и лицом Спасибо матери с отцом, С людьми в ладу - не понукал, не помыкал, Спины не гнул - прямым ходил, Я в ус не дул, и жил как жил, И голове своей руками помогал... Но был донос и был навет Кругом пятьсот и наших нет, Был кабинет с табличкой: "Время уважай", Там прямо без соли едят, Там штемпель ставят наугад, Кладут в конверт - и посылают за Можай. Потом - зачет, потом - домой С семью годами за спиной, Висят года на мне - ни бросить, ни продать. Но на начальника попал, Который бойко вербовал, И за Урал машины стал перегонять. Дорога, а в дороге - МАЗ, Который по уши увяз, В кабине - тьма, напарник третий час молчит, Хоть бы кричал, аж зло берет Назад пятьсот, пятьсот вперед, А он - зубами "Танец с саблями" стучит! Мы оба знали про маршрут, Что этот МАЗ на стройках ждут, А наше дело - сел, поехал - ночь, полночь! Ну надо ж так - под Новый год Назад пятьсот, пятьсот вперед, Сигналим зря - пурга, и некому помочь! "Глуши мотор,- он говорит, Пусть этот МАЗ огнем горит!" Мол, видишь сам - тут больше нечего ловить. Мол,

видишь сам - кругом пятьсот, А к ночи точно - занесет, Так заровняет, что не надо хоронить!.. Я отвечаю: "Не канючь!" А он - за гаечный за ключ, И волком смотрит (Он вообще бывает крут), А что ему - кругом пятьсот, И кто кого переживет, Тот и докажет, кто был прав, когда припрут! Он был мне больше чем родня Он ел с ладони у меня, А тут глядит в глаза - и холодно спине. А что ему - кругом пятьсот, И кто там после разберет, Что он забыл, кто я ему и кто он мне! И он ушел куда-то вбок. Я отпустил, а сам - прилег, Мне снился сон про наш "веселый" наворот: Что будто вновь кругом пятьсот, Ищу я выход из ворот, Но нет его, есть только вход, и то - не тот. ...Конец простой: пришел тягач, И там был трос, и там был врач, И МАЗ попал куда положено ему, И он пришел - трясется весь... А там - опять далекий рейс, Я зла не помню - я опять его возьму! # 038

1972 Тюменская нефть

Один чудака из партии геологов Сказал мне, вылив грязь из сапога: "Послал же бог на головы нам олухов! Откуда нефть - когда кругом тайга? И деньги - в прорву, - лучше бы на тыщи те Построить детский сад на берегу: Вы ничего в Тюмени не отыщите В болото вы вгоняете деньгу!"

И шлю депеши в центр из Тюмени я: Дела идут, все боле-менее!.. Мне отвечают, что у них сложилось мнение, Что меньше "более" у нас, а больше "менее". А мой рюкзак Пустой на треть. "А с нефтью как?" "Да будет нефть!" Давно прошли открытий эпидемии, И с лихорадкой поисков - борьба, И дали заключение в академии: В Тюмени с нефтью полная труба! Нет бога нефти здесь - перекочую я: Раз бога нет - не будет короля!.. Но только вот нутром и носом чую я, Что подо мной не мертвая земля! И шлю депеши в центр из Тюмени я: Дела идут, все боле-менее!.. Мне не поверили - и оставалось мнение, Что меньше "более" у нас, а больше "менее". Пустой рюкзак Исчезла снедь... "А с нефтью как?" "Да будет нефть!" И нефть пошла! Мы, по болотам рыская, Не на пол-литра выиграла спор Тюмень, Сибирь, земля хантымансийская Сквозила нефтью из открытых пор. Моряк, с которым столько переругано, Не помню уж, с какого корабля, Все перепутал и кричал испуганно: "Земля! Смотрите, братики, земля!" И шлю депеши в центр из Тюмени я: Дела идут, все боле-менее, Что - прочь сомнения, что - есть месторождения, Что - больше "более" у нас и меньше "менее"... Так я узнал Бог нефти есть, И он сказал: "Копайте

здесь!" И бил фонтан и рассыпался искрами, При свете их я Бога увидал: По пояс голый он, с двумя канистрами Холодный душ из нефти принимал. И ожила земля, и помню ночью я На той земле танцующих людей... Я счастлив, что, превысив полномочия, Мы взяли риск - и вскрыли вены ей! # 039

1972 Революция в Тюмени

В нас вера есть и не в одних богов! Нам нефть из недр не поднесут на блюде. Освобожденье от земных оков Есть цель несоциальных революций. В болото входит бур, как в масло нож. Владыка тьмы! Мы примем отречение! Земле мы кровь пускаем - ну и что ж, А это ей приносит облегчение. Под визг лебедек и под вой сирен Мы ждем - мы не созрели для оваций, Но близок час великих перемен И революционных ситуаций. В борьбе у нас нет классовых врагов Лишь гул подземных нефтяных течений, Но есть сопротивление пластов, И есть, есть ломка старых представлений. Пока здесь вышки, как бамбук, росли, Мы вдруг познали истину простую: Что мы нашли не нефть, а соль земли И раскусили эту соль земную. Болит кора земли, и пульс возрос, Боль нестерпима, силы на исходе, И нефть в утробе призывает - "SOS", Вся исходя тоскою по свободе. Мы разглядели, различили боль Сквозь меди блеск и через запах розы, Ведь это не поваренная соль, А это - человечьи пот и слезы. Пробились буры, бездну вскрыл алмаз И нефть из скважин бьет фонтаном мысли, Становится энергиею масс В прямом и тоже переносном смысле. Угар победы, пламя не угробь, И ритма не глуши, копытный дробот! Излишки нефти стравливали в Обь, Пока не проложили нефтепровод. Но что поделать, если льет из жерл Мощнее всех источников овечьих, И что за революция - без жертв, К тому же здесь еще - без человечьих? Пусть скажут, что сужу я с кондачка, Но мысль меня такая поразила: Теория "великого скачка" В Тюмени подтвержденье получила. И пусть мои стихи верны на треть Пусть уличен я в слабом разуменьи, Но нефть свободна! Не могу не петь Про эту революцию в Тюмени. # 040

1972 Чужая колея

Сам виноват - и слезы лью, и охаю, Попал в чужую колею глубокою. Я цели намечал свои на выбор сам А вот теперь из колеи не выбраться. Крутые скользкие края Имеет эта колея. Я клянусь проложивших ее Скоро лопнет терпенье мое И склоняю, как школьник плохой: Колею, в колее, с колеей... Но почему нейметя мне нахальный

я, Условья, в общем, в колее нормальные: Никто не стукнет, не притрет не жалуйся, Желаеть двигаться вперед пожалуйста! Отказа нет в еде-питье В уютной этой колее Я живо себя убедил: Не один я в нее угодил, Так держать - колесо в колесе! И доеду туда, куда все. Вот кто-то крикнул сам не свой: "А ну, пусти!" И начал спорить с колеей по глупости. Он в споре сжег запас до дна тепла души И полетели клапана и вкладыши. Но покорежил он края И стала шире колея. Вдруг его обрывается след... Чудака оттащили в кювет, Чтоб не мог он нам, задним, мешать По чужой колее проезжать. Вот и ко мне пришла беда стартер заел, Теперь уж это не езда, а ерзанье. И надо б выйти, подтолкнуть но прыти нет, Авось подъедет кто-нибудь и вытянет. Напрасно жду подмоги я Чужая это колея. Расплеваться бы глиной и ржой С колеей этой самой - чужой, Тем, что я ее сам углубил, Я у задних надежду убил. Прошиб меня холодный пот до косточки, И я прошелся чуть вперед по досточке, Гляжу - размыли край ручьи весенние, Там выезд есть из колеи спасение! Я грязью из-под шин плюю В чужую эту колею. Эй вы, задние, делай как я! Это значит - не надо за мной. Колея эта - только моя, Выбирайтесь своей колеей! # 041

1972 Наш киль скользит по Дону ли, по Шпрееї

Наш киль скользит по Дону ли, по Шпрее, По Темзе ли, по Сене режет киль? Куда, куда вы, милые евреи, Неужто к Иордану в Израиль? Оставя суету вы и верный ваш кусок, И - о! - комиссионных ваших кралей, Стремитесь в тесноту вы, в мизерный уголок, В раздутый до величия Израиль! Меняете вы русские просторы, Лихую безнадежность наших миль На голдомеирские уговоры, На этот нееврейский Израиль?! # 042

1972 Мы воспитаны в презреньи к воровствуї

Мы воспитаны в презреньи к воровству И еще - к употребленью алкоголя, В безразличьи к иностранному родству, В поклоненьи ко всесилию контроля. Вот - география, А вот - органика, У них там - мафия... У нас - пока никак. У нас - балет, у нас - заводы и икра, У нас - прелестные курорты и надои, Аэрофлот, Толстой, арбузы, танкера И в бронзе отлитые разные герои. Потом, позвольте-ка, Ведь там - побоище, У них - эротика... У нас... не то еще! На миллионы, миллиарды киловатт В душе людей поднялись наши настроенья, И каждый - скажем, китобой или домкрат Дает нам прибыль всесоюзного значенья. Про них мы выпишем: Больная психика, У них там - хиппи

же... У нас - мерси пока. Да что, товарищи, молчать про капитал, Который Маркс еще клеймил в известной книге, У них - напалм, а тут - банкет, а тут - накал И незначительные личные интриги. И Джони с Джимами Всенаплевающе Дымят машинами... Тут нет пока еще. Куда идем, чему завидуем подчас? Свобода слова вся пропахла нафталином. Я кончил все. Когда я говорил: "У нас" Имел себя в виду, а я - завмагазином. Не надо нам уже Всех тех, кто хаяли. Я еду к бабушке Она в Израиле. # 043

1972 Мишка Шифман

Мишка Шифман башковит У него предвиденье. "Что мы видим, - говорит, Кроме телевиденья?! Смотришь конкурс в Сопоте И глотаешь пыль, А кого ни попадя Пускают в Израиль!" Мишка также сообщил По дороге в Мневники: "Голду Меир я словил В радиоприемнике..." И такое рассказал, До того красиво! Что я чуть было не попал В лапы Тель-Авива. Я сперва-то был не пьян, Возразил два раза я Говорю: "Моше Даян Сука одноглазая, Агрессивный, бестия, Чистый фараон, Ну, а где агрессия Там мне не резон". Мишка тут же впал в экстаз После литры выпитой Говорит: "Они же нас Выгнали с Египета! Оскорбления простить Не могу такого, Я позор желаю смыть С Рождества Христова!" Мишка взял меня за грудь: "Мне нужна компания! Мы ж с тобой не как-нибудь Здравствуй-до свидания, Побредем, паломники, Чувства подавив!.. Хрена ли нам Мневники Едем в Тель-Авив!" Я сказал: "Я вот он весь, Ты же меня спас в порту. Но одна загвоздка есть: Русский я по паспорту. Только русские в родне, Прадед мой - самарин, Если кто и влез ко мне, Так и тот - татарин". Мишку Шифмана не трожь, С Мишкой - прочь сомнения: У него евреи сплошь В каждом поколении. Дед параличом разбит, Бывший врач-вредитель... А у меня - антисемит На антисемите. Мишка - врач, он вдруг затих: В Израиле бездна их, Гинекологов одних Как собак нерезаных; Нет зубным врачам пути Слишком много просятся. Где на всех зубов найти? Значит - безработица! Мишка мой кричит: "К чертям! Виза - или ванная! Едем, Коля, - море там Израилеванное!.." Видя Мишкину тоску, А он в тоске опасный, Я еще хлебнул кваску И сказал: "Согласный!" ...Хвост огромный в кабинет Из людей, пожалуй, ста. Мишке там сказали "нет", Ну а мне - "пожалуйста". Он кричал: "Ошибка тут, Это я - еврей!.." А ему: "Не шибко тут! Выйди, вон, из дверей!" Мишку мучает вопрос: Кто тут враг таинственный? А ответ

ужасно прост И ответ единственный: Я в порядке, тьфу-тьфу-тьфу,
Мишка пьет проклятую, Говорит, что за графу Не пустили - пятаю. #
044

1972 Песня таксиста

Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам Со светящимися
лампами-зрачками!... Все дневные пассажиры, все мои клиенты - там,
Все, кто ездит на такси, а, значит, с нами. Смешно, конечно, говорить,
Но очень даже может быть, Что мы знакомы с вами. Нет, - не по
работе! А не знакомы - дайте срок! На мой зеленый огонек Зайдете,
зайдете. Круглый руль, но и "баранка" - тоже круглое словцо. Хорошо,
когда "запаска" не дырява! То раскручиваем влево мы Садовое кольцо,
То Бульварное закручиваем вправо. И ветер гаснет на стекле, Рукам
привычно на руле, И пассажиров счетчик "радует" деньгами... А мы -
как всадники в седле, Мы редко ходим по земле Своими ногами. Тот
рассказывает утром про удачное вчера, У другого - трудный день:
молчит, усталый... Мы удобные попутчики, таксисты-шофера,
Собеседники мы - профессионалы. Бывает, ногу сломит черт, А вам
скорей - аэропорт! Зеленым светом мы, как чудом света бредим. Мой
пассажир, ты рано сник! У нас час пик, а не тупик, Садитесь, поедем!
Я ступаю по нехоженой проезжей полосе Не колесною резиною, а
кожей. Злюсь, конечно, на таксистов - не умеют ездить все!
Осторожно, я неопытный прохожий. Вот кто-то там таксиста ждет, Но
я сегодня - пешеход, А то подвез бы: "Сядь, - сказал бы, - человеке!"
Вы все зайдете, дайте срок, На мой зеленый огонек! До скорой, до
встречи... # 045

1972 Заповедник

Бегают по лесу стаи зверей Не за добычей, не на водопой: Денно и
ночно они егерей Ищут веселой толпой. Звери, забыв вековые
страхи, С твердою верой, что все по плечу, Шкуры рванув на груди как
рубахи, Падают навзничь - бери не хочу! Сколько их в кущах, Сколько
их в чащах Ревом ревущих, Рыком рычащих, Сколько бегущих,
Сколько лежащих В дебрях и кущах, В роцах и чащах! Рыбы пошли
косяком против волн Черпай руками, иди по ним вброд! Сколько
желающих прямо на стол, Сразу на блюдо - и в рот! Рыба не мясо - она
хладнокровней В сеть норовит, на крючок, в невода: Рыбы погреться
хотят на жаровне, Море по жабры, вода не вода! Сколько их в кущах,
Сколько их в чащах Скопом плывущих, Кишмя кишащих, Друг друга

жрущих, Хищных и тощих В дебрях и куцах, В чащах и рощах! Птица на дробь устремляет полет Птица на выдумки стала хитра: Чтобы им яблоки всунуть в живот, Гуси не если с утра. Сильная птица сама на охоте Слабым собратьям кричит: "Сторонись!" Жизнь прекращает в зените, на взлете, Даже без выстрела падая вниз. Сколько их в куцах, Сколько их в чащах Выстрела ждущих, В силки летящих, Сколько плывущих, Сколько парящих В дебрях и куцах, В рощах и чащах! Шубы не хочет пушнина носить Так и стремится в капкан и в загон, Чтобы людей приодеть, утеплить, Рвется из кожи вон. В ваши силки - призадумайтесь, люди! Прут добровольно в отменных мехах Тысячи сот в иностранной валюте, Тысячи тысяч в наших деньгах. В рощах и чащах, В дебрях и куцах Сколько рычащих, Сколько ревущих, Сколько пасущихся, Сколько кишачих Мечущих, рвущихся, Живородящих, Серых, обычных, В перьях нарядных, Сколько их, хищных И травоядных, Шерстью линяющих, Шкуру меняющих, Блеющих, лающих, Млекопитающих, Сколько летящих, Бегущих, ползущих, Сколько непьющих В рощах и куцах И некурящих В дебрях и чащах, И пресмыкающихся, И парящих, И подчиненных, И руководящих, Вещих и вящих, Рвущих и врущих В рощах и куцах, В дебрях и чащах! Шкуры - не порчены, рыба - живьем, Мясо - без дробы - зубов не сломать, Ловко, продуманно, просто, с умом, Мирно - зачем же стрелять! Каждому егерю - белый передник! В руки - таблички: "Не бей!", "Не губи!" Все это вместе зовут - заповедник, Заповедь только одна: не убий! Но сколько в рощах, Дебрях и куцах И сторожащих, И стерегущих, И загоняющих, В меру азартных, Плохо стреляющих, И предынфарктных, Травящих, лающих, Конных и пеших, И отдыхающих С внешностью леших, Сколько их, знающих И искушенных, Не попадающих В цель, разозленных, Сколько дрожащих, Портящих шкуры, Сколько ловящих На самодуры, Сколько их, язвенных, Сколько всеядных, Сетью повязанных И кровожадных, Полных и тучных, Тощих, ледящих В дебрях и куцах, В рощах и чащах! # 046

1972 Мы - просто куклы

Мы - просто куклы, но... смотрите, нас одели, И вот мы - жители витрин, салонов, залов. Мы - манекены, молчаливые модели, Мы - только копии с живых оригиналов. Но - поставь в любую позу, Положи да посади, И сравнение в нашу пользу: Манекены впереди! Нам хоть

Омск, хоть Ленинград, Хоть пустыня Гоби, Мы не требуем зарплат,
Пенсий и надгробий. Мы - манекены, мы - без крови и без кожи, У нас
есть головы, но с ватными мозгами. И многим кажется - мы на людей
похожи. Но сходство внешнее, по счастью, между нами. Мы
выносливей, и где-то Мы - надежней, в этом суть, Элегантнее одеты И
приветливей чуть-чуть. И на всех сидит наряд В тютельку и в точку,
Мы стоим шеренгой в ряд Локоть к локоточку. Пред нами толпы
суетятся и толкуются, Под самым носом торг ведут, шуршат деньгами,
Но манекены никогда не продаются. Они смеются бутафорскими
зубами. В нашем детстве нас любили Без носов и без ушей, Нас
детишки в ванне мыли В виде кукол-голышей. В детстве людям мы
нужны, Но, когда взрослеем, Без одежды мы цены Вовсе не имеем.
Зато мы многого себе не позволяем: Прогулов, ругани и склок,
болезней мнимых, Спиртных напитков в перерыв не распиваем, План
не срываем и не пишем анонимок. Мы спокойней суперменов Если
где-нибудь горит, В "01" из манекенов Ни один не позвонит. Не кричим
и не бузим, Даже не деремся. Унеси весь магазин Мы не шелохнемся.
И наши спаянные дружбой коллективы Почти не ведают ни спадов, ни
накалов. Жаль, допускают все же промахи и срывы Плохие копии
живых оригиналов. Посмотрите на витрины: На подбор - все, как один,
Настоящие мужчины, Квинтэссенции мужчин На любой на вкус, на
цвет, На любой оттенок... Да и женщин в мире нет Лучше манекенок! #
047

1972 Я к вам пишу

Спасибо вам, мои корреспонденты, Все те, кому ответить я не смог,
Рабочие, узбеки и студенты, Все, кто писал мне письма - дай вам Бог,
Дай Бог вам жизни две, И друга одного, И света в голове, И доброго
всего! Найдя стократно вытертые ленты, Вы хрип мой разобрал по
слогам, Так дай же Бог, мои корреспонденты, И сил в руках, да и удачи
вам! Вот пишут: голос мой не одинаков То хриплый, то надрывный, то
глухой... И просит население бараков: "Володя! Ты не пой за упокой!"
Но что поделать, я - и впрямь не звонок: Звенят другие, я - хриплю
слова. Обилие некачественных пленок Вредит мне даже больше, чем
молва. Вот спрашивают: "Попадал ли в плен ты?" Нет, не бывал - не
воевал ни дня. Спасибо вам, мои корреспонденты, Что вы неверно
поняли меня! Друзья мои, - жаль, что не боевые, От моря, от станка и
от сохи, Спасибо вам за присланные злые И даже неудачные стихи.

Вот я читаю: "Вышел ты из моды. Сгинь, сатана, изыди, хриплый бес! Как глупо, что не месяцы, а годы Тебя превозносили до небес!" Еще письмо: "Вы умерли от водки?" Да, правда, умер, но потом воскрес. "А каковы доходы Ваши, все-таки?" За песню - "трешник". - "Вы же просто крез!" Ах, письма высочайшего пошиба: Идите, мол, на Темзу и на Нил!.. Спасибо, люди добрые, спасибо, Что не жалели ночи и чернил. Но только я уже бывал на Темзе, Собакою на сене восседал! Я не грублю, но отвечаю тем же. А писем до конца не дочитал. И ваши похвалы и комплименты, Авансы мне - не отфутболю я: От ваших строк, мои корреспонденты, Прямеем путь и сохнет колея. Сержанты, моряки, интеллигенты, Простите, что не каждому ответ, Я вам пишу, мои корреспонденты, Ночами песни вот уж десять лет. # 048

1972 Тот, который не стрелял

Я вам мозги не пудрю Уже не тот завод: В меня стрелял поутру Из ружей целый взвод. За что мне эта злая, Нелепая стезя Не то чтобы не знаю, Рассказывать нельзя. Мой командир меня почти что спас, Но кто-то на расстреле настоял... И взвод отлично выполнил приказ, Но был один, который не стрелял. Судьба моя лихая Давно наперекос: Однажды языка я Добыл, да не донес, И особист Суэтин, Неутомимый наш, Еще тогда приметил И взял на карандаш. Он выволок на свет и приволок Подколотый, подшитый материал... Никто поделатъ ничего не смог. Нет - смог один, который не стрелял. Рука упала в пропасть С дурацким криком "Пли!" И залп мне выдал пропуск В ту сторону земли. Но слышу: "Жив, зараза, Тащите в медсанбат. Расстреливать два раза Уставы не велят". А врач потом все цокал языком И, удивляясь, пули удалял, А я в бреду беседовал тайком С тем пареньком, который не стрелял. Я раны, как собака, Лизал, а не лечил; В госпиталях, однако, В большом почете был. Ходил в меня влюбленный Весь слабый женский пол: "Эй ты, недостреленный, Давай-ка на укол!" Наш батальон геройствовал в Крыму, И я туда глюкозу посылал Чтоб было слаще воевать ему, Кому? Тому, который не стрелял. Я пил чаек из блюдца, Со спиртиком бывал... Мне не пришлось загнуться, И я довоевал. В свой полк определили, "Воюй! - сказал комбат. А что недострелили Так я не виноват". Я очень рад был - но, присев у пня, Я выл белугой и судьбину клял: Немецкий снайпер дострелил меня, Убив того, который не стрелял. # 049

1973 Памятник

Я при жизни был рослым и стройным, Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез, Но с тех пор, как считаюсь покойным,
Охромил меня и согнули, К пьедесталу прибавив "Ахиллес". Не
страхнута мне гранитного мяса И не вытащить из постамента
Ахиллесову эту пятую, И железные ребра каркаса Мертво схвачены
слоем цемента, Только судороги по хребту. Я хвалился косою саженью
Нате смерти! Я не знал, что подвергнусь суженью После смерти, Но в
обычные рамки я всажен На спор вбили, А косою неровную сажень
Распрямили. И с меня, когда взял я да умер, Живо маску посмертную
сняли Расторопные члены семьи, И не знаю, кто их надоумил, Только с
гипса вчистую стесали Азиатские скулы мои. Мне такое не мнилось,
не снилось, И считал я, что мне не грозило Оказаться всех мертвых
мертвей, Но поверхность на слепке лоснилась, И могильною скукой
сквозило Из беззубой улыбки моей. Я при жизни не клал тем, кто
хищный, В пасти палец, Подходившие с меркой обычной Опасались,
Но по снятии маски посмертной Тут же в ванной Гробовщик подошел
ко мне с меркой Деревянной... А потом, по прошествии года, Как венец
моего исправленья Крепко сбитый литой монумент При огромном
скопленье народа Открывали под бодрое пенье, Под мое - с
намагниченных лент. Тишина надо мной раскололась Из динамиков
хлынули звуки, С крыш ударил направленный свет, Мой отчаяньем
сорванный голос Современные средства науки Превратили в приятный
фальцет. Я немел, в покрывало упрятан, Все там будем! Я орал в то же
время кастратом В уши людям. Саван сдернули - как я обужен, Нате
смерть! Неужели такой я вам нужен После смерти?! Командора шаги
злы и гулки. Я решил: как во времени оном Не пройтись ли, по плитам
звоня? И шарахнулись толпы в проулки, Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня. Накренился я - гол, безобразен, Но и падая
- вылез из кожи, Дотянулся железной клюкой, И, когда уже грохнулся
наземь, Из разодранных рупоров все же Прохрипел я похоже:
"Живой!" И паденье меня и согнуло, И сломало, Но торчат мои острые
скулы Из металла! Не сумел я, как было угодно Шито-крыто. Я,
напротив, - ушел всенародно Из гранита. # 001

1973 Песня о Волге

Как по Волге-матушке, по реке-кормилице Все суда с товарами,
струи да ладьи, И не надорвалась, и не притомилась: Ноша не тяжелая
- корабли свои. Вниз по Волге плавая, Прохожу пороги я И гляжу на

правые Берега пологие: Там камыш шевелится, Поперек ломается, Справа - берег стелется, Слева - поднимается. Волга песни слышала хлеще, чем "Дубинушка", Вся вода исхлестана пулями врагов, И плыла по Матушке наша кровь-кровинушка, Стыла бурой пеною возле берегов. Долго в воды пресные Лили слезы строгие Берега отвесные, Берега пологие Плакали, измызганы Острыми подковами, Но теперь зализаны Эти раны волнами. Что-то с вами сделалось, города старинные, В коих - стены древние, на холмах кремли, Словно пробудились молодцы былинные И - числом несметные - встали из земли. Лапами грабастая, Корабли стараются Тянут баржи с Каспия, Тянут - надрываются, Тянут - не оглянутся, И на версты многие За крутыми тянутся Берега пологие. # 002

1973 Посадка

"Мест не хватит, уж больно вы ловки! Ну откуда такие взялись? Что вы прете?" - "Да мы по путевке". "По путевке? Пожалуйста, плиз! Вы ж не туристы и не иностранцы, Вам не проникнуть на наш пароход. Что у вас?" - "Песни и новые танцы. Этим товарам нельзя залежаться Столько людей с нетерпеньем их ждет!" "Ну куда вы спешите? Ей-богу, Словно зельем каким опились!" "Мне местечко заказывал Гоголь..." "Сам Максимыч? Пожалуйста, плиз! Вы ж не туристы и не иностранцы, Вам не проникнуть на наш пароход. Что у вас?" - "Песни и новые танцы. Этим товарам нельзя залежаться Столько людей с нетерпеньем их ждет!" Мест не будет, броня остается: Ожидается важный турист". "Для рабочего класса найдется?" "Это точно! Пожалуйста, плиз! Вы ж не туристы и не иностранцы, Вам не проникнуть на наш пароход. Что у вас?" - "Песни и новые танцы. Этим товарам нельзя залежаться Столько людей с нетерпеньем их ждет!" "Нет названья для вашей прослойки, Зря вы, барышни, здесь собрались". "Для крестьянства остались две койки?" "Есть крестьянство! Пожалуйста, плиз! Вы ж не туристы и не иностранцы, Вам не проникнуть на наш пароход. Что у вас?" - "Песни и новые танцы. Этим товарам нельзя залежаться Столько людей с нетерпеньем их ждет!" Это шутке подобно - без шуток Песни, танцы в пути задержать! Без еды проживешь сорок суток, А без музыки - вряд ли и пять. Вы ж не туристы и не иностранцы, Вам не проникнуть на наш пароход. Что у вас?" - "Песни и новые танцы. Этим товарам нельзя залежаться Столько людей с нетерпеньем их ждет!" "Вот народ

упрямый - все с нахрапу! Ладно, лезьте прямо вверх по трапу. С вами будет веселее путь И Лучше с музыкой тонуть. # 003

1973 Куплеты Гусева

Я на виду - и действием и взглядом, Я выдаю присутствие свое. Нат Пинкертон и Шерлок Холмс - старье! Спокойно спите, люди: Гусев - рядом. Мой метод прост - сажусь на хвост и не слезаю. Преступник - это на здоровом теле прыщик, И я мерзавцу о себе напоминаю: Я - здесь, я - вот он, на то я - сыщик! Волнуются преступнички, Что сыщик не безлик, И оставляют, субчики, Следочки а приступочке, Шифровочки на тумбочке, Достаточно улик! Работу стою по системе четкой, Я не скрываюсь, не слежу тайком, И пострадавший будет с кошельком, Ну а преступник будет за решеткой. Идет преступник на отчаянные трюки, Ничем не брезгует - на подкуп тратит тыщи, Но я ему - уже заламываю руки: Я - здесь, я - вот он, на то я - сыщик! Волнуются преступнички, Что сыщик не безлик, И оставляют, субчики, Следочки а приступочке, Шифровочки на тумбочке, Достаточно улик! Вот я иду уверенной походкой. Пусть знает враг - я в план его проник. Конец один: преступник - за решеткой, Его сам Гусев взял за воротник. # 004

1973 Колыбельная Хопкинсона

Спи, дитя! Май беби, бай! Много сил скопи. Ду ю вонт ту слип? - Отдыхай, Улыбнись и спи! Колыбельной заглушен Посторонний гул. Пусть тебе приснится сон, Что весь мир уснул. Мир внизу, а ты над ним В сладком сне паришь. Вот Москва, древний Рим И ночной Париж... И с тобою в унисон Голоса поют. Правда, это только сон, А во сне - растут. Может быть, - все может быть! Ты когда-нибудь Наяву повторить Сможешь этот путь. Над землю полетишь Выше крыш и крон... А пока ты крепко спишь Досмотри свой сон. # 005

1973 Дуэт разлученных

Дорога сломала степь напополам, И неясно - где конец пути. По дороге мы идем по разным сторонам И не можем ее перейти. Сколько зим этот путь продлится? Кто-то должен рискнуть, решиться! Надо нам поговорить - перекресток недалек, Перейди, если мне невдомек. Дорога, дорога поперек земли Поперек судьбы глубокий след. Многие уже себе попутчиков нашли Ненадолго, а спутников - нет. Промелькнет как беда ухмылка, Разведет навсегда развилка... Где же нужные слова, кто же первый их найдет? Я опять прозевал переход.

Река - избавление послано двоим, Стоит только руку протянуть... Но опять, опять на разных палубах стоим, Подскажите же нам что-нибудь! Волжский ветер хмельной и вязкий, Шепчет в уши одной подсказкой: "Время мало, торопись и не жди конца пути". Кто же первый рискнет перейти? # 006

1973 Че-чет-ка

Все, что тривиально, И все, что банально, Что равно- и прямопропорционально Все это корежит чечетка, калечит, Нам нервы тревожит: чет-нечет, чет-нечет. В забытые уши врывается четко, В сонливые души лихая чечетка. В чечеточный спринт не берем тех, кто сыт, мы. Чет-нечет, чет-нечет, ломаются ритмы. Брэк! Барабан, тамтам, трещотка, Где полагается - там чечетка. Брак не встречается. Темп рвет-мечет. Брэк! Чет-нечет! Жжет нам подошвы, потолок трепещет. Чет нечет! Эй, кто там грозит мне? Эй, кто мне перечит? В замедленном ритме о чем-то лепечет? Сейчас перестанет - его изувечит Ритмический танец, чет-нечет, чет-нечет! Кровь гонит по жилам не крепкая водка Всех заморозила шальная чечетка. Замолкни, гитара! Мурашки до жути! На чет - два удара, и чем черт не шутит! Брэк! Барабан, тамтам, трещотка, Где полагается - там чечетка. Брак не встречается. Темп рвет-мечет. Брэк! Чет-нечет! Жжет нам подошвы, потолок трепещет. Чет нечет! Спасайся, кто может! А кто обезножит Утешься: твой час в ритме правильном прожит. Под брэк, человеке, расправятся плечи, И сон обеспечит чет-нечет, чет-нечет. Изменится ваша осанка, походка. Вам тоже, папаша, полезна чечетка! Не против кадрили мы проголосуем, Но в пику могиле чечетку станцуем. Брэк! Барабан, тамтам, трещотка, Где полагается - там чечетка. Брак не встречается. Темп рвет-мечет. Брэк! Чет-нечет! Жжет нам подошвы, потолок трепещет. Чет нечет! # 007

1973 Романс мисс Ребус

Реет над темно-синей волной неприметная стайка, Грустно, но у меня в этой стае попутчиков нет, Низко лечу, отдельно от всех, одинокая чайка, И скользит подо мной Спутник преданный мой белый мой силуэт. Но слабеет, слабеет крыло, Я снижаюсь все ниже и ниже, Я уже отраженья не вижу Море тиною заволокло. Неужели никто не придет, Чтобы рядом лететь с белой птицей? Неужели никто не решится? Неужели никто не спасет? Силы оставят тело мое, и в соленую пыль я Брошу свой обессиленный и истрадавшийся труп...

Крылья уже над самой водой, мои бедные крылья! Ветер ветреный, злой Лишь играет со мной, беспощаден и груб. Неужели никто не придет, Чтобы рядом лететь с белой птицей? Неужели никто не решится? Неужели никто не спасет? Бьется сердце под левым плечом, Я спускаюсь все ниже и ниже, Но уже и спасителя вижу Это ангел с заветным ключом. Ветер, скрипач безумный, пропой на прощанье сыграй нам! Скоро погаснет солнце и спутник мой станет незрим, Чайка влетит в пучину навек к неразгаданным тайнам. Я в себе растворюсь, Я навеки сольюсь с силуэтом своим. Но слабеет, слабеет крыло, Я снижаюсь все ниже и ниже, Я уже отраженья не вижу Море тиною заволокло. Бьется сердце под левым плечом, Я спускаюсь все ниже и ниже, Но уже и спасителя вижу Это ангел с заветным ключом. Рядом летит невидимо он, незаметно, но - рядом, Вместе В волшебном тихом гнездовье отыщем жилье. Больше к холодной мутной воде мне снижаться не надо: Мы вдвоем, нет причин Мне искать среди пучин отраженья свое. # 008

1973 Дуэт Шуры и Ливеровского

"Богиня! Афродита! Или что-то в этом роде... Ах, жизнь моя разбита! Прямо здесь, на пароходе. Склоню от восхищения Прекрасотой такую Дрожащие колени я С дрожащей головою". "Ну что он ходит как тень, Твердит одну дребедень..." "Возьми себе мое трепещущее сердце!" "Нас не возьмешь на авось! На кой мне сердце сдалось?" "...Тогда экзотику и страсти де ла Перца". "Какая де ла Перца? Да о чем вы говорите? Богиню надо вам? Так и идите к Афродите. Вас тянет на эротику Тогда сидите дома. А кто это - экзотика? Я с нею не знакома!" "Я вас, синьора, зову В волшебный сон наяву И предлагаю состояние и сердце. Пойдем навстречу мечтам!" "А кем вы служите там?" "Я - вице-консул Мигуэлло де ла Перца". "Я не бегу от факта, Только вот какое дело: Я с консулам как-то Раньше дела не имела. А вдруг не пустят в капстрану И вынесут решение: Послать куда подальше - ну А консула в три шеи..." "Не сомневайтесь, мадам! Я всех продам, все отдам, И распахнется перед вами рая дверца. Я вас одену, мадам, Почти как Еву Адам В стране волшебной Мигуэлло де ла Перца". "Вы милый, но пройдоха! А меня принарядите И будет просто плохо Этой вашей Афродите. Но я не верю посулам: Я брошу все на свете А вдруг жена у консула, И - даже хуже! - дети?" "Ах, что вы, милая мисс!.." "Но-но, спокойно! Уймись!" "Я напишу для вас

симфонию и скерцо! Удача вас родила..." "Ах черт! Была не была! Валяйте! Едем в Мигуэллу де ла Перца". # 009

1973 Я бодрствую, но вещий сон мне снится

Я бодрствую, но вещий сон мне снится. Пилюли пью - надеюсь, что усну. Не привыкать глотать мне горькую слюну: Организации, инстанции и лица Мне объявили явную войну За то, что я нарушил тишину, За то, что я хриплю на всю страну, Затем, чтоб доказать - я в колесе не спица, За то, что мне нейдет, за то, что мне не спится, За то, что в передачах заграница Передает блатную старину, Считая своим долгом извиниться: "Мы сами, без согласия..." - Ну и ну! За что еще? Быть может, за жену Что, мол, не мог на нашей подданной жениться, Что, мол, упрямо лезу в капстрану И очень не хочу идти ко дну, Что песню написал, и не одну, Про то, как мы когда-то били фрица, Про рядового, что на дзот валится, А сам - ни сном ни духом про войну. Кричат, что я у них украл луну И что-нибудь еще украсть не премину. И небылица догоняет небылица. Не спится мне... Ну, как же мне не спиться! Не, не сопьюсь, - я руку протяну И завещание крестом перечеркну, И сам я не забуду осениться, И песню напишу, и не одну, И в песне я кого-то прокляну, Но в пояс не забуду поклониться Всем тем, кто написал, чтоб я не смел ложиться! Пусть даже горькую пилюлю заглотну. # 010

1973 Воздушные потоки

Хорошо, что за ревом не слышалось звука, Что с позором своим был один на один: Я замешкался возле открытого люка И забыл пристегнуть карабин. Мой инструктор помог - и коленом пинок Перейти этой слабости грань: За обычное наше: "Смелее, сынок!" Принял я его сонную брань. И оборвали крик мой, И обожгли мне щеки Холодной острой бритвой Восходящие потоки. И звук обратно в печень мне Вогнали вновь на вдохе Веселые, беспечные Воздушные потоки. Я попал к ним в умелые, цепкие руки: Мнут, швыряют меня - что хотят, то творят! И с готовностью я сумасшедшие трюки Выполняю шутя - все подряд. И обрывали крик мой, И выбривали щеки Холодной острой бритвой Восходящие потоки. И кровь вгоняли в печень мне, Упруги и жестоки, Невидимые встречные Воздушные потоки. Но рванул я кольцо на одном вдохновенье, Как рубаху от ворота или чеку. Это было в случайном свободном паденье Восемнадцать недолгих секунд. А теперь - некрасив я, горбат с двух

сторон, В каждом горбе - спасительный шелк. Я на цель устремлен и влюблен, и влюблен В затяжной, неслучайный прыжок!

И обрывают крик мой, И выбривают щеки Холодной острой бритвой Восходящие потоки. И проникают в печень мне На выдохе и вдохе Бездушные и вечные Воздушные потоки. Беспремерный прыжок из глубин стратосферы По сигналу "Пошел!" я шагнул в никуда, За невидимой тенью безликой химеры, За свободным паденьем - айда! Я пробьюсь сквозь воздушную ватную тьму, Хоть условия паденья не те. Но и падать свободно нельзя - потому, Что мы падаем не в пустоте. И обрывают крик мой, И выбривают щеки Холодной острой бритвой Восходящие потоки. На мне мешки заплечные, Встречаю - руки в боки Прямые, безупречные Воздушные потоки. Ветер в уши сочится и шепчет скабрзно: "Не тяни за кольцо - скоро легкость придет..." До земли триста метров - сейчас будет поздно! Ветер врет, обязательно врет! Стропы рвут меня вверх, выстрел купола - стоп! И - как не было этих минут. Нет свободных падений с высот, но зато Есть свобода раскрыть парашют! Мне охлаждают щеки И открывают веки Исполнены потоки Забот о человеке! Глазею ввысь печально я Там звезды одиноки И пью горизонтальные Воздушные потоки. # 011

1973 Диалог у телевизора

- Ой, Вань, гляди, какие клоуны! Рот - хоть завязочки пришей... Ой, до чего, Вань, размалеваны, И голос - как у алкашей! А тот похож - нет, правда, Вань, На шурина - такая ж пьянь. Ну нет, ты глянь, нет-нет, ты глянь, Я - вправду, Вань! - Послушай, Зин, не трогай шурина: Какой ни есть, а он - родня, Сама намазана, прокурена Гляди, дожدهшься у меня! А чем болтать - взяла бы, Зин, В антракт сгоняла в магазин... Что, не пойдешь? Ну, я - один, Подвинься, Зин!.. - Ой, Вань, гляди, какие карлики! В джерси одеты, не в шевьет, На нашей пятой швейной фабрике Такое вряд ли кто пошьет. А у тебя, ей-богу, Вань, Ну все друзья - такая рвань И пьют всегда в такую рань Такую дрянь! - Мои друзья - хоть не в болонии, Зато не тащат из семьи, А гадость пьют - из экономии: Хоть поутру - да на свои!

А у тебя самой-то, Зин, Приятель был с завода шин, Так тот - вообще хлебал бензин, Ты вспомни, Зин!.. - Ой, Вань, гляди-кось - попугайчики! Нет, я, ей-богу, закричу!.. А это кто в короткой маечке? Я, Вань, такую же хочу. В конце квартала - правда, Вань, Ты мне такую же сваргань... Ну что "отстань", опять "отстань", Обидно, Вань! - Уж

ты б, Зин, лучше помолчала бы Накрылась премия в квартал! Кто мне писал на службу жалобы? Не ты?! Да я же их читал! К тому же эту майку, Зин, Тебе напяль - позор один. Тебе шитья пойдет аршин Где деньги, Зин?.. - Ой, Вань, умру от акробатиков! Гляди, как вертится, нахал! Завцеха наш - товарищ Сатиков Недавно в клубе так скакал. А ты придешь домой, Иван, Поешь и сразу - на диван, Иль, вон, кричишь, когда не пьян.. Ты что, Иван? - Ты, Зин, на грубость нарываешься, Все, Зин, обидеть норовишь! Тут за день так накувыркаешься... Придешь домой - там ты сидишь! Ну, и меня, конечно, Зин, Все время тянет в магазин, А там - друзья... Ведь я же, Зин, Не пью один! # 012

1973 Я из дела ушел

Я из дела ушел, из такого хорошего дела! Ничего не унес - отвалился в чем мать родила, Не затем, что приспичило мне, - просто время пришло, Из-за синей горы понагнало другие дела. Мы многое из книжек узнаем, А истины передают изустно: "Пророков нет в отечестве своем", Но и в других отечествах - не густо. Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю Получили лишь те, кому я б ее отдал и так. Я по скользкому полу иду, каблуки канифолью, Подымаюсь по лестнице и прохожу на чердак. Пророков нет - не сыщешь днем с огнем, Ушли и Магомет, и Заратустра. Пророков нет в отечестве своем, Но и в других отечествах - не густо. А внизу говорят - от добра ли, от зла ли, не знаю: "Хорошо, что ушел, - без него стало дело верней!" Паутину в углу с образов я ногтями сдираю, Тороплюсь - потому что за домом седлают коней. Открылся лик - я стал к нему лицом, И он поведал мне светло и грустно: "Пророков нет в отечестве своем, Но и в других отечествах - не густо". Я влетаю в седло, я врастаю в седло - тело в тело, Конь падет подо мной - я уже закусил удила! Я из дела ушел, из такого хорошего дела: Из-за синей горы понагнало другие дела. Скачу - хрустят колосья под конем, Но ясно различаю из-за хруста: "Пророков нет в отечестве своем, Но и в других отечествах - не густо". # 013

1973 Дорожный дневник - Часть I

Ожидание длилось, а проводы были недолги Пожелали друзья: "В добрый путь! Чтобы все - без помех!" И четыре страны предо мной расстелили дороги, И четыре границы шлагбаумы подняли вверх. Тени голых берез добровольно легли под колеса, Залоснилось шоссе и

штыком заострилось вдали. Вечный смертник - комар разбивался у самого носа, Лобовое стекло превращая в картину Дали. Сколько смелых мазков на причудливом мертвом покрове! Сколько серых мозгов и комарьих раздавленных плевр! Вот взорвался один, до отвала напившийся крови, Ярким-красным пятном завершая дорожный шедевр. И сумбурные мысли, лениво стучавшие в темя, Устремились в пробой ну, попробуй-ка, останови! И в машину ко мне постучало просительно время Я впустил это время, замешанное на крови. И сейчас же в кабину глаза сквозь бинты заглянули И спросили: "Куда ты? На запад? Вертайся назад!" Я ответить не смог: по обшивке царапнули пули. Я услышал: "Ложись! Берегись! Проскочили! Бомбят!" Этот первый налет оказался не так чтобы очень: Схоронили кого-то, прикрыв его кипой газет, Вышли чьи-то фигуры назад на шоссе из обочин, Как лет тридцать спустя на машину мою поглазеть. И исчезло шоссе мой единственный верный фарватер, Только - елей стволы без обрубленных минами крон. Бестелесный поток обтекал не спеша радиатор. Я за сутки пути не продвинулся ни на микрон. Я уснул за рулем: я давно разомлел от зевоты. Ущипнуть себя за ухо или глаза протереть? В кресле рядом с собой я увидел сержанта пехоты: "Ишь, трофейная пакость, сказал он. - Удобно сидеть". Мы поели с сержантом домашних котлет и редиски. Он опять удивился: откуда такое в войну? "Я, браток, - говорит, восемь дней, как позавтракал в Минске. Ну, спасибо. Езжай! Будет время - опять загляну". Он ушел на восток со своим поредевшим отрядом. Снова мирное время пробилося ко мне сквозь броню: Это время глядело единственной женщиной рядом. И она мне сказала: "Устал? Отдохни - я сменю". Все в порядке. На месте. Мы едем к границе. Нас двое. Тридцать лет отделяет от только что виденных встреч. Вот забегали щетки отмыли стекло лобовое. Мы увидели знаки, что призваны предостеречь. Кроме редких ухабов, ничто на войну не похоже. Только лес - молодой, да сквозь снова налипшую грязь Два огромных штыка полоснули морозом по коже Остриями - помирному кверху, а не накренья. Здесь, на трассе прямой, мне, не знавшему пуль, показалось, Что и я где-то здесь довоевывал невдалеке. Потому для меня и шоссе, словно штык, заострилось, И лохмотия свастик болтались на этом штыке... # 014

1973 Дорожный дневник - Часть II

Жил-был один чудак, Он как-то раз, весной, Сказал чуть-чуть не так И стал невыездной. А может, что-то спел не то По молодости лет, А может, выпил два по сто С кем выпивать не след. Письмо не отправлял Простым и заказным, И не подозревал, Что стал невыездным. Да и не собирался он На выезд никуда К друзьям лишь ездил на поклон В другие города. На сплетни он махнул Свободною рукой, Сидел и в ус не дул Чудак невыездной. С ним вежливы - на вы! - везде Без спущенных забрал, Подписку о невыезде Никто с него не брал. Он в карточной игре Зря гнался за игрой Всегда без козырей И вечно "без одной". И жил он по пословице: Хоть эта масть не та Все скоро обеззlobится И встанет на места. И он пером скрипел То злее, то добрей, Писал себе и пел Про всяческих зверей: Что, мол, приплыл гиппопотам С Египта в Сомали Хотел обосноваться там, Но высох на мели. И строки те прочлись Кому-то поутру И, видимо, пришлись С утра не по нутру. Должно быть, между строк прочли, Что бегемот - не тот, Что Сомали - не Сомали, Что все наоборот. Прочли, от сих до всех Разрыв и перерыв, Закрыли это в сейф, И все - на перерыв. Чудак пил кофе натошак Такой же заводной, Но для кого-то был чудак Уже невыездной. Пришла пора - а то Он век бы не узнал, Что он - совсем не то, За что себя считал. И после нескольких атак, В июльский летний зной Ему сказали: "Ты, чудак, Давно невыездной!" Другой бы, может, и запил, А он - махнул рукой! Что я? Когда и Пушкин был Всю жизнь невыездной! # 015

1973 Дорожный дневник - Часть III Пятна на солнце

Шар огненный все просквозил, Все перепек, перепалил И, как груженный лимузин, За полдень он перевалил. Но где-то там - в зените был. Он для того и плыл туда, Другие головы кружил, Сжигал другие города. Еще асфальт не растопило И не позолотило крыш, Еще светило солнце лишь В одну худую светосилу, Еще стыдились нищеты Поля без всходов, лес без тени, Еще тумана лоскуты Ложились сыростью в колени, Но диск на тонкую черту От горизонта отделило. Меня же фраза посетила: Не ясен свет, пока светило Лишь набирает высоту! Пока гигант еще на взлете, Пока лишь начат марафон, Пока он только устремлен К зениту, к пику, к верхней ноте, Но вряд ли астроном-старик Определит: "На солнце - буря", Мы можем всласть глазеть на лик, Разинув рты и глаз не щуря. И нам, разиням, на потребу Уверенно восходит он Зачем спешить к зениту Фебу, Ведь он один бежит по небу

Без конкурентов марафон. Но вот - зенит: глядеть противно И больно, и нельзя без слез, Но мы - очки себе на нос, И смотрим, смотрим неотрывно, Задравши головы, как псы, Все больше жмурясь, скаля зубы, И нам мерещатся усы. И мы пугаемся - грозу бы! Должно быть, древний гунн - Аттила Был тоже солнышком палим, И вот при взгляде на светило Его внезапно осенило, И он избрал похожий грим. Всем нам известные уроды (Уродам имя - легион) С доисторических времен Уроки брали у природы. Им апогеи не претили, И, глядя вверх, до слепоты Они искали на светиле Себе подобные черты. И если б ведало светило, Кому в пример встает оно, Оно б затмилось и застыло, Оно бы бег остановило Внезапно, как стоп-кадр в кино. Вон, наблюдая втихомолку Сквозь закопченное стекло, Когда особо припекло, Один узрел на лице челку. А там - другой пустился в пояс, На солнечном кровоподтеке Увидев щели узких глаз И никотиновые щеки... Взошла луна - вы крепко спите. Для вас светило тоже спит. Но где-нибудь оно - в зените. (Круговорот, как ни пляшите!) И там палит, и там слепит... # 016

1973 Дорожный дневник - Часть IV Сказочная история

Как во городе во главном, Как известно - златоглавом, В белокаменных палатах, Знаменитых на весь свет, Воплотители эпохи, Лицедеи-скоморохи, У кого дела не плохи, Собирались на банкет. Для веселья есть причина: Ну, во-первых - дармовщина, Во-вторых - любой мужчина Может даму пригласить, И, потискав даму ону, По салону весть к балкону И без денег - по талону Напоить... и закусить. И стоят в дверном проеме На великом том приеме На дежурстве и на стреме Тридцать три богатыря. Им потеха - где шумиха, Там ребята эти лихо Крутят рученьки, но - тихо, Ничего не говоря. Но ханыга, прощельга, Забудыга и сквалыга От монгольского от ига К нам в наследство перешли, И они входящим - в спину Хором, враз: "Даешь Мазину! Дармовую лососину! И Мишеля Пиколи!" ...В кабаке старинном "Каме" Парень кушал с мужиками. Все ворочали мозгами Кто хорош, а кто и плох. А когда кабак закрыли, Все решили: не допили. И трезвейшего снабдили, Чтоб чего-то приволок. Парень этот для начала Чуть пошастал у вокзала, Там милиция терзала Сердобольных шоферов, Он рванул тогда накатом К белокаменным палатам Прямо в лапы к тем ребятам По мосту, что через ров. Под дверьми все непролазней (Как у Лобного на казни, И толпа все

безобразней Вся кольшется, гудет...), Не прорвешься, хоть ты тресни!
Но узнал один ровесник: "Это тот, который песни... Пропустите, пусть
идет!" "Не толкайте, не подвинусь, Думал он, - а вдруг на вынос Не
дадут, вот будет минус!.." Ах! Красотка на пути! Но Ивану не до крали,
Лишь бы только торговали, Лишь бы дали, лишь бы дали! Время - два
без десяти. У буфета все нехитро: "Пять "четверок", два пол-литра!
Эй! Мамаша! Что сердита? Сдачи можешь не давать!.." Повернулся, а
среди зала Краля эта танцевала! Вся блестела, вся сияла, Как звезда -
ни дать, ни взять! И упали из подмышек Две больших и пять малышей
(Жалко, жалко ребяташек, Очень жаждущих в беде), И осколки, как из
улья, Разлетелись - и под стулья... А пред ним мелькала туля Золотая
на звезде. Он за воздухом к балконам Поздно! Вырвались со звоном И
из сердца по салонам Покатились клапана... И назло другим
принцессам, Та - взглянула с интересом, Хоть она, - писала пресса,
Хороша, но холодна. Одуревшие от рвения, Рвались к месту
преступленья Люди плотного сложенья, Засучивши рукава. Но не
сделалось скандала, Все вокруг затанцевало, Знать, скандала не желала
Предрассветная Москва. И заморские ехидны Говорили: "Ах, как
стыдно! Это просто несолидно, Глупо так себя держать!.." Только негр
на эту новость Укусил себя за нготь, В Конго принято, должно быть,
Так восторги выражать. ...Оказал ему услугу И оркестр с перепугу, И
толкнуло их друг к другу Говорят, что сквозняком, И ушли они, не
тронув Любопытных микрофонов, Так как не было талонов Спрыснуть
встречу коньяком. Говорят, живут же люди В этом самом Голливуде И в
Париже... Но - не будем, Пусть болтают куркули! Кстати, те, с кем был
я в "Каме", Оказались мужиками Не махали кулаками, Улыбнулись и
ушли. ...И пошли летать в столице Нежилые небылицы Молодицы, не
девицы Словно деньгами сорят; В подворотнях, где потише, И в
мансардах, возле крыши, И в местах еще повыше Разговоры говорят. #
017

1973 Дорожный дневник - Часть V М.В.

Люблю тебя сейчас Не тайно - напоказ. Не "после" и не "до" в
лучах твоих стораю. Навзрыд или смеясь, Но я люблю сейчас, А в
прошлом - не хочу, а в будущем - не знаю. В прошедшем "я любил"
Печальнее могил, Все нежное во мне бескрылит и стреножит, Хотя
поэт поэтов говорил: "Я вас любил, любовь еще, быть может..." Так
говорят о брошенном, отцветшем И в этом жалость есть и

снисходительность, Как к свергнутому с трона королю. Есть в этом сожаленье об ушедшем Стремленьи, где утеряна стремительность, И как бы недоверье к "я люблю". Люблю тебя теперь Без мер и без потерь, Мой век стоит сейчас Я вен не перережу! Во время, в продолжение, теперь Я прошлым не дышу и будущим не брежу. Приду и вброд, и вплавь К тебе - хоть обезглавь! С цепями на ногах и с гирями по пуду. Ты только по ошибке не заставь, Чтоб после "я люблю" добавил я, что "буду". Есть горечь в этом "буду", как ни странно, Подделанная подпись, червоточина И лаз для отступленья, про запас, Бесцветный яд на самом дне стакана. И словно настоящему пощечина Сомненье в том, что "я люблю" - сейчас. Смотрю французский сон С обилием времен, Где в будущем - не так, и в прошлом - по-другому. К позорному столбу я пригвожден, К барьеру вызван я языковому. Ах, разность в языках! Не положенье - крах. Но выход мы вдвоем поищем и обрящем. Люблю тебя и в сложных временах И в будущем, и в прошлом настоящем!.. # 018

1973 Дорожный дневник - Часть VI Дорогий дорогий

Ах, дороги узкие Вкось, наперерез! Версты белорусские С ухабами и без. Но как орехи грецкие, Щелкаю я их. Ох, говорят, немецкие Гладко, напрямик. Там, говорят, дороги - ряда по три, И нет табличек с "Ахтунг!" или "Хальт!" Ну что же - мы прокатимся, посмотрим, Понюхаем не порох, а асфальт. Горочки пологие: Я их - щелк да щелк! Но в душе, как в логове, Затаился волк. Ату, колеса гончие! Целюсь под обрез, И с волком этим кончу я На отметке "Брест". Я там напыюсь водички из колодца И покажу отметки в паспортах. Потом мне пограничник улыбнется, Узнав, должно быть, - или просто так. После всякой зауми (Вроде: "Кто таков?") Как взвились шлагбаумы Вверх до облаков! Лишь взял товарищ в кителе Снимок для жены И... только нас и видели С нашей стороны! Я попаду в Париж, в Варшаву, в Ниццу. Они - рукой подать: наискосок. Так я впервые пересек границу И чьи-то там сомненья пересек. Ах, дороги скользкие Вот и ваш черед! Деревеньки польские Стрелочки вперед. Телеги под навесами, Бульжник - чешуя. По-польски - ни бельмеса мы: Ни жена, ни я. Потосковав о ломте, о стакане, Затормозили где-то наугад И я сказал по-русски: "Прошу, пани!" И получилось точно и впопад. Ах, еда дорожная Из немногих блюд! Ем неосторожно я Все, что подадут. А напоследок - сладкое, Стало быть: кончай! И на их хербатку я Дую, как

на чай. А панночка пощелкала на счетах (Все, ка у нас! - Зачем туристы врут?), И я, прикинув разницу валют, Ей отсчитал - не помню, сколько злотых И проворчал: "По божески дерут". Где же песни-здравицы? Ну-ка подавай! Польские красавицы Для туристов рай? А вона на поляночке Души нараспах, Веселились панночки С граблями в руках. "Да, побывала Польша в самом пекле! Сказал старик и лошадей распряг, Красавицы полячки не поблекли, А сгнули в немецких лагерях". Лемех вглубь въедается В землю, как каблук, Пепел попадает До сих пор под плуг. Память вдруг разрытая, Не живой укор: Жизни недожитые Для колосьев корм. В моем мозгу, который вдруг сдавило Как обручем (но так его, дави!), Варшавское восстание кровило, Захлебываясь в собственной крови. Дрались худо, бедно ли, А наши корпуса В пригороде медлили Целых два часа. В марш-бросок, в атаку ли Рвались, как один, И танкисты плакали На броню машин. Военный эпизод - давно преданье, В историю ушел, порос быльем. Но не забыто это опозданье, Коль скоро мы заспорили о нем. Почему же медлили Наши корпуса? Почему обедали Эти два часа? Потому что, танками, Мокрыми от слез, Англичанам с янками Мы утерли нос. А может быть, разведка оплошала Не доложила. Что теперь гадать! Но вот сейчас читаю я "Варшава" И еду, и хочу не опоздать! # 019

1973 Дорожный дневник - Часть VII

Когда я отпою и отыграю, Где кончу я, на чем - не угадать. Но лишь одно, наверное, я знаю Мне будет не хотеться умирать. Посажен на литую цепь почета, И звенья славы мне не по зубам... Зй! Кто стучит в дубовые ворота Костяшками по кованым скобам?! Ответа нет, Но там стоят, я знаю, Кому не так страшны цепные псы, И вот над изгородью замечаю Знакомый серп отточенной косы. ...Я перетру серебряный ошейник И золотую цепь перегрызу, Перемахну забор, ворвусь в репейник, Порву бока - и выбегу в грозу! # 020

1973 Дорожный дневник - Часть VIII

Лес ушел, и обзор расширяется, Вот и здания появляются, Тени нам под колеса кидаются И остаются в живых ухитряются. Перекресточки - скорость сбрасывайте! Паны, здравствуйте! Пани, здравствуйте! И такие, кому не до братства, те Тоже здравствуйте, тоже здравствуйте! Я клоню свою голову шалую Перед Варшавою, перед Варшавою. К центру - "просто" - стремлюсь, поспешаю я, Понимаю, дивлюсь, что в Варшаве я. Вот она, многопослевоенная, Несравнимая,

несравненная, Не сравнивали с землей, оглашенные, Потому она и несравненная. И порядочек здесь караулится: Указатели - скоро улица. Пред старушкой пришлось мне ссутулиться Выясню, чтоб не обмишулиться, А по-польски - познания хилые, А старушка мне: - Прямо, милые! И по-прежнему засеменяла и Повторяла все: - Прямо, милые... Хитрованская Речь Посполитая, Польша панская, Польша битая, Не единожды кровью умытая, На Восток и на Запад сердитая, И Варшава - мечта моя давняя, Оскверненная, многострадальная, Перешедшая в область предания, До свидания, до свидания... # 021

1973 Дорожный дневник - Часть IX Приговоренные к жизни

В дорогу - живо! Или - в гроб ложись. Да! Выбор небогатый перед нами. Нас обрекли на медленную жизнь Мы к ней для верности прикованы цепями. А кое-кто поверил второпях Поверил без оглядки, бестолково. Но разве это жизнь - когда в цепях? Но разве это выбор - если скован? Коварна нам оказанная милость Как зелье полоумных ворожих: Смерть от своих - за камнем притаилась, И сзади - тоже смерть, но от чужих. Душа застыла, тело затекло, И мы молчим, как подставные пешки, А в лобовое грязное стекло Глядит и скалится позор кривой усмешке. И если бы оковы разломать Тогда бы мы и горло перегрызли Тому, кто догадался приковать Нас узами цепей к хваленной жизни. Неужто мы надеемся на что-то? А может быть, нам цель не по зубам? Зачем стучимся в райские ворота Костяшками по кованым скобам? Нам предложили выход из войны, Но вот какую заложили цену: Мы к долгой жизни приговорены Через вину, через позор, через измену! Но стоит ли и жизнь такой цены?! Дорога не окончена! Спокойно! И в стороне от той, большой, войны Еще возможно умереть достойно. И рано нас равнять с болотной слизью Мы гнезд себе на гнили не соъем! Мы не умрем мучительною жизнью Мы лучше верной смертью оживем! # 022

1973 Дорожный дневник - Часть X

Мы без этих машин - словно птицы без крыл. Пуще зелья нас приворожила Пара сот лошадиных сил И, должно быть, нечистая сила. Нас обходит на трассе легко мелкота. Нам обгоны, конечно, обидны, Но мы смотрим на них свысока. Суэта У подножия нашей кабины. А нам, трехосным, тяжелым на подъем, И в переносном смысле и в прямом Обычно надо позарез, И вечно времени в обрез! Оно понятно - это дальний рейс. В этих рейсах сиденье - то стол, то лежак, А

напарник приходится братом. Просыпаемся на виражах На том свете почти правым скатом. Говорят, все конечные пункты Земли Нам маячат большими деньгами, Говорят, километры длиною в рубли Расстилаются следом за нами. Не часто с душем конечный этот пункт... Моторы глушим, и - плашмя на грунт. Пусть говорят - мы за рулем За длинным гонимся рублем, Да! Это тоже! Только суть не в нем. На равнинах поем, на подъемах ревом. Шоферов нам! Еще шоферов нам, Потому что, кто только за длинным рублем, Тот сойдет на участке неровном. Полным баком клянусь, если он не пробит, Вы, кто сядет на нашу галеру, Приведем мы вас в божеский вид, Перетащим в шоферскую веру! Земля нам пухом, когда на ней лежим Полдня под брюхом - что-то ворожим. Мы не шагаем по росе Все наши оси, тонны все В дугу сгибают мокрое шоссе. На колесах - наш дом, стол и кров за рулем, Это надо учитывать в сметах. Мы друг с другом расчеты ведем Крепким сном в придорожных кюветах. Чехарда длинных дней, то лучей, то теней... А в ночные часы перехода Перед нами бежит без сигнальных огней Шоферская лихая свобода. Сиди и грейся - болтает, как в седле! Без дальних рейсов нет жизни на Земле. Кто на себе поставил крест, Кто сел за руль, как под арест, Тот не способен на далекий рейс. # 023

1973 Дорожный дневник - Часть XI

Я скачу позади на полслова На нерезвом коне, без щита. Я похож не на ратника злого, А скорее - на злого шута. Бывало, вырывался я на корпус Уверенно, как сам великий князь, Клонясь вперед, - не падая, не горбясь, А именно намеренно клонясь. Но из седла меня однажды выбили Копьем поддели, сбоку подскакав, И надо мной, лежащим, лошадь вздыбили И надругались, плетью приласкав. Рядом всадники с гиканьем диким Копья целили в месиво тел. Ах, дурак я, что с князем великим Поравняться в осанке хотел! Теперь на поле битвы не ищите Я отстранен от всяких ратных дел. Кольчугу унесли - я беззащитен Для зуботычин, дротиков и стрел. Зазубрен мой топор, и руки скручены. Я брошен в хлев вонючий на настил, Пожизненно до битвы недопущенный За то, что раз бестактность допустил. Назван я перед ратью двуликим И топтать меня можно, и сечь. Но взойдет и над князем великим Окровавленный кованный меч! Встаю я, отряхаюсь от навоза, Худые руки сторожу кручу, Беру коня плохого из обоза, Кромсаю ребра - и вперед скачу! Влечу я в битву звонкую да манкую,

Я не могу, чтоб это - без меня!... И поступлюсь я княжеской осанкою,
И если надо - то сойду с коня. # 024

1973 Дорожный дневник - Часть XII Я не успел (Тоска по романтике)

Болтаюсь сам в себе, как камень в торбе, И силюсь разорваться на куски, Придав своей тоске значенье скорби, Но сохранив загадочность тоски. Свет Новый не единожды открыт, А Старый - весь разбили на квадраты. К ногам упали тайны пирамид, К чертям пошли гусары и пираты. Пришла пора всезнающих невежд, Все выстроено в стройные шеренги. За новые идеи платят деньги, И больше нет на "эврику" надежд. Все мои скалы ветры гладко выбрили, Я опоздал ломать себя на них. Все золото мое в Клондайке выбрали, Мой черный флаг в безветрии поник. Под илом сгнили сказочные струги, И могикан последних замели. Мои контрабандистские фелюги Сухие ребра сушат на мели. Висят кинжалы добрые в углу Так плотно в ножнах, что не втиснусь между. Мой плот папирусный - последнюю надежду Волна в щепы разбила об скалу. Вон из рядов моих партнеры выбыли, У них сбылись гаданья и мечты. Все крупные очки они повыбили И за собою подожгли мосты. Азартных игр теперь наперечет, Авантюристов всех мастей и рангов. По прериям пасут домашний скот, Там кони пародируют мустангов. И состоялись все мои дуэли, Где б я почел участие за честь. Там вызвать и явиться - все успели, Все предпочли, что можно предпочесть.

Спокойно обошлись без нашей помощи Все те, кто дело сделали мое. И по щекам отхлестанные сволочи Бессовестно ушли в небытие. Я не успел произнести: "К барьеру!", А я за залп в Дантеса все отдам. Что мне осталось? Разве красть химеру С туманного собора Нотр-Дам? В других веках, годах и месяцах Все женщины мои отжить успели. Позанимали все мои постели, Где б я хотел любить - и так, и в снах. Захвачены все мои одры смертные, Будь это снег, трава иль простыня. Заплаканные сестры милосердия В госпиталях обмыли не меня. Мои друзья ушли сквозь решето. Им всем досталась Лета или Прана. Естественную смертью - никто, Все противоестественно и рано. Иные жизнь закончили свою, Не осознав вины, не скинув платья. И, выкрикнув хвалу, а не проклятья, Спокойно чашу выпили сию. Другие знали, ведали и прочее... Но все они на взлете, в нужный год

Отплавали, отпели, отпророчили. Я не успел, я прозевал свой взлет. # 025

1973 Дорожный дневник - Часть XIII Песня про козла отпущения

В заповеднике (вот в каком - забыл) Жил да был Козел - роги длинные, Хоть с волками жил - не по-волчьи выл Блеял песенки, да все козлиные. И пощипывал он травку, и нагуливал бока, Не услышишь от него худого слова, Толку было с него, правда, как с козла молока, Но вреда, однако, тоже - никакого. Жил на выпасе, возле озера, Не вторгаясь в чужие владения, Но заметили скромного Козлика И избрали в козлы отпущения! Например, Медведь - баламут и плут Обхамит кого-нибудь по-медвежьему, Враз Козла найдут, приведут и бьют: По рогам ему и промеж ему... Не противился он, серенький, насилию со злом, А сносил побои весело и гордо. Сам Медведь сказал: "Робяты, я горжусь Козлом Героическая личность, козья морда!" Берегли Козла как наследника, Вышло даже в лесу запрещение С территории заповедника Отпускать Козла отпущения. А Козел себе все скакал козлом, Но пошалить он стал втихимолочку: Как-то бороду завязал узлом Из кустов назвал Волка сволочью. А когда очередное отпущенье получал Все за то, что волки лишку откусили, Он, как будто бы случайно, по-медвежьки зарычал, Но внимания тогда не обратили. Пока хищники меж собой дрались, В заповеднике крепло мнение, Что дороже всех медведей и лис Дорогой Козел отпущения! Услыхал Козел - да и стал таков: "Эй, вы, бурые, - кричит, - эй вы, пегие! Отниму у вас рацион волков И медвежие привилегии!

Покажу вам "козью морду" настоящую в лесу, Распишу туда-сюда по трафарету, Всех на роги намотаю и по кочкам разнесу, И ославлю по всему по белу свету! Не один из вас будет землю жрать, Все подохнете без прощенья, Отпускать грехи кому - это мне решать: Это я - Козел отпущения!" ...В заповеднике (вот в каком забыл) Правит бал Козел не по-прежнему: Он с волками жил - и по-волчьи взвыл, И орет теперь по-медвежьему. # 026

1973 Один смотрел, другой орал

Один смотрел, другой орал, А третий - просто наблюдал, Как я горел, как я терял, Как я не к месту козырл. # 027

1973 А. Галичу

Штормит весь вечер, и пока Заплаты пенные латают Разорванные швы песка Я наблюдаю свысока, Как волны головы ломают. И я

сочувствую слегка Погибшим - но издалека. Я слышу хрип, и смертный стон, И ярость, что не уцелели, Еще бы - взять такой разгон, Набраться сил, пробить заслон И голову сломать у цели!.. И я сочувствую слегка Погибшим - но издалека. А ветер снова в гребни бьет И гривы пенные ерошит. Волна барьера не возьмет, Ей кто-то ноги подсечет И рухнет взмыленная лошадь. И посочувствуют слегка Погибшей ей, - издалека. Придет и мой черед вослед: Мне дуют в спину, гонят к краю. В душе - предчувствие как бред, Что надломлю себе хребет И тоже голову сломаю. И посочувствуют слегка Погибшему, - издалека. Так многие сидят в веках На берегах - и наблюдают, Внимательно и зорко, как Другие рядом на камнях Хребты и головы ломают. Они сочувствуют слегка Погибшим - но издалека. # 028

1973 Смотрины

В. Золотухину и Б. Можаяеву Там у соседа - пир горой, И гость - солидный, налитой, Ну а хозяйка - хвост трубой Идет к подвалам, В замок врезаются ключи, И вынимаются харчи; И с тягой ладится в печи, И с поддувалом. А у меня - сплошные передраги: То в огороде недород, то скот падет, То печь чадит от нехорошей тяги, А то щеку на сторону ведет. Там у соседей мясо в щах На всю деревню хруст в хрящах, И дочь - невеста, вся в прыщах, Дозрела, значит. Смотрины, стало быть, у них На сто рублей гостей одних, И даже тощенький жених Поет и скачет. А у меня цепные псы взбесились Средь ночи с лая перешли на вой, И на ногах моих мозоли прохудились От топотни по комнате пустой. Ох, у соседей быстро пьют! А что не пить, когда дают? А что не петь, когда уют И не накладно? А тут, вон, баба на сносях, Гусей некормленных косяк... Но дело даже не в гусях, А все неладно. Тут у меня постены появились, Я их гоню и так и сяк - они опять, Да в неудобном месте чирей вылез Пора пахать, а тут - ни сесть ни встать. Сосед маленочка прислал Он от щедрот меня позвал, Ну, я, понятно, отказал, А он - сначала. Должно, литровую огрел Ну и, конечно, подобрел... И я пошел - попил, поел, Не полегчало. И посредине этого разгула Я прошептал на ухо жениху И жениха, как будто ветром сдуло, Невеста, вон, рыдает наверху. Сосед орет, что он - народ, Что основной закон блюдет: Что - кто не ест, тот и не пьет, И выпил, кстати. Все сразу повскакали с мест, Но тут малец с поправкой влез: "Кто не работает - не ест, Ты спутал, батя!" А я сидел с

засаленною трешкой, Чтоб завтра гнать похмелье мое, В обнимочку с обшарпанной гармошкой Меня и пригласили за нее. Сосед другую литру съел И осовел, и опсовел. Он захотел, чтоб я попел, Зря, что ль, поили?! Меня схватили за бока Два здоровенных мужика: "Играй, паскуда, пой, пока Не удавили!" Уже дошло веселие до точки, Невесту гости тискают тайком И я запел про светлые денечки, "Когда служил на почте ямщиком". Потом у них была уха И заливные потроха, Потом поймали жениха И долго били, Потом пошли плясать в избе, Потом дрались не по злобе И все хорошее в себе Доистребили. А я стонал в углу болотной выпью, Набычась, а потом и подбочась, И думал я: а с кем я завтра выпью Из тех, с которыми я пью сейчас?! Наутро там всегда покой, И хлебный мякиш за щекой, И без похмелья перепой, Еды навалом, Никто не лается в сердцах, Собачка мается в сенцах, И печка - в синих изразцах И с поддувалом. А у меня - и в ясную погоду Хмарь на душе, которая горит, Хлебаю я колодезную воду, Чиню гармошку, и жена корит. # 029

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" Песня Кэрролла (начальная редакция)

Прохладным утром или в зной, С друзьями или без, Я всех отправиться за мной Зову в страну чудес. Но как? Но как в нее попасть? - вы спросите сперва, Нам, вероятно, нужно знать волшебные слова? И нужно ль брать еду с собой и теплое белье? И сколько километров до нее? Волшебных слов не нужно знать! Приятель, не грусти! Путь недалек - не стоит собираться. В страну чудес не надо плыть, лететь или идти В ней нужно оказаться! Согласны мокнуть под дождем? Под сказочным дождем? Или, быть может, подождем? Отложим на потом? В стране, куда я вас зову, быть может, снег и град. И сна там нет - все наяву, и нет пути назад. Не испугались? Ну, тогда мне с вами по пути! А ну-ка, сосчитайте до пяти! У нас давно сгустилась мгла - в стране чудес светлей. Все видно ясно, но не заблудитесь! Там поровну добра и зла, но доброе сильнее Вы сами убедитесь. В стране чудес не все понять Удастся самому. Но я все буду объяснять Кому-то одному. Вот девочка, и все ее Алсою зовут, Согласна ты, дитя мое? Скорее! Все нас ждут, Закрой глаза и посмотри - кругом волшебный лес, Скажи, Алиса, - Раз, два, три, - и ты в стране чудес. Скорее к берегу гребни, волшебное весло! Спеши в страну

чудесного обмана! И пусть, вернувшись, скажем им: - Ах! Как нам повезло! И жаль - вернулись рано. # 030

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 1. Песня Кэрролла

Этот рассказ мы с загадки начнем Даже Алиса ответит едва ли: Что остается от сказки потом После того, как ее рассказали? Где, например, волшебный рожок? Добрая фея куда улетела? А? Э-э! Так-то, дружок, В этом-то все и дело: Они не испаряются, они не растворяются, Рассказанные в сказке, промелькнувшие во сне, В Страну Чудес волшебную они переселяются. Мы их, конечно, встретим в этой сказочной стране... Много неясного в странной стране Можно запутаться и заблудиться... Даже мурашки бегут по спине, Если представить, что может случиться: Вдруг будет пропасть - и нужен прыжок? Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело? А? Э-э! Так-то, дружок, В этом-то все и дело. Добро и зло в Стране Чудес, как и везде, встречаются, Но только здесь они живут на разных берегах, Здесь по дорогам разным истории скитаются, И бегают фантазии на тоненьких ногах.

Ну и последнее: хочется мне, Чтобы всегда меня вы узнавали, Буду я птицей в волшебной стране, Птица Додо - меня дети прозвали. Даже Алисе моей невдомек, Как упакуюсь я в птичье тело, А? Э-э! Так-то, дружок, В этом-то все и дело. И не такие странности в Стране Чудес случаются! В ней нет границ, не нужно плыть, бежать или лететь, Попасть туда не сложно, никому не запрещается, В ней можно оказаться - стоит только захотеть. # 031

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 2. Песня Алисы

Я странно скучаю, я просто без сил. И мысли приходят - маня, беспокоя, Чтоб кто-то куда-то меня пригласил И там я увидела что-то такое!.. Но что именно - право, не знаю. Все советуют наперебой: "Почитай!" - Я сажусь и читаю, "Поиграй!" - Ну, я с кошкой играю, Все равно я ужасно скучаю! Сэр! Возьмите Алису с собой! Мне так бы хотелось, хотелось бы мне Когда-нибудь, как-нибудь выйти из дому И вдруг оказаться вверху, в глубине, Внутри и снаружи, - где все по-другому! Но что именно - право, не знаю. Все советуют наперебой: "Почитай!" - Ну, я с кошкой играю, "Поиграй!" - Я сажусь и читаю, Все равно я ужасно скучаю! Сэр! Возьмите Алису с собой! Пусть дома

поднимется переполох, И пусть наказание грозит - я согласна, Глаза закрываю, считаю до трех... Что будет? Что будет - волнуюсь ужасно! Но что именно - право, не знаю. Все смешалось в полуденный зной: Почитать? - Я сажусь и играю, Поиграть? - Ну, я с кошкой читаю, Все равно я скучать ужасаю! Сэр! Возьмите Алису с собой! # 032

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 3. Песня Белого Кролика

"Эй, кто там крикнул "Ай-ай-ай?" - "Ну я! Я, Кролик Белый". "Опять спешишь?" - "Прости, Додо, так много важных дел! У нас в Стране Чудес попробуй что-то не доделай... Вот и ношусь я взад-вперед, как заяц угорелый, За два кило пути я на два метра похудел. Зачем, зачем, сограждане, зачем я Кролик - белый? Когда бы был я серым - я б не бегал, а сидел. Все ждут меня, всем нужен я - и всем визиты делай, А я не в силах отказать: я страшно мягкотелый, Установить бы кроликам какой-нибудь предел! "Но почему дрожите вы и почему вы - белый?" "Да потому что - ай-ай-ай! - такой уж мой удел. Ах, как опаздываю я - почти что на день целый! Бегу, бегу..." - "Но говорят, он в детстве не был белый, Он опоздать боялся - и от страха поседел". # 033

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 4. Падение Алисы

Догонит ли в воздухе - или шалишь! Летучая кошка летучую мышь, Собака летучая кошку летучую? Зачем я себя этой глупостью мучаю! А раньше я думала, стоя над кручею: "Ах, как бы мне сделаться тучей летучею!" Ну вот! Я и стала летучею тучею, Ну вот и решаю по этому случаю: Догонит ли в воздухе - или шалишь Летучая кошка летучую мышь?.. # 034

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 5. Марш антиподов

Когда провалишься сквозь землю от стыда Иль поклянешься: "Провалиться мне на месте!" Без всяких трудностей ты попадешь сюда, А мы уж встретим по закону, честь по чести. Мы - антиподы, мы здесь живем! У нас тут анти-анти-антиорднаты. Стоим на пятках твердо мы и на своем, Кто не на пятках, те - антипяты! Но почему-то, прилетая впопыхах, На головах стоят разини и растяпы, И даже пробуют ходить на головах Антиребята, антимамамы, антипапы... Мы -

антиподы, мы здесь живем! У нас тут анти-анти-антиорднаты. Стоим на пятках твердо мы и на своем, Кто не на пятках, те - антипяты! # 035

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 6. Про Мэри Энн

Толстушка Мэри Энн была: Так много ела и пила, Что еле-еле проходила в двери. То прямо на ходу спала, То плакала и плакала, А то визжала, как пила, Ленивейшая в целом мире Мэри. Чтоб слопать все, для Мэри Энн Едва хватало перемен. Спала на парте Мэри Весь день по крайней мере, В берлогах так медведи спят и сонные тетери. С ней у доски всегда беда: Ни бэ ни мэ, ни нет ни да, По сто ошибок делала в примере... Но знала Мэри Энн всегда Кто где, кто с кем и кто куда, Противнейшая в целом мире Мэри! Но в голове без перемен У Мэри Энн, у Мэри Энн. И если пела Мэри, То все кругом немели, Слух музыкальный у нее - как у глухой тетери. # 036

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 7-10. Песни Алисы про цифры

I. * * * Все должны до одного Числа знать до цифры пять Ну, хотя бы для того, Чтоб отметки различать. Кто-то там домой пришел, И глаза поднять боится: Это - раз, это - кол, Это - единица. За порог ступил едва, А ему - головоломка: Значит, "пара", это - два Или просто двойка. Эх, раз, еще раз, Голова одна у нас, Ну а в этой голове Уха два и мысли две. Вот и дразнится народ И смеется глухо: "Посмотрите, вот идет Голова - два уха! Голова, голова, голова - два уха!"

II. * * * Хорошо смотреть вперед, Но сначала нужно знать Правильный начальный счет: Раз, два, три, четыре, пять. Отвечаешь кое-как, У доски вздыхая тяжело, И - "тройк", и "тройк" С минусом, с натяжкой. Стих читаешь наизусть, Но... чуть-чуть скороговорка, Хлоп! - четыре, ну и пусть: Твердая четверка. Эх, раз, два, три Побежали на пари! Обогнали "тройка" На четыре метрика. Вот четверочник бежит Быстро, легче пуха, Сзади троечник сопи, Голова - два уха, Голова, голова, голова - два уха.

III. До миллиона далеко До миллиона далеко, Но сначала нужно знать То, что просто и легко Раз, два, три, четыре, пять. Есть пятерка - да не та, Коль на черточку подвинусь: Ведь черта - не черта, Это просто минус. Я же минусов боюсь И исправить тороплюсь их Зачеркну и выйдет плюс: Крестик - это плюстик. Эх, раз, еще раз! Есть пятерочка у нас. Рук - две, ног - две, Много мыслей в голове! И не дразнится народ

Не хватает духа. И никто не обзовет: "Голова - два уха! Голова, голова, голова - два уха!"

IV. Путаница Алисы Все должны до одного Крепко спать до цифры пять, Ну, хотя бы для того, Чтоб отмычки различать. Кто-то там домой пришел, И глаза бонять поднитца. Это - очень хорошо, Это - единица. За порог ступил едва, А ему - головопорка. Значит, вверх ногами два Твердая пятерка. Эх, пять, три, раз, Голова один у нас, Ну а в этом голове Рота два и уха две. С толку голову собьет Только оплеуха, На пяти ногах идет Голова - два уха! Болова, колова, долова - два уха! # 037

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 11. В море слез

Слезливое море вокруг разлилось, И вот принимаю я слезную ванну, Должно быть, по морю из собственных слез Плыву к слезовитому я океану. Растеряешься здесь поневоле Со стихией одна на один. Может зря Проходили мы в школе, Что моря Из поваренной соли? Хоть бы льдина попалась мне, что ли, Или встретился добрый дельфин! # 038

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 12-13. Песня Мыши

I. Спасите, спасите! О ужас, о ужас, Я больше не вынырну, если нырну, Немного поплаваю, чуть поднатужусь, Но силы покинут - и я утону. Вы мне по секрету ответить смогли бы: Я - рыбная мышь или мышная рыба? Я тихо лежала в уютной норе Читала, мечтала и ела пюре, И вдруг это море около, Как будто кот заплакал! Я в нем как мышь промокла, Продрогла, как собака.

II. Спасите, спасите! Хочу я, как прежде, В нору, на диван из сухих камышей. Здесь плавают девочки в верхней одежде, Которые очень не любят мышей. И так от лодыжек дрожу до ладошек А мне говорят про терьеров и кошек! А вдруг кошкелот на меня нападет, Решив по ошибке, что я мышелот?! Ну вот - я зубами зацокала От холода и от страха. Я здесь как мышь промокла, Продрогла, как собака. # 039

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 14. Странные скачки

Эй вы, синегубые! Эй, холодноносые! Эй вы, стукозубые И дыбоволосые! Эй, мурашкокожие, Мерзляки, мерзлячки, Мокрые, скукоженные! Начинаем скачки! Эй, ухнем! Эй, охнем! Пусть рухнем

Зато просохнем. Все заоченелые, Слабые и хилые, Ну, как угорелые, Побежали, милые! Полуобмороженная Пестрая компания, Выполнив положенное Самосогревание! Эй, ухнем! Эй, охнем! Пусть рухнем Зато просохнем. Выйдут все в передние Задние и средние, Даже предпоследние Перейдут в передние: Всем передвигающимся Даже на карачках, Но всю старающимся Приз положен в скачках. Эй, ухнем! Эй, охнем! Пусть рухнем Зато просохнем. Вам не надо зимних шуб, Робин Гуси с Эдами, Коль придете к финишу С крупными победами. Мчимся, как укушенные, Весело, согласно, И стоим, просушенные. До чего прекрасно! Ух! Встали! А впрок ли? Устали, Зато просохли. # 040

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 15. Песня попугая

Послушайте все - О-го-го! Э-ге-гей! Меня, попугая, пирата морей. Родился я в тыща каком-то году, В бананово-лиановой чаще. Мой папа был папапугай какаду, Тогда еще не говорящий. Но вскоре покинул я девственный лес Взял в плен меня страшный Фернандо Кортес, Он начал на бедного папу кричать, А папа Фернанде не мог отвечать, Не мог - не умел отвечать.

И чтоб отомстить - от зари до зари Учил я три слова, всего только три, Упрямо себя заставлял: повтори Карамба, коррида и черт побери! Послушайте все - О-го-го! Э-ге-гей! Рассказ попугая, пирата морей. Нас шторм на обратной дороге застиг, Мне было особенно трудно. Английский фрегат под названием "бриг" Взял на abordаж наше судно. Был бой рукопашный три ночи, два дня, И злые пираты пленили меня. Так начал я плавать на разных судах В районе экватора, в северных льдах На разных пиратских судах. Давали мне кофе, какао, еду, Чтоб я их приветствовал: "Хау ду ю ду!" Но я повторял от зари до зари: "Карамба!", "Коррида!" и "Черт побери!" Послушайте все - О-го-го! Э-ге-гей! Меня, попугая, пирата морей. Лет сто я проплавал пиратом, и что ж Какой-то матросик пропащий Продал меня в рабство за ломаный грош, А я уже был говорящий! Турецкий паша нож сломал пополам, Когда я сказал ему: "Паша! Салам!" И просто кондрашкахватила пашу, Когда он узнал, что еще я пишу, Считаю, пою и пляшу. Я Индию видел, Иран и Ирак Я индивидуум, не попка-дурак. Так думают только одни дикари. "Карамба!", "Коррида!" и "Черт побери!" # 041

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 16. Песенка-представление Робин Гуся

Я - Робин Гусь, не робкий гусь, Да! Я не трус, но я боюсь, Что обо мне вы слышать не могли. Я - славный гусь, хорош я гусь, Я вам клянусь, я вам клянусь, Что я из тех гусей, что Рим спасли.

Кстати, я - гусь особенный: Ведь не все гуси - Робины. # 042

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 17. Песенка-представление орленка Эда

Таких имен в помине нет, Какой-то бред - орленок Эд... Я слышал это, джентльмены, леди! Для быстроты, для простоты Прошу со мною быть на ты, Зовите Эдом, это вроде Эдди. Эд - это просто вместо имен: Эд-гар, Эд-вард, Эд-монд. Но Эд - не сокращение О нет! - не упрощение, А Эд, прошу прощения, Скорее обобщение Для легкости общения, Ни более ни менее. # 043

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 18. Песенка-представление орленком Эдом Атаки Гризли

"Горю от нетерпения Представить вам явление Без преувеличения Писательницу-гения: Все, что пишет - вскоре Прочтете на заборе". "Сгораю от смущения, Сомнения, стеснения, Примите в знак почтения Заборные творения! Все, что рождаю в спорах, Читайте на заборах". # 044

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 19. Песенка про ребенка-поросенка

"Баю-баю-баюшки-баю, Что за привередливый ребенок! Будешь вырываться из пеленок, Я тебя, бай-баюшки, убью". "До чего же голос тонок, звонок, Просто... баю-баюшки-баю! Всякий непослушный поросенок Вырастает в крупную свинью". "Погибаю, баюшки-баю!.." "Дым из барабанных перепонок. Замолчи, визгливый поросенок, Я тебя, бай-баюшки, убью". "Если поросенком вслух, с пеленок Обзывают, баюшки-баю, Даже самый смиреннький ребенок Превратится в будущем в свинью!" # 045

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 20. Песня Лягушонка

Не зря лягушата сидят Посажены дом сторожить, И главный вопрос лягушат: Впустить - не впустить? А если рискнуть, а если впустить, То - выпустить ли обратно? Вопрос посложнее, чем "быть или не быть?" Решают лягушата. Как видите, трудно, ква-ква: Слова, слова, слова! Вопрос этот главный решат Достойные из лягушат. # 046

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 21. Песенка лягушонка Джимми и ящерики Билли

У Джимми и Билли всего в изобилие Давай не зевай, сортируй, собирай! И Джимми и Билли давно позабыли, Когда собирали такой урожай. И Джимми и Билли, конечно, решили Закапывать яблоки в поте лица. Расстроенный Билли сказал: "Или-или! Копай, чтоб закончилась путаница". И Джимми и Билли друг друга побили. Ура! Караул! Закопай! Откопай! Ан глядь - парники все вокруг подавили. Хозяин, где яблоки? Ну, отвечай! У Джимми и Билли всего в изобилие Давай не зевай, сортируй, собирай! И Джимми и Билли давно позабыли, Когда собирали такой урожай! # 047

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 22. Песня о планах

Чтобы не попасть в капкан, Чтобы в темноте не заблудиться, Чтобы никогда с пути не сбиться, Чтобы в нужном месте приземлиться, приводниться, Начерти на карте план. И шагай, и пой безопасно, Тири-тири-там-там, тирам! Встреча обеспечена В плане все отмечено Точно, безупречно и пунктиром, Тири-тири-там-там, тирам, Жирненьким пунктиром. Если даже есть талант, Чтобы не нарушить, не расстроить, Чтобы не разрушить, а построить, Чтобы увеличиться, удвоить и утроить, Нужен очень точный план. Мы неточный план браним - и Он ползет по швам, там, тирам. Дорогие вы мои, Планы выполнимые, Рядом с вами мнимые пунктиром. Тири-тири-там-там, тирам, Тоненьким пунктиром. Планы не простят обман, Если им не дать осуществиться, Могут эти планы разозлиться Так, что завтра куколкою станет гусеница, Если не нарушить план. Путаница за разинею Ходит по пятам, там, тирам, Гусеницу синюю назовут гусынею. Гните свою линию пунктиром! Не теряйте, там-там, тирам, Линию пунктира. # 048

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 23. Причитания Синей Гусеницы

Прошу не путать гусеницу синюю С гусатою гусынею. Гусыни - ни во что не превращаются, Они гусаются, они кусаются. А Гусеница Синяя - не птица, И не гусяца, а гусеница. Мне нужно замереть и притаиться Я куколкой стану, И в бабочку в итоге превратиться По плану, по плану. Ну а планы мнимые Не мои, не мои, И невыполнимые Не мои, не мои, Вот осуществимые Вы мои, вы мои! # 049

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 24.
Чеширский Кот

Прошу запомнить многих, кто теперь со мной знаком: Чеширский Кот - совсем не тот, что чешет языком. И вовсе не чеширский он от слова "чешуя", А просто он - волшебный кот, примерно как и я. Чем шире рот Тем чешире кот, Хотя обычные коты имеют древний род, Но Чеширский Кот Совсем не тот, Его нельзя считать за домашний скот! Улыбчивы, мурлыбчивы, со многими на ты И дружески отзывчивы чеширские коты. И у других - улыбка, но... такая, да не та. Ну так чешите за ухом Чеширского Кота!.. # 050

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 25.
Шляпник

Ах, на кого я только шляп не надевал! Mon Dieu! С какими головами разговаривал! Такие шляпы им на головы напяливал, Что их врагов разило наповал. Сорвиголов и оторвиголов видал: В глазах - огонь, во рту - ругательства и кляпы! Но были, правда, среди них такие шляпы, Что я на них и шляп не надевал. И на великом короле, и на сатрапе, И на арапе, и на Римском папе На ком угодно шляпы хороши! Так согласитесь, наконец, что дело в шляпе, Но не для головы, а для души. # 051

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 26.
Мартовский Заяц

Миледи! Зря вы обижаетесь на Зайца! Он, правда, шутит неумно и огрызается, Но он потом так сожалеет и терзается! Не обижайтесь же на Мартовского Зайца! # 052

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 27. Соня
Ах, проявите интерес к моей персоне! Вы, в общем, сами - тоже форменные сони, Без задних ног уснете - ну-ка, добудись! Но здесь сплю я - не в свои сони не садись! # 053

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 28. Песня об обиженном времени

Приподнимаем занавес за краешек Такая старая, тяжелая кулиса! Вот какое время было раньше, Такое ровное - взгляни, Алиса! Но... Плохо за часами наблюдали Счастливые, И нарочно время замедляли Трусливые, Торопили время, понукали Крикливые, Без причины время убивали Ленивые. И колеса времени Стачивались в трении (Все на свете портится от тренья), И тогда обиделось время И застыли

маятники времени. И двенадцать в полночь не пробило, Все ждали полдня, но опять не дождались. Вот какое время наступило: Такое нервное - взгляни, Алиса! И... На часы испуганно взглянули Счастливые, Жалобные песни затянули Трусливые, Рты свои огромные заткнули Болтливые, Хором зазевали и заснули Ленивые. Смажь колеса времени Не для первой премии Ему ведь очень больно от тренья! Обижать не следует время. Плохо и тоскливо жить без времени. # 054

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 29. Про королевское шествие

Мы bravo и плотно сомкнули ряды, Как пули в обойме, как карты в колоде: Король среди нас, мы горды, Мы шествуем гордо при нашем народе. Падайте лицами вниз, вниз, Вам это право дано, Пред королем падайте ниц В слякоть и грязь - все равно! Нет-нет у народа не трудная роль: Упасть на колени - какая проблема! За все отвечает король, А коль не король, то тогда - королева! Света светлейших их лиц, лиц Вам рассмотреть не дано. Пред королем падайте ниц В слякоть и грязь - все равно! # 055

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 30. Королевский крохей

Король, что тыщу лет назад над нами правил, Привил стране лихой азарт игры без правил, Играть заставил всех графей и герцогей, Вальтов и дамов в потрясающий крохей. Названье крохея от слова "кроши", От слова "кряхти", и "крути", и "круши". Девиз в этих матчах: "Круши, не жалеи! Даешь королевский крокей!" # 056

1973 Песни из дискоспектакля "Алиса в Стране Чудес" 31. Заключительная песня Кэрролла

Не обрывается сказка концом. Помнишь, тебя мы спросили вначале: Что остается от сказки потом После того, как ее рассказали? Может не все, даже съев пирожок, Наша Алиса во сне разглядела... А? Э! То-то, дружок, В этом-то все и дело. И если кто-то снова вдруг проникнуть попытается В Страну Чудес волшебную в красивом добром сне, То даже то, что кажется, что только представляется, Найдет в своей загадочной и сказочной стране. # 057

1973 Баллада о короткой шее

Полководец с шеею короткой Должен быть в любые времена: Чтобы грудь - почти от подбородка, От затылка - сразу чтоб спина. На

короткой незаметной шее Голове уютнее сидеть, И душиТЬ значительно труднее, И арканом не за что задеть. А они вытягивают шеи И встают на кончики носков: Чтобы видеть дальше и вернее Нужно посмотреть поверх голов. Все, теперь ты - темная лошадка, Даже если видел свет вдали, Поза - неустойчива и шатка, И открыта шея для петли. И любая подлая ехидна Сосчитает позвонки на ней, Дальше видно, но - недалеко видно Жить с открытой шеей меж людей. Вот какую притчу о Востоке Рассказал мне старый аксакал. "Даже сказки здесь - и те жестоки", Думал я - и шею измерял. # 058

1973 О знаках Зодиака

Неправда, над нами не бездна, не мрак, Каталог наград и возмездий. Любуемся мы на ночной зодиак, На вечное танго созвездий. Глядим, - запрокинули головы вверх, В безмолвие, тайну и вечность Там трассы судеб и мгновенный наш век Отмечены в виде невидимых вех, Что могут хранить и беречь нас. Горячий нектар в холода февралей, Как сладкий елей вместо грога, Льет звездную воду чудак Водолей В бездонную пасть Козерога. Вселенский поток и извилист, и крут, Окрашен то ртутью, то кровью. Но, вырвавшись с мартовской мглой из пут, Могучие Рыбы на нерест плывут По Млечным потокам к верховью. Декабрьский Стрелец отстрелялся вконец, Он мается, копыя ломая, И может без страха резвиться Телец На светлых урочищах мая. Из августа изголодавшийся Лев Глядит на Овена в апреле. В июнь, к Близнецам свои руки воздев, Нежнейшие девы созвездия Дев Весы превратили в качели. Лучи световые пробились сквозь мрак, Как нить Ариадны конкретны, Но злой Скорпион и таинственный Рак От нас далеки и безвредны. На свой зодиак человек не роптал, (Да звездам страшна ли опала?) Он эти созвездия с неба достал, Оправил он из благородный металл, И тайна доступною стала. # 059

1973 Баллада о маленьком человеке

Погода славная, А это главное. И мне на ум пришла мыслишка презабавная, Но не о Господе И не о космосе Все эти новости уже обрыдли до смерти. Сказку, миф, фантазмагорию Пропою вам с хором ли, один ли. Слушайте забавную историю Некого мистера Мак-Кинли, Не супермена, не ковбоя, не хавбека, А просто маленького, просто человека. Кто он такой - герой ли, сукин сын ли Наш симпатичный господин Мак-Кинли? Валяйте выводы, составьте мнение В конце рассказа в меру разумения. Ну что, договорились?

Если так Привет! Буэнос диас! Гутен таг! Ночуешь в спальнках В
покоях аленьких И телевиденье глядишь "для самых маленьких". С
утра полчаса Займет гимнастика Прыжки, гримасы, отжимание от
пластика. И трясешься ты в автобусе, На педали жмешь, гремя
костьями, Сколько вас на нашем тесном глобусе Весело работает
локтями! Как наркоманы - кокаин, и как больные, В заторах нюхаешь
ты газы выхлопные. Но строен ты - от суеты худеют, Бодренут духом,
телом здоровеют. Через собратьев ты переступаешь, Но успеваешь, все
же успеваешь Знакомым огрызнуться на ходу: "Салют! День добрый!
Хау ду ю ду!" Для созидания В коробки-здания Ты заползаешь, как в
загоны на заклятие. В поту и рвении, В самозабвении Ты создаешь -
творишь и рушишь в озарении. Люди, власти не имущие! Кто-то вас со
злого перепою, Маленькие, но и всемогущие, Окрестил "безликою
толпою!" Будь вы на поле, у станка, в конторе, в классе, Но вы
причислены к какой-то серой массе. И в перерыв - в час подлинной
свободы Вы наскоро жуete бутерброды. Что ж, эти сэндвичи -
предметы сбыта. Итак, приятного вам аппетита! Нелегкий век стоит
перед тобой, И все же - гутен морген, дорогой! Дела семейные, Платки
нашейные, И пояса, и чудеса галантерейные... Жена ласкается, Цена
кусается, Махнуть рукою - да рука не поднимается! Цену вежливо и
тоненько Пропищит волшебник-трикотажник. Ты с невозмутимостью
покойника Наизнанку вывернешь бумажник. Все ваши будни, да и
праздники - морозны. И вы с женою как на кладбище серьезны. С
холодных стен - с огромного плаката На вас глядят веселые ребята, И
улыбаются во всех витринах Отцы семейств в штанах и лимузинах.
Откормленные люди на щитах Приветствуют по-братски: "Гутен таг!"
Откуда денежка? Куда ты денешься? Тебе полвека, друг, а ты еще
надеешься! Не жди от ближнего, Моли Всевышнего Уж Он тебе всегда
пошлет ребенка лишнего! Трое, четверо и шестеро! Вы, конечно,
любите сыночков! Мировое детское нашествие Бестий, сорванцов и
ангелочков. Ты улыбаешься обложкам и нарядам, Ты твердо веришь:
удивительное - рядом! Не верь, старик, что мы за все в ответе, Что
дети где-то гибнут, - те, не эти. Чуть-чуть задуматься - хоть вниз с
обрыва! А жить-то надо, надо жить красиво. Передохни, расслабься.
Перекур! Гуд дэй, дружище! Пламенный бонжур! Ах, люди странные,
Пустокарманные, Вы - постоянные клиенты ресторанные, Мошны
бездонные, Стомиллионные Вы наполняете - вы, толпы стадионные. И

ничто без вас не крутится: Армии, правительства и судьи, Но у сильных в горле, словно устрицы, Вы скользите, маленькие люди. И так о маленьком пекутся человеке, Что забывают лишний ноль вписать на чеке. Ваш кандидат - а в прошлом он лабазник Вам иногда устраивает праздник. И не безлики вы, и вы - не тени, Коль надо бросить в урны бюллетени. А "маленький" - дурацкое словцо, Кто скажет так - ты плюнь ему в лицо. Пусть это слово будет не в ходу. Привет, Мак-Кинли, хау ду ю ду! # 060

1973 Прерванный полет (Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспелі)

Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел, Потрусили за ствол - он упал, упал... Вот вам песня о том, кто не спел, не спел, И что голос имел - не узнал, не узнал. Может, были с судьбой нелады, нелады, И со случаем плохи дела, дела, А тугая струна на лады, на лады С незаметным изъяном легла. Он начал робко - с ноты "до", Но не допел ее не до... Недозвучал его аккорд, аккорд И никого не вдохновил... Собака лаяла, а кот Мышей ловил... Смешно! Не правда ли, смешно! Смешно! А он шутил - недошутил, Недораспробовал вино И даже недопригубил. Он пока лишь затеивал спор, спор Неуверенно и не спеша, Словно капельки пота из пор, Из-под кожи сочилась душа. Только начал дуэль на ковре, Еле-еле, едва приступил. Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре, И судья еще счет не открыл. Он хотел знать все от и до, Но не добрался он, не до... Ни до догадки, ни до дна, Не докопался до глубин, И ту, которая ОДНА Не долюбил, не долюбил! Смешно, не правда ли, смешно, Что он спешил - недоспешил? Осталось недорешено, Все то, что он недорешил. Ни единою буквой не лгу. Он был чистого слога слуга, Он писал ей стихи на снегу, К сожалению, тают снега. Но тогда еще был снегопад И свобода писать на снегу. И большие снежинки, и град Он губами хватал на бегу. Но к ней в серебряном ландо Он не добрался и не до... Не добежал, бегун-беглец, Не долетел, не доскакал, А звездный знак его - Телец Холодный Млечный Путь лакал. Смешно, не правда ли, смешно, Когда секунд недостает, Недостающее звено И недолет, и недолет. Смешно, не правда ли? Ну, вот, И вам смешно, и даже мне. Конь на скаку и птица влет, По чьей вине, по чьей вине? # 061

1973 Баллада о манекенах

Семь дней усталый старый Бог В запале, в зашоре, в запаре Творил убогий наш лубок И каждой твари - по паре. Ему творить - потеха, И вот себе взамен Бог создал человека, Как пробный манекен. Идея эта не нова, Но не обхаяна никем Я докажу как дважды два: Адам - был первый манекен. А мы! Ошметки хромосом, Огрызки божественных генов Идем проторенным путем И создаем манекенов. Не так мы, парень, глупы, Чтоб наряжать живых! Мы обряжаем трупы И кукол восковых. Ругать меня повремени, А оглянись по сторонам: Хоть нам подобные они, Но не живут подобно нам. Твой нос расплюснут на стекле, Глазеешь - и ломит в затылке... А там сидят они в тепле И скалят зубы в ухмылке. Вон тот кретин в халате Смеется над тобой: Мол, жив еще, приятель! Доволен ли судьбой? Гляди - красотка! Чем плоха? Загар и патлы до колен. Ее закутанный в меха, Ласкает томный манекен. Их жизнь и вправду хороша, Их холят, лелеют и греют. Они не тратят ни гроша И потому не стареют. Пусть лупят по башке нам, Толкают нас и бьют, Но куклам-манекенам Мы создали уют. Они так вежливы - взгляни! Их не волнует ни черта, И жизнерадостны они, И нам, безумным, не чета. Он никогда не одинок В салоне, в постели, в бильярдной, Невозмутимый словно йог, Галантный и элегантный. Хочу такого плена Свобода мне не впрок. Я вместо манекена Хочу пожить денек. На манекенские паи Согласен даже на пари! В приятный круг его семьи Желаю, черт меня дери! Я предлагаю смелый план Возможных сезонных обменов: Мы, люди, - в их бездушный клан, А вместо нас - манекенов. Но я готов поклясться, Что где-нибудь заест Они не согласятся На перемену мест. Из них, конечно, ни один Нам не уступит свой уют: Из этих солнечных витрин Они без боя не уйдут. Сдается мне - они хитрят, И, тайно расправивши члены, Когда живые люди спят, Выходят в ночь манекены. Машины выгоняют И мчат так, что держись! И пьют и прожигают Свою ночную жизнь. Такие подвиги творят, Что мы за год не натворим, Но возвращаются назад... Ах, как завидую я им! Мы скачем, скачем вверх и вниз, Кропаем и клеим на стенах Наш главный лозунг и девиз: "Забота о манекенах!" Недавно был - читали? Налет на магазин, В них - сколько не стреляли Не умер ни один. Его налогом не согнуть, Не сдвинуть повышеньем цен. Счастливый путь, счастливый путь, Будь счастлив, мистер Манекен! Но, как индусы мы живем Надеждою смертных и тленных, Что если завтра мы умрем Воскреснем вновь в манекенах! Так что не хнычь,

ребята, Наш день еще придет! Храните, люди, свято Весь манекенский род! Болезни в нас обострены, Уже не станем мы никем... Грядет надежда всей страны Здоровый, крепкий манекен. # 062

1973 Баллада о Кокильоне

Жил-был учитель скромный Кокильон. Любил наукой баловаться он. Земной поклон за то, что он был в химию влюблен, И по ночам над чем-то там химичил Кокильон.

Но, мученик науки гоним и обездолен, Всегда в глазах толпы он - алхимик-шарлатан. И из любимой школы в два счета был уволен, Верней, в три шеи выгнан непонятый титан... Титан лабораторию держал И там он в муках истину рожал. За просто так, не за миллион, в трехсуточный бульон Швырнуть сумел все, что имел, великий Кокильон. Как яблоко, упавши на голову Ньютона, Толкнуло Исаака к закону о Земле, Так случай не замедлил ославить Кокильона, Однажды в адском супе заквасилось желе. Бульон изобретателя потряс. Был он ничто: не жидкость и не газ.

Минуту гений был смущен, но - чудом окрылен, На всякий случай "Эврика!" воскликнул Кокильон. Три дня он отвлекался этюдами Шопена, Охотился, пил кофе и смысл постигал, Ему шептали в ухо, что истина в вине, - но Он твердою походкою к бессмертью зашагал. Он днем был склонен к мыслям и мечтам, Но в нем кипели страсти по ночам. И вот, огнем испепелен и в поиск устремлен, В один момент в эксперимент включился Кокильон. Душа его просила, и плоть его хотела До истины добраться, до цели и до дна, Проверить состоянье таинственного тела, Узнать, что он такое: оно или она? Но был в великом опыте изъян Забыл фанатик начисто про кран. В погоне за открытием он был слишком воспален, И миг настал, когда нажал на крантик Кокильон. И закричал безумный: "Да это же коллоид! Не жидкость это, братцы, - коллоидальный газ!" Вот так, блеснув в науке, - как в небе астероид Простой безвестный гений безвременно угас. И вот в нирване газовой лежит, Народ его открытием дорожит. Но он не мертв, он усыплен, разбужен будет он Через века. Дремли пока, Жак-Поль де Кокильон! А мы, склонив колени, глядим благоговейно. Таких, как он, - немного четыре на миллион! Возьмем, к примеру, Бора и старика Эйнштейна, Раз-два, да и обчелся - четвертый Кокильон. # 063

1973 Марш футбольной команды "Медведей"

Когда лакоют Святые свой нектар и шерри-бренди И валятся на травку и под стол, Тогда играют Никем непобедимые "Медведи" В кровавый, дикий, подлинный футбол. В тиски медвежие Попасть к нам - не резон, Но где же наши лапы - нежные Для наших милых девочек и жен. Нам выпадает карта От травмы до инфаркта. Мы ожидаем фарта, Мы - ангелы азарта! Вперед, к победе! Соперники растоптаны и жалки, Мы проучили, воспитали их. Но вот "Медведи" Приобретают свежие фиалки И навещают в госпитале их. Тиски медвежие Не выдержит иной, Но, в общем, мы - ребята нежные С пробитою, но светлой головой. Нам выпадает карта От травмы до инфаркта. Мы ожидаем фарта, Мы - ангелы азарта! А нам забили, Не унывают смелые "Медведи", Они не знают на поле проблем. А на могиле Все наши мэри, доротти и сэди Потоком слез зальют футбольный шлем. В тиски медвежие К нам попадет любой, А впрочем, мы - ребята нежные С травмированной детской душой. Нам выпадает карта От травмы до инфаркта. Мы ожидаем фарта, Мы - ангелы азарта! И пусть святые Пресытившись едой и женским полом, На настоящих идолов глядят, "Медведи" злые Невероятным, бешеным футболом Божественные взоры усладят. Тиски медвежие Смыкаются, визжат. Спасите наши души нежные, Нетронутые души медвежат! # 064

1973 Баллада об оружии

Напрасно, парень, за забвением ты шарись по аптекам! Купи себе хотя б топор - и станешь человеком. Весь вывернусь наружу я, И голенькую правду Спою других не хуже я: Про милое оружие, Оружие, оружие балладу. Большие люди - туз и крез Имеют страсть к ракетам, А маленьким - что делать без Оружья в мире этом?

Гляди, вон тот ханыга, В кармане денег нет, Но есть в кармане фига: Взведенный пистолет. Купить белье нательное? Да черта ли нам в нем! Купите огнестрельное Направо, за углом. Ну, начинайте! Ну же! Стрелять учитесь все! В газетах про оружие На каждой полосе!

А ту! Стреляйте досыта В людей, щенков, котят! Продажу, слава господу, Не скоро запретят. И сам пройду охотно я Под вечер налегке, Смыкая пальцы потные На спусковом крючке. Я - целеустремленный, деловитый, Подкуренный, подколотый, подбитый. Мы, маленькие люди, - на обществе прореха, Но если вы посмотрите на нас со стороны За узкими плечами небольшого человека Стоят понуро, хмуро дуры - две больших войны. "Коль тих и скромн - не

убьют!" Все домыслы досужие: У нас недаром продают Любезное оружие. Снуют людишки в ужасе По правой стороне, А мы во всеоружасе Шагаем по стране: Под дуло попадающие лица, Лицом к стене стоять, не шевелиться! Лежит в кармане - пушечка, Малюсенькая, новая, И нам земля - подушечка, Подстилочка пуховая. Ах, эта жизнь дешевая Как пыль: подууй и нет, Поштучная, грошовая, Дешевле сигарет. Кровь - жидкая, болотная, Пульсирует в виске, Синеют пальцы потные На спусковом крючке. Пока легка покупка, мы все в порядке с вами. Нам жизнь отнять, как плюнуть, нас учили воевать! Кругом - и без войны - война, а с голыми руками Ни пригрозить, н пригвоздить, ни самолет угнать! Для пуль все достигаемы, Ни черта нет, ни бога им!.. И мы себе стреляем, и Мы никого не трогаем. И рвется жизнь-чудачка, Как тонкий волосок, Одно нажать пальчика На спусковой крючок. Стрельбе, азарту - все цвета, Все возрасты покорны: И стар и млад, и тот и та, И... желтый, белый, черный. Ах, сладенько под ложечкой, Ах, горько стало им! Ухлопали художничка За грош на героин. Мир полон неудачниками С топориками в руке И мальчиками с пальчиками На спусковом крючке.
065

1973 Баллада об уходе в рай

Вот твой билет, вот твой вагон Все в лучшем виде: одному тебе дано В цветном раю увидеть сон Трехвековое непрерывное кино. Все позади - уже сняты Все отпечатки, контрабанды не берем, Как херувим стерилен ты, А класс второй - не высший класс, зато с бельем. Вот и сбывается все, что пророчится, Уходит поезд в небеса - счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. Земной перрон... Не унывай! И не кричи - для наших воплей он оглох. Один из нас уехал в рай, Он встретит бога там, ведь есть, конечно, бог. Пусть передаст ему привет, А позабудет - ничего, переживем: Осталось нам немного лет, Мы пошустрим и, как положено, умрем. Вот и сбывается все, что пророчится, Уходит поезд в небеса - счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. Не всем дано поспать в раю, Но кое-что мы здесь успеем натворить: Подрагаться, спеть - вот я пою, Другие любят, третьи думают любить. Уйдут, как мы, - в ничто без сна И сыновья, и внуки внуков в трех веках. Не дай Господь, чтобы война, А то мы правнуков оставим в дураках. Вот и сбывается все, что

пророчится, Уходит поезд в небеса - счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. Тебе плевать, и хоть бы хны: Лежишь, миляга, принимаешь вечный кайф. И нет забот, и нет вины... Ты молодчина, это место подыскав. Разбудит вас какой-то тип И пустит в мир, где в прошлом - войны, вонь и рак, Где побежден гонконгский грипп. На всем готовеньком ты счастлив ли, дурак? Вот и сбывается все, что пророчится, Уходит поезд в небеса - счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. Итак, прощай, звенит звонок. Счастливый путь! Храни тебя от всяких бед!.. А если там приличный Бог, Ты все же вспомни, передай Ему привет. # 066

1973 Песня Билла Сиггера

Вот это да, вот это да! Сквозь мрак и вечность-решето, Из зала Страшного суда Явилось то - не знаю что. Играйте туш! Быть может, он Умерший муж Несчастных жен, Больных детей Больной отец, Благих вестей Шальной гонец. Вот это да, вот это да! Спустился к нам не знаем кто, Как снег на голову суда, Упал тайком инкогнито. Но кто же он? Хитрец и лгун? Или шпион, Или колдун? Каких дворцов Он господин, Каких отцов Заблудший сын? Вот это да, вот это да! И я спросил, как он рискнул, Из ниоткуда в никуда Перешагнул, перешагнул? Он мне: "Внемли!" И я внимал, Что он с Земли Вчера сбежал, Решил: "Нырну Я в гладь и тишь!" Но в тишину Без денег - шиш. Мол, прошмыгну Как мышь, как вошь, Но в тишину Не прошмыгнешь! Вот это да, вот это да! Он повидал печальный край, В аду - бардак и лабуда, И он опять - в наш грешный рай. Итак, оттуда Он удрал, Его Иуда Обыграл И в тридцать три, И в сто одно, Смотри, смотри! Он видел дно, Он видел ад, Но сделал он Свой шаг назад И воскрешен! Вот это да, вот это да! Прошу любить, играйте марш! Мак-Кинли - маг, суперзвезда, Мессия наш, мессия наш. Владыка тьмы Его отверг, Но примем мы Он человек. Душ не губил Сей славный муж, Самоубийство - просто чушь, Хоть это де шево и враз, Не проведешь Его и нас. Вот это да, вот это да! Вскричал петух, и пробил час. Мак-Кинли - бог, суперзвезда, Он - среди нас, он - среди нас. Он рассудил, Что Вечность - хлам, И запылел На свалку к нам. Он даже спьяну Не дурил, Марихуану Не курил, И мы хотим Отдать концы, Мы бегством мстим, Мы - беглецы. # 067

1973 Мистерия хиппи

Мы рвем - и не найти концов. Не выдаст черт - не съест свинья. Мы - сыновья своих отцов, Но блудные мы сыновья. Приспичило и припекло!.. Мы не вернемся - видит Бог Ни государству под крыло, Ни под покров, ни на порог. Вранье ваше вечное усердие! Вранье Безупречное житье! Гнилье Ваше сердце и предсердие! Наследство - к черту! Все, что ваше - не мое!

К черту сброшена обуза, Узы мы свели на нуль! Нет ни колледжа, ни вуза, Нет у мамы карапуза, Нету крошек у папуль. Довольно выпустили пуль И кое-где и кое-кто Из наших дорогих папуль На всю катушку, на все сто! Довольно тискали вы краль От января до января. Нам ваша скотская мораль От фонаря - до фонаря! Долой Ваши песни, ваши повести! Долой Ваш алтарь и аналой! Долой Угрызенья вашей совести! Все ваши сказки богомерзкие - долой! Выжимайте деньги в раже, Только стряпайте без нас Ваши купли и продажи. Нам до рвоты ваши даже Умиление и экстаз. Среди заросших пустырей Наш дом - без стен, без крыши кров. Мы - как изгои среди людей, Пришельцы из других миров. Уж лучше где-нибудь ишачь, Чтоб потом с кровью пропотеть, Чем вашим воздухом дышать, Богатством вашим богатеть. Плевать Нам на ваши суеверия! Кромсать Все, что ваше! Проклинать! Как знать, Что нам взять взамен неверия? Но наши дети это точно будут знать! Прорицатели, гадалки Напророчили бедлам. Ну, так мы - уже на свалке В колесо фортуны палки Ставим с горем пополам. Так идите к нам, Мак-Кинли, В наш разгневанный содом. Вы и сам - не блудный сын ли? Будет больше нас, Мак-Кинли... Нет? Мы сами к вам придем. # 068

1973 Случаи

Мы все живем как будто, но Не будоражат нас давно Ни паровозные свистки, Ни паровозные гудки. Иные - те, кому дано, Стремятся вглубь - и видят дно, Но - как навозные жуки И мелководные мальки... А рядом случаи летают, словно пули, Шальные, запоздалые, слепые, на излете, Одни под них подставиться рискнули И сразу: кто - в могиле, кто - в почете. А мы - так не заметили И просто увернулись, Нарочно по примете ли На правую споткнулись. Среди суеты и кутерьмы Ах, как давно мы не прямы! То гнемся бить поклоны впрок, А то - завязывать шнурок... Стремимся вдаль проникнуть мы, Но даже светлые умы Все размещают между строк У них расчет на долгий срок... Стремимся мы подняться ввысь Ведь думы наши

поднялись, И там царят они, легки, Свободны, вечны, высоки. И так нам захотелось ввысь, Что мы вчера перепились И горьким дымам вопреки Мы ели сладкие куски... Открытым взломом, без ключа, Навзрыд об ужасах крича, Мы вскрыть хотим подвал чумной Рискуя даже головой. И трезво, а не сгоряча Мы рубим прошлое с плеча, Но бьем расслабленной ругой, Холодной, дряблой - никакой. Приятно сбросить гору с плеч И все на божий суд извлечь, И руку выпростать, дрожа, И показать - в ней нет ножа, Не опасаясь, что картечь И безоружных будет сечь. Но нас, железных, точит ржа И психология ужа... А рядом случаи летают, словно пули, Шальные, запоздалые, слепые на излете, Одни под них подставиться рискнули И сразу: кто - в могиле, кто - в почете. А мы - так не заметили И просто увернулись, Нарочно по примете ли На правую споткнулись. # 069

1973 Всему на свете выходят сроки

Всему на свете выходят сроки, А соль морская - въедлива как черт, Два мрачных судна стояли в доке, Стояли рядом - просто к борту борт. Та, что поменьше, вбок кривила трубы И пожимала боком и кормой: "Какого типа этот тип? Какой он грубый! Корявый, ржавый - просто никакой!" В упор не видели друг друга оба судна И ненавидели друг друга обоюдно. Он в аварийном был состоянье, Но и она - не новая отнюдь, Так что увидишь на расстоянье С испуга можно взять и затонуть. Тот, что побольше, мерз от отвращенья, Хоть был железный малый, с крепким дном, Все двадцать тысяч водоизмещенья От возмущенья содрогались в нем! И так обидели друг друга оба судна, Что ненавидели друг друга обоюдно. Прошли недели, - их подлатали, По ржавым швам шпаклевчики прошли, И ватерлинией вдоль талии Перевязали корабли. И медь надраили, и краску наложили, Пар развели, в салонах свет зажгли, И палубы и плечи распрямили К концу ремонта эти корабли. И в гладкий борт узрели оба судна, Что так похорошели обоюдно. Тот, что побольше, той, что поменьше, Сказал, вздохнув: "Мы оба не правы! Я никогда не видел женщин И кораблей - прекраснее, чем вы!" Та, что поменьше, в том же состоянье Шепнула, что и он неотразим: "Большое видится на расстоянье, Но лучше, если все-таки - вблизи". Кругом конструкции толпились, было людно, И оба судно объяснились обоюдно! Хотя какой-то портовый дока Их приписал не в тот же самый порт Два корабля так и ушли из дока, Как и стояли, - вместе, к борту борт. До горизонта шли в молчанье рядом,

Не подчиняясь ни теченьям, ни рулям. Махала ласково ремонтная бригада Двум не желающим расстаться кораблям. Что с ними? Может быть, взбесились оба судна? А может, попросту влюбились обоюдно. # 070

1973 Был развеселый розовый восході

Был развеселый розовый восход, И плыл корабль навстречу передрягам, И юнга вышел в первый свой поход Под флибустьерским черепастым флагом. Накренившись к воде, парусами шурша, Бриг двухмачтовый лег в развороте. А у юнги от счастья качалась душа, Как пеньковые ванты на гроте. И душу нежную под грубой робой пряча, Суровый шкипер дал ему совет: "Будь джентльменом, если есть удача, А без удачи - джентльменов нет!" И плавал бриг туда, куда хотел, Встречался - с кем судьба его сводила, Ломая кости веслам каравелл, Когда до абордажа доходило. Был однажды богатой добычи дележ И пираты бесились и выли... Юнга вдруг побледнел и схватился за нож, Потому что его обделили. Стояла девушка, не прячась и не плача, И юнга вспомнил шкиперский завет: Мы - джентльмены, если есть удача, А нет удачи - джентльменов нет! И видел он, что капитан молчал, Не пробуя сдержатъ кровавой свары. И ран глубоких он не замечал И наносил ответные удары. Только ей показалось, что с юнгой - беда, А другого она не хотела, Перекинулась за борт - и скрыла вода Золотистое смуглое тело. И прямо в грудь себе, пиратов озадачив, Он разрядил горячий пистолет... Он был последний джентльмен удачи, Конец удачи - джентльменов нет! # 071

1973 В день, когда мы, поддержкой земли заручасьі

В день, когда мы, поддержкой земли заручась, По высокой воде, по соленой, своей, Выйдем в точно назначенный час, Море станет укачивать нас, Словно мать непутевых детей. Волны будут работать - и в поте лица Корабельные наши бока иссекут, Терпеливо машины начнут месяца Составлять из ритмичных секунд. А кругом - только водная гладь, - благодать! И на долгие мили кругом - ни души!... Оттого морякам тяжело привыкать Засыпать после качки в уютной тиши. Наши будни - без праздников, без выходных, В море нам и без отдыха хватит помех. Мы подруг забываем своих: Им - до нас, нам подчас не до них, Да простят они нам этот грех! Нет, неправда! Вздыхаем о них у кормы И во сне имена повторяем тайком. Здесь совсем не за юбкой гоняемся мы, Не за счастьем, а за косяком. А кругом - только водная

гладь, - благодать! Ни заборов, ни стен - хоть паши, хоть пляши!.. Оттого морякам тяжело привыкать Засыпать после качки в уютной тиши. Говорят, что плывем мы за длинным рублем, Кстати, длинных рублей просто так не добыть, Но мы в море - за морем плывем, И еще - за единственным днем, О котором потом не забыть. А когда из другой, непохожей весны Мы к родному причалу придем напрямиком, Растворятся морские ворота страны Перед каждым своим моряком. В море - водная гладь, да еще - благодать! И вестей - никаких, сколько нам ни пиши... Оттого морякам тяжело привыкать Засыпать после качки в уютной тиши. И опять уплываем, с землей обручась С этой самую верной невестой своей, Чтоб вернуться в назначенный час, Как бы там ни баюкало нас Море - мать непутевых детей. Вот маяк нам забыл подморгнуть с высоты, Только пялит глаза - ошалел, обалдел: Он увидел, что судно встает на винты, Обороты врубив на предел. А на пирсе стоять - все равно благодать, И качаться на суше, и петь от души. Нам, вернувшимся, не привыкать привыкать После громких штормов к долгожданной тиши! # 072

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 1. Скоморохи на ярмарке

Эй, народ честной, незадкливый! Ай вы купчики да служивый люд! Живо к городу поворачивай Там не зря в набат с колоколен бьют! Все ряды уже с утра Позахвачены Уйма всякого добра, Всякой всячины,

Там точильные круги Точат лясы, Там лихие сапоги Самоплясы. Тагарга-матагарга, Во столице ярмарка Сказочно-реальная, Цветомузыкальная! Богачи и голь перекатная, Покупатели - все, однако, вы, И хоть ярмарка не бесплатная, Раз в году вы все одинаковы! За едою в закрома Спозараночка Скатерть сбегает сама Самобраночка, Кто не хочет есть и пить, Тем - изнанка, Их начнет сама бранить Самобранка. Тагарга-матагарга, Вот какая ярмарка! Праздничная, вольная, Белохлебосольная! Вона шапочки-невидимочки, Кто наденет их - станет барином. Леденцы во рту - словно льдиночки, И Жар-птица есть в виде жаренном! Прилетели год назад Гуси-Лебеди, А теперь они лежат На столе, гляди! Эй, слезайте с облучка Добры люди, Да из Белого Бычка Ешьте студень! Тагарга-матагарга, Всем богата ярмарка! Вон орехи рядышком С изумрудным ядрышком! Скоморохи здесь - все хорошие, Скачут-прыгают через палочку. Прибауточки скоморошие, Смех и грех от них - все

вповалочку! По традиции, как встарь, Вплавь и волоком Привезли
царь-самовар, Как царь-колокол, Скороварный самовар Он на торфе
Вам на выбор сварит вар Или кофе. Тагарга-матагарга, Удалая ярмарка
С плясунами резвыми, Большой частью трезвыми! Вот Балда пришел,
поработать чтоб: Без работы он киснет-квасится. Тут как тут и Поп -
толоконный лоб, Но Балда ему - кукиш с маслицем! Разновесые весы
Проторгуешься! В скороходики-часы Не обуешься! Скороходы-сапоги
Не залапьте! А для стужи да пурги Лучше лапти. Тагарга-матагарга,
Что за чудо ярмарка Звонкая, несонная, Нетрадиционная! Вон
Емелюшка Щуку мнет в руке Щуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор Кота продает в мешке Слишком много Кот разговаривал.
Говорил он без тычка Без задорины Все мы сказками слегка
Объгорены. Не скупись, не стой, народ За ценою: Продается с цепью
Кот Золотою! Тагарга-матагарга, Упоенье - ярмарка, Общее,
повальное, Эмоциональное! Будет смехом-то рвать животики! Кто
отважится, разохотится Да на коврик-самолетике Не откажется, а
прокотится?! Разрешите сделать вам Примечание: Никаких воздушных
ям И качания, Ковролетчики вчера Ночь не спали Пыль из этого ковра
Выбивали. Тагарга-матагарга, Удалася ярмарка! Тагарга-матагарга,
Хорошо бы - надолго! Здесь река течет - вся молочная, Берега над ней -
сплошь кисельные, Мы вобьем во дно сваи прочные, Запрудим ее -
дело дельное! Запрудили мы реку Это плохо ли?! На кисельном берегу
Пляж отгрохали. Но купаться нам пока Нету смысла, Потому - у нас
река Вся прокисла! Тагарга-матагарга, Не в обиде ярмарка Хоть
залейся нашею Кислой простоквашею! Мы беду-напасть подожжем
огнем, Распрявим хребты втрое сложенным, Меду хмельного до краев
нальем Всем скучающим и скукоженным! Много тыщ имеет кто
Тратьте тыщи те! Даже то - не знаю что Здесь отыщете! Коль на
ярмарку пришли Так гуляйте, Неразменные рубли Разменяйте!
Тагарга-матагарга, Для веселых ярмарка! Подходи, подваливай,
Сахари, присаливай! # 001

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 2. Песня солдата на
часах

На голом на плацу, на вахтпараде, В казарме, на часах - все дни
подряд Безвестный, не представленный к награде, Справляет службу
ратную солдат. И какие бы ни дули Ураганные ветра, Он - в дозоре, в
карауле От утра и до утра. "Напра, нале!.. В ружье! На пле!.. Бегом - в

расположение!" А я пою: Ать-два, ать-два, Живем мы одна, А тяжело в учении Легко в бою! Если ломит враг - бабы слезы льют, Ядра к пушечкам подтаскивай! Я перед боем - тих, я в атаке - лют, Ну а после боя - ласковый. Меня гоняют до седьмого пота, Всяк может младшим чином помыкать, Но все-таки центральные ворота Солдату поручают охранять. Как бы в рог его не гнули, Распрямится снова он. Штык - дурак, и дуры - пули, Ежели солдат умен.

"В штыки! К ноги! Равняйся! Беги! Ползком - в расположение!" А я - пою. "Коли! Руби!" Ту би ор нот ту би, Но тяжело в учении Легко в бою! Если враг бежит и гремит салют Зелена вина подтаскивай! Я пред боем - тих, я в атаке - лют, Ну а после боя - ласковый. # 002

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 3. Песня солдата, идущего на войну

Ну разве ж мы, солдатушки, повинны, Что наши пушки не зачехлены? Пока враги не бросили дубины, Не обойтись без драки и войны. Я бы пушки и мортиры Никогда не заряжал, Не ходил бы даже в тиры, Детям елки наряжал. Но вот как раз Пришел приказ Идти на усмиренье, И я пою, Как и всегда, Что горе - не беда. Но - тяжело в учении Да и в бою. Раззудись, плечо, если наших бьют! Сбитых, сваленных - оттаскивай! Я перед боем - тих, я в атаке - лют, Ну, а после боя - ласковый! # 003

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 4. Песня Соловья-разбойника и его дружков

Как да во лесу дремучем, По сырым дуплам да сучьям, И по норам по барсучьим Мы скучаем да канючим. Так зачем сидим мы сиднем, Скуку да тоску наводим? Ну-кася, ребята, выйдем, Весело поколобродим! Мы - ребята битые, Тертые, ученые. Во болотах мытые, В омутах моченые. Как да во лесу дремучем Что-нибудь да отчебучим, Добра молодца прищучим, Защекочем и замучим! Воду во реке замутим. На кустах костей навесим, Пакостных шутих нашутим, Весело покуролесим! Водяные, лешие, Души забубенные! Ваше дело - пешие, Наше дело - конные. Первый соловей в округе Я гуляю бесшабашно. У меня такие слуги, Что и самому мне страшно. К оборотням не привыкну До того хитры ребятки! Да и сам я свистну, гикну Аж душа уходит в пятки! Не боюсь тоски-муры, Если есть русалочки! Выходи, кикиморы, Поиграем в салочки! Ты не жди, купец, подмоги Мы из чащи повылазим Да и на большой дороге Вволюшку

побезобразим! Ну-ка, рукава засучим, Путника во тьме прижучим, Свалим - и в песке зыбучем Пропесочим и прищучим! Зря на нас клеветете, Умники речистые! Все путем у нечисти, Даже совесть чистая. # 004

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 5. Серенада Соловья-разбойника

Выходи! Я тебе посвящу серенаду. Кто тебе серенаду еще посвистит? Сутки кряду могу - до упаду, Если муза меня посетит. Я пока еще только шутю и шалю Я пока на себя не похож: Я обиду терплю, но когда я вспылю Я дворец подпилю, подпалю, развалю, Если ты на балкон не придешь! Ты отвечай мне прямо-откровенно Разбойничью душу не трави!.. О, выйди, выйди, выйди, Аграфена, Послушай серенаду о любви! Эге-гей, трали-вали! Кабы красна девица жила да во подвале, Я бы тогда на корточки Приседал у форточки, Мы бы до утра проворковали! Во лесных кладовых моих - уйма товара, Два уютных дупла, три пенечка гнилых... Чем же я тебе, Груня, не пара, Чем я, Феня, тебе не жених?! Так тебя я люблю, что ночами не сплю, Сохну с горя у всех на виду. Вот и голос сорвал - и хриплю, и сиплю. Ох, я дров нарублю - я себя погублю, Но тебя я украду, уведу! Я женихов твоих - через колено! Я папе твоему попорчу кровь! О, выйди, выйди, выйди, Аграфена, О не губи разбойничью кровь! Эге-гей, трали-вали! Кабы красна девица жила да во подвале, Я бы тогда на корточки Приседал у форточки, Мы бы до утра проворковали! Так давай, Аграфенушка, свадьбу назначим, Я - нечистая сила, но с чистой душой! Я к чертям, извините, собачьим Брошу свой соловьиный разбой! Я и трелью зальюсь, и подарок куплю, Всех дружков приведу на поклон, Я тебя пропою, я тебя прокормлю, Нам ребята на свадьбу дадут по рублю, Только ты выходи на балкон! Во темечке моем да во височке Одна мечта: что выйдет красота, Привстану я на цыпочки-мысочки И поцелую в сахарны уста! Эге-гей, трали-вали! Кабы красна девица жила да во подвале, Я бы тогда на корточки Приседал у форточки, Мы бы до утра проворковали! # 005

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 6. Песня глашатая

Торопись указ за честь, Изданный не зря: "Кто заступится за честь Батюшки-царя, Кто разбойника уймет Соловья, К государю попадет в сыновья! Кто оружием побьет образину, Кто проучит его кулаком, Тот от царства возьмет половину, Ну а дочку - дак всю целиком!" Кто же

все же уймет шайку-лейку, Кто на подвиги ратны горазд, Царь тому дороговому шубейку От щедрот своих царских отдаст! Если в этот скорбный час Спустим рукава Соловей освищит нас И пойдет молва: Дескать, силой царский трон все скудней, Ел, мол, мало каши он, Евстигней. Если кровь у кого горяча, Саблей бей, пикой лихо коли! Царь дарует вам шубу с плеча Из естественной выхухоли! Сей указ - без обману-коварства: За печатью, как в сказке, точь-в-точь. В бой - за восемь шестнадцатых царства, За доху, да за царскую дочь! # 006

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 7. Песня Марии

Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты, Что же не замолкла-то навсегда ты, Как забрали милого в рекруты, в рекруты, Как ушел твой суженый во солдаты?! Я слезами горькими горницу вымою И на годы долгие дверь закрою, Наклонюсь над озером ивою, ивою Высмотрю, как в зеркале, что с тобою. Травушка-муравушка сочная, мятная Без тебя ломается, ветры дуют... Долюшка солдатская ратная, ратная: Что, как пули грудь твою не минуют?! Тропочку глубокую протопчу по полю И веночек свой свадебный впрок совью, Длинну косу девичью до полу, до полу Сберегу для милого с проседью. Вот возьмут кольцо мое с белого блюдица, Хоровод завертится грустно в нем, Пусть мое гадание сбудется, сбудется: Пусть вернется суженый вешним днем! Пой как прежде весело, идучи к дому, ты, Тихим словом ласковым утешай. А житее невестино омуты, омуты... Дождидает Марьюшка поспешай! # 007

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 8. Иван да Марья

Вот пришла лиха беда Уж ворота отворяют, Значит, пробил час, когда Бабы слезы высыхают. Значит, больше места нет Ни утехам, ни нарядам. Коль семь бед - один ответ, Так пускай до лучших лет Наши беды будут рядом. Не сдержат меня уговорами. Верю свято я - не в него ли? Пусть над ним кружат черны вороны, Но он дорог мне и в неволе. Понаехали сваты, Словно на смех, для потехи, Ах, шуты они, шуты: Не бывать тому вовеки. Где им знать: поют кругом, Да прослышала сама я, Как в году невесть каком Стали вдруг одним цветком Два цветка - Иван да Марья. Путь-дороженька - та ли, эта ли, Во крошечной тьме, с мукой-болью, В пекло ль самое, на край света ли, Приведи к нему, хоть в неволю. Ветры добрые, тайком Прокрадитесь во темницу Пусть узнает он о том, Что душа к нему стремится. Сердцем пусть не упадет И не думает худого, Пусть

надеется и ждет Помощь Марьяна придет Скоро-скоро, верно слово.
Пусть не сетует, пусть не мается, Ведь не зря цветок в чистом поле
Нашим именем называется Так цвести ему и в неволе! # 008

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 9. Солдат и привидение

"Во груди душа словно ерзает, Сердце в ней горит будто свечка. И в судьбе - как в ружье: то затвор заест, То в плечо отдаст, то - осечка. Ах ты долюшка несчастливая, Воля царская - несправедливая!"

"Я - привидение, я - призрак, но Я от сидения давно больно. Темница тесная, везде сквозит, Хоть бестелесно я, а все ж - знобит. Может, кто-нибудь обидится, Но я, право, не шучу: Испугать, в углу привидеться Совершенно не хочу. Жаль, что вдруг тебя казнят, - ты с душой хорошею. Можешь запросто, солдат, звать меня Тимошею". # 009

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 10. Куплеты нечистой силы

"Я - Баба-Яга, Вот и вся недолга, Я езжу в немазанной ступе. Я к русскому духу не очень строга: Люблю его... сваренным в супе. Ох, надоело по лесу гонять, Зелье я переварила... Нет, что-то стала совсем изменять Наша нечистая сила!" "Привет! Добрый день! Я - дак Оборотень! Неловко вчерась обернулся: Хотел превратиться в дырявый плетень, Да вот посередке запнулся. И кто я теперь - самому не понять, Эк меня, братцы, скривило!.. Нет, что-то стала совсем изменять Наша нечистая сила!" "Я - старый больной Озорной Водяной, Но мне надоела квартира: Лежу под корягой, простуженный, злой, А в омуте - мокро и сыро. Вижу намедни - утопленник. Хвать! А он меня - пяткой по рылу!.. Нет, перестали совсем уважать Нашу нечистую силу!" "Такие дела: Лешачиха со зла, Лишив меня лешешевелюры, Вчера из дупла на мороз прогнала У ней с Водяным шуры-муры. Со свету стали совсем изживать Прост-таки гонят в могилу... Нет, перестали совсем уважать Нашу нечистую силу!" "Русалке легко: Я хвостом-плавником Коснусь холодком под сердечко... Но вот с современным утопленником Теперь то и дело осечка! Как-то утопленник стал возражать Ох, наглоталась я илу! Ах, перестали совсем уважать Нашу нечистую силу!" "А я - Домовой, Я домашний, я - свой, А в дом не могу появиться С утра и до ночи стоит дома вой: Недавно вселилась певица! Я ей - добром, а она -

оскорблять: Мол, Домового - на мыло! Видно, нам стала всем изменять
Наша нечистая сила!" # 010

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 11. Куплеты кассира и
казначей

Когда пуста казна, Тогда страна бедна, И если грянет война, Так
всем настанет хана. Но если казна полна, То может лопнуть она, А
если лопнет казна, Так всем нам грош цена. Ну а наша профессия
Изнутри и извне Сохранять равновесие В этой самой казне. Мы -
дружки закадычные, Любим хватить и похватить, Сядем в карты играть.
Только чур на наличные! Только чур мухлевать! "Вот я - смотритель
касс, Я вроде - кассогаз, Хотя за мной-то как раз И нужен бы газ да
газ". "А я забыл, кто я. Звук злата все звончей. Казна - известно чья?
А я - так казначей?!" Мы долги платим платою Отдаем целиком,
Подгребаем лопатою И горстями гребем. Нас понять захотите ли Двух
друзей-горемык? Не хотим мы тюрьмы: Мы же не расхитители
Уравнители мы. У нас болит спина, По швам трещит казна, Играем без
отдыха-сна И будет казна спасена. Легко, без кутерьмы, Когда придут
нас брать, Дойдем мы до тюрьмы Туда рукой подать. Зато наша
профессия Изнутри и извне Сохранять равновесие В этой самой казне.
Нас понять захотите ли Двух друзей-горемык? не хотим мы тюрьмы:
Мы же не расхитители Уравнители мы. # 011

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 12. Солдат с победою

Ни пуха ни пера Касатику Желали мы вчера Солдатику, И не очень сплеховал Нисколечко Обратно в лес прогнал Разбойничка! От нашего жилья Спровадил Соловья, Над нами супостат не властвует! Из бедного житья Да в царские зятя! Да здравствует солдат! Да здравствует! Ни пуха не пера Касатику! Всеобщее ура Солдатику! Геройский совершил Поступочек! Корону защитил, Заступничек! От нашего жилья Спровадил Соловья, Над нами супостат не властвует! Из бедного житья Да в царские зятя! Да здравствует солдат! Да здравствует! # 012

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 13. Частушки Марии
Подходи, народ, смелее Слушай, переспрашивай! Мы споем про Евстигнея Государя нашего. Вы себе представьте сцену, Как папаша Евстигней Дочь - царевну Аграфену Хочет сплавить поскорей. Но не получается Царевна не сплавляется! Как-то ехал царь из леса, Весело, спокойненько, Вдруг услышал свист балбеса Соловья-разбойника. С той поры царя корежит, Словно кость застряла в ем: Пальцы в рот себе заложит Хочет свистнуть Соловьем! Надо с этим бой начать, А то начнет разбойничать! Царь - ни шагу из квартиры, А друзья-приятели Казначей и кассиры Полказны растратили. Ох! Враги пришли к палатам Окна все повыбили, Евстигней перед солдатом Гнется в три погибели. Стелется, старается, В лепешку расшибается! Как сорвался царь с цепочки Цикает да шикает, Он с утра на нервной почке Семечки шабрыкает. Царь солдата ухайдакал: То - не то, и это - нет, Значит, царь - эксплуататор, Настоящий дармоед. Потому он злобится, Что с ним никто не водится! Все мы знали Евстигнея, Петею воспетого, Правда, Петя - не умнее Евстигнея этого. Лизоблюд придворный наспех Сочинил царю стихи Получилось курам на смех, Мухи дохнут от тоски. А царь доволен, значит Того гляди расплачется! "Царь наш батюшка в почете, Добрый он и знающий. Ну а вы себя ведете Крайне вызывающе! Царь о подданных печется От зари и до зари!" Вот когда он испечется Мы посмотрим, что внутри! Как он ни куражится, Там вряд ли что окажется! "Послужили мы и хватит Бюллетень гоните нам, Да и денег мало платят Нам, телохранителям!" "А с меня вода как с гуся, Щас как выйду на пустырь, От престола отрекуся, Заточуся в монастырь!" Вот царь-батюшка загнул Чуть не до смерти пугнул! Перестал дурачиться, А начал фордыбачиться! # 013

1974 Песни из кинофильма "Иван да Марья" 14. Свадебная

Ты, звонарь-пономарь, не кемарь, Звонкий колокол раскочегаривай!
Ты, очнись, встрепенись, гармонист, Переливами щедро одаривай! Мы
беду навек спровадили, В грудь ей вбили кол осиновый. Перебор
сегодня свадебный, Звон над городом - малиновый. Эй, гармошечка,
дразни, Не спеши, подманивай! Главный колокол, звони, Маленький,
подзванивай! Крикуны, певуны, плясуны! Оглашенные, неугомонные!
Нынче пир, буйный пир на весь мир! Все - желанные, все -
приглашенные! Как на ярмарочной площади Вы веселие обряцете,
Там и горло прополощите, Там споете и попляшете! Не серчай, а
получай Чашу полновесную! Подходи да привечай Жениха с
невестою! Топочи, хлопочи, хохочи! Хороводы води развеселые! По
бокам, по углам - к старикам Разойдись, недоеные, квелые!
Поздравляй, да с пониманием, За застольною беседою Со счастливым
сочетанием Да с законною победою! Наша свадьба - не конец Дельцу
пустяковому: Делу доброму венец, Да начало новому! # 014

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 1. Песня Вани у
Марии

Я полмира почти через злые бои Прошагал и прополз с
батальоном, А обратно меня за заслуги мои С санитарным везли
эшелоном. Подвезли на родимый порог, На полуторке к самому дому.
Я стоял - и немел, а над крышей дымок Поднимался не так - по-
другому. Окна словно боялись в глаза мне взглянуть. И хозяйка не рада
солдату Не припала в слезах на могучую грудь, А руками всплеснула -
и в хату. И залаяли псы на цепях. Я шагнул в полутемные сени, За
чужое за что-то запнулся в сенях, Дверь рванул - подкосились колени.
Там сидел за столом, да на месте моем, Неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нем, и хозяйка при нем, Потому я и псами облаян. Это
значит, пока под огнем Я спешил, ни минуты не весел, Он все вещи в
дому переставил моем И по-своему все перевесил. Мы ходили под
богом - под богом войны, Артиллерия нас накрывала, Но смертельная
рана зашла со спины И изменою в сердце застряла. Я себя в пояснице
согнул, Силу-волю позвал на подмогу: "Извините, товарищи, что
завернул По ошибке к чужому порогу". Дескать, мир да любовь вам, да
хлеба на стол, Чтоб согласие по дому ходило... Ну а он - даже ухом в
ответ не повел, Вроде так и положено было. Зашатался некрашенный
пол, Я не хлопнул дверьми, как когда-то, Только окна раскрылись,
когда я ушел, И взглянули мне вслед виновато. # 015

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 2. Песня о черном и белом лебедях

Ах! В поднебесье летал лебедь черный, молодой да проворный. Ах! Да от лета устал, одинокий, да смелый, да гордый. Ах! Да снижаться он стал с высоты со своей лебединой. Ах! Два крыла распластал нет уж сил и на взмах на единый. Ах не зря гармонь пиликает Ваня песенку мурлыкает С уваженьем да почтеньем, Да, конечно, со значеньем. Ах! На крутом берегу, словно снег среди лета, не тая. Ах! На залетном лугу лебединая белая стая. Ах! Да не зря он кружил, да и снизился не понапрасну. Ах! Он от стаи отбил лебедь белую - самую прекрасную. Ах вы, добры люди-граждане, Вы б лебедушку уважили Затянули бы протяжную Про красу ее лебяжую. Ох! Да и слов не сыскать, вон и голос дрожит неумелый. Ох! Другу дружка под стать лебедь черный да лебеди белой. Ах! Собралися в полет оба-двое крылатые вместе. Ах! Расступися, народ, поклонись жениху и невесте! Ах спасибо, люди-граждане, Что невестушку уважили, Жениха не забываете Да обоих привечаете! # 016

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 3. Величальная - отцу

Ах не стойте в гордыне, Подходите к крыльцу. А и вы, молодые, Поклонитесь отцу! Он - сердитый да строгий: Как сподобья взглянет, Так вы падайте в ноги Может, он отойдет. Вам отцу поклониться Тоже труд небольшой, Он лицом просветлится, Помягчает душой. Вы с того начинайте, И потом до конца, Во всю жизнь привечайте Дорогого отца! # 017

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 4. Частушки к свадьбе

Не сгрызть меня Невеста я! Эх, жизнь моя Интересная! Кружи-ворожи, Кто стесняется? Подол придержи Подымается! И в девках мне Было весело, А все ж любовь Перевесила! Кружи-ворожи, Кто стесняется? Подол придержи Подымается! Сноха лиха Да и кума лихая Учат жить меня, А я сама такая! Кружи-ворожи, Кто стесняется? Подол придержи Подымается! # 018

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 5. Студенческая песня

Кто старше нас на четверть века, тот Уже постиг и близости и дали, Им повезло - и кровь, и дым, и пот Они понюхали, хлебнули,

повидали, Прошли через бригаду или взвод. И ехали в теплушках - не в тепле, На стройки, на фронты и на рабфаки. Они ходили в люди по земле И в штыковые жесткие атаки. То время эшелонное прошло В плацкартах едем, травим анекдоты... Мы не ходили - шашки наголо, В отчаяньи не падали на доты! И все-таки традиция живет: Взятые не все вершины и преграды Не потому ли летом каждый год Идем в студенческие наши стройотряды И сверх программы мы сдаем зачет. Песок в глазах, в одежде и в зубах Мы против ветра держим путь на тракте, На дивногорских Каменных Столбах Хребты себе ломаем и характер. Мы гнемся в три погибели - ну, что ж, Такой уж ветер... Только, друг, ты знаешь Зато ничем нас после не согнешь, Зато нас на равнине не сломаешь! # 019

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 6. Субботник

Гули-гули-гуленьки, Девоньки-девуленьки! Вы оставьте мне на память В сердце загогулилки. Не гляди, что я сердит: По тебе же сохну-то! Я не с фронта инвалид, Я - любовью трехнутый. Выходите к Ванечке, Манечки-мотанечки! Что стоите, как старушки, Божьи одуванчики? Милый мой - каменотес, Сильный он да ласковый, Он мне с Англии привез Лифчик пенопластовый. Здесь мода отстает. Вот у нас в Австралии, Очень в моде в этот год В три обхвата талии. Уж не знаю я, как тут, А, к примеру, в Дании Девки в ЗАГСы волокут При втором свидании. Я не знаю, как у вас, А у нас во Франции Замуж можно в десять раз Все без регистрации. Ох! Табань, табань, табань, А то в берег врежемся. Не вставай в такую рань, Давай еще понежимся! Без ушка - иголочка, Оля! Олька, Олечка, Поднеси-ка инвалиду Столько, да полстолечка. На пути, на перепутьи Молодуху сватал дед, Сперва думали, что шутит, Оказалось, что нет. Мой миленок все допил Дочиста и допьяна, Потому и наступил В мире кризис топливный. Ты не вой, не ной, не ной Этот кризис нефтяной, Надо больше опасаться, Что наступит спиртовой! Гляну я - одна семья На таком воскреснике: Все друг другу кумовья, Али даже крестники. # 020

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 7. Грустная песня о Ванечке

Зря ты, Ванечка, бредешь Вдоль оврага. На пути - камень сплошь, Резвы ножки обобьешь, Бедолага! Тело в эдакой ходьбе Ты измучил, А и, кажется, себе Сам наскучил. Стал на беглого похож Аль на странничка. Может, сядешь, отдохнешь, Ваня-Ванечка?! Ваня! Что,

Ванюша, путь трудней? Хворь напала? Вьется тропка меж корней, До конца пройти по ней Жизни мало. Славно, коль судьбу узнал Распрекрасну, Ну а вдруг коней загнал Понапрасну?! Али вольное житье Слаще пряничка? Ах ты, горюшко мое, Ваня-Ванечка! Ваня! Ходят слухи, будто сник Да бедуешь, Кудри сбросил - как без них? Сыт ли ты, или привык, Голодуешь! Хорошо ли бобылем Да без крова? Это, Ваня, непутем, Непутево! Горемычный мой, дошел Ты до краюшка! Тополь твой уже отцвел, Ваня-Ванюшка! Ваня! # 021

1974 Песни из кинофильма "Одиножды один" 8. Песня Вани перед студентами

Эх, недаром говорится: Мастер дела не боится, Пусть боится дело это Ваню - мастера паркета. Не берись, коль не умеешь, Не умеючи - не трожь, Не подмажешь - не поедешь, А подмажешь - упадешь! Даже в этой пятилетке На полу играют детки, Проливают детки слезы От какой-нибудь занозы. Пусть елозят наши дети, Пусть играют в юлу На натертом на паркете На надраенном полу. Говорят, забудут скоро Люди званье полотера, В наше время это мненье Роковое заблужденье. Посреди родной эпохи Ты на щетках попляши, С женским полом шутки плохи, А с натертым - хороши! # 022

1974 Кто за чем бежит

На дистанции - четверка первачей, Каждый думает, что он-то побойчей, Каждый думает, что меньше всех устал, Каждый хочет на высокий пьедестал. Кто-то кровью холодней, кто горячей, Все наслушавшись напутственных речей, Каждый съел примерно поровну харчей, Но судья не зафиксирует ничьей. А борьба на всем пути В общем, равная почти. "Расскажите, как идут, бога ради, а?" "Телевиденье тут вместе с радио! Нет особых новостей все ровнехонько, Но зато накал страстей о-хо-хо какой!" Номер первый - рвет подметки как герой, Как под гору катит, хочет под горой Он в победном ореоле и в пыли Твердой поступью приблизиться к котлу. Почему высоких мыслей не имел? Потому что в детстве мало каши ел, Голодал он в этом детстве, не дерзал, Успевал переодеться - и в спортзал. Что ж, идеи нам близки Первым лучшие куски, А вторым - чего уж тут, он все выверил В утешение дадут кости с ливером. Номер два - далек от плотских тех утех, Он из сытых, он из этих, он из тех, Он надеется на славу, на успех И уж ноги задирает выше всех. Ох, наклон на вираже - бетон у щек! Краше некуда уже, а он - еще! Он

стратег, он даже тактик, словом - спец, Сила, воля плюс характер - молодец! Четок, собран, напряжен И не лезет на рожон, Этот - будет выступать на Салониках, И детишек поучать в кинохрониках, И соперничать с Пеле в закаленности, И являть пример целеустремленности! Номер третий - убелен и умудрен, Он всегда - второй надежный эшелон, Вероятно, кто-то в первом заболел, Но, а может, его тренер пожалел. И назойливо в ушах звенит струна: У тебя последний шанс, эх, старина! Он в азарте - как мальчишка, как шпана, Нужен спурт - иначе крышка и хана! Переходит сразу он В задний старенький вагон, Где бывшие имена прединфарктные, Где местам одна цена все плацкартные. А четвертый - тот, что крайний, боковой, Так бежит - ни для чего, ни для кого: То приблизится - мол, пятки оттопчу, То отстанет, постоит - мол, так хочу. Не проглотит первый лакомый кусок, Не надеть второму лавровый венок, Ну а третьему - ползти На запасные пути... Сколько все-таки систем в беге нынешнем! Он вдруг взял да сбавил темп перед финишем, Майку сбросил - вот те на! не противно ли? Поведенье бегуна неспортивное! На дистанции - четверка первачей, Злых и добрых, бескорыстных и рвачей. Кто из них что исповедует, кто чей? ...Отделяются лопатки от плечей И летит уже четверка первачей! # 023

1974 Песня про Джеймса Бонда, агента 007

Себя от надоевшей славы спрятав, В одном из их Соединенных Штатов, В глуши и дебрях чуждых нам систем Жил-был известный больше чем Иуда, Живое порожденье Голливуда Артист, Джеймс Бонд, шпион, агент 07. Был этот самый парень Звезда, ни дать ни взять, Настолько популярен, Что страшно рассказать. Да шуточное ль дело Почти что полубог! Известный всем Марчелло В сравненьи с ним - щенок. Он на своей на загородной вилле Скрывался, чтоб его не подловили, И умирал от скуки и тоски. А то, бывало, встретят у квартиры Набросятся и рвут на сувениры Последние штаны и пиджаки. Вот так и жил как в клетке, Ну а в кино - потел: Различные разведки Дурачил как хотел. То ходит в чьей-то шкуре, То в пепельнице спит, А то на абажуре Ково-нибудь соблазнит. И вот артиста этого - Джеймс Бонда Товарищи из Госафильмофонда В совместную картину к нам зовут, Чтоб граждане его не узнавали, Он к нам решил приехать в одеяле: Мол, все равно на клочья разорвут. Ну посудите сами: На проводах в ЮСА Все хиппи с волосами Побрили

волоса; С него сорвали свитер Отгрызли вмиг часы И растащили плиты Со взлетной полосы. И вот в Москве нисходит он по трапу, Дает доллар носильщику на лапу И прикрывает личность на ходу, Вдруг кой-то шасть на "газике" к агенту, И - киноленту вместо документу, Что, мол, свои, мол, хау ду ю ду! Огромная колонна Стоит сама в себе, Но встречает чемпиона По стендовой стрельбе. Попал во все, что было, Тот выстрелом с руки, Ну все с ума сходило, С ума и мужики. Довольный, что его не узнавали, Он одеяло снял в "Национале", Но, несмотря на личность и акцент, Его там обозвали оборванцем, Который притворился иностранцем И заявил, что, дескать, он - агент. Швейцар его - за ворот, Решил открыться он: "07 я!" - "Вам межгород Так надо взять талон!" Во рту скопилась пена И горькая слюна, И в позе супермена Он уселся у окна. Но вот киношестерки прибежали И недоразумение замяли, И разменяли фунты на рубли. ...Уборщица кричала: "Вот же пройда! Подумаешь - агентиска какой-то! У нас в девятом - принц из Сомали!" # 024

1974 Если где-то в чужой, беспокойной ночи

Если где-то в чужой, беспокойной ночи Ты споткнулся и ходишь по краю Не таись, не молчи, до меня докричи, Я твой голос услышу, узнаю. Может, с пулей в груди ты лежишь в спелой ржи Потерпи! - я спешу, и усталости ноги не чувят. Мы вернемся туда, где и воздух, и травы врачуют, Только ты не умри, только кровь удержи. Если ж конь под тобой - ты домчи, доскачи, Конь дорогу отыщет, буланый, В те края, где всегда бьют живые ключи, И они исцелят твои раны. Где же ты? - взаперти или в долгом пути, На развилках каких, перепутьях и перекрестках? Может быть, ты устал, приуныл, заблудился в трех соснах И не можешь обратно дорогу найти? Здесь такой чистоты из-под снега ручьи Не найдешь, не придумаешь краше. Здесь цветы, и кусты, и деревья - ничьи. Стоит нам захотеть - будут наши. Если трудно идешь, по колена в грязи, Да по острым камням, босиком по воде по студеной, Пропыленный, обветренный, дымный, огнем опаленный Хоть какой, - доберись, добреди, доползи! # 025

1974 Расстрел горного эха

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха, На кручах таких, на какие никто не проник, Жило-поживало веселое горное, горное эхо, Оно отзывалось на крик - человеческий крик. Когда одиночество комом подкатит под горло И сдавленный стон еле слышно в обрыв

упадет, Крик этот о помощи эхо подхватит, подхватит проворно, Усилит и бережно в руки своих донесет. Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья, Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп, Пришли умертвить, обеззвучить живое, живое ущелье. И эхо связали, и в рот ему всунули кляп. Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха. И эхо топтали, но звука никто не слышал. К утру расстреляли притихшее горное, горное эхо И брызнули камни - как слезы - из раненных скал... # 026

1974 Водой наполненные горсти

Водой наполненные горсти Ко рту спешили поднести Впрок пили воду черногорцы И жили впрок - до тридцати. А умирать почетно было Среди пуль и матовых клинков, И уносить с собой в могилу Двух-трех врагов, двух-трех врагов. Пока курок в ружье не стерся, Стреляли с седел, и с колен. И в плен не брали черногорца Он просто не сдавался в плен. А им прожить хотелось до ста, До жизни жадным, - век с лихвой В краю, где гор и неба вдосталь, И моря тоже - с головой: Шесть сотен тысяч равных порций Воды живой в одной горсти... Но проживали черногорцы Свой долгий век - до тридцати. И жены их водой помянут И прячут их детей в горах До той поры, пока не станут Держать оружие в руках. Беззвучно надевали траур И заливали очаги, И молча лили слезы в траву, Чтоб не услышали враги. Чернели женщины от горя, Как плодородные поля, За ними вслед чернели горы, Себя огнем испепеля. То было истинное мщенье Бессмысленно себя не жгут! Людей и гор самосожженье, Как несогласие и бунт. И пять веков как божьи кары, Как мести сына за отца, Пылали горные пожары И черногорские сердца. Цари менялись, царедворцы, Но смерть в бою всегда в чести, Не уважали черногорцы Проживших больше тридцати. Мне одного рожденья мало Расти бы мне из двух корней! Жаль, Черногория не стала Вторую родиной моей. # 027

1974 Очи черные I. Погоня

Во хмелю слегка Лесом правил я. Не устал пока, Пел за здравие. А умел я петь Песни вздорные: "Как любил я вас, Очи черные..." То плелись, то неслись, то трусили рысцой. И болотную слизь конь швырял мне в лицо. Только я проглочу вместе с грязью слюну, Штоф у горла скручу - и опять затяну: "Очи черные! Как любил я вас..." Но - прикончил я То, что впрок припас. Головой тряхнул, Чтоб слетела блажь, И вокруг взглянул И присвистнул аж: Лес стеной впереди - не

пускает стена, Кони прядут ушами, назад подают. Где просвет, где прогал - не видать ни рожна! Колют иглы меня, до костей достают. Коренной ты мой, Выручай же, брат! Ты куда, родной, Почему назад?! Дождь - как яд с ветвей Недобром пропах. Пристяжной моей Волк нырнул под пах. Вот же пьяный дурак, вот же налил глаза! Ведь погибель пришла, а бежать - не сумеешь, Из колоды моей утащили туза, Да такого туза, без которого - смерть! Я ору волкам: "Побери вас прах!..." А коней пока Подгоняет страх. Шевелю кнутом Бью крученые И ору притом: "Очи черные!.." Храп, да топот, да лязг, да лихой перепляс Бубенцы плясовую играют с дуги. Ах вы кони мои, погублю же я вас, Выносите, друзья, выносите, враги! ...От погони той Даже хмель иссяк. Мы на кряж крутой На одних осях, В хлопьях пены мы Струи в кряж лились, Отдышались, отхрипели Да откашлялись. Я лошадам забитым, что не подвели, Поклонился в копыта, до самой земли, Сбросил с воза манатки, повел в поводу... Спаси бог вас, лошадки, что целым иду! # 028

1974 Очи черные II. Старый дом

Что за дом притих, Погружен во мрак, На семи лихих Продувных ветрах, Всеми окнами Обратясь в овраг, А воротами На проезжий тракт? Ох, устал я, устал, - а лошадок распряг. Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги! Никого, - только тень промелькнула в сенях, Да стервятник спустился и сузил круги. В дом заходишь как Все равно в кабак, А народишко Каждый третий - враг. Своротят скулу, Гость непрощенный! Образа в углу И те перекошены. И затеялся смутный, чудной разговор, Кто-то песню стонал и гитару терзал, И припадочный малый - придурок и вор Мне тайком из-под скатерти нож показал. "Кто ответит мне Что за дом такой, Почему - во тьме, Как барак чумной? Свет лампад погас, Воздух вылился... Али жить у вас Разучились? Двери настезь у вас, а душа взаперти. Кто хозяином здесь? - напоил бы вином". А в ответ мне: "Видать, был ты долго в пути И людей позабыл, - мы всегда так живем! Траву кушаем, Век - на щавеле, Скисли душами, Опрыщавели, Да еще вином Много тешились, Разорjali дом, Дрались, вешались". "Я коней заморил, - от волков ускакал. Укажите мне край, где светло от лампад. Укажите мне место, какое искал, Где поют, а не стонут, где пол не покат". "О таких домах Не слышали мы, Долго жить впотьмах Привыкали мы. Испокону мы В зле да шепоте, Под иконами В черной копоти". И из смрада, где косо

висят образа, Я, башку очертя гнал, забросивши кнут, Куда кони несли да глядели глаза, И где люди живут, и - как люди живут. ...Сколько кануло, сколько схлынуло! Жизнь кидала меня - не докинула. Может, спел про вас неумело я, Очи черные, скатерть белая?! # 029

1974 Жили-были на мореі

Жили-были на море Это значит плавали, Курс держали правильный, слушались руля. Заходили в гавани Слева ли, справа ли Два красивых лайнера, судна, корабля: Белоснежнотелая, Словно лебедь белая, В сказочно-классическом плане, И другой - он в тропики Плавал в черном смокинге Лорд - трансатлантический лайнер. Ах, если б ему в голову пришло, Что в каждый порт уже давно влюбленно, Спешит к нему под черное крыло Стремительная белая мадонна! Слезы льет горячие В ценное горючее И всегда надеется в тайне, Что, быть может, в Африку Не уйдет по графику Этот недогадливый лайнер. Ах, если б ему в голову взбрело, Что в каждый порт уже давно влюбленно Прийти к нему под черное крыло Опаздывает белая мадонна! Кораблям и поздняя Не к лицу коррозия, Не к лицу морщины вдоль белоснежных крыл, И подтеки синие Возле ватерлинии, И когда на смокинге левый борт подгнил. Горевал без памяти В доке, в тихой заводи, Зол и раздосадован крайне, Ржавый и взъерошенный И командой брошенный, В гордом одиночестве лайнер. А ей невероятно повезло: Под танго музыкального салона Пришла к нему под черное крыло И встала рядом белая мадонна! # 030

1974 Сначала было Слово печали и тоскиі

Сначала было Слово печали и тоски, Рождалась в муках творчества планета, Рвались от суши в никуда огромные куски И островами становились где-то. И, странствуя по свету без фрахта и без флага Сквозь миллионолетья, эпохи и века, Менял свой облик остров, отшельник и бродяга, Но сохранял природу и дух материка. Сначала было Слово, но кончились слова, Уже матросы Землю населяли, И ринулись они по сходням вверх на острова, Для красоты назвав их кораблями. Но цепко держит берег - надежней мертвой хватки, И острова вернутся назад наверняка, На них царят морские - особые порядки, На них хранят законы и честь материка. Простит ли нас наука за эту параллель, За вольность в толковании теорий, И если уж сначала было слово на Земле, То это, безусловно, - слово "море"! # 031

1974 Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме

Я вчера закончил ковку, Я два плана залудил, И в загранкомандировку От завода угодил. Копоть, сажу смысл под душем, Съел холодного язя, И инструктора прослушал Что там можно, что нельзя. Там у них пока что лучше бытово, Так чтоб я не отчубучил не того, Он мне дал прочесть брошюру как наказ, Чтоб не вздумал жить там сдуру как у нас.

Говорил со мной как с братом Про коварный зарубеж, Про поездку к демократам В польский город Будапешт: "Там у них уклад особый Нам так сразу не понять, Ты уж их, браток, попробуй Хоть немного уважать. Будут с водкою дебаты отвечай: "Нет, ребята-демократы, только чай!" От подарков их сурово отвернись: "У самих добра такого завались!" Он сказал: "Живя в комфорте Экономь, но не дури, И гляди не выкинь фортель С сухомятки не помри! В этом чешском Будапеште Уж такие времена Может, скажут "пейте-ешьте", Ну а может - ни хрена!" Ох, я в Венгрии на рынок похожу. На немецких на румынок погляжу! Демократки, уверяли кореша, Не берут с советских граждан ни гроша. "Буржуазная зараза Все же ходит по пятам, Опасайся пуще сглаза Ты внебрачных связей там: Там шпиенки с крепким телом, Ты их в дверь - они в окно! Говори, что с этим делом Мы покончили давно. Но могут действовать они не прямиком: Шасть в купе - и притвориться мужиком, А сама наложит тола под корсет... Проверяй, какого пола твой сосед!" Тут давай его пытаться я: "Опасаясь - маху дам, Как проверить? - лезть под платье Так схлопочешь по мордам!" Но инструктор - парень дока, Деловой - попробуй срежь! И опять пошла морока Про коварный зарубеж... Популярно объясняю для невежд: Я к болгарам уезжаю в Будапешт. "Если темы там возникнут сразу снять, Бить не нужно, а не вникнут разъяснить!" Я ж по-ихнему - ни слова, Ни в дугу и ни в тую! Молот мне - так я любого В своего перекую! Но ведь я - не агитатор, Я - потомственный кузнец... Я к полякам в Улан-Батор Не поеду наконец! Сплю с женой, а мне не спится: "Дусь, а Дусь! Может, я без границы обойдусь? Я ж не ихнего замесу я сбегу, Я ж на ихнем - ни бельмеса, ни гугу!" Дуся дремлет как ребенок, Накрутивши бигуди, Отвечает мне спросонок: "Знаешь, Коля, - не зудит! Что ты, Коля, больно робок Я с тобою разведусь! Двадцать лет живем бок о бок И все время: "Дуся, Дусь..." Обещал - забыл ты, нешто? ну хорош! Что клеенку с Бангладешта привезешь. Сбереги там пару рупий не бузи, Хоть че - хоть черта в ступе привези!" Я уснул,

обняв супругу Дусю нежную мою, Снилось мне, что я кольчугу, Щит и меч себе кую. Там у них другие мерки, Не поймешь - съедят живьем, И все снились мне венгерки С бородами и с ружьем. Снились Дусины клеенки цвета беж И нахальные шпиемки в Бангладеш... Поживу я - воля божья у румын, Говорят - они с Поволжья, как и мы! Вот же женские замашки! Провожала - стала петь. Отутюжила рубашки Любо-дорого смотреть. До свиданья, цех кузнечный, Аж до гвоздика родной! До свиданья, план мой встречный, Перевыполненный мной! Пили мы - мне спирт в аорту проникал, Я весь путь к аэропорту проикал. К трапу я, а сзади в спину будто лай: "На кого ты нас покинул, Николай!" # 032

1974 Случай на таможне (В.Румянцеву)

Над Шере метьево В ноябре третьего Метеоусловия не те, Я стою встревоженный, Бледный, но ухоженный, На досмотр таможенный в хвосте. Стоял сначала - чтоб не нарываться: Ведь я спиртного лишку загрузил, А впереди шмонали уругвайца, Который контрабанду провозил. Крест на груди в густой шерсти, Толпа как хором ахнет: "За ноги надо потрясти, Глядишь - чего и звякнет!" И точно: ниже живота Смешно, да не до смеха Висели два литых креста Пятнадцатого века. Ох, как он сетовал: Где закон нету, мол! Я могу, мол, опоздать на рейс!.. Но Христа распятого В половине пятого Не пустили в Буэнос-Айрес. Мы все-таки мудреем год от года Распятыя нам самим теперь нужны, Они - богатство нашего народа, Хотя и - пережиток старины. А раньше мы во все края И надо и не надо Дарили лики, жития, В окладе, без оклада... Из пыльных ящиков косясь Безропотно, устало, Искусство древнее от нас, Бывало, и - сплывало. Доктор зуб высверлил Хоть слезу мистер лил, Но таможенник вынул из дупла, Чуть поддев лопатую, Мраморную статую Целенькую, только без весла. Общупали заморского барыгу, Который подозрительно притих, И сразу же нашли в кармане фигу, А в фигуре - вместо косточки - триптих. "Зачем вам складень, пассажир? Купили бы за трешку В "Березке" русский сувенир Гармонь или матрешку!" "Мир-дружба! Прекратить огонь!" Попер он как на кассу, Козе - баян, попу - гармонь, Икону - папуасу! Тяжело с истыми Контрабан дистами! Этот, что статуи был лишен, Малый с подковыркою, Цыкнул зубом с дыркою, Сплюнул - и уехал в Вашингтон. Как хорошо, что бдительнее стало, Таможня ищет ценный капитал Чтоб золотишки с нимба не упало, Чтобы гвоздок с распятыя

не пропал! Таскают - кто иконостас, Кто - крестик, кто - иконку, Так веру в Господа от нас Увозят потихоньку. И на поездки в далеко Навек, бесповоротно Угодники идут легко, Пророки - неохотно. Реки льют потные! Весь я тут, вот он я Слабый для таможни интерес, Правда, возле щиколот Синий крестик выколот, Но я скажу, что это - Красный Крест. Один мулла триптих запрятал в книги, Да, контрабанда - это ремесло! Я пальцы сжал в кармане в виде фиги На всякий случай - чтобы пронесло. Арабы нынче - ну и ну! Европу попржижали, Мы в "шестидневную войну" Их очень поддержали. Они к нам ездят неспроста Задумайтесь об этом! Увозят нашего Христа На встречу с Магометом. ...Я пока здесь еще, Здесь мое детище, Все мое - и дело, и родня! Лики - как товарищи Смотрят понимающе С почерневших досок на меня. Сейчас, как в вытрезвителе ханьгу, Разденут - стыд и срам - при всех святых, Найдут в мозгу туман, в кармане фигу, Крест на ноге - и кликнут понятых! Я крест сцарапывал, кляня Судьбу, себя - все вкуче, Но тут вступился за меня Ответственный по группе. Сказал он тихо, делово Такого не обшаришь: Мол, вы не трогайте его, Мол, кроме водки - ничего, Проверенный товарищ! # 033

1974 Памяти Василия Шукшина

Еще - ни холодов, ни льдин, Земля тепла, красна калина, А в землю лег еще один На Новодевичьем мужчина. Должно быть, он примет не знал, Народец праздный суесловит, Смерть тех из нас всех прежде ловит, Кто понарошку умирал. Коль так, Макарыч, - не спеши, Спусти колки, ослабь зажимы, Пересними, перепиши, Переиграй, - останься живым. Но, в слезы мужиков вгоняя, Он пулю в животе понес, Припал к земле, как верный пес... А рядом куст калины рос Калина красная такая. Смерть самых лучших намечает И дергает по одному. Такой наш брат ушел во тьму! Не поздоровилось ему, Не буйствует и не скучает. А был бы "Разин" в этот год... Натура где? Онега? Нарочь? Все - печкилавочки, Макарыч, Такой твой парень не живет! Вот после временной заминки Рок процедил через губу: "Снять со скуластого табу За то, что он видал в гробу Все панихиды и поминки. Того, с большой душою в теле И с тяжким грузом на горбу, Чтоб не испытывал судьбу, Взять утром тепленьким в постели!" И после непременно бани, Чист перед богом и тверез. Взял да и умер он всерьез Решительней, чем на экране. # 034

1974 День без единой смерти

I. Секунд, минут, часов - нули. Сердца с часами сверьте! Объявлен праздник всей Земли: "День без единой смерти". Вход в рай забили впопыхах, Ворота ада - на засове, Без оговорок и условий Все согласовано в верхах. Старухе Смерти взятку дали И погрузили в забытие И напоили вдрызг ее И даже косу отобрали. Никто от родов не умрет, От старости, болезней, от Успеха, страха, срама, оскорблений. Ну а за кем недоглядят, Тех беспощадно оживят Спокойно, без особых угрызений. И если где резня теперь Ножи держать тупыми! А если бой, то - без потерь, Расстрел - так холостыми. Указ гласит без всяких "но": "Свинцу отвешивать поклоны, Чтоб лучше жили миллионы, На этот день запрещено. И вы, убийцы, пыл умерьте, Забудьте мстить и ревновать! Бить можно, но - не убивать, Душить, но только не до смерти. Конкретно, просто, делово: Во имя черта самого Никто нигде не обнажит кинжалов. И злой палач на эшафот Ни капли крови не прольет За торжество добра и идеалов. Оставьте, висельники, тли, Дурацкие затеи! Вы, вынутые из петли, Не станете святее. Вы нам противны и смешны, Слюнтяи, трусы, самоеды, У нас несчастья и беды На этот день отменены! Не смейте вспарывать запястья, И яд глотать, и в рот стрелять, На подоконники вставать, Нам яркий свет из окон застя! Мы будем вас снимать с петли И напоказ валять в пыли, Еще дышащих, тепленьких, в исподнем... Жить, хоть несильно, - вот приказ! Куда вы денетесь от нас: Приема нынче нет в раю Господнем. И запылают сто костров Не жечь, а греть нам спины, И будет много катастроф, А смерти - не единой! И, отвалившись от стола, Никто не лопнет от обжорства, И падать будут из притворства От выстрелов из-за угла. И заползут в сырую келью И вечный мрак, и страшный рак, Уступит место боль и страх Невероятному веселью! Ничто не в силах помешать Нам жить, смеяться и дышать, Мы ждем события в радостной истоме. Для темных личностей в Столбах Полно смирительных рубаш: Особый праздник в Сумасшедшем доме...

II. И пробил час, и день возник, Как взрыв, как ослепленье! То тут, то там взвизывался крик: "Остановись, мгновенье!" И лился с неба нежный свет, И хоры ангельские пели, И люди быстро обнаглели: Твори, что хочешь, - смерти нет! Иной до смерти выпивал Но жил, подлец, не умирал. Другой в пролеты прыгал всяко-разно, А третьего душил сосед, А тот - его... Ну, словом, все Добро и зло творили безнаказно. Тихоня, паинька, не знал Ни драки, ни раздоров: Теперь он

голос поднимал, Как колья от заборов, Он торопливо вынимал Из мокрых мостовых бульжников, А прежде он был тихий книжник И зло с насильем презирал. Кругом никто не умирал, А тот, кто раньше понимал Смерть как награду или избавленье Тот бить стремился наповал, А сам при этом напевал, Что, дескать, помнит чудное мгновенье. Ученый мир - так весь воспрял, И врач, науки ради, На людях яды проверял, И без противоядий. Вон там устроила погром, Должно быть, хунта или клика, Но все от мала до велика, Живут, - все кончилось путем. Самоубийц, числом до ста, Сгоняли танками с моста, Повесившихся - скопом оживляли. Фортуны - вон из колеса! Да! День без смерти удался Застрельщики, ликуя, пировали. Но вдруг глашатай весть разнес Уже к концу банкета, Что торжество не удалось, Что кто-то умер где-то В тишайшем уголке Земли, Где спят и страсти, и стихии, Реаниматоры лихие Туда добраться не смогли. Кто смог дерзнуть, кто смел посметь, И как уговорил он Смерть?! Ей дали взятку - Смерть не на работе!.. Не доглядели, хоть реви, Он просто умер от любви. На взлете умер он, на верхней ноте. # 035

1974 Театру "Современник"

Все начинается со МХАТа И размещается окрест. Был быстр и короток когда-то Ваш самый первый переезд. Ах, эти годы кочевые! И вы попали с первых лет: В цвет ваши "Вечные живые", "Два цвета" тоже - в самый цвет. Как загуляли вы, ребята, Шагнули в ногу, как один, Из Камергерского, от МХАТа, Сначала в "Яр", потом - в "Пекин". Ты в это вникнуть попытайся, Театр однажды посетив: "Пекин" вблизи, но по-китайски Никто - во это коллектив. Еще не ночь, еще не вечер! Хоть есть прогал в твоих рядах, Иных уж нет, а те далече, А мы - так прямо в двух шагах. Сейчас Таганка отмечает Десятилетний юбилей. Хотя таких и не бывает, Ну, так сказать, десятилей... Наш "Современник"! Человече! Театр, Галя, Лелик, все! Еще не ночь, еще не вечер, Еще мы в яркой полосе. # 036

1974 Театрально-тюремный этюд на таганские темы {к 10-летию театра на Таганке}

Легавым быть - готов был умереть я, Отгрохать юбилей - и на тот свет! Но выяснилось: вовсе не рубеж десятилетье, Не юбилей, а просто - десять лет. И все-таки "Боржома" мне налей За юбилей. Такие даты редки! Ну ладно, хорошо, - не юбилей, А, скажем, - две нормальных пятилетки. Так с чем мы подошли к "неюбилею"? За что мы выпьем и

поговорим? За то, что все вопросы и в "Конях", и в "Пелагее" Ответы на историю с "Живым". Не пик, и не зенит, не апогей! Но я пою от имени всех зеков Побольше нам "Живых" и "Пелагей", Ну, словом, - больше "Добрых человек". Нам почести особые воздали: Вот деньги раньше срока за квартал, В газету заглянул, а там полным-полно регалий Я это между строчек прочитал. Вот только про награды не найду, Нет сообщений про гастроль в загранке. Сидим в определяющем году, Как, впрочем, и в решающем, - в Таганке. Тюрьму сломали - мусор на помойку! Но будет, где головку прислонить. Затеяли на площади годков на десять стройку, Чтоб равновесье вновь восстановить. Ох, мы поедем! Ох, поколесим! В Париж мечтая, а в Челны намылясь И будет наш театр и кочевым, И уличным (к чему мы и стремились). Как хорошо, мы здесь сидим без кляпа, И есть чем пить, жевать и речь вести. А эти десять лет - не путь тюремного этапа: Они - этап нелегкого пути. Пьем за того, кто превозмог и смог, Нас в юбилей привел, как полководец. За пахана! Мы с ним тянули срок Наш первый убедительный "червонец". Еще мы пьем за спевку, смычку, спайку С друзьями с давних лет - с таганских нар За то, что на банкетах вы делили с нами пайку, Не получив за пьесу гонорар. Редуют наши стройные ряды Писателей, которых уважаешь. Но, говорят, от этого мужаешь. За долги ваши праведны труды Земной поклон, Абрамов и Можайч! От наших лиц остался профиль детский, Но первенец не сбит, как птица влет Привет тебе, Андрей, Андрей Андреич Вознесенский! И пусть второго бог тебе пошлет. Ах, Зина, жаль не склеилась семья У нас там, в Сезуане, время мало. И жаль мне, что Гертруда - мать моя, И что не мать мне Василиса, Алла. Ах, Ваня, Ваня Бортник! - тихий сапа. Как я горжусь, что я с тобой на ты! Как жаль, спектакль не видел Паша, Павел, Римский папа Он у тебя б набрался доброты. Таганка, славься! Смейся! Плачь! Кричи! Живи и в наслажденьи, и в страданьи. Пусть лягут рядом наши кирпичи Краеугольным камнем в новом зданьи. # 037

1975 Баллада о времени

Замок временем скрыт и укутан, укрыт В нежный плед из зеленых побегов, Но... развяжет язык молчаливый гранит И холодное прошлое заговорит О походах, боях и победах. Время подвиги эти не стерло: Оторвать от него верхний пласт Или взять его крепче за горло И оно свои тайны отдаст. Упадут сто замков и спадут сто оков, И сойдут сто

потов целой груды веков, И польются легенды из сотен стихов Про турниры, осады, про вольных стрелков. Ты к знакомым мелодиям ухо готовь И гляди понимающим оком, Потому что любовь - это вечно любовь, Даже в будущем вашем далеком. Звонко лопалась сталь под напором меча, Тетива от натуги дымилась, Смерть на копьях сидела, утробно урча, В грязь валились враги, о пощаде крича, Победившим сдаваясь на милость. Но не все, оставаясь живыми, В доброте сохраняли сердца, Защитив свое доброе имя От заведомой лжи подлеца. Хорошо, если конь закусил удила И рука на копье поудобней легла, Хорошо, если знаешь - откуда стрела, Хуже - если по-подлому, из-за угла. Как у вас там с мерзавцем? Бьют? Поделом! Ведьмы вас не пугают шабашем? Но... не правда ли, зло называется злом Даже там - в добром будущем вашем? И вовеки веков, и во все времена Трус, предатель - всегда презираем, Враг есть враг, и война все равно есть война, И темница тесна, и свобода одна И всегда на нее уповаем. Время эти понятия не стерло, Нужно только поднять верхний пласт И дымящейся кровью из горла Чувства вечные хлынут на нас. Ныне, присно, во веки веков, старина, И цена есть цена, и вина есть вина, И всегда хорошо, если честь спасена, Если другом надежно прикрыта спина. Чистоту, простоту мы у древних берем, Саги, сказки - из прошлого тащим, Потому, что добро остается добром В прошлом, будущем и настоящем! # 001

1975 В забавах ратных целый век

В забавах ратных целый век, В трудах, как говорится, Жил-был хороший человек, По положенью - рыцарь. Известен мало, не богат, Судьба к нему жестока, Но рыцарь был, как говорят, Без страха и упрека. И счастье понимал он так: Турнир, триумф, повержен враг, Прижат рукою властной. Он столько раз судьбу смущал, Победы даме посвящал Единственной, прекрасной! Но были войны впереди, И от судьбы - не скрыться! И, спрятав розу на груди, В поход умчался рыцарь. И по единственной одной Он тосковал, уехав, Скучало сердце под броней Его стальных доспехов. Когда в крови под солнцем злым Копался он мечом своим В душе у иноверца, Так счастье понимать он стал: Что не его, а он достал Врага копьем до сердца. # 002

1975 Баллада о ненависти

Торопись - тощий гриф над странною кружит! Лес - обитель твою - по весне навести! Слышишь - гулко земля под ногами дрожит?

Видишь - плотный туман над полями лежит? Это росы вскипают от ненависти! Ненависть - в почках набухших томится, Ненависть - в нас затаенно бурлит, Ненависть - потом сквозь кожу сочится, Головы наши палит! Погляди - что за рыжие пятна в реке, Зло решило порядок в стране навести. Рукоятки мечей холодеют в руке, И отчаянье бьется, как птица, в виске, И заходится сердце от ненависти! Ненависть - юным уродует лица, Ненависть - просится из берегов, Ненависть - жаждет и хочет напиться Черною кровью врагов! Да, нас ненависть в плен захватила сейчас, Но не злоба нас будет из плена вести. Не слепая, не черная ненависть в нас, Свежий ветер нам высушит слезы у глаз Справедливой и подлинной ненависти! Ненависть - пей, переполнена чаша! Ненависть - требует выхода, ждет. Но благородная ненависть наша Рядом с любовью живет! # 003

1975 Баллада о вольных стрелках

Если рыщут за твоею Непокорной головой, Чтоб петлей худую шею Сделать более худой, Нет надежнее приюта: Скройся в лес - не пропадешь, Если продан ты кому-то С потрохами ни за грош. Бедняки и бедолаги, Презирая жизнь слуги, И бездомные бродяги, У кого одни долги, Все, кто загнан, неприкаян, В этот вольный лес бегут, Потому что здесь хозяин Славный парень Робин Гуд! Здесь с полслова понимают, Не боятся острых слов, Здесь с почетом принимают Оторви-сорви-голов. И скрываются до срока Даже рыцари в лесах: Кто без страха и упрека Тот всегда не при деньгах! Знают все оленье тропы, Словно линии руки, В прошлом - слуги и холопы, Ныне - вольные стрелки. Здесь того, кто все теряет, Защитят и сберегут: По лесной стране гуляет Славный парень Робин Гуд! И живут да поживают Всем запретам вопреки И ничуть не унывают Эти вольные стрелки, Спят, укрывшись звездным небом, Мох род ребра положив, Им, какой бы холод ни был Жив, и славно, если жив! Но вздыхают от разлуки Где-то дом и клочок земли Да поглаживают луки, Чтоб в бою не подвели, И стрелков не сыщешь лучших!.. Что же завтра, где их ждут Скажет первый в мире лучник Славный парень Робин Гуд! # 004

1975 Баллада о Любви

Когда вода Всемирного потопа Вернулась вновь в границы берегов, Из пены уходящего потока На берег тихо выбралась Любовь И растворилась в воздухе до срока, А срока было - сорок сороков... И чудачки - еще такие есть Вдыхают полной грудью эту смесь, И ни

наград не ждут, ни наказанья, И, думая, что дышат просто так, Они внезапно попадают в такт Такого же - неровного - дыханья. Я поля влюбленным постелю Пусть поют во сне и наяву!.. Я дышу, и значит - я люблю! Я люблю, и значит - я живу! И много будет странствий и скитаний: Страна Любви - великая страна! И с рыцарей своих - для испытаний Все строже станет спрашивать она: Потребуется разлук и расстояний, Лишит покоя, отдыха и сна... Но вспять безумцев не поворотить Они уже согласны заплатить: Любой ценой - и жизнью бы рискнули, Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить Волшебную невидимую нить, Которую меж ними протянули. Я поля влюбленным постелю Пусть поют во сне и наяву!.. Я дышу, и значит - я люблю! Я люблю, и значит - я живу! Но многих захлебнувшихся любовью Не докричишься - сколько не зови, Им счет ведут молва и пустословье, Но этот счет замешан на крови. А мы поставим свечи в изголовье Погибших от невиданной любви... И душам их дано бродить в цветах, Их голосам дано сливаться в такт, И вечностью дышать в одно дыханье, И встретиться - со вздохом на устах На хрупких переправах и мостах, На узких перекрестках мирозданья. Свежий ветер избранных пьянил, С ног сбивал, из мертвых воскрешал, Потому что если не любил Значит, и не жил, и не дышал! # 005

1975 Баллада о двух погибших лебедях

Трубят рога: скорей, скорей! И копошится свита. Душа у ловчих без затей, Из жил воловьих свита. Ну и забава у людей Убить двух белых лебедей! И стрелы ввысь помчались... У лучников наметан глаз, А эти лебеди как раз Сегодня повстречались. Она жила под солнцем - там, Где синих звезд без счета, Куда под силу лебедям Высокого полета. Ты воспари - крыла раскинь В густую трепетную синь. Скользи по божьим склонам, В такую высь, куда и впредь Возможно будет долететь Лишь ангелам и стонам. Но он и там ее настиг И счастлив миг единый, Но может, был тот яркий миг Их песней лебединой... Двум белым ангелам сродни, К земле направились они Опасная повадка! Из-за кустов, как из-за стен, Следят охотники за тем, Чтоб счастье было кратко. Вот утирают пот со лба Виновники паденья: Сбылась последняя мольба "Остановись, мгновенье!" Так пелся вечный этот стих В пик лебединой песне их Счастливец одночасья: Они упали вниз вдвоем, Так и оставшись на седьмом, На высшем небе счастья. # 006

1975 Баллада о борьбе

Средь оплывших свечей и вечерних молитв, Средь военных трофеев и мирных костров, Жили книжные дети, не знавшие битв, Изнывая от детских своих катастроф. Детям вечно досаден Их возраст и быт И дрались мы до ссадин, До смертных обид. Но одежды латали Нам матери в срок, Мы же книги глотали, Пьянея от строк. Липли волосы нам на вспотевшие лбы, И сосало под ложечкой сладко от фраз. И кружил наши головы запах борьбы, Со страниц пожелтевших слетая на нас. И пытались постичь Мы, не знавшие войн, За воинственный клич Принимавшие вой, Тайну слова "приказ", Назначенье границ, Смысл атаки и лягз Боевых колесниц. А в кипящих котлах прежних боен и смут Столько пищи для маленьких наших мозгов! Мы на роли предателей, трусов, иуд В детских играх своих назначали врагов. И злодея слезам Не давали остыть, И прекраснейших дам Обещали любить; И, друзей успокоив И ближних любя, Мы на роли героев Вводили себя. Только в грезы нельзя насовсем убежать: Краткий век у забав - столько боли вокруг! Попытайся ладони у мертвых разжать И оружие принять из натруженных рук. Испытай, завладев Еще теплым мечом, И доспехи надев, Что почем, что почем! Испытай, кто ты - трус Иль избранник судьбы, И попробуй на вкус Настоящей борьбы. И когда рядом рухнет израненный друг И над первой потерей ты взвоешь, скорбя, И когда ты без кожи останешься вдруг Оттого, что убили - его, не тебя, Ты поймешь, что узнал, Отличил, отыскал По оскалу забрал Это смерти оскал! Ложь и зло, - погляди, Как их лица грубы, И всегда позади Воронье и гробы! Если путь прорубая отцовским мечом Ты соленые слезы на ус намотал, Если в жарком бою испытал что почем, Значит, нужные книги ты в детстве читал! Если мяса с ножа Ты не ел ни куска, Если руки сложа Наблюдал свысока, И в борьбу не вступил С подлецом, палачом Значит, в жизни ты был Ни при чем, ни при чем! # 007

1975 Знать бы все - до конца бы и сразу бї

Знать бы все - до конца бы и сразу б Про измену, тюрьму и рочок, Но... друзей моих пробуют на зуб, Но... цепляют меня на крючок. # 008

1975 Ублажаю ли душу романсомї

Ублажаю ли душу романсом Или грустно пою про тюрьму, Кто-то рядом звучит диссонансом, Только кто - не пойму. # 009

1975 Узнаю и в пальто, и в плаще ихі

...Узнаю и в пальто, и в плаще их, Различаю у них голоса, Ведь направлены ноздри ищек На забытые мной адреса. # 010

1975 И не пишется, и не поетсяяі

И не пишется, и не поетсяя, Струны рву каждый раз, как начну. Ну а если струна оборвется Заменяешь другую струну. И пока привыкнешь к новой, Иссекаешь пальцы в кровь: Не звучит аккорд басовый Недостаточно верхов. Но остались чары Брежу наяву, Разобью гитару, Струны оборву, Не жалею глотки И иду на крест Выпью бочку водки За один присест. # 011

1975 Не однажды встречал на пути подлецові

Не однажды встречал на пути подлецов, Но один мне особо запал, Он коварно швырнул горсть махорки в лицо, Нож в живот - и пропал. Я здоровый, я выжил, не верил хирург, Ну, а я веру в нем возродил, Не отыщешь таких и в Америке рук Я его не забыл. Я поставил мечту свою на тормоза, Встречи ждал и до мести дожил. Не швырнул ему, правда, махорку в глаза, Но потом закурил. Никогда с удовольствием я не встречал Откровенных таких подлецов. Но теперь я доволен: ах, как он лежал Не дыша, среди дров! # 012

1975 Не впадай ни в тоску, ни в азарт тыі

Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты Даже в самой невинной игре, Не давай заглянуть в свои карты И до срока не сбрось козырей. Отключи посторонние звуки И следи, чтоб не прятал глаза, Чтоб держал он на скатерти руки И не смог передернуть туза. Никогда не тянись за деньгами, Если ж ты, проигравши, поник, Как у Пушкина в "Пиковой даме" Ты останешься с дамою пик. Если ж ты у судьбы не в любимцах Сбрось очки и закончи на том, Крикни: "Карты на стол, проходимцы!" И уйди с отрешенным лицом. # 013

1975 Мне бы те годочки миноватьі

Мне бы те годочки миновать, А отшибли почки - наплевать! Знаю, что досрочки не видать, Только бы не стали добавлять. # 014

1975 Не могу ни выпить, ни забытьсяі

Не могу ни выпить, ни забыться. Стих пришел - и замысел высок. Не мешайте, дайте углубиться! Дайте отрешиться на часок. # 015

1975 Вы были у Беллыі

Вы были у Беллы? Мы были у Беллы Убили у Беллы День белый, день целый, И пели мы Белле, Молчали мы Белле, Уйти не хотели Как

утром с постели. И если вы слишком душой огрубели Идите смягчиться не к водке, а к Белле. И ели вам что-то под горло подкатит У Беллы и боли и нежности хватит. # 016

1975 Препинаний и букв чародейї

Препинаний и букв чародей, Лиходей непечатного слова Трал украл для волшебного лова Рифм и наоборотных идей. Мы, неуклюжие, мы, горемычные, Идем и падаем по всей России... Придут другие, еще лиричнее, Но это будут - не мы - другие. Автогонщик, бурлак и ковбой, Презирающий гладь плоскогорий, В мир реальнейших фантазмагорий Первым в связке ведешь за собой! Стонешь ты эти горькие, личные, В мире лучшие строки! Какие? Придут другие, еще лиричнее, Но это будут - не мы - другие. Пришли дотошные "немыдругие", Они - хорошие, стихи - плохие. # 017

1975 Письмо к другу, или Зарисовка о Париже (И. Бортнику)

Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу И то, что слышу, и то, что вижу, Пищу в блокнотик, впечатлениям вдогонку: Когда состарюсь - издам книжонку. Про то, что, Ваня, мы с тобой в Париже Нужны - как в бане пассатижи. Все эмигранты тут второго поколения От них сплошные недоразуменья: Они все путают - и имя, и названья, И ты бы, Ваня, у них выл - "Ванья". А в общем, Ваня, мы с тобой в Париже Нужны - как в русской бане лыжи! Я сам завел с француженкою шашни, Мои друзья теперь - и Пьер, и Жан. Уже плевал я с Эйфелевой башни На головы беспечных парижан! Проникновенье наше по планете Особенно заметно вдалеке: В общественном парижском туалете Есть надписи на русском языке! # 018

1975 Седьмая струна

Ах, порвалась на гитаре струна, Только седьмая струна! Там, где тонко, там и рвется жизнь, Хоть сама ты на лады ложись. Я исчезну - и звукам не быть. Больно, коль станут аккордами бить Руки, пальцы чужие по мне По седьмой, самой хрупкой струне. # 019

1975 Муру на блюде доедаю подчистуюї

Муру на блюде доедаю подчистую. Глядите, люди, как я смело протестую! Хоть я икаю, но твердою как Спаситель, И попадаю за идею в вытрезвитель. Вот заиграла музыка для всех, И стар и млад, приученный к порядку Всеобщую танцует физзарядку, Но я - рублю сплеча, как дровосек: Играют танго - я иду вприсядку. Объявлен рыбный день - о чем грустим? Хек с маслом в глотку - и молчим как

рыбы. Повеселей: хек семге - побратим. Наступит птичий день - мы полетим, А упадем - так спирту на ушибы. # 020

1975 Я был завсегдаем всех пивныхі

Я был завсегдаем всех пивных, Меня не приглашали на банкеты: Я там горчицу вмазывал в паркет, Гасил окурки в рыбных заливных И слезы лил в пожарские котлеты. Я не был тверд, но не был мягкотел, Семья прожить хотела без урота, В ней все - кто от сохи, кто из народа. И покатился {я} и полетел По жизни - от привода до привода. А в общем - что? Иду - нормальный ход, Ногам легко, свободен путь и руки. Типичный люмпен - если по науке, А по уму - обычный обормот, Нигде никем не взятый на поруки. Недавно опочили старики Большевики с двенадцатого года. Уж так подтасовалася колода: Они - во гроб, я - в черны пиджаки, Как выходец из нашего народа. У нас отцы - кто дуб, кто вяз, кто кедр, Охотно мы вставляем их в анкеты, И много нас, и хватки мы, и метки, Мы бдим, едим, восшедшие из недр, Предельно сокращая пятилетки. Я мажу джем на черную икру, Маячат мне и близости и дали, На жиге, не на гуще мне гадали. Я из народа вышел поутру, И не вернусь, хоть мне и предлагали. Конечно, я немного прозевал, Но где ты, где, учитель мой зануда? Не отличу катуда от ануда! Зря вызывал меня ты на завал Глядишь теперь откуда-то оттуда. # 021

1975 Я юркнул с головой под покрывалоі

Я юркнул с головой под покрывало, И стал смотреть невероятный сон: Во сне статуя Мухиной сбежала, Причем - чур-чур! - колхозница сначала, Уперся он, она, крича, серчала, Серпом ему - и покорился он. Хвать-похват, глядь-погляд Больше некому стоять, Больше некому приезжать, Восхищаться и ослеплять. Слетелись голубочки - гули-гули! Какие к черту гули, хоть кричи! Надули голубочков, обманули, Скользили да плясали люли, люли, И на тебе - в убежище нырнули, Солисты, гастролеры, первачи. Теперь уж им на голову чего-то Не уронить, ничем не увенчать, Ищи-свищи теперь и Дон-Кихота В каких-то Минессота{x} и Дакота{x}. Вот сновиденье в духе Вальтер Скотта. Качать меня, лишать меня, молчать! # 022

1975 Что брюхо-то поджалось-тоі

Что брюхо-то поджалось-то, Нутро почти видно? Ты нарисуй, пожалуйста, Что прочим не дано. Пусть вертит нам судья вола Логично, делово: Де, пьянь - она от Дьявола, А трезвь - от Самого.

Начнет похмельный тиф трясти Претерпим муки те! Равны же во Антихристе, Мы, братья во Христе... # 023

1975 Песня о погибшем летчике

Дважды Герою Советского Союза Николаю Скоморохову и его погибшему другу Всю войну под завязку я все к дому тянулся, И хотя горячился воевал делово, Ну а он торопился, как-то раз не пригнулся И в войне взад-вперед обернулся за два года - всего ничего. Не слышать его пульса С сорок третьей весны, Ну а я окунулся В довоенные сны. И гляжу я дурея, И дышу тяжело: Он был лучше, добрее, Добрее, добрее, Ну а мне - повезло. Я за пазухой не жил, не пил с господом чая, Я ни в тыл не просился, ни судьбе под подол, Но мне женщины молча намекали, встречая: Если б ты там навеки остался может, мой бы обратно пришел?! Для меня - не загадка Их печальный вопрос, Мне ведь тоже несладко, Что у них не сбылось. Мне ответ подвернулся: "Извините, что цел! Я случайно вернулся, вернулся, вернулся, Ну а ваш - не сумел". Он кричал напоследок, в самолете сторая: "Ты живи! Ты дотянешь!" доносилось сквозь гул. Мы летали под богом возле самого рая, Он поднялся чуть выше и сел там, ну а я - до земли дотянул. Встретил летчика сухо Райский аэродром. Он сажился на брюхо, Но не ползал на нем. Он уснул - не проснулся, Он запел - не допел. Так что я вот вернулся, Глядите - вернулся, Ну а он - не успел. Я кругом и навечно виноват перед теми, С кем сегодня встречаться я почел бы за честь, Но хотя мы живыми до конца долетели Жжет нас память и мучает совесть, у кого, у кого она есть. Кто-то скупно и четко Отсчитал нам часы Нашей жизни короткой, Как бетон полосы, И на ней - кто разбился, Кто взлетел навсегда... Ну а я приземлился, А я приземлился, Вот такая беда... # 024

1975 Я еще не в угареї

Я еще не в угаре, не втиснулся в роль. Как узнаешь в ангаре, кто - раб, кто - король, Кто сильней, кто слабей, кто плохой, кто хороший, Кто кого допечет, допытает, дожмет: Летуна самолет или наоборот? На земле притворилась машина - святошей.

Завтра я испытаю судьбу, а пока Я машине ласкаю крутые бока. На земле мы равны, но равны ли в полете? Под рукою, не скрою, ко мне холодок, Я иллюзий не строю я старый ездок: Самолет - необъезженный дьявол во плоти. Знаю, утро мне силы утроит, Ну а конь мой - хорош и сейчас, Вот решает он: стоит - не стоит Из-под

палки работать на нас. Ты же мне с чертежей, как с пеленок, знаком, Ты не знал виражей шел и шел прямиком, Плыл под грифом "Секретно" по волнам науки. Генеральный конструктор тебе потакал И отбился от рук ты в КБ, в ОТК, Но сегодня попал к испытателю в руки! Здесь возьмутся покруче, придется теперь Расплатиться, и лучше без лишних потерь: В нашем деле потери не очень приятны. Ты свое отгулял до последней черты, Но и я попетлял на таких вот, как ты, Так что грех нам обоим идти на попятный. Иногда недоверие точит: Вдруг не все мне машина отдаст, Вдруг она засбоит, не захочет Из-под палки работать на нас! # 025

1975 Мы взлетали как утки

...Мы взлетали как утки с раскисших полей: Двадцать вылетов в сутки куда веселей! Мы смеялись, с парилкой туман перепутав. И в простор набивались мы до тесноты, Облака надрывались, рвались в лоскуты, Пули шили из них купола парашютов. Возвращались тайком без приборов, впотьмах, И с радистом-стрелком, что повис на ремнях. В фюзеляже пробоины, в плоскости - дырки. И по коже - озноб; и заклинен штурвал, И дрожал он, и дробь по рукам отбивал Как во время опасного номера в цирке. До сих пор это нервы щекочет, Но садились мы, набок кренясь. Нам казалось - машина не хочет И не может работать на нас. Завтра мне и машине в одну петть дуду В аварийном режиме у всех на виду, Ты мне нож напоследок не всаживай в шею! Будет взлет - будет пища: придется вдвоем Нам садиться, дружище, на аэродром Потому что я бросить тебя не посмею. Правда шит я не лыком и чую чутьем В однокрылом двуликом партнере моем Игрока, что пока все намеренья прячет. Но плевать я хотел на обузу примет: У него есть предел у меня его нет, Поглядим, кто из нас запоет - кто заплачет! Если будет полет этот прожит Нас обоих не спишут в запас. Кто сказал, что машина не может И не хочет работать на нас?! # 026

1975 Баллада о детстве (Час зачатья я помню неточно)

Час зачатья я помню неточно, Значит, память моя - однобока, Но зачат я был ночью, порочно И явился на свет не до срока. Я рождался не в муках, не в злобе, Девять месяцев - это не лет! Первый срок отбывал я в утробе, Ничего там хорошего нет. Спасибо вам, святители, Что плюнули, да дунули, Что вдруг мои родители Зачать меня задумали В те времена укромные, Теперь - почти былинные, Когда

срока огромные Брели в этапы длинные. Их брали в ночь зачатия, А многих - даже ранее, А вот живет же братия Моя честна компания! Ходу, думушки резвые, ходу! Слова, строченьки милые, слова!.. В первый раз получил я свободу По указу от тридцать восьмого. Знать бы мне, кто так долго мурыжил, Отыгрался бы на подлеце! Но родился, и жил я, и выжил, Дом на Первой Мещанской - в конце. Там за стеной, за стеночкой, За перегородочкой Соседушка с соседушкой Баловались водочкой. Все жили вровень, скромно так, Система коридорная, На тридцать восемь комнаток Всего одна уборная. Здесь на зуб зуб не попадал, Не грела телогреечка, Здесь я доподлинно узнал, Почем она - копеечка. ...Не боялась сирены соседка И привыкла к ней мать понемногу, И плевал я - здоровый трехлетка На воздушную эту тревогу! Да не все то, что сверху, - от бога, И народ "зажигалки" тушил; И, как малая фронту подмога Мой песок и дырявый кувшин. И било солнце в три ручья Сквозь дыры крыш просеяно, На Евдоким Кирилыча И Гисю Моисеевну. Она ему: "Как сыновья?" "Да без вести пропавшие! Эх, Гиська, мы одна семья Вы тоже пострадавшие! Вы тоже - пострадавшие, А значит - обрусевшие: Мои - без вести павшие, Твои - безвинно севшие". ...Я ушел от пеленок и сосок, Поживал - не забыт, не заброшен, И дразнили меня: "Недоносок", Хоть и был я нормально доношен. Маскировку пытался срывать я: Пленных гонят - чего ж мы дрожим?! Возвращались отцы наши, братья По домам - по своим да чужим... У тети Зины кофточка С драконами да змеями, То у Попова Вовчика Отец пришел с трофеями. Трофейная Япония, Трофейная Германия... Пришла страна Лимония, Сплошная Чемодания! Взял у отца на станции Погоны, словно цацки, я, А из эвакуации Толпой валили штатские. Осмотрелись они, оклемались, Похмелились - потом протрезвели. И отплакали те, кто дождались, Недождавшиеся - отревели. Стал метро рыть отец Витькин с Генкой, Мы спросили - зачем? - он в ответ: "Коридоры кончаются стенкой, А тоннели - выводят на свет!" Пророчество папашино Не слушал Витька с корешом Из коридора нашего В тюремный коридор ушел. Да он всегда был спорщиком, Припрут к стене - откажется... Прошел он коридорчиком И кончил "стенкой", кажется. Но у отцов - свои умы, А что до нас касательно На жизнь засматривались мы Уже самостоятельно. Все - от нас до почти годовалых "Толковищу" вели до кровянки, А в подвалах и полуподвалах Ребятишкам хотелось под

танки. Не досталось им даже по пуле, В "ремеслухе" - живи не тужи:
Ни дерзнуть, ни рискнуть, - но рискнули Из напильников делать ножи.
Они воткнутся в легкие, От никотина черные, По рукоятки легкие
Трехцветные наборные... Вели дела обменные Сопливые острожники
На стройке немцы пленные На хлеб меняли ножики. Сперва играли в
"фантики" В "пристенки" с крохоборами, И вот ушли романтики Из
подворотен ворами. ...Спекулянтка была номер перший Ни соседей, ни
бога не труся, Жизнь закончила миллионершей Пересветова тетя
Маруся. У Маруси за стенкой говели, И она там втихую пила... А упала
она - возле двери, Некрасиво так, зло умерла. Нажива - как наркотика,
Не выдержала этого Богатенькая тетенька Маруся Пересветова. Но
было все обыденно: Заглянет кто - расстроится. Особенно обидело
Богатство - метростроевца. Он дом сломал, а нам сказал: "У вас носы
не вытерты, А я, за что я воевал?!" И разные эпитеты. ...Было время - и
были подвалы, Было дело - и цены снижали, И текли куда надо
каналы, И в конце куда надо впадали. Дети бывших старшин да
майоров До ледовых широт поднялись, Потому что из тех коридоров,
Им казалось, сподручнее - вниз. # 027

1975 Тоска немая гложет иногда

Тоска немая гложет иногда, И люди развлекают - все чужие. Да,
люди, создавая города, Все забывают про дела иные, Про самых
нужных и про близких всем, Про самых, с кем приятно обращаться,
Про темы, что важнейшие из тем, И про людей, с которыми общаться.
Мой друг, мой старый друг, мой собеседник! Прошу тебя, скажи мне
что-нибудь. Давай презрим товарищей соседних И посторонних, что
попали в суть. # 028

1975 Я прожил целый день в миру потустороннем

Я прожил целый день в миру Потустороннем И бодро крикнул
поутру: "Кого схороним?" Ответ мне был угрюм и тих: "Все - блажь,
бравата, Кого схороним?! - Нет таких?.. Ну и не надо". Не стану
дважды я просить, Манить провалом. Там, кстати, выпить-закусить
Всегда навалом. Я и сейчас затосковал, Хоть час - оттуда. Вот уж где
истинный провал, Ну просто - чудо. Я сам шальной и кочевой, А
побожился: Вернусь, мол, ждите, ничего, Что я зажился. Так снова
предлагаю вам Пока не поздно: Хотите ли ко всем чертям, Где кровь
венозна, И льет из вены, как река, А не водица. Тем, у кого она жидка,
Так не годится. И там не нужно ни гроша, Хоть век поститься! Живет

там праведна душа, Не тяготится. Там вход живучим воспрещен Как посторонним, Не выдержу, спрошу еще: "Кого схороним?" Зову туда, где благодать И нет предела. Никто не хочет умирать Такое дело. Скажи-кось, милый человек, Я, может, спутал: Какой сегодня нынче век, Какая смута? Я сам вообще-то костромской, А мать - из Крыма. Так если бунт у вас какой, Тогда я - мимо. А если - нет, тогда еще Всего два слова. У нас там траур запрещен, Нет, честно слово! А там - порядок - первый класс, Глядеть приятно. И наказание сейчас Прогнать обратно. И отношение ко мне Ну как к пройдохе. Все стали умники вдвойне К концу эпохи. Ну, я согласен - поглядим Спектакль - и тронем. Ведь никого же не съедим, А так... схороним. Ну почему же все того... Как в рот набрали? Там встретились - кто и кого Тогда забрали. И Сам - с звездой на груди Там тих и скромн, Таких как он там - пруд пруди! Кого схороним? Кто задается - в лак его, Чтоб - хрен отпарить! Там этот, с трубкой... Как его? Забыл - вот память! У нас границ полно навесь: Беги - не тронем, Тут, может быть, еврей есть? Кого схороним? В двадцатом веке я, эва! Да ну-с вас к шутам! Мне нужно в номер двадцать два Вот черт попутал! # 029

1975 Вот в плащах, подобных плащпалаткам

Вот в плащах, подобных плащпалаткам, Кто решил такое надевать?! Чтоб не стать останками остаткам, Люди начинают колдовать. Девушка - под поезд: все бывает, Тут уж истери - не истери... И реаниматор причитает: "Милая, хорошая, умри! Что ты будешь делать, век больная, Если б даже я чего и смог? И нужна ли ты кому такая Без всего и без обеих ног?" Выглядел он жутко и космато, Он старался за нее дышать. Потому что врач-реаниматор Это значит должен оживлять. Мне не спится и не может спаться, Не затем, что в мире столько бед, Просто очень трудно оклематься, Трудно, так сказать, реаниматься, Чтоб писать поэмы, а не бред. Я - из хирургических отсеков, Из полузабытых катакомб, Там, где оживляют человек, Если вы слыхали о таком. Нет подобных боен и в корриде Фору дам, да даже сотню фор, Только постарайтесь в странном виде Не ходить на красный светофор. # 030

1975 Склоны жизни прямые до жути

Склоны жизни прямые до жути Прямо пологие: Он один - а жена в институте Травматологии. Если б склоны пологие - туго: К крутизне мы - привычные, А у нас ситуации с другом Аналогичные. А у друга

ведь день рожденья Надо же праздновать! Как избавиться от настроения Безобразного? И не вижу я средства иного Плыть по течению... И напиться нам до прямого Ума помрачения! # 031

1975 Мы с мастером по велоспорту Галеюі

Мы с мастером по велоспорту Галею С восьмого класса - не разлей вода. Страна величиною с Португалию Велосипеду с Галей - ерунда. Она к тому же все же - мне жена, Но кукиш тычет в рожу мне: На, Мол, ты блюди квартиру, Мол, я ездой по миру Избалована и изнежена. Значит, завтра - в Париж, говоришь... А на сколько? А на десять дней! Вот везухи: Галине - Париж, А сестре ее Наде - Сидней. Артисту за игру уже в фойе - хвала. Ах, лучше раньше, нежели поздней. Вот Галя за медалями поехала, А Надю проманежили в Сидней. Кабы была бы Надя не сестра Тогда б вставать не надо мне с утра: Я б разлюлил малины В отсутствие Галины, Коньяк бы пил на уровне ситра. Сам, впрочем, занимаюсь авторалли я, Гоняю "ИЖ" - и бел, и сер, и беж. И мне порой маячила Австралия, Но семьями не ездят за рубеж. Так отгуляй же, Галя, за двоих Ну их совсем - врунов или лгуних! Вовсю педаля, Галя, Не прозевай Пегалю, Потом расскажешь, как там что у них! Та какой он, Париж, говоришь? Как не видела? Десять же дней! Да рекорды ты там покоришь, Ты вокруг погляди пожадней! # 032

1975 Купола (Михаилу Шемякину) (Как засмотрится мне нынче, как задышится)

Как засмотрится мне нынче, как задышится?! Воздух крут перед грозой, крут да вязок. Что споется мне сегодня, что услышится? Птицы вещи поют - да все из сказок. Птица Сириин мне радостно скалится Веселит, заывает из гнезд, А напротив - тоскует-печалится, Травит душу чудной Алконост. Словно семь заветных струн Зазвенели в свой черед Это птица Гамаюн Надежду подает! В синем небе, колокольнями проколотом, Медный колокол, медный колокол То ль возрадовался, то ли осерчал... Купола в России кроют чистым золотом Чтобы чаще Господь замечал. Я стою, как перед вечною загадкою, Пред великою да сказочной странюю Перед солоно - да горько-кисло-сладкою, Голубою, родниковою, ржаною. Грязью чавкая жирной да ржавою, Вязнут лошади по стремяна, Но влекут меня сонной державою, Что раскисла, опухла от сна. Словно семь богатых лун На пути моем встает То мне птица Гамаюн Надежду подает! Душу, сбитую утратами да тратами,

Душу, стертую перекатами, Если до крови лоскут истончал, Залатаю золотыми я заплатами Чтобы чаще Господь замечал! # 033

1975 Разбойничья

Как во смутной волости Лютой, злой губернии Выпадали молодцу Все шипы да тернии. Он обиды зачерпнул, зачерпнул Полные пригоршни, Ну а горе, что хлебнул, Не бывает горше. Пей отраву, хоть залейся! Благо, денег не берут. Сколь веревочка ни вейся Все равно совьешься в кнут! Гонит неудачников По миру с котомкою, Жизнь текет меж пальчиков Паутинкой тонкою, А которых повело, повлекло По лихой дороге Тех ветрами сволокло Прямиком в остроги. Тут на милость не надейся Стиснуть зубы да терпеть! Сколь веревочка ни вейся Все равно совьешься в плеть! Ах, лихая сторона, Сколь в тебе ни рыскаю Лобным местом ты красна Да веревкой склизкою! А повешенным сам дьявол-сатана Голы пятки лижет. Смех, досада, мать честна! Ни пожить, ни выжить! Ты не вой, не плачь, а смейся Слез-то нынче не простят. Сколь веревочка ни вейся Все равно укоротят! Ночью думы муторней. Плотники не мешкают Не успеть к заутрене: Больно рано вешают. Ты об этом не жалея, не жалея, Что тебе отсрочка?! На веревочке твоей Нет ни узелочка! Лучше ляг да обогрейся Я, мол, казни не просплю... Сколь веревочка ни вейся А совьешься ты в петлю! # 034

1975 Что ни слух - так оплеухаї

Что ни слух - так оплеуха! Что ни мысли - грязные. Жисть-жистяночка, житуха! Житие прекрасное! # 035

1976 Гербарий

Лихие пролетарии, Закушав водку килечкой, Спешат в свои подполия Налаживать борьбу, А я лежу в гербарии, К доске пришпилен шпилечкой, И пальцами до боли я По дереву скребу. Корячусь я на гвоздике, Но не меняю позы. Кругом - жуки-навозники И мелкие стрекозы, По детству мне знакомые Ловил я их, копал, Давил, - но в насекомые Я сам теперь попал. Под всеми экспонатами Эмалевые планочки, Все строго по-научному Указан класс и вид... Я с этими ребятами Лежал в стеклянной баночке, Дрались мы, - это к лучшему: Узнал, кто ядовит. Я представляю мысленно Себя в большой постели, Но подо мной написано: "Невиданный доселе"... Я гомо был читающий, Я сапиенсом был, Мой класс - млекопитающий, А вид... уже забыл. В лицо ль мне дуло, в спину ли, В бушлате или в робе я

Стремился, кровью крашенный, Как звали, к шалашу, Но на тебе - задвинули В наглядные пособия, Я злой и ошарашенный На стеночке вишу. Оформлен как на выданье, Стыжусь, как ученица, Жужжат шмели солидные, Что надо подчиниться, А бабочки хихикают На странный экспонат, Сороконожки хмыкают И куколки язвят. Ко мне с опаской движутся Мои собратья прежние Двунogie, разумные, Два пишут - три в уме. Они пропишут ижицу Глаза у них не нежные, Один брезгливо ткнул в меня И вывел резюме: "Итак, с ним не налажены Контакты, и не ждем их, Вот потому он, граждане, Лежит у насекомых. Мышление в ем не развито, И вечно с ним ЧП, А здесь он может разве что Вертеться на пупе". Берут они не круто ли?! Меня нашли не во поле! Ошибка это глупая Увидится изъян, Накажут тех, кто спутали, Прикажут, чтоб откнопчили, И попаду в подгруппу я Хотя бы обезьян. Нет, не ошибка - акция Свершилась надо мною, Чтоб начал пресмыкаться я Вниз пузом, вверх спиною, Вот и лежу, расхристанный, Разыгранный вничью, Намеренно причисленный К ползучему жучью. Червяк со мной не кланится, А оводы со слепнями Питают отвращение К навозной гольтубе, Чванливые созданица Довольствуются сплетнями, А мне нужны общения С подобными себе! Пригрел сверчка-дистрофика Блоха сболтнула, гнида, И глядь - два тертых клопика Из третьего подвида, Сверчок полузадушенный Вполсилы свиристел, Но за покой нарушенный На два гвоздочка сел. А может, все повернется И соусом приправится... В конце концов, ведь досточка Не плаха, говорят, Все слюбится да стерпится, Мне даже стала нравиться Молоденькая осочка И кокон-шелкопряд. Да, мне приятно с осами От них не пахнет псиной, Среди них бывают особи И с талией осиной. И кстати, вдруг из кокона Родится что-нибудь Такое, что из локонов И что имеет грудь... Паук на мозг мой зарится, Клопы кишат - нет роздыха, Невестой хороводится Красивая оса... Пусть что-нибудь заварится, А там - хоть на три гвоздика, А с трех гвоздей, как водится, Дорога - в небеса. В мозгу моем нахмуренном Страх льется по морщинам: Мне станет шершень шурином А что мне станет сыном?.. А не желаю, право же, Чтоб трутень был мне тесть! Пора уже, пора уже Напрячься и воскресить! Когда в живых нас тыкали Булавочками колкими Махали пчелы крыльями, Пищали муравьи, Мы вместе горе мыкали Все проткнуты иголками, Забудем же, кем были мы, Товарищи мои! Заносчивый немного я, Но - в горле горечь комом:

Поймите, я, двуногое, Попало к насекомым! Но кто спасет нас, выручит, Кто снимет нас с доски?! За мною - прочь со шпилечек, Сограждане жуки! И, как всегда в истории, Мы разом спины выгнули, Хоть осы и гундосили, Но кто силен, тот прав, Мы с нашей территории Клопов сначала выгнали И паучишек сбросили За старый книжный шкаф. Скандал потом уляжется, Зато у нас все дома, И поживают, кажется, Вполне не насекомо. А я - я нежусь ванночкой Без всяких там обид... Жаль, над моею планочкой Другой уже прибит. # 001

1976 История болезни I. Ошибка вышла

Я был и слаб и уязвим, Дрожал всем существом своим, Кровоточил своим больным Истерзанным нутром, И, словно в пошлом попури, Огромный лоб возник в двери И озарился изнутри Здоровым недобром. И властно дернулась рука: "Лежать лицом к стене!" И вот мне стали мять бока На липком топчане. А самый главный - сел за стол, Вздохнул осатанело И что-то на меня завел, Похожее на "дело". Вот в пальцах цепких и худых Смешно задергался кадык, Нажали в пах, потом - под дых, На печень-бедолагу, Когда давили под ребро Как екнуло мое нутро! И кровью харкало перо В невинную бумагу. В полубреду, в полупылу Разделся донага, В углу готовила иглу Нестарая карга, И от корней волос до пят По телу ужас плелся: А вдруг уколом усыпят, Чтоб сонный расколосся?! Он, потрудясь над животом, Сдавил мне череп, а потом Предплечья мне стянул жгутом И крови ток прервал, Я, было, взвизгнул, но замолк, Сухие губы на замок, А он кряхтел, кривился, мок, Писал и ликовал. Он в раж вошел - знакомый раж, Но я как заору: "Чего строчишь? А ну, покажь Секретную муру!.." Подручный - бывший психопат Связал мои запястья, Тускнели, выложившись в ряд, Орудия пристрастья. Я терт и бит, и нравом крут, Могу - вразнос, могу - враскрут, Но тут смиряют, но тут уймут Я никну и скучаю. Лежу я, голый как сокол, А главный - шмыг да шмыг за стол Все что-то пишет в протокол, Хоть я не отвечаю. Нет, надо силы побережь, А то уже устал, Ведь скоро пятки будут жечь, Чтоб я захохотал, Держусь на нерве, начеку, Но чувствую отвратно, Мне в горло сунули кишку Я выплюнул обратно. Я взят в тиски, я в клещи взят По мне елозят, егозят, Все вызвать, выведать хотят, Все пробуют на ощупь, Тут не пройдут и пять минут, Как душу вынут, изомнут, Всю испоганят, изорвут, Ужмут и прополощут. "Дыши, дыши поглубже ртом! Да выдохни, - умрешь!" "У вас тут выдохни - потом Наверяд ли и

вздохнешь!" Во весь свой пересохший рот Я скалюсь: "Ну, порядки! У вас, ребята, не пройдет Играть со мною в прятки!" Убрали свет и дали газ, Доска какая-то зажглась, И гноем брызнуло из глаз, И булькнула трахея. Он стервенел, входил в экстаз, Приволокли зачем-то таз... Я видел это как-то раз Фильм в качестве трофея. Ко мне заходят со спины И делают укол... "Колите, сукины сыны, Но дайте протокол!" Я даже на колени встал, Я к тазу лбом прижался; Я требовал и угрожал, Молил и унижался. Но туже затянули жгут, Вон вижу я - спиртовку жгут, Все рыжую чертовку ждут С волосяным кнутом. Где-где, а тут свое возьмут! А я гадаю, старый шут: Когда же раскаленный прут Сейчас или потом? Шабаш калился и лысел, Пот лился горячо, Раздался звон - и ворон сел На белое плечо. И ворон крикнул: "Nevermore!" Проворен он и прыток, Напоминает: прямо в морг Выходит зал для пыток. Я слабо поднимаю хвост, Хотя для них я глуп и прост: "Эй! За пристрастный ваш допрос Придется отвечать! Вы, как вас там по именам, Вернулись к старым временам! Но протокол допроса нам Обязаны давать!" И я через плечо кошу На писанину ту: "Я это вам не подпишу, Покуда не прочту!"

Мне чья-то желтая спина Ответила бесстрастно: "А ваша подпись не нужна Нам без нее все ясно". "Сестренка, милая, не трусь Я не смолчу, я не утрусь, От протокола отопрусь При встрече с адвокатом! Я ничего им не сказал, Ни на кого не показал, Скажите всем, кого я знал: Я им остался братом!" Он молвил, подведя черту: "Читай, мол, и остынь!" Я впился в писанину ту, А там - одна латынь... В глазах - круги, в мозгу - нули, Проклятый страх, исчезни: Они же просто завели Историю болезни! # 002

1976 История болезни II. Никакой ошибки

На стене висели в рамках бородатые мужчины Все в очечках на цепочках, по-народному - в пенсне, Все они открыли что-то, все придумали вакцины, Так что если я не умер - это все по их вине. Мне сказали: "Вы больны", И меня заколотило, Но сердечное светило Ухмыльнулось со стены, Здесь не камера - палата, Здесь не нары, а скамья, Не подследственный, ребята, А исследуемый я! И хотя я весь в недугах, мне не страшно почему-то, Подмахну давай, не глядя, медицинский протокол! Мне приятен Склифосовский, основатель института, Мне знаком товарищ Боткин - он желтуху изобрел. В положении моем Лишь чудак права качает: Доктор, если осерчает, Так

упрячет в "желтый дом". Все зависит в этом доме оном От тебя от самого: Хочешь - можешь стать Буденным, Хочешь - лошадью его! У меня мозги за разум не заходят - верьте слову Задаю вопрос с намеком, то есть лезу на скандал: "Если б Кащенко, к примеру, лег лечиться к Пирогову Пирогов бы без причины резать Кащенко не стал..." Доктор мой не лыком шит Он хитер и осторожен. "Да, вы правы, но возможен Ход обратный", - говорит. Вот палата на пять коек, Вот профессор входит в дверь Тычет пальцем: "Параноик", И поди его проверь! Хорошо, что вас, светила, всех повесили на стенку Я за вами, дорогие, как за каменной стеной, На Вишневого надеюсь, уповаю на Бурденку, Подтвердят, что не душевно, а духовно я больной! Род мой крепкий - весь в меня, Правда, прадед был незрячий; Шурин мой - белогорячий, Но ведь шурин - не родня! "Доктор, мы здесь с глазу на глаз Отвечай же мне, будь скор: Или будет мне диагноз, Или будет - приговор?" И врачи, и санитары, и светила все смутились, Законное светило закатилось за спиной, И очки на цепочке как бы влагою покрылись, У отца желтухи щечки вдруг покрылись белизной. И нависло острие, И поежилась бумага, Доктор действовал во благо, Жалко - благо не мое, Но не лист перо стальное Грудь проткнуло, как стилет: Мой диагноз - параноия, Это значит - пара лет! # 003

1976 История болезни III. История болезни

Вдруг словно канули во мрак Портреты и врачи, Жар от меня струился как От доменной печи. Я злую ловкость ощутил Пошел как на таран, И фельдшер еле защитил Рентгеновский экран. И - горлом кровь, и не уймешь Залью хоть всю Россию, И - крик: "На стол его, под нож! Наркоз! Анестезию!" Мне обложили шею льдом Спешат, рубаху рвут, Я ухмыляюсь красным ртом, Как на манеже шут. Я сам себе кричу: "Трави! И напрягаю грудь. В твоей запекшейся крови Увязнет кто-нибудь!" Я б мог, когда б не глаз да глаз, Всю землю окровавить, Жаль, что успели медный таз Не вовремя подставить! Уже я свой не слышу крик, Не узнаю сестру, Вот сладкий газ в меня проник, Как водка поутру. Цветастый саван скрыл и зал И лица докторов, Но я им все же доказал, Что умственно здоров! Слабею, дергаюсь и вновь Травлю, - но иглы вводят И льют искусственную кровь Та горлом не выходит. "Хирург, пока не взял наркоз, Ты голову нагни, Я важных слов не произнес Послушай, вот они. Взрезайте с богом, помолясь, Тем более бойчей, Что эти строки не про вас, А про других врачей!.. Я

лег на сгибе бытия, На полдороге к бездне, И вся история моя История болезни. Я был здоров - здоров как бык, Как целых два быка, Любому встречному в час пик Я мог намять бока. Идешь, бывало, и поешь, Общаешься с людьми, И вдруг - на стол его, под нож, Допелся, черт возьми!.." "Не огорчайтесь, милый друг, Врач стал чуть-чуть любезней, Почти у всех людей вокруг Истории болезней". Все человечество давно Хронически больно Со дня творения оно Болеть обречено. Сам первый человек хандрил Он только это скрыл, Да и создатель болен был, Когда наш мир творил. Вы огорчаться не должны Для вас покой полезней, Ведь вся история страны История болезни. У человечества всего То колики, то рези, И вся история его История болезни. Живет больное все бодрей, Все злей и бесполезней И наслаждается своей Историей болезни. # 004

1976 Есть всегда и стол, и крові

Есть всегда и стол, и кров В этом лучшем из миров, Слишком много топоров В этом лучшем из миров, Предостаточно шнуров В этом лучшем из миров... Не хватает доноров и докторов. # 005

1976 Песни из кинофильма "Вооружен и очень опасен" 1. Живучий парень

Живет живучий парень Барри, Не вылезая из седла, По горло он богат долгами, Но если спросишь: "Как дела?" Поглаживая пистолет, Сквозь зубы процедит небрежно: "Пока еще законов нет, То только на него надежда!" Он кручен-верчен, бит о камни, Но все в порядке с головой, Ведь он живучий парень - Барри: Глоток воды - и вновь живой! Он, если нападут на след, Коня по гриве треплет нежно: "Погоня, брат, законов нет И только на тебя надежда!" Ваш дом горит, черно от гари И тщетны вопли к небесам. При чем тут Бог - зовите Барри, Который счета сводит сам. Сухим выходит он из бед, Хоть не всегда суха одежда. Пока в законах проку нет У всех лишь на него надежда. Да, на руку он скор с врагами, А другу - верный талисман. Таков живучий парень Барри: Полна душа и пуст карман. Он вовремя найдет ответ, Коль свару заведет невежда. Пока в стране законов нет, То только на себя надежда. # 006

1976 Песни из кинофильма "Вооружен и очень опасен" 2. Расскажи, дорогой

Расскажи, дорогой, Что случилось с тобой, Расскажи, дорогой, не таясь! Может, все потерял, Проиграл, прошвырял? Может, ангел-

хранитель не спас? Или просто устал, Или поздно стрелял? Или спутал, бедняга, где верх, а где низ? В рай хотел? Это верх. Ах, чудак-человек, Что поделать теперь? Улыбнись! Сколько славных парней, загоняя коней, Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи! Неужели, чудак, ты собрался туда? Что с тобой, дорогой, расскажи. Может быть, дорогой, Ты скакал за судьбой, Умолял: "Подожди, оглянись!" Оглянулась она И стара, и страшна. Наплевать на нее, улыбнись! А беду, черт возьми, Ты запей, задыми И попробуй, еще раз садись на коня. Хоть на миг, на чуть-чуть Ты ее позабудь, Обними, если хочешь, меня. Сколько славных парней, загоняя коней, Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи! Неужели, чудак, ты собрался туда? Что с тобой, дорогой, расскажи. Притомился - приляг, Вся земля - для бродяг! Целый век у тебя впереди. А прервется твой век Там, в земле, человек Потеснится: давай, заходи! Отдохни, не спеши, Сбрось всю тяжесть с души, За удачею лучше идти налегке! Все богатство души Нынче стоит гроши Меньше глины и грязи в реке! Сколько славных парней, загоняя коней, Рвутся в мир, где ни злобы, ни лжи, - лишь покой. Если, милый чудак, доберешься туда, Не забудь обо мне, дорогой. # 007

1976 Песни из кинофильма "Вооружен и очень опасен" 3. Не грусти!

Не грусти! Забудь за дверью грусть. Заплати, А я развлечь берусь. Потерпи - уйду ненадолго, Допою и сразу вернусь. Попробуйте забыться, Не думать о дурном! Оставьте злые лица Направо за углом. Оставьте боли и заботы Своему врагу, Я в этом охотно Помогу! Когда вы слишком чинны, Мы вянем от тоски Усталые мужчины Плохие... шутники! Не выпьют лишнего ни йоты, Мало куражу, Пока я им что-то Не скажу. Пей вино! Ах, ты не пьешь вина?! Все равно... Я за двоих пьяна. Так и быть - я завтра забуду, Что была в тебя влюблена. Забыли вы морщины Разгладить на лице... Они на вас, мужчины, Как фрак на мертвец! Про наши нежные расчеты Дома - ни гу-гу. Я вам охотно Помогу. Грешны вы иль невинны Какие пустяки. Усталые мужчины Такие... чудачки! Не выпьют лишнего ни йоты, Мало куражу, Пока я им что-то Не скажу. Ах, жара, Какая здесь жара! Все игра, Вся наша жизнь - игра! Но в игре бывает удача И счастливые номера. Нет золотой долины Все проигрыш и прах, А выигрыш, мужчины, В отдельных номерах! Играйте, но не для наживы, А на весь кураж, И

номер счастливый Будет ваш! На нас не пелерины, Мы - бабочки в пыльце. Порхаем, а мужчины Меняются в лице. Порхайте с нами беззаботно, Словно на лугу, А я вам охотно Помогу. # 008

1976 Песни из кинофильма "Вооружен и очень опасен" 4. Вооружен и очень опасен

Запоминайте: Приметы - это суета, Стреляйте в черного кота, Но плюнуть трижды никогда Не забывайте! И не дрожите! Молясь, вы можете всегда Уйти от Страшного суда, А вот от пули, господа, Не убежите! Кто там крадется вдоль стены, Всегда в тени и со спины? Его шаги едва слышны, Остерегитесь! Он врал, что истина в вине. Кто доверял ему вполне Уже упал с ножом в спине. Поберегитесь! За маской не узнать лица, В глазах - по девять грамм свинца, Расчет его точен и ясен. Он не полезет на рожон, Он до зубов вооружен И очень, очень опасен! Не доверяйте Ему ни тайн своих, ни снов, Не говорите лишних слов, Под пули зря своих голов Не подставляйте! Гниль и болото Произвели его на свет. Неважно - прав ты или нет Он в ход пускает пистолет С пол-оборота. Он жаден, зол, хитер, труслив, Когда он пьет, тогда слезлив, Циничен он и не брезглив Когда и сколько? Сегодня - я, а завтра - ты, Нас уберут без суеты. Зрачки его черны, пусты, Как дула кольта. За маской не узнать лица, В глазах - по девять грамм свинца, Расчет его точен и ясен. Он не полезет на рожон, Он до зубов вооружен И очень, очень опасен! # 009

1976 Песни из кинофильма "Вооружен и очень опасен" 5. {Без названия}

Живу я в лучшем из миров Не нужно хижины мне: Земля - постель, а небо - кров, Мне стены - лес, могила - ров... Мурашки по спине. Но мне хорошо, Мне славно жить в стране, Во рву, на самом дне, В приятной тишине. Лучи палят - не надо дров, Любой ко мне заходи. Вот только жаль, не чинят кров, А в этом лучшем из миров Бывают и дожди. Но мне хорошо, Не веришь - заходи, Садись и не зуди, Гляди, не разбуди. И все прекрасно - все по мне, Хвала богам от меня! Еще есть дырка на ремне. Я мог бы ездить на коне, Да только нет коня. Но мне хорошо, Я, струнами звеня, Пою подряд три дня. Послушайте меня. # 010

1976 Песни из кинофильма "Вооружен и очень опасен" 6. {Без названия}

Черны все кошки, если ночь, А я - я черен и днем. Такому горю не помочь
Что воду в ступе зря толочь Воде не стать вином! Не все ли равно,
Не станет мул конем И великаном гном. Хоть с пальмовым вином. Мой черный цвет,
как не кляни, Хорош хотя бы в одном, Что мало виден я в тени. Быть белым - боже сохрани!
Как на глазу бельмом. И все-таки я Мечтаю об одном: Чтоб быть светлее днем.
Хоть с пальмовым вином. Поет душа в моей груди, Хоть в горле горечи ком,
Меня попробуй, разгляди, В меня попробуй попади, Мне ночь - надежный дом.
М все-таки я И с радостью знаком, Я счастлив даже днем. Но... с пальмовым вином. # 011

1976 Песни из кинофильма "Вооружен и очень опасен" 7. {Без названия}

Это вовсе не френч-канкан, не френч! Вас решили в волшебный фонтан увлечь.
Все течет, изменяется, бьет не плачь! Кто в фонтане купается, тот богач.
Что, приятель, в таком раздрыгге Отупел, с нищетой смирясь?! Окунайся в черные брызги,
Окунайся в черную грязь! Копшатся в ней, копятся... Наплевать, что мокрей мокриц!
Все надеются оказаться В золотом, как сказочный принц! Не для всяких открыт фонтан,
о нет! А для всяких сегодня канкан балет. Куплен этот фонтан с потрохами весь,
Ну а брызги летят между вами здесь. А ворота у входа в фонтан как пасть,
Осторожнее, можно в капкан попасть! Если дыры в кармане - какой расчет?
Ты утонешь в фонтане, другой всплывет. # 012

1976 Песня о Судьбе

Куда ни втисну душу я, куда себя ни дену, За мною пес - Судьба моя,
беспомощна, больна, Я гнал ее камнями, но жметесь пес к колену
Глядит, глаза навывкате, и с языка - слюна. Морока мне с нею Я оком грустнею,
Я ликом тускнею И чревом урчу, Нутром коченею, А горлом немею,
И жить не умею, И петь не хочу! Должно быть, старею, Пойду к палачу...
Пусть вздернет на рею, А я заплачу. Я зарекался столько раз, что на Судьбу я плюну,
Но жаль ее, голодную, - ласкается, дрожит, Я стал тогда из жалости подкармливать
Фортуна Она, когда насытится, всегда подолгу спит. Тогда я гуляю, Петляю, вихляю,
И ваньку валяю И небо копчу. Но пса охраняю, Сам вою, сам лаю О чем пожелаю,
Когда захочу. Нет, не постарею Пойду к палачу, Пусть вздернет скорее,
А я приплачу. Бывают дни, когда я голову в такое пекло всуну,
Что и судьба попятится, испуганна, бледна, Я как-то влил

стакан вина для храбрости в Фортуна С тех пор ни дня без стакана, еще ворчит она: Закуски - ни корки! Мол, я бы в Нью-Йорке Ходила бы в норке, Носила б парчу!.. Я ноги - в опорки, Судьбу - на закорки, И в гору и с горки Пьянчугу влачу. Когда постарею, Пойду к палачу, Пусть вздернет на рею, А я заплачу. Однажды пере-перелил Судьбе я ненароком Пошла, родимая, вразнос и изменила лик, Хамила, безобразила и обернулась Роком, И, сзади прыгнув на меня, схватила за кадык. Мне тяжело под нею, Гляди - я синею, Уже сатанею, Кричу на бегу: "Не надо за шею! Не надо за шею! Не над за шею, Я петь не смогу!" Судьбу, коль сумею, Снесу к палачу Пусть вздернет на рею, А я заплачу! # 013

1976 Этот день будет первым всегда и везде

Этот день будет первым всегда и везде Пробил час, долгожданный серебряный час: Мы ушли по весенней высокой воде, Обещанием помнить и ждать заручась. По горячим следам мореходов живых и экранных, Что пробили нам курс через рифы, туманы и льды, Мы под парусом белым идем с океаном на равных Лишь в упряжке ветров, не терзая винтами воды. Впереди - чудеса неземные! А земле, чтобы ждать веселей, Будем вечно мы слать позывные Эту вечную дань кораблей. Говорят, будто парусам реквием спет, Черный бриг за пиратство в музей заточен, Бросил якорь в историю стройный корвет, Многотрубные увальни вышли в почет. Но весь род моряков - сколько есть - до седьмого колена Будет помнить о тех, кто ходил на накале страстей. И текла за кормой добела раскаленная пена, И щадила судьба непутевых своих сыновей. Впереди - чудеса неземные! А земле, чтобы ждать веселей, Будем честно мы слать позывные Эту вечную дань кораблей. Материк безымянный не встретим вдали, Островам не присвоим названье своих Все открытые земли давно нарекли Именами великих людей и святых. Расхватили открытья - мы ложных иллюзий не строим, Но стекает вода с якорей, как живая вода. Повезет - и тогда мы в себе эти земли откроем, И на берег сойдем - и останемся там навсегда. Не смыкайте же век, рулевые, Вдруг расщедрится серая мгла На "Летучем Голландце" впервые Запалят ради нас факела! Впереди - чудеса неземные! А земле, чтобы ждать веселей, Будем честно мы слать позывные Эту вечную дань кораблей! # 014

1976 Одна научная загадка или Почему аборигены съели Кука

Не хватайтесь за чужие талии, Вырвавшись из рук своих подруг! Вспомните, как к берегам Австралии Подплывал покойный ныне Кук, Как, в кружок усевшись под азаля, Поедом - с восхода до зари Ели в этой солнечной Австралии Друга дружку злые дикари. Но почему аборигены съели Кука? За что - неясно, молчит наука. Мне представляется совсем простая штука: Хотели кушать - и съели Кука! Есть вариант, что ихний вождь - Большая Бука Сказал, что - очень вкусный кок на судне Кука... Ошибка вышла - вот о чем молчит наука: Хотели - кока, а съели - Кука! И вовсе не было подвоха или трюка Вошли без стука, почти без звука, Пустили в действие дубинку из бамбука Тюк! прямо в темя - и нету Кука! Но есть, однако же, еще предположение, Что Кука съели из большого уваженья, Что всех науськивал колдун - хитрец и злюка: "Ату, ребята, хватайте Кука! Кто уплетет его без соли и без лука, Тот сильным, смелым, добрым будет - вроде Кука!" Кому-то под руку попался каменюка Метнул, гадюка, - и нету Кука! А дикари теперь заламывают руки, Ломают копья, ломают луки, Сожгли и бросили дубинки из бамбука Переживают, что съели Кука! # 015

1976 Вы в огне да и в море вовеки не сыщете бродяи

Вы в огне да и в море вовеки не сыщете бродя, Вы не ждали его - не за легкой добычей пошли. Провожая закат, мы живем ожиданьем восхода И, влюбленные в море, живем ожиданьем земли. Помнишь детские сны о походах Великой Армады, Абордажи, бои, паруса - и под ложечкой ком?.. Все сбылось: "Становись! Становись!" - раздаются команды, Это требует море - скорей становись моряком! Наверху, впереди - злее ветры, багровее зори, Правда, сверху видней, впереди же - исход и земля. Вы матросские роботы, кровавые ваши мозоли Не забудьте, ребята, когда-то надев кителя! По сигналу "Пошел!" оживают продрогшие реи, Горизонт опрокинулся, мачты упали ничком. Становись, становись, становись человеком скорее! Это значит на море - скорей становись моряком! Поднимаемся в небо по вантам, как будто по вехам, Там и ветер живой - он кричит, а не шепчет тайком: Становись, становись, становись, становись человеком! Это значит на море - скорей становись моряком! Чтоб отсутствием долгим вас близкие не попрекали, Не грубейте душой и не будьте покорны судьбе, Оставайтесь, ребята, людьми, становясь моряками; Становясь капитаном - храните матроса в себе! # 016

1976 Мореплаватель-одиночка

Вот послал господь родителям сыночка: Люльку в лодку переделать велел, Мореплаватель родился одиночка Сам укачивал себя, сам болел... Не по году он мужал - по денечку, И уже из колыбели дерзал: К мореплаванию годился в одиночку, Из пеленок паруса вырезал. ...Прямо по носу - глядите! - то ли бочка, То ли яхта, то ли плот, то ли - нет: Мореплаватель, простите, одиночка Посылает вам мудреный привет!

Ой, ребята, не к добру проволочка! Сплюньте трижды все, кто на корабле: Мореплаватель на море одиночка Вроде черного кота на земле! "Вы откуда - отвечайте нам, и точка, Не могли же вы свалиться с небес?! Мы читали, что какой-то одиночка В треугольнике Бермудском исчез..." "Это утка, это бред - все до строчки! И простите, если резок и груб, Я там плавал, извините, в одиночку: Он совсем не треугольник, а - куб! Были бедствия - посуда на кусочки! Била Бетси - ураган - все подряд, Мореплаватели нынче - одиночки Из летающих тарелок едят!.." Вот добавил он в планктон кипяточку... Как орудует: хоть мал, да удал! Глядь - и ест деликатесы в одиночку, А из нас - таких никто не едал. И поведал он, что пьет он по глоточку, Чтоб ни капли не пропасть в бороде, Мореплаватель, простите, в одиночку Философию развел на воде. "Не искусственную ли оболочку Вы вокруг себя, мой друг, возвели? Мореплаванию, простите, в одиночку Наше общество предпочли?" Он ответил: "Вы попали прямо в точку! Жаль, на суше не пожать вам руки: В море плавая подолгу в одиночку, Я по вас затосковал, моряки!" Мы, услыша что-нибудь, сразу - в строчку, Мы, завидя что-нибудь, - в негатив! Мореплавателя сняли, одиночку, В фотографию его превратив. Ах, побольше б нам немного юморочку! Поскучнели, отрешась от земли, Мореплавателя - брата - одиночку Мы хотя бы как смогли развлекли! Так поменьше им преград и отсрочек, И задорин на пути, и сучков! Жаль, что редко их встретишь - одиночек, Славных малых и таких чудаков! # 017

1976 Шторм

Мы говорим не "штормы", а "шторма" Слова выходят коротки и смачны: "Ветра" - не "ветры" - сводят нас с ума, Из палуб выкорчевывая мачты. Мы на приметы наложили вето Мы чтим чутье компасов и носов. Упругие тугие мышцы ветра Натягивают кожу парусов. На чаше звездных - подлинных - Весов Седой Нептун судьбу

решает нашу, И стая псов, голодных Гончих псов, Надсадно воя, гонит нас на Чашу. Мы - призрак легендарного корвета, Качаемся в созвездии Весов. И словно заострились струи ветра И вспарывают кожу парусов. По курсу - тень другого корабля, Он шел - и в штормы хода не снижая. Смотрите - вон болтается петля На рее, по повешенным сучая! С ним Провиденье поступило круто: Лишь вечный штиль - и прерван ход часов, Попутный ветер словно бес попутал Он больше не находит парусов. Нам кажется, мы слышим чей-то зов Таинственные четкие сигналы... Не жажда славы, гонок и призов Бросает нас на гребни и на скалы. Изведать то, чего не ведал сроду, Глазами, ртом и кожей пить простор!.. Кто в океане видит только воду Тот на земле не замечает гор. Пой, ураган, нам злые песни в уши, Под череп проникай и в мысли лезь, Лей звездный дождь, вселяя в наши души Землей и морем вечную болезнь! # 018

1976 Гимн морю и горам

Заказана погода нам Удачею самой, Довольно футов нам под киль обещано, И небо поделилось с океаном синевой Две синевы у горизонта скрещены. Не правда ли, морской хмельной невиданный простор Сродни горам в безумье, буйстве, кротости: Серые гривы волн чисты, как снег на пиках гор, И впадины меж ними - словно пропасти! Служение стихиям не терпит суеты, К двум полюсам ведет меридиан. Благословенны вечные хребты, Благословен Великий океан. Нам сам Великий случай - брат, Везение - сестра, Хотя - на всякий случай - мы встревожены. На суше пожелали нам ни пуха ни пера, Созвездья к нам прекрасно расположены. Мы все - впередсмотрящие, все начали с азов, И если у кого-то невезение Меняем курс, идем на SOS, как там, в горах, - на зов, На помощь, прерывая восхождение. Служение стихиям не терпит суеты, К двум полюсам ведет меридиан. Благословенны вечные хребты, Благословен Великий океан. Потери подсчитаем мы, когда пройдет гроза, Не сединой, а солью убеленные, Скупая океанская огромная слеза Умоет наши лица просветленные... Взята вершина - клотики вонзились в небеса! С небес на землю - только на мгновение: Едва закончив рейс, мы поднимаем паруса И снова начинаем восхождение. Служение стихиям не терпит суеты, К двум полюсам ведет меридиан. Благословенны вечные хребты, Благословен Великий океан. # 019

1976 Позвольте, значит, доложить

Позвольте, значит, доложить, господин генерал: Тот, кто должен был нас кормить сукин сын, черт побрал! Потери наши велики, господин генерал, Казармы наши далеки, господин генерал. Солдаты - мамины сынки, их на штурм не поднять. Так что, выходит не с руки отступить-наступать. # 020

1976 Растревожили в логове старое злої

Растревожили в логове старое зло, Близоруко взглянуло оно на восток. Вот поднялся шатун и пошел тяжело Как положено зверю - свиреп и жесток. Так подняли вас в новый крестовый поход, И крестов намалевано вдоволь. Что вам надо в стране, где никто вас не ждет, Что ответите будущим вдовам? Так послушай, солдат! Не ходи убивать Будешь кровью богат, будешь локти кусать! За развалины школ, за сиротский приют Вам осиновый кол меж лопаток вобьют. Будет в школах пять лет недобор, старина, Ты отсутствовал долго, прибавил смертей, А твоя, в те года молодая, жена Не рожала детей. Неизвестно, получишь ли рыцарский крест, Но другой - на могилу под Волгой - готов. Бог не выдаст? Свинья же, быть может, не съест, Раз крестовый поход - значит, много крестов. Только ваши - подобье раздвоенных жал, Все вранье - вы пришли без эмоций! Гроб Господен не здесь - он лежит, где лежал, И креста на вас нет, крестonosцы. Но, хотя миновало немало веков, Видно, не убывало у вас дураков! Вас прогонят, пленят, ну а если убьют Неуютным, солдат, будет вечный приют. Будет в школах пять лет недобор, старина, Ты отсутствовал долго, прибавил смертей, А твоя, в те года молодая, жена Не рожала детей. Зря колосья и травы вы топчите тут, Скоро кто-то из вас станет чахлым кустом, Ваши сбитые наспех кресты прорастут И настанет покой, только слишком потом. Вы ушли от друзей, от семей, от невест Не за пищей птенцам желторотым. И не нужен железный оплавленный крест Будет будущим вашим сиротам. Возвращайся назад, чей-то сын и отец! Убиенный солдат - это только мертвец. Если выживешь - тысячам свежих могил Как потом объяснишь, для чего приходил? Будет в школах пять лет недобор, старина, Ты отсутствовал долго, прибавил смертей, А твоя, в те года молодая, жена Не рожала детей. # 021

1976 У профессиональных игроковї

У профессиональных игроков Любая масть ложится перед червой. Так век двадцатый - лучший из веков Как шлюха упадет под двадцать первый. Я думаю, ученые наврали, Прокол у них в теории, порез:

Развитие идет не по спирали, А вкривь и вкось, вразнос, наперерез. # 022

1976 Я вам расскажу про то, что будеті

Я вам расскажу про то, что будет, Вам такие приоткрою дали!.. Пусть меня историки осудят За непонимание спирали. Возвратятся на свои на круги Ураганы поздно или рано, И, как сыромятные подпруги, Льды затянут брюхо океану. Черные, лиловые, цветные Сны придут и тяжко смежат веки, Вот тогда вы, добрые и злые, Станете счастливыми навеки. Это будет так или иначе, Не скажу когда, но знаю - будет. Если плачут северные люди, Значит, скоро южные заплачут. И тогда не орды чингисханов, И не сабель звон, не конский топот, Миллиарды выпитых стаканов Эту землю грешную затопят. # 023

1976 Ах, откуда у меня грубые замашкиі

Ах, откуда у меня грубые замашки? Походи с мое, поди даже не пешком... Меня мама родила в сахарной рубашке, Подпоясала меня красным кушаком. Дак откуда у меня хмурое надбровье? От каких таких причин белые вихры? Мне папаша подарил бычье здоровье И в головушку вложил не "хухры-мухры". Начинал мытье мое с Сандуновских бань я, Вместе с потом выгонял злое недобро. Годен - в смысле чистоты и образования, Тут и голос должен быть - чисто серебро. Пел бы ясно я тогда, пел бы я про дали, Пел бы я про самое главное для всех, Все б со мной здоровкались, все бы мне прощали, Но не дал Бог голоса, - нету, как на грех! Но воспеть-то хочется, да хотя бы шали, Да хотя бы самое главное и ТО! И кричал со всхрипом я - люди не дышали, И никто не морщился, право же, никто! От ко{го} же сон такой, да вранье да хаянье! Я всегда имел в виду мужиков, не дам. Вы же слушали меня, затаив дыхание, И теперь ханыжите - только я не дам. Был раб Божий, нес свой крест, были у раба вши. Отрубили голову - испугались вшей. Да поплакав, разошлись, солоно хлебавши, И детишек не забыв вытолкать взашей. # 024

1976 Напрасно я лицо свое разбилі

Напрасно я лицо свое разбил Кругом молчат - и все, и взятки гладки, Один ору - еще так много сил, Хоть по утрам не делаю зарядки. Да я осилить мог бы тонны груза! Но, видимо, не стоило таскать Мою страну, как тот дырявый кузов, Везет шофер, которому плевать. # 025

1977 Две судьбы

Жил я славно в первой трети Двадцать лет на белом свете по учению, Жил безбедно и при деле, Плыл, куда глаза глядели, по течению. Заскрипит ли в повороте, Затрещит в водовороте я не слушаю, То разуюсь, то обуюсь, На себя в воде люблюсь, брагу кушаю. И пока я наслаждался, Пал туман и оказался в гиблом месте я, И огромная старуха Хохотнула прямо в ухо, злая bestия. Я кричу, - не слышу крика, Не вяжу от страха лыка, вижу плохо я, На ветру меня качает... "Кто здесь?" Слышу - отвечает: "Я, Нелегкая! Брось креститься, причитая, Не спасет тебя святая Богородица: Кто рули и весла бросит, Тех Нелегкая заносит так уж водится!" И с одышкой, ожиреньем Ломит, тварь, по пням, кореньям тяжкой поступью, Я впотьмах ищу дорогу, Но уж брагу понемногу только по сто пью. Вдруг навстречу мне - живая Колченогая Кривая морда хитрая. "Не горной, - кричит, - болезный, Горемыка мой нетрезвый, слезы вытру я!" Взвыл я, ворот разрывая: "Вывози меня, Кривая, я на привязи! Мне плевать, что кривобока, Криворука, кривоока, только вывези!" Влез на горб к ней с перепугу, Но Кривая шла по кругу ноги разные. Падал я и полз на брюхе И хихикали старухи безобразные. Не до жиру - быть бы живым, Много горя над обрывом, а в обрыве - зла. "Слышь, Кривая, четверть ставлю Кривизну твою исправлю, раз не вывезла! Ты, Нелегкая, маманя! Хочешь истины в стакане на лечение? Тяжело же столько весить, А хлебнешь стаканов десять облегчение!" И припали две старухи Ко бутылки медовухи пьянь с ханыгою, Я пока за кочки прячусь, К бережку тихонько пячусь с кручи прыгаю. Огляделся - лодка рядом, А за мною по корягам, дико охая, Припустились, подвывая, Две судьбы мои - Кривая да Нелегкая. Греб до умопомраченья, Правил против ли теченья, на стремнину ли, А Нелегкая с Кривою От досады, с перепою там и сгнули! # 001

1977 Письмо в редакцию телевизионной передачи "Очевидное невероятное" из сумасшедшего дома с Канатчиковой дачи

Дорогая передача! Во субботу, чуть не плача, Вся Канатчикова дача К телевизору рвалась, Вместо чтоб поесть, помыться Уколоться и забыться, Вся безумная больница У экрана собралась. Говорил, ломая руки, Краснобай и баламут Про бессилие науки Перед тайною Бермуд, Все мозги разбил на части, Все извилины заплел И канатчиковы власти Колят нам второй укол. Уважаемый редактор! Может, лучше - про реактор? Про любимый лунный трактор?! Ведь нельзя же! - год

подряд: То тарелками пугают Дескать, подлые, летают; То у вас собаки лают, То руины - говорят! Мы кое в чем поднаторели: Мы тарелки бьем весь год Мы на них собаку съели, Если повар нам не врет. А медикаментов груды В унитазах, кто не дурак. Это жизнь! И вдруг - Бермуды! Вот те раз! Нельзя же так! Мы не сделали скандала Нам вождя не доставало: Настоящих буйных мало Вот и нету вожаков. Но на происки и бредни Сети есть у нас и бредни Не испортят нам обедни Злые происки врагов! Это их худые черти Бермутят воду во пруду, Это все придумал Черчилль В восемнадцатом году! Мы про взрывы, про пожары Сочиняли ноту ТАСС... Тут примчались санитары Зафиксировали нас. Тех, кто был особо боек, Прикрутили к спинкам коек Бился в пене параноик Как ведьмак на шабаше: "Развяжите полотенцы, Иноверы, изуверцы! Нам бермудорно на сердце И бермутно на душе!" Сорок душ посменно воют Раскалились добела, Во как сильно беспокоят Треугольные дела! Все почти с ума свихнулись Даже кто безумен был, И тогда главврач Маргулис Телевизор запретил. Вон он, змей, в окне маячит За спиною штепсель прячет, Подал знак кому-то - значит, Фельдшер вырвет провода. Нам осталось уколотся И упасть на дно колодца, И пропасть на дне колодца, Как в Бермудах, навсегда. Ну а завтра спросят дети, Навещаая нас с утра: "Папы, что сказали эти Кандидаты в доктора?" Мы откроем нашим чадам Правду - им не все равно: "Удивительное рядом Но оно запрещено!" Вон дантист-надомник Рудик У него приемник "грюндиг", Он его ночами крутит Ловит, контра, ФРГ. Он там был купцом по шмуткам И подвинулся рассудком, К нам попал в волнение жутком С номерочком на ноге. Прибежал, взволнован крайне, Сообщеньем нас потряс, Будто - наш научный лайнер В треугольнике погряз; Сгинул, топливо истратив, Весь распался на куски, Двух безумных наших братьев Подобрали рыбаки. Те, кто выжил в катаклизме, Пребывают в пессимизме, Их вчера в стеклянной призме К нам в больницу привезли И один из них, механик, Рассказал, сбежав от нянек, Что Бермудский многогранник Незакрытый пуп Земли. "Что там было? Как ты спасся?" Каждый лез и приставал, Но механик только трясся И чинарики стрелял. Он то плакал, то смеялся, То щетинился как еж, Он над нами издевался, Сумасшедший - что возьмешь! Взвился бывший алкоголик, Матерщинник и крамольник: "Надо выпить треугольник! На троих его! Даешь!" Разошелся - так и

сыпет: "Треугольник будет выпит! Будь он параллелепипед, Будь он круг, едрена вошь!" Больно бьют по нашим душам "Голоса" за тыщи миль, Зря "Америку" не глушим, Зря не давим "Израиль": Всей своей враждебной сутью Подрывают и вредят Кормят, поят нас бермутью Про таинственный квадрат! Лектора из передачи! Те, кто так или иначе Говорят про неудачи И нервируют народ! Нас берите, обреченных, Треугольник вас, ученых, Превратит в умалишенных, Ну а нас - наоборот. Пусть - безумная идея, Не решайте сторяча. Отвечайте нам скорее Через доку главврача! С уваженьем... Дата. Подпись. Отвечайте нам - а то, Если вы не отзоветесь Мы напишем... в "Спортлото"! # 002

1977 Палач

Когда я об стену разбил лицо и члены И все, что только было можно, произнес, Вдруг сзади тихое шептанье раздалось: "Я умоляю вас, пока не трожьте вены. При ваших нервах и при вашей худобе Не лучше ль чаю? Или огненный напиток? Чем учинять членовредительство себе, Оставьте что-нибудь нетронутым для пыток. Он сказал мне, - приляг, Успокойся, не плачь, Он сказал, - я не враг, Я - твой верный палач. Уж не за полночь - за три, Давай отдохнем. Нам ведь все-таки завтра Работать вдвоем". "Чем черт не шутит, что ж, - хлебну, пожалуй, чаю, Раз дело приняло приятный оборот, Но ненавижу я весь ваш палачий род Я в рот не брал вина за вас - и не желаю!" Он попросил: "Не трожьте грязное белье. Я сам к палачеству пристрастия не питаю. Но вы войдите в положение мое Я здесь на службе состою, я здесь пытаю, Молчаливо, прости, Счет веду головам. Ваш удел - не ахти, Но завидую вам. Право, я не шучу, Я смотр делово: Говори, что хочу, Обзывай хоть кого. Он был обсыпан белой перхотью, как содой, Он говорил, сморкаясь в старое пальто, Приговоренный обладает, как никто, Свободой слова, то есть подлинной свободой". И я избавился от острой неприязни И посочувствовал дурной его судьбе. Спросил он: "Как ведете вы себя на казни?" И я ответил: "Вероятно, так себе... Ах, прощенья прошу, Важно знать палачу, Что, когда я вишу, Я ногами сучу. Да у плахи сперва Хорошо б подмели, Чтоб, упавши, глава Не валялась в пыли". Чай закипел, положен сахар по две ложки. "Спасибо!" - "Что вы? Не извольте возражать! Вам скрутят ноги, чтоб сученья избежать, А грязи нет - у нас ковровые дорожки". Ах, да неужто ли подобное возможно! От умиленья я всплакнул и лег ничком. Потрогав шею мне легко и осторожно, Он одобрительно поцокал

языком. Он шепнул: "Ни гугу! Здесь кругом стукачи. Чем смогу - помогу, Только ты не молчи. Стану ноги пилить Можешь ересь болтать, Чтобы казнь отдалить, Буду дольше пытаться". Не ночь пред казнью, а души отдохновенье! А я - уже дожждаться утра не могу, Когда он станет жечь меня и гнуть в дугу, Я крикну весело: остановись, мгновенье! "...И можно музыку заказывать при этом, Чтоб стоны с воплями остались на губах". Я, признаюсь, питаю слабость к менуэтам, Но есть в коллекции у них и Оффенбах. "Будет больно - поплачь, Если не вмоготу". Намекнул мне палач. Хорошо, я учту. Подбодрил меня он, Правда, сам загрустил Помнят тех, кто казнен, А не тех, кто казнил. Развлек меня про гильотину анекдотом, Назвав ее карикатурой на топор: "Как много миру дал голов французский двор!.." И посочувствовал наивным гугенотам. Жалел о том, что кол в России упразднен, Был оживлен и сыпал датами привычно, Он знал доподлинно - кто, где и как казнен, И горевал о тех, над кем работал лично. "Раньше, - он говорил, Я дровишки рубил, Я и стриг, я и брил, И с ружьишком ходил. Тратил пыл в пустоту И губил свой талант, А на этом посту Повернулось на лад". Некстати вспомнил дату смерти Пугачева, Рубил - должно быть, для наглядности, - рукой. А в то же время знать не знал, кто он такой, Невелико образование палачево. Парок над чаем тонкой змейкой извивался, Он дул на воду, грея руки о стекло. Об инквизиции с почтеньем отозвался И об опричниках - особенно тепло. Мы гоняли чай Вдруг палач зарыдал Дескать, жертвы мои Все идут на скандал. "Ах, вы тяжкие дни, Палачева стерня. Ну за что же они Ненавидят меня?" Он мне поведал назначенье инструментов. Все так не страшно - и палач как добрый врач. "Но на работе до поры все это прячь, Чтоб понапрасну не нервировать клиентов. Бывает, только его в чувство приведешь, Водой окатишь и поставишь Оффенбаха, А он примерится, когда ты подойдешь, Возьмет и плюнет - и испорчена рубаха". Накричали речей Мы за клан палачей. Мы за всех палачей Пили чай - чай ничей. Я совсем обалдел, Чуть не лопнул, крича. Я орал: "Кто посмел Обижать палача!.." Смежила веки мне предсмертная усталость. Уже светало, наше время истекло. Но мне хотя бы перед смертью повезло Таковую ночь провел, не каждому досталось! Он пожелал мне доброй ночи на прощанье, Согнал назойливую муху мне с плеча... Как жаль, недолго мне хранить воспоминанье И образ доброго чудного палача. # 003

1977 Упрямо я стремлюсь ко днуї

Упрямо я стремлюсь ко дну, Дыханье рвется, давит уши. Зачем иду на глубину? Чем плохо было мне на суше? Там, на земле, - и стол, и дом. Там - я и пел, и надрывался. Я плавал все же, хоть с трудом, Но на поверхности держался. Линяют страсти под луной В обыденной воздушной жиже, А я всплываю в мир иной, Тем невозвратнее, чем ниже. Дышу я непривычно - ртом. Среда бурлит - плевать на среду! Я погружаюсь, и притом Быстрее - в пику Архимеду. Я потерял ориентир, Но вспомнил сказки, сны и мифы. Я открываю новый мир, Пройдя коралловые рифы. Коралловые города... В них многорыбно, но не шумно Нема подводная среда, И многоцветна, и разумна. Где ты, чудовищная мгла, Которой матери страшат? Светло, хотя ни факела, Ни солнца мглу не освещают. Все гениальное и недопонятое - всплеск и шалость Спаслось и скрылось в глубине! Все, что гналось и запрещалось... Дай Бог, я все же дотону, Не дам им долго залежаться. И я вгребаясь в глубину, И все труднее погружаться. Под черепом - могильный звон, Давление мне хребет ломает, Вода выталкивает вон И глубина не принимает. Я снял с острогой карабин, Но камень взял - не обессудьте! Чтобы добраться до глубин, До тех пластов - до самой сути. Я бросил нож - не нужен он: Там нет врагов, там все мы люди, Там каждый, кто вооружен, Нелеп и глуп, как вошь на блюде. Сравнюсь с тобой, подводный гриб, Забудем и чины, и ранги. Мы снова превратились в рыб, И наши жабры - акваланги. Нептун - ныряльщик с бородой, Ответь и облегчи мне душу: Зачем простились мы с водой, Предпочитая влаге сушу? Меня сомненья - черт возьми! Давно буравами сверлили: Зачем мы сделали людьми? Зачем потом заговорили? Зачем, живя на четырех, Мы встали, распрямили спины? Затем - и это видит Бог, Чтоб взять камня и дубины. Мы умудрились много знать, Повсюду мест наделать лобных, И предавать, и распинать, И брать на крюк себе подобных! И я намеренно тону, Ору: "Спасите наши души!" И, если я не дотяну, Друзья мои, бегите с суши! Назад - не к горю и беде, Назад и вглубь - но не ко гробу!.. Назад - к прибежищу, к воде, Назад - в извечную утробу! Похлопал по плечу трепанг, Признав во мне свою породу... И я выплевываю шланг И в легкие пускаю воду. # 004

1977 Про глупцов

Этот шум - не начало конца, Не повторная гибель Помпеи Спор вели три великих глупца: Кто из них, из великих, глупее. Первый выл: "Я физически глуп, Руки вздел, словно вылез на клирос. У меня даже мудрости зуб, Невзирая на возраст, не вырос!" Но не приняли это в расчет Даже умному эдак негоже: "Ах, подумаешь, зуб не растет! Так другое растет - ну и что же?.." К синяку прижимая пятак, Встрял второй: "Полно вам, загалдели! Я - способен все видеть не так, Как оно существует на деле!" "Эх, нашел чем хвалиться, простак, Недостатком всего поколенья!.. И к тому же все видеть не так Доказательство слабого зренья!" Третий был непреклонен и груб, Рвал лицо на себе, лез из платья: "Я - единственный подлинно глуп, Ни про что не имею понятия". Долго спорили - дни, месяца, Но у всех аргументы убоги... И пошли три великих глупца Глупым шагом по глупой дороге. Вот и берег - дороге конец. Откатив на обочину бочку, В ней сидел величайший мудрец, Мудрецам хорошо в одиночку. Молвил он подступившим к нему: Дескать, знаю - зачем, кто такие, Одного только я не пойму Для чего это вам, дорогие! Или, может, вам нечего есть, Или - мало друг дружку побили? Не кажитесь глупее чем есть, Оставайтесь такими, как были. Стоит только не спорить о том, Кто главней, - уживетесь отлично, Покуражьтесь еще, а потом Так и быть - приходите вторично!.. Он залез в свою бочку с торца Жутко умный, седой и лохматый... И ушли три великих глупца Глупый, глупенький и глуповатый. Удивляясь, ворчали в сердцах: "Стар мудрец - никакого сомненья! Мир стоит на великих глупцах, Зря не выказал старый почтенья!" Потревожат вторично его Темной ночью попросят: "Вылазьте!" Все бы это еще ничего, Но глупцы состояли у власти... И у сказки бывает конец: Больше нет у обочины бочки В "одиночку" отправлен мудрец. Хорошо ли ему в "одиночке"? # 005

1977 Реальной сновидения и бредаї

Реальной сновидения и бреда, Чуднее старой сказки для детей Красивая восточная легенда Про озеро на сопке и про омут в сто локтей. И кто нырнет в холодный этот омут, Насобирает ракушек, приклеенных ко дну, Ни заговор, ни смерть того не тронут; А кто потонет - обретет покой и тишину. Эх, сапоги-то стоптаны, походкой косолапою Протопаю по тропочке до каменных гольцов, Со dna кружки блестящие я соскоблю, сцарапаю Тебе на серьги, милая, а хошь - и на кольцо! Я от земного низкого поклона Не откажусь, хотя спины

не гнул. Родился я в рубашке - из нейлона, На шелковую, тоненькую я не потянул. Спасибо и за ту на добром слове: Ношу - не берегу ее, не прячу в тайниках, Ее легко отстирывать от крови, Не рвется - хоть от ворота рвани ее - никак! Я на гольцы вскарабкаюсь, на сопку тихой сапою, Всмотрюсь во дно озерное при отблеске зарниц: Мерцающие ракушки я подкрадусь и сцапаю Тебе на ожерелье, какое у цариц! Пылю по суху, топаю по жиже, Я иногда спускаюсь по ножу... Мне говорят, что я качусь все ниже, А я - хоть и внизу, а все же уровень держу! Жизнь впереди - один отрезок прожит, Я вхож куда угодно - в терема и в закрома: Рожден в рубашке - Бог тебе поможет, Хоть наш, хоть удэгейский - старый Сангия-мама! Дела мои любезные, я вас накрою шляпою Я доберусь, долезу до заоблачных границ, Не взять волшебных ракушек - звезду с небес сцарапаю, Алмазную да крупную - какие у цариц! Навес бы звезд я в золоченом блюде, Чтобы при них вам век прокоротать, Да вот беда - заботливые люди Сказали: "Звезды с неба - не хватать!"

Нырятьщики за ракушками - тонут. Но кто в рубашке - что тому тюрьма или сума: Бросаюсь головою в синий омут Бери меня к себе, не мешкай, Сангия-мама!.. Но до того, душа моя, по странам по Муравиям Прокатимся, и боги подождут-повременят! Мы в галечку прибрежную, в дорожки с чистым гравием Вобьем монету звонкую, затопчем - и назад. А помнишь ли, голубушка, в денечки наши летние Бросили в море денежку - просила ты сама?.. А может быть, и в озеро те ракушки заветные Забросил Бог для верности - сам Сангия-мама!.. # 006

1977 Говорят в Одессе детиї

Говорят в Одессе дети О каком-то диссиденте: Звать мерзавца - Говнан Виля, На Фонтане, семь, живет, Родом он из Израиля И ему девятый год. # 007

1977 Притча о Правде и Лжи (В подражание Булату Окуджаве)

Нежная Правда в красивых одеждах ходила, Принарядившись для сырых, блаженных, калек, Грубая Ложь эту Правду к себе заманила: Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег. И легковерная Правда спокойно уснула, Слюни пустила и разулыбалась во сне, Грубая Ложь на себя одеяло стянула, В Правду впилась - и осталась довольна вполне. И поднялась, и скроила ей рожу бульдожьё: Баба как баба, и что ее ради радеть?! Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,

Если, конечно, и ту и другую раздеть. Выплела ловко из кос золотистые ленты И прихватила одежды, примерив на глаз; Деньги взяла, и часы, и еще документы, Сплюнула, грязно ругнулась - и вон подалась. Только к утру обнаружила Правда пропажу И подивилась, себя оглядев делово: Кто-то уже, раздобыв где-то черную сажу, Вымазал чистую Правду, а так - ничего. Правда смеялась, когда в нее камни бросали: "Ложь это все, и на Лжи одеянье мое..." Двое блаженных калек протокол составляли И обзывали дурными словами ее. Стервой ругали ее, и похуже чем стервой, Мазали глиной, спускали дворового пса... "Духу чтоб не было, - на километр сто первый Выселить, выслать за двадцать четыре часа!" Тот протокол заключался обидной тирадой (Кстати, навесили Правде чужие дела): Дескать, какая-то мразь называется Правдой, Ну а сама - пропилась, проспалась догола. Чистая Правда божилась, клялась и рыдала, Долго скиталась, болела, нуждалась в деньгах, Грязная Ложь чистокровную лошадь украла И ускакала на длинных и тонких ногах. Некий чудак и поныне за Правду воюет, Правда, в речах его правды - на ломаный грош: "Чистая Правда со временем восторжествует, Если проделает то же, что явная Ложь!" Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата, Даже не знаешь, куда на ночлег попадешь. Могут раздеть, - это чистая правда, ребята, Глядь - а штаны твои носит коварная Ложь. Глядь - на часы твои смотрит коварная Ложь. Глядь - а конем твоим правит коварная Ложь. # 008

1977 Летела жизнь

Я сам с Ростова, а вообще подкидьш Я мог бы быть с каких угодно мест, И если ты, мой Бог, меня не выдашь, Тогда моя Свинья меня не съест. Живу - везде, сейчас, к примеру, - в Туле. Живу - и не считаю ни потерь, ни барышей. Из детства помню детский дом в ауле В республике чечено-ингушей. Они нам детских душ не загубили, Делили с нами пищу и судьбу. Летела жизнь в плохом автомобиле И вылетала с выхлопом в трубу. Я сам не знал, в кого я воспитаюсь, Любил друзей, гостей и анашу. Теперь чуть что, чего - за нож хватаюсь, Которого, по счастью, не ношу. Как сбитый куст я по ветру волокся, Питался при дороге, помня зло, но и добро. Я хорошо усвоил чувство локтя, Который мне совали под ребро. Бывал я там, где и другие были, Все те, с кем резал пополам судьбу. Летела жизнь в плохом автомобиле И вылетала с выхлопом в трубу. Нас закаляли в

климате морозном, Нет никому ни в чем отказа там. Так что чечены, жившие при Грозном, Намылились с Кавказа в Казахстан. А там - Сибирь - лафа для брадобреев: Скопление народов и нестриженных бичей, Где место есть для зеков, для евреев И недоистребленных басмачей. В Анадыре что надо мы намыли, Нам там ломы ломали на горбу. Летела жизнь в плохом автомобиле И вылетала с выхлопом в трубу. Мы пили все, включая политуру, И лак, и клей, стараясь не взболтнуть. Мы спиртом обманули пулю-дуру Так, что ли, умных нам не обмануть?! Пью водку под орехи для потехи, Коньяк под плов с узбеками, по-ихнему - пилав, В Норильске, например, в горячем цехе Мы пробовали пить стальной расплав. Мы дыры в деснах золотом забили, Состарюсь - выну - денег наскребу. Летела жизнь в плохом автомобиле И вылетала с выхлопом в трубу. Какие песни пели мы в ауле! Как прыгали по скалам нагишом! Пока меня с пути на завернули, Писался я чечено-ингушом. Одним досталась рана ножевая, Другим - дела другие, ну а третьим - третья треть... Сибирь, Сибирь - держава бичевая, Где есть где жить и есть где помереть. Я был кудряв, но кудри истребили Семь пядей из-за лысины во лбу. Летела жизнь в плохом автомобиле И вылетала с выхлопом в трубу. Воспоминанья только потревожь я Всегда одно: "На помощь! Караул!.." Вот бьют чеченов немцы из Поволжья, А место битвы - город Барнаул. Когда дошло почти до самосуда, Я встал горой за горцев, чье-то горло теребя, Те и другие были не отсюда, Но воевали, словно за себя. А те, кто нас на подвиги подбили, Давно лежат и корчатся в гробу, Их всех свезли туда в автомобиле, А самый главный - вылетел в трубу. # 009

1977 О конце войны

Сбивают из досок столы во дворе, Пока не накрыли - стучат в домино... Дни в мае длиннее ночей в декабре, Но тянется время - но все решено! Уже довоенные лампы горят вполнакала, Из окон на пленных глазела Москва свысока, А где-то солдатиков в сердце осколком толкало, А где-то разведчикам надо добыть языка. Вот уже обновляют знамена, и строят в колонны, И булыжник на площади чист, как паркет на полу, А все же на запад идут и идут, и идут батальоны, И над похоронкой заходятся бабы в тылу. Не выпито всласть родниковой воды, Не куплено впрок обручальных колец Все смыло потоком народной беды, Которой приходит конец наконец! Вот со стекол содрали кресты из полосок бумаги, Вот и шторы долой - затемнение

уже ни к чему, А где-нибудь - спирт раздают перед боем из фляги: Он все выгоняет - и холод, и страх, и чуму. Вот уже очищают от копоти свечек иконы, И душа и уста - и молитву творят, и стихи, Но с красным крестом все идут и идут, и идут эшелоны, А вроде по сводкам - потери не так велики. Уже зацветают повсюду сады, И землю прогрело и воду во рвах, И скоро награда за ратны труды Подушка из свежей травы в головах! Уже не маячат над городом аэростаты, Замолкли сирены, готовясь победу трубить, А ротные все-таки выйти успеют в комбаты Которого все еще запросто могут убить. Вот уже зазвучали трофейные аккордеоны, Вот и клятвы слышны - жить в согласье, любви, без долгов, И все же на запад идут и идут, и идут эшелоны, А нам показалось - почти не осталось врагов!.. # 010

1977 Про речку Вачу и попутчицу Валю (В.Туманову)і

Под собою ног не чую И качается земля... Третий месяц я бичую, Так как списан подчистую С китобоя-корабля. Ну а так как я бичую, Беспартийный, нееврей, Я на лестницах ночью, Где тепло от батарей. Это жизнь! Живи и грейся Хрен вам, пуля и петля! Пью, бывает, хоть залейся: Кореша приходят с рейса И гуляют "от рубля"! Рупь - не деньги, рупь - бумажка, Экономить - тяжкий грех. Ах, душа моя тельняшка В сорок полос, семь прорех! Но послал господь удачу Заработал свечку он! Увидав, как горько плачу, Он сказал: "Гуляй на Вачу! Торопись, пока сезон!" Что такое эта Вача Разузнал я у бича, Он на Вачу ехал плача Возвращался хохоча. Вача - это речка с мелью Во глубине сибирских руд, Вача - это дом с постелью, Там стараются артелью, Много золота берут! Как вербованный ишачу Не ханыжу, не "торчу"... Взял билет, - лечу на Вачу, Прилечу - похохочу! Нету золота богаче Люди знают, им видней! В общем, так или иначе, Заработал я на Ваче Сто семнадцать трудовней. Подсчитали, отобрали, За еду, туда-сюда, Но четыре тыщи дали Под расчет - вот это да! Рассовал я их в карманы, Где и рупь не ночевал, И уехал в жарки страны, Где кафе и рестораны Позабыть, как бичевал. Выпью - там такая чача! За советчика бича: Я на Вачу ехал плача Возвращаюсь хохоча!

...Проводник в преддверье пьянки Извертелся на пупе, То же и официантки, А на первом полустанке Села женщина в купе. Может, вам она - как кляча, Мне - так просто в самый раз! Я на Вачу ехал плача Возвращаюсь веселясь! То да се, да трали-вали, Как узнала про рубли... Сотни по столу шныряли С Валею вместе и сошли. С нею

вышла незадача, Я и это залечу! Я на Вачу ехал плача, Возвращаюсь - хохочу!.. Суток пять как просквозило, Море вот оно - стоит. У меня что было - сплыло, Проводник воротит рыло И за водкой не бежит. Рупь последний в Сочи трачу Телеграмму накатал: Шлите денег - отбатрачу, Я их все продохотал. Где вы, где вы, рассыпные, Хоть ругайся, хоть кричи! Снова ваш я, дорогие, Магаданские, родные, Незабвенные бичи! Мимо носа носат чачу, Мимо рта - алычу... Я на Вачу еду, плача, Над собою хохочу! # 011

1977 Разговор в трамвае

"Граждане! Зачем толкаетесь, На скандал и ссору нарывааетесь? Сесть хотите? Дальняя дорога? Я вам уступлю, ради Бога! Граждане! даже пьяные! Все мы - пассажиры постоянные, Все живем, билеты отрываем, Все по жизни едем трамваем. Тесно вам? И зря ругаетесь, Почему вперед не продвигаетесь?! Каши с вами, видимо, не сварись..." "Никакой я вам не товарищ!" "Ноги все прокопытили..." "Вон уже дыра на вашем кителе!" "Разбудите этого мужчину, Он во сне поет матерщину". "Граждане! Жизнь кончается! Третий круг сойти не получается!" "С вас, товарищ, штраф, рассчитайтесь! Нет? Тогда еще покатайтесь!" # 012

1977 Снег скрипел подо мной

Снег скрипел подо мной, Поскрипев, затихал, А сугробы прилечь завлекали... Я дышал синевой, Белый пар выдыхал, Он летел, становясь облаками. И звенела тоска, что в безрадостной песне поется, Как ямщик замерзал в той глухой незнакомой степи: Усыпив, ямщика заморозило желтое солнце, И никто не сказал: "Шевелись, подымайся, не спи!" ...Все стоит на Руси До макушек в снегу, Полз, катился, чтоб не провалиться: Сохрани и спаси, Дай веселья в пургу, Дай не лечь, не уснуть, не забыться! Тот ямщик-чудодей бросил кнут и - куда ему деться: Помянул о Христе, ошалев от заснеженных верст, Он, хлеща лошадей, мог движеньем и злостью согреться, Ну а он в доброте их жалел, и не бил - и замерз. ...Отраженье свое Увидал в полынье, И взяла меня оторопь: в пору б Оборвать житие, Я по грудь во вранье, Да и сам-то я кто?! Надо в прорубь. Хоть душа пропита - ей там голой не вытерпеть стужу. В прорубь надо да в омут, но сам, а не руки сложа! Пар валит изо рта: эк душа моя рвется наружу, Выйдет вся - схороните, зарежусь - снимите с ножа. Снег кружит над землей, Над страну

моей, Мягко стелет, в запой зазывает... Ах, ямщик удалой, Пьет и хлещет коней, А непьяный ямщик - замерзает. # 013

1977 Вадиму Туманову (В младенчестве нас матери пугали)

В младенчестве нас матери пугали, Суля за послушание Сибирь, грозя рукой, Они в сердцах бранились - и едва ли Желали детям участи такой. А мы пошли за так на четвертак, за ради бога, В обход и напролом, и просто пылью по лучу... К каким порогам приведет дорога? В какую пропасть напоследок прокричу? Мы Север свой отыщем без компаса Угрозы матерей мы зазубрили как завет, И ветер дул с костей сдувая мясо И радуя прохладой скелет. Мольбы и стоны здесь не выживают Хватает и уносит их поземка и метель, Слова и слезы на ветру смерзают, Лишь брань и пули настигают цель. И мы пошли за так на четвертак, за ради бога, В обход и напролом, и просто пылью по лучу... К каким порогам приведет дорога? В какую пропасть напоследок прокричу? Про все писать - не выдержит бумага, Все - в прошлом, ну а прошлое - былье и трын-трава, Не раз нам кости перемыла драга В нас, значит, было золото, братва! Но чуден звон души моей помина, И белый день белей, и ночь черней, и суше снег, И мерзлота надежней формалина Мой труп на память сохранит навек. И мы пошли за так на четвертак, за ради бога, В обход и напролом, и просто пылью по лучу... К каким порогам приведет дорога? В какую пропасть напоследок прокричу? Я на воспоминания не падох, Но если занесла судьба - гляди и не тужи: Мы здесь подошли - вон он, тот распадок, Нас выгребли бульдозеров ножи. Здесь мы прошли за так на четвертак, за ради бога, В обход и напролом, и просто пылью по лучу, К каким порогам привела дорога... В какую пропасть напоследок прокричу?.. # 014

1977 Вадиму Туманову (Был побег на рывокі)

Был побег на рывок Наглый, глупый, дневной, Володарского - с ног И - вперед головой. И запрыгали двое, В такт сопя на бегу, На виду у конвоя Да по пояс в снегу. Положен строй в порядке образцовом, И взвыла "Дружба" - старая пила, И осенили знаменьем свинцовым С очухавшихся вышек три ствола. Все лежали плашмя, В снег уткнули носы, А за нами двумя Бесноватые псы. Девять граммов горячие, Аль вам тесно в стволах! Мы на мушках корячились, Словно как на колах. Нам - добежать до берега, до цели, Но выше - с вышек - все предрешено: Там у стрелков мы дергались в прицеле Умора просто, до

чего смешно. Вот бы мне посмотреть, С кем отправился в путь, С кем рискнул помереть, С кем затеял рискнуть! Где-то виделись будто, Чуть очухался я Прохрипел: "Кака зовут-то?" И - какая статья?" Но поздно: зачеркнули его пули Крестом - в затылок, пояс, два плеча, А я бежал и думал: добегу ли? И даже не заметил сгоряча. Я - к нему, чудяку: Почему, мол, отстал? Ну а он - на боку И мозги распластал. Пробрало! - телогрейка Аж просохла на мне: Лихо бьет трехлинейка Прямо как на войне! Как за грудки, держался я за камни: Когда собаки близко - не беги! Псы покروпили землю языками И разбрелись, слизав его мозги. Приподнялся и я, Белый свет стервения, И гляжу - кумовья Поджидают меня. Пнули труп: "Эх, скотина! Нету проку с него: За поимки полтина, А за смерть - ничего". И мы прошли гуськом перед бригадой, Потом - на вахту, отряхнувши снег: Они обратно в зону - за наградой, А я - за новым сроком за побег. Я сначала грубил, А потом перестал. Цельный взвод меня бил Аж два раза устал.

Зря пугают тем светом, Тут - с дубьем, там - с крутом: Врежут там - я на этом, Врежут здесь - я на том. Я гордость под исподнее упрятал Видал, как пятки лижут гордецы, Пошел лизать я раны в лизолятор, Не зализал - и вот они, рубцы. Эх бы нам - вдоль реки, Он был тоже не слаб, Чтобы им - не с руки, А собакам - не с лап!.. Вот и сказке конец. Зверь бежит на ловца, Снес - как срезал - ловец Беглецу пол-лица. ...Все взято в трубы, перекрыты краны, Ночами только воют и скулят, Что надо, надо сыпать соль на раны: Чтоб лучше помнить - пусть они болят! # 015

1977 Райские яблоки

Я когда-то умру - мы когда-то всегда умираем, Как бы так угадать, чтоб не сам - чтобы в спину ножом: Убиенных щадят, отпевают и балуют раем, Не скажу про живых, но покойников мы бережем. В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее набок И ударит душа на ворованных клячах в галоп, В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблок... Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб. Прискакали - гляжу - пред очами не райское что-то: Неродящий пустырь и сплошное ничто - беспредел. И среди ничего возвышались литые ворота, И огромный этап - тысяч пять - на коленях сидел. Как ржанет коренной! Я смирил его ласковым словом, Да репы из мочал еле выдрал и гриву заплел. Седовласый старик слишком долго возился с засовом И кряхтел и ворчал, и не смог отворить - и ушел. И измученный люд не издал ни единого стога, Лишь на корточки вдруг с онемевших колен пересел. Здесь малина, братва, - нас встречают малиновым звоном! Все вернулось на круг, и распятый над кругом висел. Всем нам блага подай, да и много ли требовал я благ?! Мне - чтоб были друзья, да жена - чтобы пала на гроб, Ну а я уж для них наберу бледно-розовых яблок... Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб. Я узнал старика по слезам на щеках его дряблых: Это Петр Святой - он апостол, а я - остолоп. Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок... Но сады сторожат - и убит я без промаха в лоб. И погнал я коней прочь от мест этих гнилых и зяблых, Кони просят овсу, но и я закусил удила. Вдоль обрыва с кнутом по-над пропастью пазуху яблок Для тебя я везу: ты меня и из рая ждала! # 016

1977 В одной державе с населением

В одной державе с населением... Но это, впрочем, все равно, Других держав с опереженьем, Все пользовалось уваженьем, Что может только пить вино. Царь в той державе был без лоску: Небрит, небрежен, как и мы, Стрельнет, коль надо, папироску, Ну, словом, свой, ну, словом, в доску. И этим бередил умы. Он был племянником при дяде, Пред тем как злобный дар НЕ ПИТЬ Порвал гнилую жизни нить В могилу дядю свел. Но пить Наш царь не смел при дяде-гаде. Когда иные чужеземцы, Инако мыслящие нам (Кто - исповедуя ислам, А кто - по глупости, как немцы), К нам приезжали по делам С грехом, конечно, пополам Домой обратно уезжали: Их поражал не шум, не гам И не брожение по столам, А то, что бывший царь наш - хам И что его не уважали. Воспоминают паханы, Как он совал им ППШ: "Стреляй!"

- На завтра ж - хоть бы хны! Он, гад, был трезвенник в душе. И у него, конечно, дочка Уже на выданье - была Хорошая - в нефрите почка, Так как с рождения пила. А царь старался, бедолага, Добыть ей пьяницу в мужья: Он пьянство почитал за благо... Нежней отцов не знаю я. Бутылку принесет, бывало: "Дочурка! На, хоть ты хлебни!" А та кричит: "С утра - ни-ни!" Она с утра не принимала, Или комедию ломала, А что ломать, когда одни?

"Пей, вербочка моя, ракирка, Наследная прямая дочь! Да знала б ты, какая пытка С народом вместе пить не мочь! Мне б зятя, даже не на зависть... Найди мне зятюшку, найди! Пусть он, как тот трусливый заяц, Не похмеляется, мерзавец, Пусть пьет с полудня, - выходи! Пойми мои отцовы муки, Ведь я волнуюсь не зря, Что эти трезвые гадюки Всегда - тайком и втихаря! Я нажил все, я нажил грыжу, Неся мой груз, мое дитя! Ох, если я тебя увижу С одним их этих - так обижу... Убью, быть может, не хотя Во как я трезвых ненавижу!" Как утро - вся держава в бане, Отпарка шла без выходных. Любил наш царь всю пьянь на пьяни, Всех наших доблестных ханыг. От трезвых он - как от проказы: Как встретит - так бежит от них, Он втайне издавал указы, Все в пользу бедных и хмельных. На стенах лозунги висели По центру, а не где-нибудь: "Виват загулы и веселье! Долой трезвеющую нудь!" Сугубо и давно не пьющих Кого куда: кого - в острог, Особо - принципы имущих. Сам, в силу власти, пить не мог. Но трезвые собирали силы, Пока мы пили натошак, Но наши верные кутилы Нам доносили - где и как. На митинг против перегара Сберутся, - мы их хватя в кольцо! И ну гурьбой дышать в лицо, А то - брандспойт, а в нем водяра. Как хулиганили, орали Не произнестъ в оригинале, Ну, трезвая шпана, кошмар! Но мы их все же разогнали И отстояли перегар. А в это время трезвь сплотилась Вокруг кого-то одного, Уже отважились на вылаз Секретно, тихо, делово. И шли они не на банкеты, А на работу, им на страх У входа пьяные пикеты Едва держались на ногах. А вечерами - по два, по три Уже решились выползть: Сидит - не пьет и нагло смотрит, ...Царю был очень нужен зять. Явился зять как по приказу: Ну, я скажу вам - ого-го! Он эту трезвую заразу Стал истреблять везде и сразу, А при дворе - первой всего. Ура! Их силы резко тают Уж к главарю мы тянем нить: Увидят бритого - хватают И - принудительно лечить. Сначала - доза алкоголя, Но - чтоб не причинить вреда. Сопротивленье - ерунда: Пять суток - и

сломалась воля, Сам медсестричку кличет: "Оля!.." Он наш - и враз и навсегда. Да он из ангелов из сущих, Кто ж он - зятек? Ба! Вот те на! Он - это сам глава непьющих, Испробовавший вкус вина. # 017

1977 Здравствуй, "Юность"ї

Здравствуй, "Юность", это я, Аня Чепурная, Я ровесница твоя, То есть молодая. То есть, мама говорит, Внука не желая: Рано больно, дескать, стыд, Будто не жила я. Моя мама - инвалид: Получила травму, И теперь благоволит Больше к божью храму. Любит лазить по хорам, Лаять тоже стала, Но она в науки храм Тоже б забегала... Не бросай читать письмо, "Юность" дорогая! Врач мамашу, если б смог, Излечил от лая. Ты подумала, де, вот Встанет спозаранка И строчит, и шлет, и шлет Письма, хулиганка! Нет, я правда в первый раз О себе и Мите... Слезы капаят из глаз, Извините - будет грязь И письмо дочтите! Я ж живая - вот реву, Вам-то все повтор, но Я же грежу наяву: Как дойдет письмо в Москву Станет мне просторно. А отца радикулит Гнет горизонтально, Он - военный инвалид, Так что все нормально. Вас дедуля свято чтит, Говорит пространно, Все от Бога, говорит, Или от экрана. Не бросай меня одну И откликнись, "Юность"! Мне - хоть щас на глубину! Ну куда я денусь, ну? Ну куда я сунусь? Нет, я лучше от и до, Как и что случилось: Здесь гадючее гнездо, "Юность", получилось. Защити (тогда мы их! Живо шею свертим) Нас - двоих друзей твоих, А не то тут смерть им. Митя - это... как сказать?.. Это я с которым... В общем, стала я гулять С Митей-комбайнером. Жар валил от наших тел (Образно, конечно), Он по-честному хотел Это я - он аж вспотел, Я была беспечна. Это было жарким днем Посреди ухаба... "Юность", мы с тобой пойдем: Ты же тоже баба! Да и хоть бы между льдин Все равно б случилось: Я - шатенка, он - блондин, Я одна и он один. Я же с ним училась! Зря мы это, Митя, зря, Но ведь кровь-то бродит... Как не помню - три хмыря, Словно три богатыря... Колька верховодит. Защитили наготу И прикрылись наспех, А уж те орут: "Ату!" Поднимают на смех. Смех - забава для парней Страшное оружие! Но а здесь - еще страшней, Если до замужья. Наготу преодолев, Срам прикрыв рукою, Митя был как правда лев. Колька ржет, зовет за хлев, Словно с "б" со мною... Дальше - больше: он закрыл Митину одежду, Двух дружков своих пустил... И пришли сто сорок рыл С деревень и между... P.S. Вот люблю ли я его? Передай три слова (И не бойся ничего: Заживет - и снова...), Слова, надо же вот, а! Или знак хотя бы!..

В общем, ниже живота... Догадайся живо! Так Мы же обе - бабы. Нет боюсь, что не поймешь! Но я - истый друг вам. Ты конвертик надорвешь, Левый угол отогнешь Там уже по буквам! # 018

1977 Михаилу Шемякину под впечатлением от серии "Чрево"

И кто вы суть? Безликие кликуши? Куда грядете - в Мекку ли в Мессины? Модели ли влачите к Монпарнасу? Кровавы ваши спины, словно туши, А туши - как ободранные спины И ребра в ребра ...нзят и мясо к мясу. Ударил ток, скотину оглуша, Обмякла плоть на плоскости картины И тяжко пала мяснику на плечи. На ум, на кисть творцу попала туша И дюжие согбенные детины, Вершацие дела не человечьи. Кончал палач - дела его ужасны, А дальше те, кто гаже, ниже, плоше Таскали жертвы после гильотины: Безглазны, безголовы и безгласны И, кажется, бессутны тушеноши, Как бы катками вмяты в суть картины. Так кто вы суть, загубленные души? Куда спешите, полуобразины? Вас не разъять - едины обе массы. Суть Сутина - "Спасите наши туши!" Вы ляжете, заколотые в спины, И урка слижет с лиц у вас гримасу. Слезу слизнет, и слизь, и лимфу с кровью Соленую людскую и коровью, И станут пепла чище, пыли суше Кентавры или человекотуши. Я - ротозей, но вот не сплю ночами (В глаза бы вам взглянуть из-за картины!) Нейметса мне, шуту и лоботрясу, Сдается мне - хлестали вас бичами?!. Вы крест несли и ободрали спины?!. И - ребра в ребра вам - и нету спасу. # 019

1977 Мне судьба - до последней черты, до крестаї

Мне судьба - до последней черты, до креста Спорить до хрипоты (а за ней - немота), Убеждать и доказывать с пеной у рта, Что - не то это все, не тот и не та! Что - лабазники врут про ошибки Христа, Что - пока еще в грунт не вляжалась плита, Триста лет под татарами - жизнь еще та: Маета трехсотлетняя и нищета. Но под властью татар жил Иван Калита, И уж был не один, кто один против ста. {Пот} намерений добрых и бунтов тщета, Пугачевщина, кровь и опять - нищета... Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта, Повторю даже в образе злого шута, Но не стоит предмет, да и тема не та, Суета всех сует - все равно суета. Только чашу испить - не успеть на бегу, Даже если разлить - все равно не смогу; Или выплеснуть в наглуую рожу врагу Не ломаюсь, не лгу - все равно не могу; На вертящемся гладком и скользком кругу Равновесье держу, изгибаюсь в дугу! Что же с чашею делать?! Разбить - не могу! Потерплю - и достойного подстерегу: Передам - и не надо

держаться в кругу И в крошечную тьму, и в неясную згу, Другу передоверивши чашу, сбегу! Смог ли он ее выпить - узнать не смогу. Я с сошедшими с круга пасусь на лугу, Я о чаше невыпитой здесь ни гугу Никому не скажу, при себе сберегу, А сказать - и затопчут меня на лугу. Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу! Может, кто-то когда-то поставит свечу Мне за голый мой нерв, на котором кричу, И веселый манер, на котором шучу... Даже если сулят золотую парчу Или порчу грозят напустить - не хочу, На ослабленном нерве я не зазвучу Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу! Лучше я загуляю, запью, заторчу, Все, что за ночь кропаю,- в чаду растопчу, Лучше голову песне своей откручу, Но не буду скользить словно пыль по лучу! ...Если все-таки чашу испить мне судьба, Если музыка с песней не слишком груба, Если вдруг докажу, даже с пеной у рта, Я уйду и скажу, что не все суета! # 020

1977 Пожары

Пожары над страной все выше, жарче, веселей, Их отблески плясали в два притопа три прихлопа, Но вот Судьба и Время пересели на коней, А там - в галоп, под пули в лоб, И мир ударило в озноб От этого галопа. Шальные пули злы, слепы и бестолковы, А мы летели вскачь - они за нами влет, Расковывались кони - и горячие подковы Летели в пыль - на счастье тем, кто их потом найдет. Увертливы поводья, словно угри, И спутаны и волосы и мысли на бегу, А ветер дул - и расплетал нам кудри, И расправлял извилины в мозгу. Ни бегство от огня, ни страх погони - ни при чем, А Время подскакало, и Фортуна улыбалась, И сабли седоков скрестились с солнечным лучом, Седок - поэт, а конь - пегас. Пожар померк, потом погас, А скачка разгоралась. Еще не видел свет подобного аллюра Копыта били дробь, трезвонила капель. Помешанная на крови слепая пуля-дура Прозрела, поумнела вдруг - и чаще била в цель. И кто кого - азартней перепляса, И кто скорее - в этой скачке опоздавших нет, А ветер дул, с костей сдувая мясо И радуя прохладой скелет. Удача впереди и исцеление больным, Впервые скачет Время напрямую - не по кругу, Обещанное завтра будет горьким и хмельным... Легко скакать, врага видать, И друга тоже - благодать! Судьба летит по лугу! Доверчивую Смерть вокруг пальца обернули Замешкалась она, забыв махнуть косою, Уже не догоняли нас и отставали пули... Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?! Пел ветер все печальнее и глуше, Навылет Время ранено,

досталось и Судьбе. Ветра и кони - и тела и души Убитых - выносили на себе. # 021

1977 Юрию Петровичу Любимову с любовью в 60 его лет от Владимира Высоцкого

Ах, как тебе родиться подфартило Почти одновременно со страной! Ты прожил с нею все, что с нею было. Скажи еще спасибо, что живой. В шестнадцать лет читал ты речь Олеси, Ты в двадцать встретил год тридцать седьмой. Теперь "иных уж нет, а те - далече"... Скажи еще спасибо, что живой! Служил ты под началом полотера. Скажи, на сердце руку положив, Ведь знай Лаврентий Палыч - вот умора! Как знаешь ты, остался бы ты жив? А нынче - в драках выдублена шкура, Протравлена до нервов суетой. Сказал бы Николай Робертыч: "Юра, Скажи еще спасибо, что живой!" Хоть ты дождался первенца не рано, Но уберег от раны ножевой. Твой "Добрый человек из Сезуана" Живет еще. Спасибо, что живой. Зачем гадать цыгану на ладонях, Он сам хозяин над своей судьбой. Скажи, цыган, на "Деревянных конях", Гони коней! Спасибо, что живой. "Быть или не быть?" мы зря не помарали. Конечно - быть, но только начеку. Вы помните: конструкции упали? Но живы все, спасибо Дупаку. "Марата" нет - его создатель странен, За "Турандот" Пекин поднимет вой. Можайся, брат, - твой "Кузькин" трижды ранен, И все-таки спасибо, что живой. Любовь, Надежда, Зина - тоже штучка! Вся труппа на подбор, одна к одной! И мать их - Софья-золотая ручка... Скажи еще спасибо, что живой! Одни в машинах, несмотря на цены, Им, пьющим, лучше б транспорт гужевой. Подумаешь, один упал со сцены Скажи еще спасибо, что живой! Не раз, не два грозили снять с работы, Зажали праздник полувековой... Тринадцать лет театра, как зачеты Один за три. Спасибо, что живой. Что шестьдесят при медицине этой! Тьфу, тьфу, не сглазить! Даром что седой. По временам на седину не сетуй, Скажи еще спасибо, что живой! Позвал Милан, не опасаясь риска, И понеслась! (Живем то снова!)... Теперь - Париж, и близко Сан-Франциско, И даже - при желании - Москва! Париж к Таганке десять лет пристрастен, Француз театр путает с тюрьмой. Не огорчайся, что не едет "Мастер", Скажи еще мерси, что он живой! Лиха беда - настырна и глазаста Устанет ли кружить над головой? Тебе когда-то перевалит за сто И мы споем: "Спасибо, что живой!" Пей, атаман, - здоровье позволяет, Пей,

куреной, когда-то Кошевой! Таганское казачество желает Добра тебе!
Спасибо, что живой! # 022

1977 Олегу Ефремову

Мы из породы битых, но живучих, Мы помним все, нам память дорога. Я говорю как мхатовский лазутчик, Зброшенный в Таганку - в тыл врага. Теперь в обнимку, как боксеры в клинче, И я, когда-то мхатовский студент, Олегу Николаевичу нынче Докладываю данные развед... Что на Таганке той толпа нахальная, У кассы давятся - Гоморр, Содом! Цыганки с картами, дорога дальняя, И снова строится казенный дом. При всех делах таганцы с вами схожи, Хотя, конечно, разницу найдешь: Спектаклям МХАТа рукоплещут ложи, А мы, без ложной скромности, без лож. В свой полувек Олег на век моложе Вторая жизнь в замен семи смертей, Из-за того, что есть в театре ложи Ты можешь смело приглашать гостей. Артисты мажутся французским тончиком С последних ярусов и то видать! А на Таганке той - партер с балкончиком, И гримы не на что им покупать. Таганцы ваших авторов хватают, И тоже научились брать нутром, У них гурьбой Булгакова играют, И Пушкина - опять же впятером. Шагают роты в выкладке на марше, Двум ротным - ордена за марш-бросок! Всего на десять лет Любимов старше, Плюс "Десять дней..." - но разве это срок?! Гадали разное - года в гаданиях: Мол, доиграются - и грянет гром. К тому ж кирпичики на новых зданиях Напоминают всем казенный дом. Ломали, как когда-то Галлилея, Предсказывали крах - прием не нов, Но оба добрались до юбилея И дожили до важных орденов. В истории искать примеры надо Был на Руси такой же человек, Он щит прибил к воротам Цареграда И звался тоже, кажется, Олег... Семь лет назад ты въехал в двери МХАТа, Влетел на белом княжеском коне. Ты сталь сварил, теперь все ждуд проката И изнутри, конечно, и извне. На мхатовскую мельницу налили Расплав горячий - это удалось. Чуть было "Чайке" крылья не спалили, Но слава богу, славой обошлось. Во многом совпадают интересы: В Таганке пьют за старый Новый год, В обоих коллективах "мерседесы", Вот только "Чайки" нам недостает. А на Таганке, там возня повальная, Перед гастролями она бурлит Им предстоит в Париж дорога дальняя, Но "Птица синяя" не предстоит. Здесь режиссер в актере умирает, Но - вот вам парадокс и перегиб: Абдулов Сева - Севу каждый знает В Ефремове чуть было не погиб. Нет, право, мы похожи, даже в споре, Живем и против правды не

грешим: Я тоже чуть не умер в режиссере И, кстати, с удовольствием большим... Идут во МХАТ актеры, и едва ли Затем, что больше платят за труды. Но дай Бог счастья тем, кто на бульваре, Где чище стали Чистые пруды! Тоскуй, Олег, в минуты дорогие По вечно и доподлинно живым! Все понимают эту ностальгию По бывшим современникам твоим. Волхвы пророчили концы печальные: Мол, змеи в черепе коня живут... А мне вот кажется, дороги дальние, Глядишь, когда-нибудь и совпадут. Ученые, конечно, не наврали. Но ведь страна искусств - страна чудес, Развитие здесь идет не по спирали, И вкривь и вкось, вразрез, наперерез. Затихла брань, но временны поблажки, Светла Адмиралтейская игла. Таганка, МХАТ идут в одной упряжке, И общая телега тяжела. Мы - пара тварей с Ноева Ковчега, Два полушарья мы одной коры. Не надо в академики Олега! Бросайте дружно черные шары! И с той поры, как люди слезли с веток, Сей день - один из главных. Можно встать И тост поднять за десять пятилеток За сто на два, за два по двадцать пять! # 023

1977 Схвати судьбу за горло, словно посохи {М. Барышникову}

Схвати судьбу за горло, словно посох, И па-де-де-держись все гала кряду! Я въеду в Невский на твоих колесах, А ты - пешком пройдешь по Ленинграду. # 024

1978 Попытка самоубийства

Подшит крахмальный подворотничок И наглухо застегнут китель серый И вот легли на спусковой крючок Бескровные фаланги офицера. Пора! Кто знает время сей поры? Но вот она воистину близка: О, как недолог жест от кобуры До выбритого начисто виска!

Движение закончилось, и сдуло С назначенной мишени волосок С улыбкой Смерть устала из дула На аккуратно выбритый висок. Виднелась сбоку поднятая бровь, А рядом что-то билось и дрожало В виске еще не пущенная кровь Пульсировала, то есть возражала. И перед тем как ринуться посметь От уха в мозг, наискосок к затылку, Вдруг загляделась пристальная Смерть На жалкую взбесившуюся жилку... Промедлила она - и прогадала: Теперь обратно в кобуру ложись! Так Смерть впервые близко увидела С рожденья ненавидимую Жизнь. # 001

1978 Много во мне маминогої

Много во мне маминого, Папино - сокрито, Я из века каменного, Из палеолита. Но по многим отзывам Я умный и не злой, То есть, в

веке бронзовом Стою одной ногой. Наше племя ропщет, смея Вслух ругать порядки. В первобытном обществе я Вижу недостатки. Просто вопиющие! Довлеют и грозят, Далеко идущие На тыщу лет назад. Собралась, умывшись чисто, Во поле элита. Думали, как выйти из то Го палеолита. Под кустами ириса Все передрались. Не договорились, А так и разбрелись. Завели старейшины, а Нам они примеры, По две, по три женщины, по Две, по три пещеры. Жены крепко заперты На цепи да замки, А на крайнем Западе Открыты бардаки. Перед соплеменниками, Вовсе не стесняясь, Бродят люди с венниками, Матерно ругаясь, Дрянь в огонь из бака льют, Надыбали уют, Ухают и крикают, Хихикают и пьют. Между поколениями Ссоры возникают, Жертвоприношениями Злоупотребляют. Ходишь - озираешься И ловишь каждый взгляд. Малость зазеваешься Уже тебя едят. Люди понимающие Ездят на горбатых, На горбу катающие Грезят о зарплатах. Счастливы горбатые, По тропочкам несясь. Бедные, богатые У них, а не у нас. Продали подряд все сразу Племенам соседним, Воинов гноят образо Ваньем этим средним, От повальной грамоты Те начали орать. Поглядели мамонты И стали вымирать. Дети все с царапинами И одеты куце, Топорами папиными День и ночь секутся. Скоро эра кончится Набалуетесь всласть! В будущее хочется? Да как туда попасть?! Колдуны пророчили, де Будет все попозже... За камнями - очереди, За костями - тоже. От былой от вольности Давно простыл и след: Хвать тебя за волосы! И глядь - тебя и нет. Притворились добренькими, Многих прочь услали И пещеры ковриками Пышными устлали. Мы стоим, нас трое, нам Бутылку коньяку... Тишь в благоустроенном {И} каменном веку. Встреться мне, молю я исто, Во поле, элита! Забери ты меня из то Го палеолита. Ведь по многим отзывам Я умный и не злой, То есть, в веке бронзовом Стою одной ногой. # 002

1978 Пародии делает он под тебяї

Пародии делает он под тебя, О будущем бредя, о прошлом скорбя, Журит по хорошему, вроде, любя, С улыбкой поет непременно, А кажется будто поет - под себя И делает одновременно. Про росы, про плесы, про медкупоросы, Там - осыпи, осы, мороз и торосы, И сосны, и СОСы, и соски, и косы, Усы, эскимосы и злостные боссы. А в Подольске - раздолье: Ив Монтан он - и только! Есть ведь и горькая доля, А есть горькая долька. Тогда его зритель Подольский Возлюбит

зимою и летом, А вот полуостров наш Кольский Весьма потеряет на этом. Настолько он весь романтичный, Что нечего и пародировать, Но он мне в душе симпатичен, [Я б смог] его перефразировать. Нет свободной минуты и, кстати, Спать не может {он} не от кошмаров, Потому что он {все} время тратит На подсчеты моих гонораров. # 003

1978 Песня Гогера-Могера для спектакля "Турандот или Конгресс обелителей"

Прохода нет от этих начитанных болванов: Куда ни плюнь - доценту на шляпу попадешь! Позвать бы пару опытных шаманов И напустить на умников падеж! Что за дела - не в моде благородство?! И вместо нас - нормальных, от сохи, Теперь нахально рвутся в руководство Те, кто умеют сочинять стихи. На нашу власть - то плачу я, то ржу: Что может дать она? - По носу даст вам! Доверьте мне - я поруковожу Запутавшимся нашим государством. Кошмарный сон я видел: что без научных знаний Не соблазнишь красоток - ни девочек, ни дам! Но я и пары ломаных юаней За эти иксы, игреки не дам. Недавно мы с одним до ветра вышли И чуть потолковали у стены, Так у него был полон рот кровищи И интегралов - полные штаны. С такими - далеко ли до беды?! Ведь из-за них мы с вами чахнем в смоге. Отдайте мне ослабшие бразды Я натяну, не будь я Гогер-Могер! И он нам будет нужен - придушенный очкарик: Такое нам сварганит - врагам наступит крах! Пинг-понг один придумал, - хрупкий шарик... Орешек крепкий в опытных руках! Искореним любые искривленья Путем повальной чистки и мытья! А перевоспитанье - исправленье Без наших крепких рук - галиматъя. Я так решил: он мой - текущий век, Хоть режьте меня, ешьте и вяжите! Я, Гогер-Могер, - вольный человек, И вы меня, ребята, поддержите! Не надо нам прироста - нам нужно уменьшенье, Нам перенаселенье - как гиря на горбе. Все это зло идет от женя-шеня: Ядреный корень! Знаю по себе. Сметем на свалки груды лишних знаний Метлой по деревьям и городам! За тридцать штук серебряных юаней Я Ньютона с Конфуцием продам. Я тоже не вахлак, не дурачок Цитаты знаю я от всех напастей. И я устрою вам такой "скачок", Как только доберусь до высшей власти! # 004

1978 Новые левые - мальчишки бравые!

Новые левые - мальчишки бравые С красными флагами буйной оравой, Чем вас так манят серпы да молоты? Может, подкурены вы и подколоты?! Слушаю полубезумных ораторов: "Экспроприация

экспроприаторов..." Вижу портреты над клубами пара Мао, Дзержинский и Че Гевара. Не [разобраться], где левые, правые... Знаю, что власть - это дело кровавое. Что же, [валяйте] затычками в дырках, Вам бы полгода, только в Бутырках! Не суетитесь, мадам переводчица, [Я не спою], мне сегодня не хочется! И не надеюсь, что я переспорю их, Могу подарить лишь учебник истории. # 005

1978 Другу моему Михаилу Шемякину

Открытые двери Больниц, жандармерий Предельно натянута нить, Французские бесы Большие балбесы, Но тоже умеют кружить. Я где-то точно - наследил, Последствия предвижу: Меня сегодня бес водил По городу Парижу, Канючил: "Выпей-ка бокал! Послушай-ка гитары!" Таскал по русским кабакам, Где - венгры да болгары. Я рвался на природу, в лес, Хотел в траву и в воду, Но это был - французский бес: Он не любил природу. Мы - как сбежали из тюрьмы, Веди куда угодно, Пьянели и трезвели мы Всегда поочередно. И бес водил, и пели мы, И плакали свободно. А друг мой - гений всех времен, Безумец и повеса, Когда бывал в сознание он Седлал хромого беса. Трезвея, он вставал под душ, Изничтожая вялость, И бесу наших русских душ Сгубить не удавалось. А то, что друг мой сотворил, От бога, не от беса, Он крупного помола был, Крытого был замеса. Его снутри не провернешь Ни острым, ни тяжелым, Хотя он огорожен сплошь Враждебным частоколом. Пить - наши пьяные умы Считали делом кровным, Чего наговорили мы И правым и виновным! Нить порвалась - и понеслась, Спасайте наши шкуры! Больницы плакали по нас, А также префектуры. Мы лезли к бесу в кабалу, С гранатами - под танки, Блестели слезы на полу, А в них тускнели франки. Цыгане пели нам про шаль И скрипками качали Вливали в нас тоску-печаль, По горло в нас печали. Уж влага из ушей лилась Все чушь, глупее чуши, Но скрипки снова эту мразь Заталкивали в души. Армян в браслетах и серьгах Икрой кормили где-то, А друг мой в черных сапогах Стрелял из пистолета. Набрякли жилы, и в крови Образовались сгустки, И бес, сидевший визави, Хихикал по-французски. Все в этой жизни - суета, Плевать на префектуры! Мой друг подписывал счета И раздавал купюры. Распахнуты двери Больниц, жандармерий Предельно натянута нить, Французские бесы Такие балбесы! Но тоже умеют кружить. # 006

1978 Осторожно! Гризли! (Михаилу Шемякину с огромной любовью и пониманием)

Однажды я, накушавшись от пуза, Дурной и красный, словно из "парилки", По кабакам в беспамятстве кружа, Очнулся на коленях у француза Я из его тарелки ел без вилки И тем француза резал без ножа. Кричал я: "Друг! За что боролись?!" - Он Не разделял со мной моих сомнений. Он был напуган, смят и потрясен, И пробовал прогнать меня с коленей. Не тут-то было! Я сидел надежно, Обняв его за тоненькую шею, Смяв оба его лацкана в руке, Шептал ему: "Ах! Как неосторожно! Тебе б зарыться, спрятаться в траншею, А ты рискуешь в русском кабаке!" Он тушевался, а его жена Прошла легко сквозь все перипетии: "Знакомство с нами свел сам Сатана, Но - добрый, ибо родом из России". Француз страдал от недопониманья, Взывал ко всем: к жене, к официантам, Жизнь для него пошла наоборот. Цыгане висли, скрипками шаманя, И вымогали мзду не по талантам, А я совал рагу французу в рот. И я вопил: "Отец мой имярек Герой, а я тут с падалью якшаюсь!" И восемьдесят девять человек Кивали в такт, со мною соглашаясь. Калигулу ли, Канта ли, Катулла, Пикассо ли - кого еще не знаю, Европа-сука тычет невпопад. [Меня] куда бы пьянка ни метнула, Я свой Санкт-Петербург не променяю На вкупе все, хоть он и Ленинград. В мне одному немую тишину Я убежал до ужаса тверезый. Навеки потеряв свою жену, В углу сидел француз, роняя слезы. Я ощутил намеренье благое Сварганить крылья из цыганской шали, Крылатым стать и недоступным стать. Мои друзья - пьянящие изгой Меня хватали за руки, мешали, Никто не знал, что я умел летать. Через Regeaut я прыгнул на Faubourg И приобрел повторное звучанье: На ноте "до" завыл Санкт-Петербург, А это означало "До свиданья". Мне б по моим мечтам - в каменоломню: Так много сил, что все перетаскаю, Таскал в России - грыжа подтвердит. Да знали б вы, что я совсем не помню, Кого я бью по пьянке и ласкаю, И что плевать хотел на Interdite. Да! Я рисую, трачу и кучу! Я даже чуть избыл привычку к лени. Я потому французский не учу, Чтоб мне не сели на колени. # 007

1978 Конец "Охоты на волков", или Охота с вертолетов (Михаилу Шемякину)

Словно бритва рассвет полоснул по глазам, Отворились курки, как волшебный сезам, Появились стрелки, на помине легки, И взлетели стрекозы с протухшей реки, И потеха пошла - в две руки, в две руки!

Вы легли на живот и убрали клыки. Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки, Чуял волчьи ямы подушками лап; Тот, кого даже пуля догнать не могла б, Тоже в страхе взопрел и прилег - и ослаб. Чтобы жизнь улыбалась волкам - не слышал, Зря мы любим ее, однолюбы. Вот у смерти - красивый широкий оскал И здоровые, крепкие зубы. Улыбнемся же волчей ухмылкой врагу Псам еще не намылены холки! Но - на татуированном кровью снегу Наша роспись: мы больше не волки! Мы ползли, по-собачьи хвосты подобрал, К небесам удивленные морды задрал: Либо с неба возмездье на нас пролилось, Либо света конец - и в мозгах перекося, Только били нас в рост из железных стрекоз. Кровью вымокли мы под свинцовым дождем И смирились, решив: все равно не уйдем! Животами горячими плавил снег. Эту бойню затеял не Бог - человек: Улетающим - влет, убегающим - в бег... Свора псов, ты со стайей моей не вяжись, В равной сваре - за нами удача. Волки мы - хороша наша волчья жизнь, Вы собаки - и смерть вам собачья! Улыбнемся же волчей ухмылкой врагу, Чтобы в корне пресечь кривотолки. Но - на татуированном кровью снегу Наша роспись: мы больше не волки! К лесу - там хоть немногих из вас сберегу! К лесу, волки, - труднее убить на бегу! Унесите же ноги, спасайте щенков! Я мечусь на глазах полупьяных стрелков И скликаю заблудшие души волков. Те, кто жив, затаились на том берегу. Что могу я один? Ничего не могу! Отказали глаза, притупилось чутье... Где вы, волки, бывшее лесное зверье, Где же ты, желтоглазое племя мое?! ...Я живу, но теперь окружают меня Звери, волчих не знавшие кличей, Это псы, отдаленная наша родня, Мы их раньше считали добычей. Улыбаюсь я волчей ухмылкой врагу, Обнажаю гнилые осколки. Но - на татуированном кровью снегу Наша роспись: мы больше не волки! # 008

1978 Белый вальс

Какой был бал! Накал движенья, звука, нервов! Сердца стучали на три счета вместо двух. К тому же дамы приглашали кавалеров На белый вальс традиционный - и захватывало дух. Ты сам, хотя танцуешь с горем пополам, Давно решился пригласить ее одну, Но вечно надо отлучаться по делам Спешить на помощь, собираться на войну. И вот, все ближе, все реальней становясь, Она, к которой подойти намеревался, Идет сама, чтоб пригласить тебя на вальс, И кровь в висках твоих стучится в ритме вальса. Ты внешне спокоен

среди шумного бала, Но тень за тобою тебя выдавала Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей. И бережно держа, и бешено кружа, Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, Не стой же ты руки сложа, сам не свой и - ничей! Если петь без души - вылетает из уст белый звук. Если строки ритмичны без рифмы, тогда говорят: белый стих. Если все цвета радуги снова сложить - будет свет, белый свет. Если все в мире вальсы сольются в один - будет вальс, белый вальс. Был белый вальс - конец сомненьям маловеров И завершение юных снов, забав, утех, Сегодня дамы приглашали кавалеров Не потому, не потому, что мало храбрости у тех. Возведены на время бала в званье дам, И кружит головы нам вальс, как в старину. Партнерам скоро отлучаться по делам Спешить на помощь, собираться на войну. Белее снега белый вальс, кружись, кружись, Чтоб снегопад подольше не прервался! Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь, И ты был бел - белее стен, белее вальса. Ты внешне спокоен среди шумного бала, Но тень за тобою тебя выдавала Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей. И бережно держа, и бешено кружа, Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, Не стой же ты руки сложа, сам не свой и - ничей! Если петь без души - вылетает из уст белый звук. Если строки ритмичны без рифмы, тогда говорят: белый стих. Если все цвета радуги снова сложить - будет свет, белый свет. Если все в мире вальсы сольются в один - будет вальс, белый вальс. Где б ни был бал - в лицее, в Доме офицеров, В дворцовой зале, в школе - как тебе везло, В России дамы приглашали кавалеров Во все века на белый вальс, и было все белым-бело. Потупя взоры, не смотря по сторонам, Через отчаянье, молчанье, тишину Спешили женщины прийти на помощь нам, Их бальный зал - величиной во всю страну. Куда б ни бросило тебя, где б ни исчез, Припомни этот белый зал - и улыбнешься. Век будут ждать тебя - и с моря и с небес И пригласят на белый вальс, когда вернешься. Ты внешне спокоен среди шумного бала, Но тень за тобою тебя выдавала Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей. И бережно держа, и бешено кружа, Ты мог бы провести ее по лезвию ножа, Не стой же ты руки сложа, сам не свой и - ничей! Если петь без души - вылетает из уст белый звук. Если строки ритмичны без рифмы, тогда говорят: белый стих. Если все цвета радуги снова сложить - будет свет, белый свет. Если все в мире вальсы сольются в один - будет вальс, белый вальс. # 009

1978 Давайте я спою вам в подражанье рок-н-ролуї

Давайте я спою вам в подражанье рок-н-ролу, Глухим и хриплым тембром из-за плохой иглы, Пластиночкой на ребрах, в оформленьи невеселом, Какими торговали пацаны из-под полы. Ну, например, о лете, - которого не будет, Ну, например, о доме, - что быстро догорел, Ну, например, о брате, - которого осудят, О мальчике, которому - расстрел! Сидят больные легкие в грудной и тесной клетке. Рентгеновские снимки - смерть на черно-белом фоне. Разбалтывают пленочки о трудной пятилетке И продлевают жизнь себе, вертятся на патефоне. # 010

1978 Запись в книге почетных гостей ледового дворца Северодонецка

Не чопорно и не по-светски По человечески меня Встречали в Северодонецке Семнадцать раз в четыре дня. # 011

1978 Юрию Яковлеву к 50-летию

Москва. Театр Вахтангова. От Таганки. Любимцу публики, рампы, руля. Желаем дома, в лесу и в загранке Удач, оптимизма, добра и рубля. Юрий Любимов и его команда. Ты ровно десять пятилеток в драке, В бою за роли, время и блага. Все Яковлевы - вечно забияки: Еще в войну повелевали "ЯКи" И истребляли в воздухе врага! Дела их - двойки и тройки, Якшаться с ними славно и дружить. Актеры - Яки, самолеты - "ЯКи", И в Азии быки - все те же яки... Виват всем ЯКам - до ста лет им жить! Желаем с честью выйти из виража и пьянки, И пусть тебя минует беда, хула, молва... Як-50, желают тебе друзья с Таганки Счастливого полета, как "ЯКу-42"! # 012

1979 В белье плотной вязкиї

В белье плотной вязки, В шапчонке неброской, Под буркою бати Опять шерстяной Я не на Аляске, Я не с эскимоской, Лежу я в кровати С холодной женой. Идет моей Наде В плетеной рогоже, В фуфайке веселой, В китайском плаще, И в этом наряде Она мне дороже Любой полуголой, А голой - вообще! Не нашел сатана денька, Все зимы ему мало! Нет, напакостил в праздник точь-в-точь!.. Не тяни же ты, Наденька, На себя одеяло В новогоднюю ночь! Тьфу в нас, недоенных, Чего мы гундосим! Соседу навесить Согреться чуток? В центральных районах В квартирах - плюс восемь, На кухне - плюс десять, Палас - как каток. Сожгем мы в духовке Венгерские стулья И финское кресло С арабским столом! Где надо - мы ловки: Все прем к себе в улья, А тут,

интересно, Пойдем напролом? Вдруг умы наши сонные
Посетила идея: Десять - это же с водкой полста! Наливай же граненые, Да давай побыстрее!.. Вот теперь красота! # 001

1979 Слева бесы, справа бесы

Слева бесы, справа бесы, Нет! По новой мне налей! Эти - с нар, а те - из кресел: Не поймешь, какие злей. И куда, в какие дали, На какой еще маршрут Нас с тобою эти врали По этапу поведут! Ну, а нам что остается? Дескать - горе не беда? Пей, дружище, если пьется, Все пустыми невода. Что искать нам в этой жизни? Править к пристани какой? Ну-ка, солнце, ярче брызни! Со святыми упокой... # 002

1979 Лекция о международном положении прочитанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам

Я вам, ребята, на мозги не капаю, Но вот он - перегиб и парадокс: Ковой-то выбирают римским папою Ковой-то запирают в тесный бокс. Там все места - блатные расхватили и Пришипилась, надеясь на авось, Тем временем во всей честной Италии На папу кандидата не нашлось. Жаль, на меня не вовремя накинули аркан, Я б засосал стакан - и в Ватикан! Церковники хлебальники разинули, Замешкался маленько Ватикан, Мы тут им папу римского подкинули Из наших, из поляков, из славян.

Сижу на нарах я, в Нарофоминске я. Когда б ты знала, жизнь мою губя, Что я бы мог бы выйти в папы римские, А в мамы взять - естественно, тебя! Жаль на меня не вовремя накинули аркан, Я б засосал стакан - и в Ватикан! При власти, при деньгах ли, при короне ли Судьба людей швыряет как котят. Но как мы место шаха проворонили?! Нам этого потомки не простят! Шах расписался в полном неумении Вот тут его возьми и замени! Где взять? У нас любой второй в Туркмении Аятолла и даже Хомейни. Всю жизнь мою в ворота бью рогами, как баран, А мне бы взять Коран - и в Тегеран! В Америке ли, в Азии, в Европе ли Тот нездоров, а этот вдруг умрет... Вот место Голды Меир мы прохлопали, А там - на четверть бывший наш народ. Плывут у нас по Волге ли, по Каме ли Таланты - все при шпаге, при плаще, Руслан Халилов, мой сосед по камере, Там Мао делать нечего вообще! # 003

1979 Меня опять ударило в озноб

Меня опять ударило в озноб, Грохочет сердце, словно в бочке камень. Во мне живет мохнатый злобный жлоб С мозолистыми

цепкими руками. Когда мою заметив маету, Друзья бормочут: "Скоро загуляет", Мне тесно с ним, мне с ним не вмоготу! Он кислород вместо меня хватает. Он не двойник и не второе "я", Все объяснения выглядят дурачки, Он плоть и кровь - дурная кровь моя Такое не приснится и Стругацким. Он ждет, когда закончу свой виток, Моей рукою выведет он строчку, И стану я расчетлив и жесток И всех продам - гуртом и в одиночку. Я оправдания вовсе не ищу, Пусть жизнь уходит, ускользает, тает. Но я себе мгновенья не прощу, Когда меня он вдруг одолевает. Но я собрал еще остаток сил, Теперь его не вывезет кривая: Я в глотку, в вены яд себе вгоняю Пусть жрет, пусть сдохнет - я перехитрил. # 004

1979 Мой черный человек в костюме серомі

Мой черный человек в костюме сером!.. Он был министром, домуправом, офицером, Как злобный клоун он менял личины И бил под дых, внезапно, без причины. И, улыбаясь, мне ломали крылья, Мой хрип порой похожим был на вой, И я немел от боли и бессилья И лишь шептал: "Спасибо, что живой". Я суеверен был, искал приметы, Что мол, пройдет, терпи, все ерунда... Я даже прорывался в кабинеты И зарекался: "Больше - никогда!" Вокруг меня кликуши голосили: "В Париж мотает, словно мы в Тюмень, Пора такого выгнать из России! Давно пора, - видать, начальству лень". Судачили про дачу и зарплату: Мол, денег прорва, по ночам кую. Я все отдам - берите без доплаты Трехкомнатную камеру мою. И мне давали добрые советы, Чуть свысока похлопав по плечу, Мои друзья - известные поэты: Не стоит рифмовать "кричу - торчу". И лопнула во мне терпенья жила И я со смертью перешел на ты, Она давно возле меня кружила, Побаивалась только хрипоты. Я от суда скрываться не намерен: Коль призовут - отвечу на вопрос. Я до секунд всю жизнь свою измерил И худо-бедно, но тащил свой воз. Но знаю я, что лживо, а что свято, Я это понял все-таки давно. Мой путь один, всего один, ребята, Мне выбора, по счастью, не дано. # 005

1979 Я никогда не верил в миражиі

Я никогда не верил в миражи, В грядущий рай не ладил чемодана Учителей сожрало море лжи И выплюнуло возле Магадана. Но свысока глаза на невежд, От них я отличался очень мало Занозы не оставил Будапешт, А Прага сердце мне не разорвала. А мы шумели в жизни и на сцене: Мы путаники, мальчишки пока! Но скоро нас заметят и оценят. Эй! Против кто? Намнем ему бока! Но мы умели чувствовать

опасность Задолго до начала холодов, С бесстыдством шлюхи приходила ясность И души запирала на засов. И нас хотя расстрелы не косили, Но жили мы, поднять не смея глаз, Мы тоже дети страшных лет России, Безвременье вливало водку в нас. # 006

1979 А мы живем в мертвящей пустотеі

А мы живем в мертвящей пустоте Попробуй надави, так брызнет гноем... И страх мертвящий заглушаем воем И вечно первые, и люди, что в хвосте. И обязательное жертвоприношение, Отцами нашими воспетое не раз, Печать поставило на наше поколенье, Лишило разума, и памяти, и глаз. И запах крови, многих веселя... # 007

1979 Мне скулы от досады сводиті

Мне скулы от досады сводит: Мне кажется который год, Что там, где я, - там жизнь проходит, А там, где нет меня, - идет! А дальше - больше, каждый день я Стал слышать злые голоса: - Где ты - там только наважденье, Где нет тебя - все чудеса! Ты только ждешь и догоняешь, Врешь и боишься не успеть, Смеешься меньше ты и, знаешь, Ты стал разучиваться петь! Как дым твои ресурсы тают, И сам швыряешь все подряд. Зачем? Где ты - там не летают, А там, где нет тебя, - парят. Я верю крику, вою, лаю, Но все-таки, друзей любя, Дразнить врагов я не кончаю, С собой в побеге от себя. Живу, не ожидая чуда, Но пухнут жилы от стыда Я каждый раз хочу отсюда Сбежать куда-нибудь туда. Хоть все пропой, протарабань я, Хоть всем хоть голым покажись, Пустое все: здесь - прозябанье, А где-то там - такая жизнь! Фартило мне, Земля вертелась, И взявши пары три белья, Я шась - и там! Но вмиг хотелось Назад, откуда прибыл я. # 008

1979 Я верю в нашу общую звездуі

Я верю в нашу общую звезду, Хотя давно за нею не следим мы: Наш поезд с рельс сходил на всем ходу Мы все же оставались невредимы. Бил самосвал машину нашу в лоб, Но знали мы, что ищем и обрящем, И мы ни разу не сходили в гроб, Где нет надежды всем в него сходящим. Катастрофы, паденья, - но между Мы взлетали туда, где тепло... Просто ты не теряла надежду, Мне же - с верою очень везло. Да и теперь, когда вдвоем летим, Пускай на ненадежных самолетах, Нам гасят свет и создают интим, Нам и мотор поет на низких нотах. Бывали "ТУ" и "ИЛы", "ЯКи", "АН"... Я верил, что в Париже, Барнауле Мы сядем, - если ж рухнем в океан, Двоих не съест и голубой акуле! Все мы смертны - и люди смеются: Не дождутся и нас

города! Я же знал: все кругом разобьются, Мы ж с тобой - ни за что никогда. Мне кажется такое по плечу Что смертным не под силу столько прыти! Что налету тебя я подхвачу, И вместе мы спланируем в Таити.

И если заболит кто из нас Какой-нибудь болезнью смертельной, Она уйдет, - хоть искрами из глаз, Хоть стонами и рвотою похмельной. Пусть в районе Мэзона-Лаффита Упадет злополучный "Скайлаб" И судьба всех обманет - финита, Нас она обмануть не смогла б! # 009

1979 Через десять лет

Еще бы - не бояться мне полетов, Когда начальник мой Е. Б. Изотов, Жалея вроде, колет как игла. "Эх, - говорит, - бедняга! У них и то в Чикаго Три дня назад авария была!.." Хотя бы сплюнул, все же люди - братья, И мы вдвоем и не под кумачом, Но знает, черт, и так для предприятия Я - хоть куда, хоть как и хоть на чем! Мне не страшно, я навеселе, Чтоб по трапу пройти не моргнув, Тренируюсь уже на земле Туго-натуго пояс стянув. Но, слава богу, я не вылетаю В аэропорте время коротаю Еще с одним таким же - побратим, Мы пьем седьмую за день За то, что все мы сядем, И может быть - туда, куда летим. Пусть в ресторане не дают на вынос, Там радио молчит - там благодать, Вбежит швейцар и рявкнет: "Кто на Вильнюс!.. Спокойно продолжайте выпивать!" Мне лететь - острый нож и петля: Ни поесть, ни распить, ни курнуть, И еще - безопасности для Должен я сам себя пристегнуть! У автомата - в нем ума палата Стою я, улыбаюсь глуповато: Такое мне ответил автомат!.. Невероятно, - в Ейске Почти по-европейски: Свобода слова, - если это мат. Мой умный друг к полудню стал ломаться Уже наряд милиции зовут: Он гнул винты у "ИЛа-18" И требовал немедля парашют. Я приятеля стал вразумлять: "Паша, Пашенька, Паша, Пашут. Если нам по чуть-чуть добавлять, То на кой тебе шут парашют!.." Он пояснил - такие врать не станут: Летел он раз, ремнями не затянут, Вдруг - взрыв! Но он был к этому готов: И тут нашел лазейку Расправил телогрейку И приземлился в клумбу от цветов... Мы от его рассказа обалдели! А здесь все переносят - и не зря Все рейсы за последние недели На завтра - тридцать третье декабря. Я напрасно верчусь на пупе, Я напрасно волнуюсь вообще: Если в воздухе будет ЧП Приземлюсь на китайском плаще! Но, смутно беспокойство ощущая, Припоминаю: вышел без плаща я, Ну что ж ты натворила, Катя, а, Катя! Вот только две соседки С едой всучили сетки,

А сетки воздух будут пропускать... Мой вылет объявили, что ли? Я бы Не встал - теперь меня не поднимай! Я слышу: "Пассажиры на ноябрь! Ваш вылет переносится на май!" Зря я дергаюсь: Ейск не Бейрут, Пассажиры спокойней ягнят, Террористов на рейс не берут, Неполадки к весне устранят. Считайте меня полным идиотом, Но я б и там летел Аэрофлотом: У них - гуд бай - и в небо, хошь не хошь. А здесь - сиди и грейся: Всегда задержка рейса, Хоть день, а все же лишний проживешь! Мы взяли пунш и кожу индюка - бр-р! Снуем теперь до ветра в темноту: Удобства - во дворе, хотя - декабрь, И Новый год - летит себе на "ТУ". Друг мой честью клянется спьяна, Что он всех, если надо, сместит. "Как же так, - говорит, - вся страна Никогда никуда не летит!..." ...А в это время гдей-то в Красноярске, На кафеле рассевшись по-татарски, О промедленье вовсе не скорбя, Проводи сутки третьи С шампанским в туалете Сам Новый год - и пьет сам за себя! Но в Хабаровске рейс отменен Там надежно засел самолет, Потому-то и новых времен В нашем городе не настает! # 010

1979 Я спокоен - он мне все поведалі

Я спокоен - Он мне все поведал. "Не таись!" - велел. И я скажу Кто меня обидел или предал, Покарает Тот, кому служу. Не знаю, как: ножом ли под ребро, Или сгорит их дом и все добро, Или сместят, сомнут, лишат свободы... Когда? Опять не знаю, - через годы Или теперь. А может быть - уже... Судьбу не обойти на вираже И на кривой на вашей не объехать, Напропалую тоже не протечь. А я? Я - что! Спокоен я, по мне - хоть Побей вас камни, град или картечь. # 011

1979 Мы бдительны - мы тайн не разболтаемі

Мы бдительны - мы тайн не разболтаем, Они в надежных жилистых руках. К тому же этих тайн мы знать не знаем Мы умникам секреты доверяем, А мы, даст бог, походим в дураках. Успехи взвесить - нету разновесов, Успехи есть, а разновесов нет. Они весомы и крутых замесов, А мы стоим на страже интересов, Границ, успехов, мира и планет. Вчера отметив запуск агрегата, Сегодня мы героев похмелим: Еще возьмем по полкило на брата, Свой интерес мы побоку, ребята, На кой нам свой, и что нам делать с ним? Мы телевизоров понакупали, В шесть - по второй - глядели про хоккей, А в семь - по всем - Нью-Йорк передавали Я не видал, мы Якова купали. Но там у них, наверное - о'кей! Хотя волнуясь, в голове вопросы: Как негры там? - А тут детей купай! Как там с Ливаном? Что там у Сомосы? Ясир здоров ли?

Каковы прогнозы? Как с Картером? На месте ли Китай? "Какие ордена еще бывают?" Послал письмо в программу "Время" я. Еще полно... Так что ж их не вручают? Мои детишки просто обожают, Когда вручают, плачет вся семья. # 012

1979 Из детства (Посвящено Аркаше)

Ах, черная икорочка Да едкая махорочка!.. А помнишь - кепка, челочка Да кабаки до трех?.. А черенькая Норочка С подъезда пять - айсорочка, Глядишь - всего пятерочка, А - вдоль и поперек... А вся братва одесская... Два тридцать - время детское. Куда, ребята, деться, а? К цыганам в "поплавок"! Пойдемте с нами, Верочка!.. Цыганская венгерочка! Пригладь виски, Валерочка, Да чуть примни сапог!.. А помнишь - вечериночки У Солиной Мариночки, Две бывших балериночки В гостях у пацанов?.. Сплошная безотцовщина: Война, да и ежовщина, А значит - поножовщина, И годы - без обнов... На всех клифты казенные И флотские, и зонные, И братья заблатненные Имеются у всех. Потом отцы появятся, Да очень не понравятся, Кой с кем, конечно, справятся, И то - от сих до сех... Дворы полны - ну надо же! Танго хватает за души, Хоть этому, да рады же, Да вот еще - нагул. С Малюшенки - богатые, Там - "шпанцири" подснятые, Там и червонцы мятые, Там Клещ меня пырнул... А у Толяна Рваного Братан пришел с "Желанного" И жить задумал наново, А был хитер и смел, Да хоть и в этом возрасте, А были позанозистей, Помыкался он в гордости И снова загремел... А все же брали "соточку" И бацали чечеточку, А ночью взял обмоточку И чтой-то завернул... У матери - бессонница, Все сутки книзу клонится. Спи! Вдруг чего обломится, Небось - не Барнаул... # 013

1979 Куда все делось и откуда что беретсяя

Куда все делось и откуда что берется? Одновременно два вопроса не решить. Абрашка Фукс у Ривочки пасется: Одна осталась - и пригрела поца, Он на себя ее заставил шить. Ах, времена - и эти, как их? - нравы! На древнем римском это - "темпера о морес"... Брильянты вынуты из их оправы, По всей Одессе тут и там канавы: Для русских - цимес, для еврейских - цорес. Кто с тихим вздохом вспомянет: "Ах, да!" И душу Господу подарит, вспоминая Тот изумительный момент, когда На Дерibasовской открылася пивная? Забыть нельзя, а если вспомнить - это мука! Я на привозе встретил Мишу... Что за тон! Я предложил: "Поговорим за Дюка!" "Поговорим, - ответил мне, гадюка,

Но за того, который Эллингтон". Ну что с того, что он одет весь в норке, Что скоро едет, что последний сдал анализ, Что он одной ногой уже в Нью-Йорке? Ведь было время, мы у Каца Борьки Почти что с Мишкой этим не кивались. {Кто с тихим вздохом вспомнит: "Ах, да!" И душу Господу подарит, вспоминая Тот изумительный момент, когда На Дерибасовской открылась пивная?} # 014

1979 Стареем, брат, ты говоришь

Стареем, брат, ты говоришь? Вон кончен - он недлинный Старинный рейс Москва-Париж... Теперь уже - старинный. И наменяли стюардесс И там и здесь, и там и здесь И у французов, и у нас! Но козырь - черва и сейчас. Стареют все - и ловелас, И Дон Жуан, и Греи. И не садятся в первый класс Сбежавшие евреи. Стюардов больше не берут, А отбирают. И в Бейрут Теперь никто не полетит Что там? Бог знает и простит. Стареем, брат, седеем, брат. Дела идут, как в Польше. Уже из Токио летят Одиннадцать, не больше. Уже в Париже неуют, Уже и там витрины бьют, Уже и там давно не рай, А как везде - передний край. Стареем, брат. А старикам Здоровье - кто устроит? А с элеронами рукам Работать и не стоит. И отправляют [нас], седых, На отдых, то есть - бьют под дых. И все же этот фюзеляж Пока что наш, пока что наш... # 015

1979 {К 15-летию Театра на Таганке}

Пятнадцать лет - не дата, так Огрызок, недоедок. Полтиник - да! И четвертак. А то - ни так - ни эдак. Мы выжили пятнадцать лет. Вы думали слабо, да? А так как срока выше нет Слобода, брат, слобода! Пятнадцать - это срок, хоть не на нарах, Кто был безус - тот стал при бороде. Мы уцелели при больших пожарах, При Когане, при взрывах и т.д. Пятнадцать лет назад такое было!.. Кто всплыл, об утонувших не жалеи! Сегодня мы - и те, кто у кормила, Могли б совместно справить юбилей. Сочится жизнь - коричневая жижа... Забудут нас, как вымершую чудь, В тринадцать дали нам глоток Парижа, Чтобы запоя не было - чуть-чуть. Мы вновь готовы к творческим альянсам, Когда же это станут понимать? Необходимо ехать к итальянцам, Заслать им вслед за Папой - нашу "Мать". "Везет - играй!" - кричим наперебой мы. Есть для себя патрон, когда тупик. Но кто-то вытряс пулю из обоймы И из колоды вынул даму пик. Любимов наш, Боровский, Альфред Шнитке, На вас ушаты вылиты воды. Прохладно вам, промокшие до нитки? Обсохните - и снова за труды. Достойным уже

розданы медали, По всем статьям - амнистия окрест. Нам по статье в "Литературке" дали, Не орден - чуть не ордер на арест. Тут одного из наших поманили Туда, куда не ходят поезда, Но вновь статью большую применили И он теперь не едет никуда. Директоров мы стали экономить, Беречь и содержать под колпаком, Хоть Коган был неполный Коганович, Но он не стал неполным Дупаком. Сперва сменили шило мы на мыло, Но мыло омрачило нам чело, Тогда Таганка шило возвратила И все теперь идет, куда ни шло. Даешь, Таганка, сразу: "Или - или!" С ножом пристали к горлу - как не дать. Считают, что невинности лишили... Пусть думают - зачем разубеждать? А знать бы все наверняка и сразу б, Заранее предчувствовать беду! Но все же, сколь ни пробовали на зуб, Мы целы на пятнадцатом году. Талантов - тьма! Созвездие, соцветье... И многие оправились от ран. В шестнадцать будет совершеннолетье, Дадут нам паспорт, может быть, загран. Все полосами, все должно меняться Окажемся и в белой полосе! Нам очень скоро будет восемнадцать Получим право голоса, как все. Мы в двадцать пять - дай Бог - сочтем потери, Напишут дату на кокарде нам, А дальше можно только к высшей мере, А если нет - то к высшим орденам. Придут другие - в драме и в балете, И в опере опять поставят "Мать"... Но в пятьдесят - в другом тысячелетии Мы будем про пятнадцать вспоминать! У нас сегодня для желудков встряска! Долой сегодня лишний интеллект! Так разговляйтесь, потому что Пасха, И пейте за пятнадцать наших лет! Пятнадцать лет - не дата, так Огрызок, недоедок. Полтинник - да! И четвертак. А то - ни так - ни эдак. А мы живем и не горим, Хотя в огне нет брода, Чего хотим, то говорим, Слобода, брат, слобода! # 016

1979 {Станиславу Яковлевичу Долецкому в день 50-летия}

С.Я.Долецкому посвящается Поздравляю вовсю - наповал! Без опаски и без принужденья, Ради шутки, за счет вдохновенья Сел писать я - перо пожевал... Вышло так: человек Возрожденья На Садовом кольце проживал. Ихним Медгосдумум С их доверием детским Знамо все, что у нас бестолково, Но исправлен бедлам Станиславом Долецким И больницею им. Русакова. Интересов, приятелей круг Так далек еще от завершенья! Каждый день - за прошеньем прошенье. Утром Вы - неперемный хирург Операции на воскрешенье Новорожденных, с болью старух. Шесть часов погода Вы скрипите зубами... Да! Доносчик сработал на славу! Недалецким

людям Не сработаться с Вами, Что делить с ними Вам - Станиславу? Я из Вашей души и из уст Слышал разное, неоднократно, С вечной присказкой: "Это понятно?!" Мне - понятно: про косточек хруст, И про то, "до чего аккуратно Сбил Прокрустово ложе Прокруст". Как от этих детей Утром смерть отсекая, Приходилось поругивать Вам Взрослых разных мастей: "Ах, ты дрянь ты такая! Этим скальпелем - руки бы вам!" Что-то я все "про ТО", да "про ТО" Я же должен совсем про другое, Вы ведь ляпнете вдруг: "Пудру Гойя Никогда не снимал. А пальто В Вашем фильме не то, А нагое Мне приятней на ощупь, а что?!" Вам не столько годков, Вы уж мне не вертите! Бог с ней, с жизнью, старой каргой! Видел сон я - во сне Вам дала Нефертити... Так старейте назад, дорогой! # 017

1980 Гимн бузовиков из телефильма "Наше призвание"

Из класса в класс мы вверх пойдем как по ступеням, И самым главным будет здесь рабочий класс. И первым долгом мы, естественно, отменим Эксплуатацию учителями нас. Да здравствует новая школа! Учитель уронит, а ты подними! Здесь дети обоего пола Огромными станут людьми. Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко. Мы все разрушим изнутри и оживим, Мы серость выбелим и выскоблим до блеска, Все теневое мы прикроем световым. Так возрасти же нам школу, строитель! Для душ наших детских теплицу, парник. Где учатся - все, где учитель Сам в чем-то еще ученик. # 001

1980 Песни для кинофильма "Зеленый фургон" 1. {Песня Сашки Червня}

Под деньгами на кону Как взгляну - слюну сглотну! Жизнь моя, и не смекну. Для чего играю, Просто ставить по рублю Надоело - не люблю: Проиграю - пропылю На коне по раю. Проскачу в канун Великого поста Не по вражескому - ангельскому - стану Пред очами удивленного Христа Предстану. Воля в глотку льется Сладко натошак Хорошо живется Тому, кто весельчак, А веселее пьется На тугой карман Хорошо живется Тому, кто атаман! В кровь ли губы окуну Или вдруг шагну к окну, Из окна в асфальт нырну Ангел крылья сложит, Пожалее на лету Прыг со мною в темноту, Клумбу мягкую в цвету Под меня подложит... Проскачу в канун Великого поста Не по вражескому - ангельскому - стану Пред очами удивленного Христа Предстану. Воля в глотку льется Сладко натошак Хорошо живется Тому, кто весельчак, А веселее пьется На тугой карман Хорошо

живется Тому, кто атаман! Кубок полон, по вину Крови пятна - ну и ну!
Не идут они ко дну Струсись или выпьешь! Только-только пригубил,
Вмиг все те, кого сгубил, Подняли, что было сил, Шухер или хипеш.
Проскачу в канун Великого поста Не по вражескому - ангельскому -
стану Пред очами удивленного Христа Предстану. Воля в глотку
льется Сладко натощак Хорошо живется Тому, кто весельчак, А
веселее пьется На тугой карман Хорошо живется Тому, кто атаман! #
002

1980 Песни для кинофильма "Зеленый фургон" 2. {Песня
инвалида}

Проскакали всю страну, Да пристали кони, буде! Я во синем во
Дону Намочил ладони, люди. Кровушка спеклася В сапоге от ран,
Разрежь, Настасья, Да бросай в бурьян! Во какой вояка, И "Георгий"
вот, Но опять, однако, Атаман зовет. Хватит брюхо набивать! Бают, да
и сам я бачу, Что спешит из рвани рать Волю забирать казачью. Снова
кровь прольется? Вот такая суть: Воли из колодца Им не зачерпнуть.
Плачут бабы звонко... Ну! Чего режем?! Волюшка, Настенка, Это ты да
дом. Вновь скакали по степу, Разом все под атаманом, То конями на
толпу, То - веревкой, то - наганом. Сколь крови не льется Пресный все
лиман. Нет! Хочу с колодца, Слышь-ка, атаман. А ведро бьется
Вольно - вкривь и вкось... Хлопцы, хлопцы, хлопцы, Выудил, небось!
Есть у атамана зуй, Ну а под зум - кобыла... Нет уж, Настенька, разуй,
Да часок чтоб тихо было. Где, где речь геройска Против басурман? Как
тебе без войска Худо, атаман! Справная обновка, Век ее постыль: Это
не винтовка, Это мой костыль. # 003

1980 Песни для кинофильма "Зеленый фургон" 3. {Одесские
куплеты}

Где девочки? Маруся, Рая, Роза? Их с кондачка пришепнула ЧеКа,
А я - живой, я - только что с Привоза, Вот прям сейчас с воскресного
толчка! Так что, ребята! Ноты позабыты, Зачеркнуто ли прежнее
житье? Пустились в одиссею одесситы В лихое путешествие свое. А
помните вы Жорика-маркера И Толика - напарника его? Ему хватило
гонора, напора, Но я ответил тоже делово. Он, вроде, не признал меня,
гадюка, И с понтом взял высокий резкий тон: "Хотите, будут речь
вести за Дюка? Но за того, который Эллинтон"... # 004

1980 Мог бы быть я при теще, при тещеї

Мог бы быть я при теще, при тесте, Только их и в живых уже нет. А Париж? Что Париж! Он на месте. Он уже восхвален и воспет. Он стоит, как стоял, он и будет стоять, Если только опять не начнут шутковать, Ибо шутка в себе ох как много таит. А пока что Париж как стоял, так стоит. # 005

1980 Однако, втягивать животі

Однако, втягивать живот Полезно, только больно. Ну! Вот и все! Вот так-то вот! И этого довольно. А ну! Сомкнуть ряды и рты! А ну, втяните животы! А у кого они пусты Ремни к последней дырке! Ну как такое описать Или еще отдать в печать? Но, даже если разорвать, Осталось на копирке: Однако, втягивать живот Полезно, только больно. Ну! Вот и все! Вот так-то вот! И этого довольно. Вообще такие времена Не попадают в письма, Но в этот век печать вольна Льет воду из колодца. Товарищ мой (он чей-то зять) Такое мог порассказать Для дела... Жгут в печи печать, Но слово остается: Однако, втягивать живот Полезно, только больно. Ну! Вот и все! Вот так-то вот! И этого довольно. # 006

1980 В стае диких гусей был второйі

В стае диких гусей был второй, Он всегда вырывался вперед, Гуси дико орали: "Встань в строй!" И опять продолжали полет. А однажды за Красной Горой, Где тепло и уютно от тел, Понял вдруг этот самый второй, Что вторым больше быть не хотел:

Все равно - там и тут Непременно убьют, Потому что вторых узнают. А кругом гоготали: "Герой! Всех нас выстрелы ждут вдалеке. Да пойми ты, что каждый второй Обречен в косяке!"

Бой в Крыму: все в дыму, взят и Крым. Дробь оставшихся не достает. Каждый первый над каждым вторым Непременные слезы прольет. Мечут дробью стволы, как икрой, Поубавилось сторожевых, Пал вожак, только каждый второй В этом деле остался в живых. Это он, е-мое, Стал на место свое, Стал вперед, во главу, в острие. Если счетом считать - сто на сто! И крои не крои - тот же крой: "Каждый первый" не скажет никто, Только - "каждый второй". ...Все мощнее машу: взмах - и крик Начался и застыл в кадыке! Там, внизу, всех нас - первых, вторых Злые псы подбирали в реке. Может быть, оттого, пес побрал, Я нарочно дразнил остальных Что во "первых" я с жизнью играл, И летать не хотел во "вторых"... Впрочем, я - о гусях: Гусь истек и иссяк Тот, который сбивал весь косяк. И кого из себя ты не строй На

спасение шансы малы: Хоть он первый, хоть двадцать второй Попадет под стволы. # 007

1980 Общаюсь с тишиной яі

Общаюсь с тишиной я, Боюсь глаза поднять, Про самое смешное Стараюсь вспоминать, Врачи чуть-чуть поахали: "Как? Залпом? Восемьсот?" От смеха ли, от страха ли Всего меня трясет. Теперь я - капля в море, Я - кадр в немом кино, И двери - на запоре, А все-таки смешно. Воспоминанья кружатся Как комариный рой, А мне смешно до ужаса, Но ужас мой - смешной. Виденья все теснее, Страшат величиной: То - с нею я, то - с нею... Смешно! Иначе - ной. Не сплю - здоровье бычье, Витаю там и тут, Смеюсь до неприличия И жду - сейчас войдут. Халат закончил опись И взвился - бел, крылат... "Да что же вы смеетесь?" Спросил меня халат. Но ухмыляюсь грязно я И - с маху на кровать: "Природа смеха - разная, Мою - вам не понять. Жизнь - алфавит, я где-то Уже в "це", "че", "ша", "ще". Уйду я в это лето В малиновом плаще. Попридержусь рукою я Чуть-чуть за букву "я", В конце побеспокою я," Сжимаю руку я. Со мной смеются складки В малиновом плаще. "С покойных взятки гладки", Смеялся я вообще. Смешно мне в голом виде лить На голого ушат, А если вы обиделись, То я не виноват. Палата - не помеха, Похмелье - ерунда! И было мне до смеха Везде, на все, всегда. Часы тихонько тикали, Сюсюкали: сю-сю... Вы - втихаря хихикали, А я - давно во всю. # 008

1980 Жан, Жак, Гийом, Густав - нормальные французыі

Жан, Жак, Гийом, Густав Нормальные французы, Немного подлатав Расползшиеся узы, Бесцветные, как моль, Разинув рты без кляпа, Орут: "Виват, Жан Поль, Наш драгоценный папа!" Настороже, как лось, Наш папа, уши - чутки. Откуда что взялось Флажки, плакаты, дудки? Страшась гореть в аду, Поют на верхней ноте. "А ну-ка, ниспаду Я к вам на вертолете!" "Есть риск - предупредил Пилот там, на экране, Ведь шлепнулся один Не вовремя в Иране". "Смелее! В облака, Брат мой, ведь я в сутане, А смерть - она пока Еще в Афганистане!" И он разгладил шелк Там, где помялась лента, И вскоре снизошел До нас, до президента. Есть папа, но была Когда-то божья мама. Впервые весела Химера Нотр-Дама. Людским химер не мерь Висит язык, как жало. Внутри ж ее теперь Чего-то дребезжало. Ей был смешон и вид Толпы - плащи да блузки... Ан, папа говорит Прекрасно по-французски. Поедет в Лувр, "Куполь" И, может быть, в Сорбонну,

Ведь папа наш, Жан Поль, Сегодня рад любому. Но начеку был зав
Отделом протокола: Химере не сказав Ни слова никакого, Он вышел. Я
не дам Гроша теперь за папу. Химеры Нотр-Дам, Опять сосите лапу! #
009

1980 Две просьбы М. Шемякину - другу и брату - посвящен сей
полуэкспромт.

I. Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я Гоню их прочь, стена и
браня, Но вместо них я вижу виночерпия, Он шепчет: "Выход есть - к
исходу дня Вина! И прекратится толкотня, Виденья схлынут, сердце и
предсердия Отпустят, и расплавится броня!" Я - снова - я, и вы теперь
мне верьте, я Немного попрошу взамен бессмертия, Широкий тракт,
холст, друга, да коня, Прошу покорно, голову склоня: Побойтесь Бога,
если не меня, Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

II. Чту Фауста ли, Дориана Грея ли, Но чтобы душу дьяволу - ни-
ни! Зачем цыганки мне гадать затеяли? День смерти уточнили мне
они... Ты эту дату, Боже, сохрани, Не отмечай в своем календаре или В
последний миг возьми и измени, Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли, Чтоб люди не хихикали в тени. От
них от всех, о, Боже, охрани, Скорее, ибо душу мне они Сомненьями и
страхами засеяли! # 010

1980 Неужто здесь сошелся клином светі

Неужто здесь сошелся клином свет, Верней, клинком ошибочных
возмездий... И было мне неполных двадцать лет, Когда меня зарезали в
подъезде. Он скалился открыто - не хитро, Он делал вид, что не
намерен драться, И вдруг - ножом под нижнее ребро, И вон - не вынув,
чтоб не замараться. Да будет выть-то! Ты не виновата Обманут я
улыбкой и добром. Метнулся в подворотню луч заката И спрятался за
мусорным ведром... Еще спасибо, что стою не в луже, И лезвие
продвинулось чуть глубже, И стукнула о кафель рукоять, Но падаю -
уже не устоять. # 011

1980 По речке жизни плавал честный Грекаі

По речке жизни плавал честный Грека И утонул, иль рак его настиг.
При Греке заложили человек, А Грека - "заложил за воротник". В нем
добрая заложена основа, Он оттого и начал поддавать. "Закладывать" -
совсем простое слово А в то же время значит: "предавать". Или еще
пример такого рода: Из-за происхождения взлетел, Он вышел из
глубинки, из народа, И возвращаться очень не хотел. Глотал упреки и

зевал от скуки, Что оторвался от народа - знал, Но "оторвался" - это по науке, На самом деле - просто убежал. # 012

1980 Михаилу Шемякину - чьим другом посчастливилось быть мне!

Как зайдешь в бистро-столовку, По пивку ударишь, Вспоминай всегда про Вовку Где, мол, друг-товарищ?! И в лицо трехстопным матом Можешь хоть до драки! Про себя же помни - братом Вовчик был Шемяке. Баба, как насадка квохчет (Не было печали!) Вспоминай!!! Быть может, Вовчик "Поминай как звали!" М.Сhemіakin - всегда, везде Шемякин. А по сему французский не учи!.. Как хороши, как свежи были маки, Из коих смерть схимичили врачи! Мишка! Мильй! Брат мой Мишка! Разрази нас гром! Поживем еще, братишка, По-жи-вь-ем! Po-gi-viom. # 013

1980 И снизу лед, и сверху - маюсь междуї

И снизу лед, и сверху - маюсь между: Пробить ли верх иль пробуравить низ? Конечно, всплыть и не терять надежду! А там - за дело в ожиданьи виз. Лед надо мною - надломись и тресни! Я весь в поту, хоть я не от сохи. Вернусь к тебе, как корабли из песни, Все помня, даже старые стихи. Мне меньше полувека - сорок с лишним, Я жив, тобой и Господом храним. Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, Мне будет чем ответить перед Ним. # 014

1980 Грусть моя, тоска моя (Вариации на цыганские темы)

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка, Чувствую - дышу и хорошею... Вдруг тоска змеиная, зеленая тоска, Изловчась, мне прыгнула на шею. Я ее и знать не знал, меняя города, А она мне шепчет: "Как ждала я!.." Как теперь? Куда теперь? Зачем да и когда? Сам связался с нею, не желая. Одному идти - куда ни шло, еще могу, Сам себе судья, хозяин-барин. Впрягся сам я вместо коренного под дугу, С виду прост, а изнутри - коварен. Я не клевету, подобно вредному клещу, Впился сам в себя, трясусь за плечи, Сам себя бичую я и сам себя хлещу, Так что - никаких противоречий. Одари судьба, или за деньги отоварь! Буду дань платить тебе до гроба. Грусть моя, тоска моя - чахоточная тварь, До чего ж живучая хвороба! Поутру не пикнет - как бичами не бичуй, Ночью - бац! - со мной на боковую: С кем-нибудь другим хоть ночь переночуй, Гадом буду, я не приревную! # 015

1980 Я не спел вам в кино, хоть хотелї {Глеб Жеглов}

Я не спел вам в кино, хоть хотел, Даже братья меня поддержали: Там, по книге, мой Глеб где-то пел, И весь МУР все пять дней протерпел, Но в Одессе Жеглова зажали. А теперь запылает моя щека, А душа - дак замлеет. Я спою, как из черного ящика, Что всегда уцелеет. Генеалогии Вайнеров бьются в тщете Древо рода никто не обхватит. Кто из них приписал на Царьградском щите: "Юбилеями правят пока еще те, Чей он есть, юбилей, и кто платит"? Первой встрече я был очень рад, Но держался не за панибрата. Младший брат был небрит и не брат Выражался как древний пират, Да и старший похож на пирата.

Я пил кофе - еще на цикории, Не вставляя ни слова, Ну а вайнеры-братики спорили Про характер Жеглова. В Лувре я - будь я проклят! - попробуй, налей! А у вас - перепало б и мне там. Возле этой безрукой - не хошь, а лелей, Жрать охота, братья, а у вас - юбилей И наверно... конечно, с банкетом. Братья! Кто же вас сможет сломить? Пусть вы даже не ели от пуза... Здоровы, а плетете тончайшую нить. Все читали вас, все, - хорошо б опросить Членов... нет, - экипажи "Союза". Я сегодня по "ихнему" радио Не расслышал за воем Что-то... "в честь юбилея Аркадия Привезли под конвоем..." Все так буднично, ровно они, бытово. Мы же все у приемников млеем. Я ж скажу вам, что ежели это того... Пусть меня под конвоем везут в ВТО С юбилеем, так уж с юбилеем. Так о чем же я, бишь, или вишь? Извини - я иду по Аркаде: МУР и "зря ты душою кривишь" Кончен ты! В этом месте, малыш, В сорок пятом работал Аркадий. Пусть среди экспонатов окажутся Эти кресла, подобные стулу. Если наши музеи откажутся Увезу в Гонолулу. Не сочтите за лесть предложенье мое, Не сочтите его и капризом, Что скупиться, ведь тут юбилей, е-мое! Все, братьями моими содеянное Предлагаю назвать "вайнеризмом"! # 016

1980 Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени {История фильма "Место встречи изменить нельзя"}

Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени Некому: жена - в Париже, все дружки - сидят. Даже Глеб Жеглов - хоть ботал чуть по новой фене Ничего не спел, чудак, пять вечеров подряд. Хорошо, что в зале нет Не наших всех сортов, Здесь - кто хочет на банкет Без всяких паспортов. Расскажу про братиков Писателей, соратников, Про людей такой души, Что не сыщешь ватников. Наше телевидение требовало резко: Выбросить слова "легалый", "мусор" или "мент", Поменять на

мыло шило, шило - на стамеску. А ворье переиначить в "чуждый элемент". Но сказали брат и брат: "Не! Мы усе спасем. Мы и сквозь редакторат Все это пронесем". Так, в ответ подельники, Скиданув халатики, Надевали тельники, А поверх - бушлатики. Про братьев-разбойников у Шиллера читали, Про Лаутензаков написал уже Лион, Про Серапионовых листали Коли, Вали... Где ж роман про Вайнеров? Их - два на миллион! Проявив усердие, Сказали кореша: ""Эру милосердия" Можно даже в США". С них художник Шкатников Написал бы латников. Мы же в их лице теряем Класных медвежатников. # 017

1980 Письмо торговца ташкентскими фруктами с Центрального рынка

Жора и Аркадий Вайнер! Вам салям алейкум, пусть Мы знакомы с вами втайне, Кодекс знаем наизусть. Пишут вам семь аксакалов Гиндукушенской земли, Потому что семь журналов Вас на нас перевели. А во время сбора хлопка (Кстати, хлопок нынче - шелк) Наш журнал "Звезда Востока" Семь страниц для вас нашел. Всю Москву изъездил в "ЗИМе" Самый главный аксакал Ни в едином магазине Ваши книги не сыскал. Вырвали два старших брата Все волосья в бороде Нету, хоть и много блага В "Книжной лавке" - и везде. Я за "Милосердыя эру" Вот за что спасибо вам! Дал две дыни офицеру И гранатов килограмм. А в конце телевиденья Клятва волосом седым! Будем дать за продолженье Каждый серий восемь дань. Чтобы не было заминок (Любите кюфта-бюзбаш?) Шлите жен Центральный рынок Полглавы - барашка ваш. Может это слишком плотски, Но за песни про тюрьмы (Пусть споет артист Высоцкий) Два раз больше платим мы. Не отыщешь ваши гранки И в Париже, говорят... Впрочем, что купить на франки? Тот же самый виноград. Мы сегодня вас читаем, Как абзац - кидает в пот. Братья, мы вас за - считаем Удивительный народ. Наш праправнук на главбазе Там, где деньги - дребедень. Есть хотите? В этом разе Приходите каждый день. А хотелось, чтоб в иньязе... Я готовил крупный куш. Но... Если был бы жив Ниязи... Ну а так - какие связи? Связи есть Европ и Азий, Только эти связи чушь. Вы ведь были на КАМАЗе: Фрукты нет. А в этом разе Приезжайте Гиндукуш! # 018

713-Й ПРОСИТ ПОСАДКУ Год создания фильма: 1962
Режиссер[ы] фильма: Григорий Никулин В фильме снимались:

Владимир Честноков, Отар Коберидзе, Лев Круглый, Владимир Высоцкий, Людмила Шагалова, Александр Барушной, Ефим Копелян, Сергей Голованов, Зинаида Занони, Ээве Киви, Рэм Лебедев, Владимир Высоцкий, Нина Агапова, Константин Худяков, Алик Францев Жанр фильма: Триллер Сценарист[ы]: Алексей Леонтьев, Андрей Донатов Оператор[ы]: Вениамин Левитин Художник[и]: Игорь Вускович, Марксэн Гаухман-Свердлов Композитор[ы]: Геннадий Портнов Звукорежиссер[ы]: Григорий Эльберт Киностудия: ЛЕНФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 78 (73-тв) мин Аннотация к фильму: Экипаж самолета, совершающего трансатлантический перелет, таинственным образом усыплен, и неуправляемому самолету с пассажирами на борту стала угрожать опасность. Но мужество и спокойствие некоторых пассажиров делают возможной связь с аэродромом, а затем и посадку самолета. Прокат (1962, 13 место) - 27.9 млн. зрителей.

ВЕРТИКАЛЬ Год создания фильма: 1967 Режиссер[ы] фильма: Станислав Говорухин, Борис Дуров В фильме снимались: Владимир Высоцкий, Геннадий Воропаев, Маргарита Кошелева, Георгий Кульбуш, Александр Фадеев, Лариса Лужина, Бухути Закариадзе Жанр фильма: Киноповесть Сценарист[ы]: Сергей Тарасов, Николай Рашеев (участие) Оператор[ы]: Альберт Осипов Художник[и]: Михаил Заяц Композитор[ы]: Софья Губайдулина Автор и исполнитель песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Геннадий Коненкин, Анатолий Нетребенко Киностудия: Одесская к/ст Страна: СССР (Украина) Продолжительность фильма: 77 мин. Аннотация к фильму: Группа альпинистов готовится к штурму непокоренной вершины Кавказа - пика Ор-Тау. Получив разрешение, они отправляются в путь, а между тем, радист базового лагеря принимает радиограмму о надвигающемся грозном циклоне. Связист группы получает сигнал только после того, как пройдены самые опасные места, и скрывает от остальных это сообщение...

ГРЕШНИЦА Год создания фильма: 1962 Режиссер[ы] фильма: Федор Филиппов, Гавриил Егиазаров В фильме снимались: Ия Саввина, Николай Довженко, Александра Панова, Даниил Ильченко, Владимир Заманский, Владимир Высоцкий, Антонина Богданова, Константин Желдин Жанр фильма: Социально- психологическая религиозная драма Фильм снят по мотивам одноименной повести

Н.Евдокимова Сценарист[ы]: Николай Евдокимов Оператор[ы]: Гавриил Егиазаров Художник[и]: Стален Волков Композитор[ы]: Владимир Бунин Звукорежиссер[ы]: Виктор Зорин Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 80 мин. Аннотация к фильму: Один из многих фильмов, созданных в начале шестидесятих годов, которые знаменуются не только временами "хрущевской оттепели", но и новой волной репрессий по отношению к Церкви. Фильм о судьбе девушки, вступившей в секту. Встретив настоящую любовь, она восстает против родителей и покидает дом... Прокат - 23.8 млн. зрителей.

ЕДИНСТВЕННАЯ ДОРОГА Год создания фильма: 1974 Режиссер[ы] фильма: Владимир Павлович В фильме снимались: Анатолий Кузнецов, Душан Яничевич, Татьяна Сидоренко, Велько Мандич, Александр Аржиловский, Лев Дуров, Глеб Стриженов, Владимир Высоцкий, Владимир Пучков, Владимир Кашпур, Д.Боянич, Светлана Данильченко, Ирина Мирошниченко, Владислав Дворжецкий Жанр фильма: Героико-приключенческий фильм Сценарист[ы]: Вадим Трунин Оператор[ы]: Алексей Темерин Художник[и]: Георгий Турылев Композитор[ы]: Карен Хачатурян Автор песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Л.Трахтенберг Киностудия: МОСФИЛЬМ, ФИЛМСКИ СТУДИЯ ТИТОГРАД (СФРЮ) Страна: СССР (Россия)/СФРЮ Продолжительность фильма: 98 мин. Аннотация к фильму: 1944 год. По дорогам Югославии движется необычная автоколонна - за рулем бензовозов сидят попавшие в плен советские солдаты. Этим коварным замыслом гитлеровцы решили обезопасить себя от нападения партизан. Но стратегический груз не будет доставлен к месту назначения... Песни исполняют Владимир Высоцкий и Татьяна Сидоренко.

ЕДИНСТВЕННАЯ... Год создания фильма: 1975 Режиссер[ы] фильма: Иосиф Хейфиц В фильме снимались: Валерий Золотухин, Елена Проклова, Людмила Gladунко, Владимир Высоцкий, Лариса Малеванная, Вячеслав Невинный, Любовь Соколова, Владимир Заманский Жанр фильма: Мелодрама Фильм снят по рассказу П.Нилина "Дурь" Сценарист[ы]: Павел Нилин, Иосиф Хейфиц Оператор[ы]: Генрих Маранджян Художник[и]: Владимир Светозаров Композитор[ы]: Надежда Симонян Текст песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Игорь Вигдорчик Киностудия: ЛЕНФИЛЬМ

Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 96 мин. Аннотация к фильму: Повесть о несбывшейся мечте героев - шофера Касаткина и официантки Танюши, которым не удалось сохранить любовь друг к другу и реализовать свою давнюю мечту - переселиться на берег Тихого океана. Прокат - 33.1 млн. зрителей.

ИНТЕРВЕНЦИЯ Год создания фильма: 1968 Режиссер[ы] фильма: Геннадий Полока В фильме снимались: Владимир Высоцкий, Юлия Бурыгина, Юрий Толубеев, Ефим Копелян, Сергей Юрский, Ольга Аросева, Валерий Золотухин, Руфина Нифонтова, Екатерина Булавина, Гелена Ивлева, Владимир Татосов, Марлен Хуциев, Георгий Штиль, Валентин Буров, Юрий Катин-Ярцев Жанр фильма: Оптимистическая эксцентрическая трагикомедия. Фильм снят по мотивам одноименной пьесы Льва Славина Сценарист[ы]: Лев Славин Оператор[ы]: Владимир Бурыкин, Евгений Мезенцев Художник[и]: Михаил Щеглов Композитор[ы]: Сергей Слонимский Текст песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Лев Вальтер, Элеонора Казанская Киностудия: ЛЕНФИЛЬМ (вып. 1987) Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 107 мин. Аннотация к фильму: Веселая, героическая, трогательная и одновременно сатирическая история борьбы за Советскую власть. Пьеса Льва Славина стала первой пьесой об интервенции. "Решение фильма, избранное режиссером Г.Полокой и одобренное всеми участниками работы, наиболее ярко, увлекательно и необычно помогает экранному изображению революционного, героического содержания пьесы Л.Славина. В.И.Ленин говорил: "Революция дело веселое... Революция - праздник трудящихся..." И искусство, отражающее идеи революции, не может быть серым, скучным, шаблонным... Мы начисто отвергаем нелепейшую чепуховину, будто бы мы работали под каким-то наркозным давлением режиссера..." Из письма актерского состава "Интервенции" к А.Н.Косыгину (декабрь 1968). Незаконченный в 1967 году, фильм был завершен и вышел на экраны только в 1987.

ИХ ДВОЕ Год создания фильма: 1977 Режиссер[ы] фильма: Марта Месарош В фильме снимались: Марина Влади, Лили Монори, Миклош Толкай, Ян Новицки, Жужу Цинкоци, Владимир Высоцкий Жанр фильма: Драма Сценарист[ы]: Ильдико Короди, Йожеф Балаж, Геза Беременьи Оператор[ы]: Янош Кенде Композитор[ы]: Дьердь Ковач Киностудия: ДИАЛОГ Страна: Венгрия Продолжительность

фильма: 94 мин. Аннотация к фильму: Фильм рассказывает о судьбе двух женщин, одна из которых вроде бы благополучна, другая же - несчастна в семейной жизни. После их знакомства, переросшего в дружбу, каждая из них стала по новому оценивать как себя, так и взаимоотношения с окружающими.

КАРЬЕРА ДИМЫ ГОРИНА Год создания фильма: 1961
Режиссер[ы] фильма: Фрунзе Довлатян, Лев Мирский (худ. рук. Сергей Герасимов) В фильме снимались: Александр Демьяненко, Татьяна Конюхова, Владимир Высоцкий, В.Селезнев, Евгений Кудряшов, Н.Казаков, Алексей Ванин, Р.Алиев, Виктор Чекмарев, Ю.Каракаев, В.Маркова Жанр фильма: Социальная мелодрама Сценарист[ы]: Борис Медовой Оператор[ы]: Константин Арутюнов Художник[и]: Марк Горелик Композитор[ы]: Андрей Эшпай Текст песен: Е.Евтушенко Звукорежиссер[ы]: Юрий Закржевский Монтаж: А.Клебанова Киностудия: К/ст им. М.Горького Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 100 мин. Аннотация к фильму: Нелепый случай - ошибка при выдаче вклада - привел к тому, что рядовой кассир Дима Горин, найдя в таежной глуши вкладчика и вернув в сберкаассу деньги, в город так и не вернулся, а остался на строительстве высоковольтной линии передач. Решиться на такой шаг парня "не от мира сего" заставила бойкая и веселая девушка, бригадир монтажниц Галя Березка, работающая на другой стороне трассы. Нелегко давалась новая жизнь Горину, но он знал, что каждый освоенный метр ЛЭП приближал их встречу... Прокат - 20.8 млн. зрителей.

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ Год создания фильма: 1967 Режиссер[ы] фильма: Кира Муратова В фильме снимались: Кира Муратова, Владимир Высоцкий, Нина Русланова, Лидия Базильская, Валерий Исаков, Ольга Викланд, Алексей Глазырин, Светлана Немоляева Жанр фильма: Мелодрама Фильм снят по очерку Л.Жуховицкого Сценарист[ы]: Кира Муратова, Леонид Жуховицкий Оператор[ы]: Геннадий Карюк Художник[и]: Олег Передерий, Александра Канардова Композитор[ы]: Олег Каравайчук Звукорежиссер[ы]: Игорь Скиндер Киностудия: Одесская к/ст Страна: СССР (Украина) Продолжительность фильма: 96 мин. Аннотация к фильму: Надя любит геолога Максима, но его жизнь вне экспедиции ей не известна и не дает покоя. Она приезжает в город, где живет Максим, и приходит в

квартиру к председателю горсовета Валентине Ивановне. Молодая женщина не может толком объяснить причину своего прихода и остается домработницей. Но вскоре понимает, что Максим и Валентина Ивановна любят друг друга. Узнав о скором приезде Максима, Надя покидает этот дом. Первая роль в кино Нины Руслановой. Прокат - 4.4 млн. зрителей.

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ Год создания фильма: 1979 Режиссер[ы] фильма: Михаил Швейцер В фильме снимались: Александр Трофимов, Владимир Высоцкий (последняя роль в кино), Георгий Тараторкин, Сергей Юрский, Инокентий Смоктуновский, Леонид Куравлев, Николай Бурляев, Иварс Калныньш, Наталья Белохвостикова, Леонид Каюров, Лидия Федосеева-Шукшина, Михаил Кокшенов, Лариса Удовиченко, Иван Лапиков, Андрей Бронников, Матлюба Алимова, Лев Поляков, Анель Судакевич, Наталья Данилова. Жанр фильма: Драма Фильм снят по одноименному поэтическо-драматическому циклу А.С.Пушкина. Сценарист[ы]: Михаил Швейцер Оператор[ы]: Михаил Агранович Художник[и]: Владимир Филиппов Композитор[ы]: Альфред Шнитке Звукорежиссер[ы]: Владимир Крачковский, Арнольд Шаргородский Монтаж: Зоя Веревкина, Наталья Алферова Киностудия: МОСФИЛЬМ по заказу ГТР Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 90+75+75 мин Аннотация к фильму: Экранизация произведений А.С.Пушкина: "Сцена из Фауста", "Египетские ночи", "Моцарт и Сальери", "Скупой рыцарь", "Каменный гость", "Пир во время чумы", "Гости съезжались на дачу...", "На углу маленькой площади...", "Мы проводили вечер на даче...", входящих в цикл "Маленькие трагедии". Последние роли в кино Владимира Высоцкого и Анель Судакевич.

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ Год создания фильма: 1979 Режиссер[ы] фильма: Станислав Говорухин В фильме снимались: Владимир Конкин, Владимир Высоцкий, Сергей Юрский, Владимир Павлов, Наталья Фатеева, Леонид Куравлев, Светлана Светличная, Александр Белявский, Евгений Евстигнеев, Армен Джигарханян, Лариса Удовиченко, Станислав Садальский, Зиновий Гердт, Евгений Леонов, Леонид Перфилов, Всеволод Абдулов, Иван Бортник, Наталья Крачковская, Нина Петрова, Наталья Данилова Жанр фильма: Детектив Сценарист[ы]: братья Вайнеры Оператор[ы]: Леонид Бурлака Художник[и]: Валентин Гидулянов Композитор[ы]: Евгений Геворгян

Звукорежиссер[ы]: Анатолий Нетребенко Монтаж: Валентина Олейник Киностудия: Одесская к/ст по заказу ГОСТЕЛЕРАДИО Страна: СССР (Украина) Продолжительность фильма: около 350 мин. Аннотация к фильму: Популярный сериал, рассказывающий о работе московской милиции по обезвреживанию банды "Черная кошка" в послевоенное время.

НАШ ДОМ Год создания фильма: 1965 Режиссер[ы] фильма: Василий Пронин В фильме снимались: Анатолий Папанов, Нина Сазонова, Иван Лапиков, Вадим Бероев, Алексей Локтев, Геннадий Бортников, Саша Сесин, Т.Додина, Нелли Корниенко, Юрий Кузьменков, Владимир Высоцкий, Игорь Пушкарев, Юрий Медведев, Всеволод Шиловский, Геннадий Ялович, С.Цейц Жанр фильма: Семейная драма, киноповесть Сценарист[ы]: Евгений Григорьев Оператор[ы]: Эра Савельева Художник[и]: Леван Шенгелия Композитор[ы]: Николай Каретников Звукорежиссер[ы]: Александр Рябов Монтаж: Н.Майорова Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 99 мин. Аннотация к фильму: О том, как протекают трудовые будни обычной московской семьи (отец, мать, четверо сыновей и дядя Коля, брат матери), о том, как складываются личные взаимоотношения и как по-разному вступают сыновья в самостоятельную жизнь... Первая роль в кино Всеволода Шиловского (пассажир).

ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ Год создания фильма: 1969 Режиссер[ы] фильма: Георгий Юнгвальд-Хилькевич В фильме снимались: Николай Гринько, Владимир Высоцкий, Ефим Копелян, Лионелла Пырьева, Иван Переверзев, Георгий Юматов, Николай Федорцов, Борислав Брондуков, Владимир Шубарин, Рада Волшанинова, Николай Волшанинов, Эльвира Бруновская, Кира Муратова, Леонид Кмит Жанр фильма: Героико-приключенческий Сценарист[ы]: Михаил Мелкумов Оператор[ы]: Федор Сильченко Художник[и]: Юрий Богатыренко Композитор[ы]: Александр Билаш Тексты песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: А.Нетребенко Монтаж: Э.Майская Киностудия: Одесская к/ст Страна: СССР (Украина) Продолжительность фильма: 87 мин. Аннотация к фильму: История о том, как в предреволюционные годы группа артистов помогала переправлять марксистскую литературу и оружие из-за границы в различные города России. Лидер проката (1970, 9 место) - 36.9 млн. зрителей.

ПЛОХОЙ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК Год создания фильма: 1973
Режиссер[ы] фильма: Иосиф Хейфиц В фильме снимались: Олег Даль, Владимир Высоцкий, Людмила Максакова, Анатолий Папанов, Георгий Корольчук, Анатолий Азо, Ашот Меликджанян, Любовь Малиновская, Юрий Медведев, Андрей Апсолон, Анхель Гутьеррес, Игорь Ефимов, Таня Иванова, Дима Игнатьев, Павел Кашлаков Жанр фильма: Трагическая мелодрама Фильм снят по повести А.П.Чехова "Дуэль" Сценарист[ы]: Иосиф Хейфиц Оператор[ы]: Генрих Маранджян Художник[и]: Исаак Каплан Композитор[ы]: Надежда Симонян Звукорежиссер[ы]: Игорь Вигдорчик Киностудия: ЛЕНФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 100 мин.

СВЕРСТНИЦЫ Год создания фильма: 1959 Режиссер[ы] фильма: Василий Ордынский В фильме снимались: Людмила Крылова, Лидия Федосеева, Маргарита Кошелева, Владимир Костин, Всеволод Сафонов, Кирилл Столяров, Владимир Корецкий, Сергей Вечеслов, Гарен Жуковская, Николай Бубнов, Александра Панова, Эдуард Бредун, Иван Кузнецов, Владимир Высоцкий Жанр фильма: Киноповесть, мелодрама Сценарист[ы]: Алла Белякова Оператор[ы]: Игорь Слабневич Художник[и]: Борис Чеботарев, Феликс Ясюкевич Композитор[ы]: Вениамин Баснер Звукорежиссер[ы]: Евгений Кашкевич Монтаж: Н.Аникина Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 84 мин. Аннотация к фильму: Три подруги окончили школу. Одна поступила в медицинский институт, другую приняли на актерский факультет театрального училища, третью устроили на часовой завод... Фильм о первых шагах самостоятельной жизни девушек конца 50-х годов. Первая (эпизодическая) роль в кино Владимира Высоцкого. Лидер проката (1959, 11 место) - 30.1 млн. зрителей.

СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЕТР АРАПА ЖЕНИЛ Год создания фильма: 1976 Режиссер[ы] фильма: Александр Митта В фильме снимались: Владимир Высоцкий, Алексей Петренко, Иван Рыжов, Ирина Мазуркевич, Михаил Кокшенов, Женя Митта, Семен Морозов, Валерий Золотухин, Михаил Глузский, Олег Табаков, Людмила Чурсина Жанр фильма: Сказ, музыкальная история Сценарист[ы]: Юлий Дунский, Валерий Фрид, Александр Митта Оператор[ы]: Валерий Шувалов Художник[и]: Игорь Лемешев, Георгий Кошелев

Композитор[ы]: Альфред Шнитке Автор песни: Роман Сэф
Звукорежиссер[ы]: Лев Трахтенберг Киностудия: МОСФИЛЬМ
Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 100 мин.
Аннотация к фильму: Однажды царю Петру был подарен маленький чернокожий принц - добрый и смелый мальчуган, который быстро усвоив от Петра все науки, был отправлен во Францию для получения более глубоких знаний и изысканных манер. Вернувшись из Парижа, на одном из балов арап влюбился в дочь богатого дворянина Наташу, что явилось событием, которое изменило отношение к нему всего окружения Петра и самого царя. Но немилость только повод для поиска истины. Поэтому наградой за благородство и мужество стала арапу Наташина любовь, новое внимание света и Петра. Лидер проката (1976, 6 место) - 33.1 млн. зрителей.

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА Год создания фильма: 1968
Режиссер[ы] фильма: Евгений Карелов В фильме снимались: Олег Янковский, Ролан Быков, Анатолий Папанов, Николай Крючков, Алла Демидова, Владимир Высоцкий, Ия Саввина, Николай Бурляев, Петр Крылов, Ростислав Янковский, Роман Ткачук, Николай Парфенов, Валерий Фрид Жанр фильма: Героическая комедия Сценарист[ы]: Юлий Дунский, Валерий Фрид Оператор[ы]: Михаил Ардабьевский, Виктор Белокопытов Художник[и]: Л.Семенов, Борис Царев
Композитор[ы]: Евгений Птичкин Звукорежиссер[ы]: Роланд Казарян
Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия)
Продолжительность фильма: 99 мин. Аннотация к фильму: Гражданская война. К красным попадает трофейный киноаппарат - новенький французский Патэ. Штаб решает использовать этот случай для аэросъемки местности. Бывший фотограф - солдат Андрей Некрасов назначается кинооператором. Под "надзором" Ивана Карякина, недавно разжалованного за неуважение к воинской дисциплине, Некрасов приступает к выполнению задания. Много драматических событий и приключений происходит на пути двух товарищей. В штаб дивизии Карякин, свидетель гибели первого кинооператора, возвращается один. Прокат - 22.5 млн. зрителей.

СТРЯПУХА Год создания фильма: 1965 Режиссер[ы] фильма: Эдмонд Кеосаян В фильме снимались: Светлана Светличная, Людмила Хитяева, Инна Чурикова, Константин Сорокин, Георгий Юматов, Иван Савкин, Людмила Марченко, Владимир Высоцкий, Зоя Федорова,

Сергей Филиппов, Владимир Носик Жанр фильма: Комедия Фильм снят по мотивам одноименной комедии А.Софронова Сценарист[ы]: Анатолий Софронов Оператор[ы]: Федор Добронравов Художник[и]: Виталий Гладников Композитор[ы]: Борис Мокроусов Звукорежиссер[ы]: Арташес Ванециан Монтаж: П.Чечеткина Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 71 мин. Аннотация к фильму: Комедия о колхозниках Кубани. Лидер проката (1966, 10 место) - 30 млн. зрителей.

УВОЛЬНЕНИЕ НА БЕРЕГ Год создания фильма: 1962 Режиссер[ы] фильма: Феликс Миронер В фильме снимались: Ариадна Шенгелая, Лев Прыгунов, Владимир Марков, Светлана Коновалова, Борис Дибров, Владимир Высоцкий, Владимир Трещалов, Геннадий Юхтин, Юлия Цоглин, Наталья Кустинская, Станислав Хитров Жанр фильма: Лирическая киноповесть, мелодрама Сценарист[ы]: Феликс Миронер Оператор[ы]: Юрий Зубов Художник[и]: Николай Маркин Композитор[ы]: Кирилл Молчанов Звукорежиссер[ы]: Виктор Беляров Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 88 мин. Аннотация к фильму: Всего один день провел в южнопортовом городе уволенный на берег матрос Николай Валежников. Выполняя поручение друга, он встретился со многими людьми и познакомился с девушкой, которая будет ждать его возвращения... Первая роль в кино Льва Прыгунова (Николай).

ХОЗЯИН ТАЙГИ Год создания фильма: 1968 Режиссер[ы] фильма: Владимир Назаров В фильме снимались: Валерий Золотухин, Владимир Высоцкий, Лионелла Пырьева, Михаил Кокшенов, Дмитрий Масанов, Леонид Кмит, Эдуард Бредун, Иван Косых, Павел Шпрингфельд, Владимир Липпарт, Екатерина Мазурова, Алла Мещерякова, Петр Савин Жанр фильма: Детектив Сценарист[ы]: Борис Можаяев Оператор[ы]: Владимир Николаев Художник[и]: Семен Ушаков, Ирина Шретер Композитор[ы]: Леонид Афанасьев Песни: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Евгений Федоров Монтаж: Елена Михайлова Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 83 мин. Аннотация к фильму: Молодой участковый Василий Снежкин не имеет ни опыта расследований, ни точного психологического прицела, ни дедуктивного мышления. Но о том, чего нет, он не грустит, не сожалеет и не поет. А беспокоится

больше о том, что односельчане потеряли покой и доверие к людям, потому что случилось неслыханное - ограблен магазин в соседней деревне... Первая роль в кино Валерия Золотухина, снявшегося до этого в тв-фильме "Пакет". Прокат (1970, 20 место) - 26.8 млн. зрителей.

ЧЕТВЕРТЫЙ Год создания фильма: 1972 Режиссер[ы] фильма: Александр Столпер В фильме снимались: Владимир Высоцкий, Маргарита Терехова, Сергей Шакуров, Александр Кайдановский, Сергей Сазонтьев, Юрий Соломин, Татьяна Ицкович-Васильева, Марис Лиела, Армен Джигарханян, Юозас Будрайтис, Лев Дуров, Лев Круглый, Зинаида Славина, Леонид Кулагин Жанр фильма: Киноповесть Фильм снят по одноименной повести К.Симонова Сценарист[ы]: Александр Столпер Оператор[ы]: Валентин Железняков Художник[и]: Михаил Карташов Композитор[ы]: Ян Френкель Звукорежиссер[ы]: Леонид Булгаков Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 71 мин. Аннотация к фильму: Американский журналист волею обстоятельств поставлен перед выбором: предать огласке преступные планы сторонников войны, рискуя при этом лишиться всех жизненных благ, которых он добился за последние годы, или отступить...

ШТРАФНОЙ УДАР Год создания фильма: 1963 Режиссер[ы] фильма: Вениамин Дорман В фильме снимались: Михаил Пуговкин, Лилия Алешникова, Владимир Трещалов, Владимир Высоцкий, В.Яновскис, В.Гудков, Игорь Пушкарев, Елена Понсова, Николай Сморгчов, Георгий Тусузов, Юрий Медведев, Алексей Бахарь, А.Бирюлин, Н.Кобахидзе, Лариса Лужина, А.Галанов Жанр фильма: Спортивная комедия Сценарист[ы]: Владлен Бахнов, Яков Костюковский Оператор[ы]: Константин Арутюнов Художник[и]: Марк Горелик Композитор[ы]: Никита Богословский Звукорежиссер[ы]: Дмитрий Белевич Монтаж: Б.Погребинская Киностудия: К/ст им. М.Горького Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 92 мин. Аннотация к фильму: Бывший руководитель животноводческого комплекса, получив задание поднять авторитет спорта на селе, смекнул, что добиться успеха можно очень быстро, если пригласить профессионалов выступить под вымышленными фамилиями на областной спартакиаде. Вся компания отправилась в путь. Дорожное знакомство с корреспонденткой газеты

Людой Миловановой привело к тому, что скандала Кукушкину теперь не избежать... Прокат (1963, 12 место) - 25.6 млн. зрителей.

Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА Год создания фильма: 1966 Режиссер[ы] фильма: Виктор Туров В фильме снимались: Тоня Овчинко, Эдик Довнар, Валерий Зубарев, Нина Ургант, Владимир Высоцкий, Евгений Ташков, Елизавета Уварова, Владимир Белокуров, Арина Алейникова, Борис Савицкий, Галина Сапрунова, Рита Гладунко, Павел Кормунин, Борис Руднев, Станислав Хитров Жанр фильма: Киноповесть Сценарист[ы]: Геннадий Шпаликов Оператор[ы]: Александр Княжинский Художник[и]: Евгений Ганкин Композитор[ы]: Евгений Глебов Текст песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Константин Бакк Киностудия: БЕЛАРУСЬФИЛЬМ Страна: СССР (Беларусь) Продолжительность фильма: 105 мин. Аннотация к фильму: Удивительно тонкая, лирическая картина о детстве тех, кто во время Великой Отечественной войны впервые перенес тяжесть утраты близких, погибших на фронте, желание мстить врагу и стремление к счастью. Герои фильма - мальчишки Игорь и Женька - живут в прифронтовом городе и ждут отцов, братьев и сестер... Прокат - 7.6 млн. зрителей.

БАЛЛАДА О ДОБЛЕСТНОМ РЫЦАРЕ АЙВЕНГО Год создания фильма: 1982 Режиссер[ы] фильма: Сергей Тарасов В фильме снимались: Тамара Акулова, Петерис Гаудиныш, Борис Химичев, Леонид Кулагин, Ромуальд Анцанс, Борис Хмельницкий, Юрий Смирнов, Александр Филиппенко, Витаутас Томкус, Альгимантас Масюлис, Николай Дупак, Майя Булгакова Жанр фильма: Приключенческий фильм Фильм снят по мотивам романа В.Скотта "Айвенго" Сценарист[ы]: Леонид Нехорошев Оператор[ы]: Роман Веселер Художник[и]: Саид Меняльщиков Композитор[ы]: Игорь Кантюков Автор и исполнитель баллад: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Екатерина Попова Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 92 мин. Лидер проката (1983, 9 место) - 28.4 млн. зрителей.

ПОСЛЕДНИЙ ЖУЛИК Год создания фильма: 1966 Режиссер[ы] фильма: Вадим Масс, Ян Эбнер (Худ. рук. Михаил Калик) В фильме снимались: Николай Губенко, Сергей Филиппов, Анастасия Георгиевская, Светлана Савелова, Олег Попов, Борис Сичкин, Елена Алексеева, Александр Барабанов, Игорь Класс, С.Курепов, Наум

Кавуновский, О.Новицкая, Евгений Харитонов, Светлана Швайко, Игорь Ясулович Жанр фильма: Эксцентрическая комедия Сценарист[ы]: Алексей Сазонов, Зиновий Паперный Оператор[ы]: Янис Бриедис, Вадим Масс Художник[и]: А.Бойм, В.Серебровский Композитор[ы]: Микаэл Таривердиев Текст песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Глеб Коротеев Киностудия: Рижская к/ст Страна: СССР (Латвия) Продолжительность фильма: 67 мин. Аннотация к фильму: Выйдя из тюрьмы, жулик Петя Дачников сразу же вернулся к прежнему ремеслу. Но обнаружив отмену денег и отсутствие банков в городе, он обратил внимание на девушку Катю и влюбился в нее...

САША-САШЕНЬКА Год создания фильма: 1966 Режиссер[ы] фильма: Виталий Четвериков В фильме снимались: Наталья Селезнева, Лев Прыгунов, Юрий Медведев, Нина Шацкая, Л.Виноградов, Ирина Гаркуша, Эммануил Геллер, Павел Пекур, Тамара Муженко, Роман Филиппов, Анрийс Гейкинс, А.Дубровина, Л.Доброва, Н.Козловская, И.Лазаридзи, В.Шрамченко, Д.Орлов Жанр фильма: Комедия Сценарист[ы]: Лидия Вакуловская Оператор[ы]: Игорь Ремишевский Художник[и]: Владимир Дементьев Композитор[ы]: Евгений Глебов Песни: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Борис Шангин Киностудия: БЕЛАРУСЬФИЛЬМ Страна: СССР (Беларусь) Продолжительность фильма: 72 мин. Аннотация к фильму: Саша Крылова работает маляром и мечтает стать актрисой. Милая выдумщица и фантазерка, полюбив рабочего Костю, увлекающегося парашютным спортом, находит много хорошего и интересного в своей профессии.

ИВАН МАКАРОВИЧ Год создания фильма: 1968 Режиссер[ы]: Игорь Добролюбов В фильме снимались: Витя Махонин, Тамара Логинова, Николай Еременко-ст., Аркадий Трусов, Ира Бразговка, Люда Кочка, Миша Макаров, Елена Максимова Жанр фильма: Киноповесть Сценарист[ы]: Валерий Савченко Оператор[ы]: Дмитрий Зайцев Художник[и]: Владимир Дементьев Композитор[ы]: Рафаил Хозак Автор песни (в окончательный вариант фильма не вошла): Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Семен Шухман Киностудия: БЕЛАРУСЬФИЛЬМ Страна: СССР (Беларусь) Продолжительность фильма: 86 мин. Аннотация к фильму: Началась война. Отец ушел на фронт и тринадцатилетнему Ивану вместе с матерью пришлось

покинуть Белоруссию и двинуться на восток. Но мать при первой же бомбежке погибла и подростку пришлось одному искать себе место в трудной жизни военных лет.

ОДИН ИЗ НАС Год создания фильма: 1970 Режиссер[ы] фильма: Геннадий Полока В фильме снимались: Георгий Юматов, Дмитрий Масанов, Валентин Грачев, Николай Гринько, Федор Никитин, Тамара Семина, Аркадий Толбузин, Людмила Гурченко, Татьяна Конюхова, Людмила Шагалова, Игорь Дмитриев, Ирина Короткова, Иван Рыжов Жанр фильма: Героико-приключенческий фильм Сценарист[ы]: Алексей Нагорный, Гелий Рябов Оператор[ы]: Самуил Рубашкин, Генри Абрамян Художник[и]: Феликс Богуславский, Михаил Щеглов Композитор[ы]: Эдуард Хагагортян Автор песен (в окончательный вариант фильма не вошли): Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Лев Трахтенберг Монтаж: П.Чечеткин Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 104 мин. Аннотация к фильму: О чекистах, вступивших в канун войны в смертельную схватку с фашистской диверсионной группой, готовящей взрыв советского оборонного завода. Прокат (1971, 1763 копии, 12 место) - 27.8 млн. зрителей.

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ Год создания фильма: 1973 Режиссер[ы] фильма: Анатолий Бобровский В фильме снимались: Всеволод Санаев, Николай Гриценко, Тамара Семина, Раиса Куркина, Владимир Носик, Александр Калягин, Павел Панков, Геннадий Корольков, Игорь Кашинцев, Дмитрий Масанов, Феликс Яворский, Г.Дмитриев, Е.Лисканог Жанр фильма: Детектив Сценарист[ы]: Владимир Кузнецов Оператор[ы]: Георгий Куприянов Художник[и]: Семен Валюшок Композитор[ы]: Исаак Шварц Тексты песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Ольга Упеник Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 96 мин. Аннотация к фильму: Похищен уникальный бриллиант "Черный принц". К расследованию дела подключается полковник Зорин, герой фильма "Возвращение "Святого Луки"". Прокат - 26.8 млн. зрителей.

ИВАН ДА МАРЬЯ Год создания фильма: 1975 Режиссер[ы] фильма: Борис Рыцарев В фильме снимались: Иван Бортник, Татьяна Пискунова, Иван Рыжов, Лия Ахеджакова, Елизавета Уварова, Николай Бурляев, Лев Круглый, Виктор Сергачев, Михаил Козаков, Валентин Гафт, Зинаида Славина, Николай Лавров, Виталий Шаповалов,

Николай Погодин, Виктор Уральский Жанр фильма: Музыкальная сказка Фильм снят по мотивам русских народных сказок Сценарист[ы]: Александр Хмелик Оператор[ы]: Алексей Чардынин Художник[и]: Галина Анфилова, Анатолий Анфилов Композитор[ы]: Александр Чайковский Тексты песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Михаил Галудзин Киностудия: К/ст им. М.Горького Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 88 мин. Аннотация к фильму: О необыкновенных приключениях в царстве вздорного царя-самодура Евстигнея XIII, в поединке с которым мудрый солдат Иван мастер на все руки - одерживает победу.

ОДИНОЖДЫ ОДИН Год создания фильма: 1974 Режиссер[ы] фильма: Геннадий Полока В фильме снимались: Анатолий Папанов, Нина Архипова, Валентина Теличкина, Михаил Поляк, Владимир Кашпур, Татьяна Пельтцер, Николай Караченцов, Регина Корохова, Светлана Жгун, Татьяна Опаркина, Дилором Камбарова Жанр фильма: Трагикомедия Сценарист[ы]: Виктор Мережко Оператор[ы]: Евгений Мезенцев Художник[и]: Михаил Щеглов Композитор[ы]: Эдуард Хагагортян Песни: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Наталья Левитина Киностудия: ЛЕНФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 100 мин. Аннотация к фильму: Прожив в свое удовольствие добрую часть жизни, полотер Каретников на пороге своего шестидесятилетия впервые не сам ушел от очередной жены. Его бросили, да к тому же на глазах у людей. И ко всему прочему, попросили с работы, заменив механическим полотером. В эту тяжелую минуту Каретников и вспомнил про первую жену. Затем про вторую и третью...

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН Год создания фильма: 1977 Режиссер[ы] фильма: Владимир Вайншток В фильме снимались: Донатас Банионис, Мирча Верою, Людмила Сенчина, Леонид Броневой, Лев Дуров, Альгимантас Масюлис, Сергей Мартинсон, Мария Плойя, Олег Жаков, Всеволод Абдулов, Талгат Нигматулин, Дмитрий Крикун, Ференц Бенце, Григорий Лямпе, Ян Сханилец Жанр фильма: Приключенческий Фильм снят по мотивам произведений Ф.Б.Гарта Сценарист[ы]: Владимир Владимиров (Вайншток), Павел Финн Оператор[ы]: Константин Рыжов Художник[и]: Константин Загорский Композитор[ы]: Георгий Фиртич Тексты песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Николай Озорнов Монтаж: Л.Жучкова

Киностудия: К/ст им. М.Горького Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 99 мин. Аннотация к фильму: События происходят в конце XIX века на Дальнем Западе в Америке. В основе сюжета - сложные перипетии жизни работяги-старателя Габриэля Конроя. Познав минуты счастья (найдя нефть на своем участке), он также познал и муки разочарования, встретившись с дельцами и просто пройдохами... Лидер проката (1978, 8 место) - 39.2 млн. зрителей.

БЕГСТВО МИСТЕРА МАК-КИНЛИ Год создания фильма: 1975 Режиссер[ы] фильма: Михаил Швейцер В фильме снимались: Донатас Банионис, Жанна Болотова, Ангелина Степанова, Борис Бабочкин, Алла Демидова, Владимир Высоцкий, Александр Вокач, Леонид Куравлев, Николай Волков-ст., Татьяна Лаврова, Андрей Файт Жанр фильма: Фантастический памфлет Фильм снят по одноименной киноповести Л.Леонова Сценарист[ы]: Леонид Леонов Оператор[ы]: Дильшат Фатхулин Художник[и]: Леван Шенгелия Композитор[ы]: Исаак Шварц Тексты песен: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Валентина Щедрина, Евгений Базанов Киностудия: МОСФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 162 мин. Аннотация к фильму: Действие фильма происходит в одной из западно-европейских стран. Бедный клерк бюро патентов, пытаюсь убежать от нищей жизни, готов пойти на убийство богатой старухи... Последняя роль Бориса Бабочкина (Сэм Боулдер).

БЕЛЫЙ ВЗРЫВ Год создания фильма: 1969 Режиссер[ы] фильма: Станислав Говорухин В фильме снимались: Сергей Никоненко, Людмила Гурченко, Анатолий Игнатъев, Владимир Высоцкий, Армен Джигарханян, Федор Одинокоев, Леван Пилпани, Бухути Закариадзе, Степан Крылов Жанр фильма: Героическая киноповесть Сценарист[ы]: Эдуард Володарский, Станислав Говорухин Оператор[ы]: Василий Кирбижеков Художник[и]: Михаил Заяц Композитор[ы]: Софья Губайдулина Звукорежиссер[ы]: Геннадий Коненкин Киностудия: Одесская к/ст Страна: СССР (Украина) Продолжительность фильма: 75 мин. Аннотация к фильму: О подвиге группы советских солдат-альпинистов в дни второй мировой войны, спасших мирных жителей и обеспечивших успех нашим войскам, сражавшимся в горах Кавказа. В основе фильма - действительные события, происшедшие в 1942 году.

ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН Владимир Высоцкий собирался быть сорежиссером этого фильма. Даже было написано несколько песен. Не успел. Фильм вышел без него. Год создания фильма: 1983 Режиссер[ы] фильма: Александр Павловский В фильме снимались: Дмитрий Харатьян, Борислав Брондуков, Александр Демьяненко, Александр Соловьев, Регимантас Адомайтис, Константин Григорьев, Эдуард Марцевич, Виктор Ильичев, Екатерина Дурова, Лев Перфилов, Юрий Дубровин, Виктор Павловский, Армен Джигарханян (голос) Жанр фильма: Приключенческий фильм Фильм снят по мотивам одноименной повести А.Козачинского Сценарист[ы]: Игорь Шевцов Оператор[ы]: Виктор Крутин Художник[и]: Иван Пуленко Композитор[ы]: Максим Дунаевский Звукорежиссер[ы]: Иосиф Гольдман Монтаж: Инна Чаусская Киностудия: Одесская к/ст по заказу ГОСТЕЛЕРАДИО Страна: СССР (Украина) Продолжительность фильма: 135 мин. Аннотация к фильму: Бывший форвард гимназической футбольной команды становится начальником одесского уездного отделения милиции - борется с самогонщиками, конокрадами и другой нечистью. Двадцатые годы.

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ПЕСНЯ Владимир Высоцкий исполнил в этом документальном фильме единственную песню. К сожалению, данные о картине отсутствуют. Год создания фильма: 1967

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ... Год создания фильма: 1972 Режиссер[ы] фильма: Владимир Шредель В фильме снимались: Иван Насонов, Валерий Ольшанский, Бруно Фрейндлих, Михаил Лобанов, Петр Меркурьев, Наталья Четверикова, Елизавета Уварова, Михаил Кокшенов, Виктор Перевалов, Владимир Этуш, Михаил Глузский, Николай Лавров, Геннадий Полока Жанр фильма: Детектив Сценарист[ы]: Александр Червинский, Анатолий Безуглов (уч.), Юрий Кларов (уч.) Оператор[ы]: Владимир Бурыкин Художник[и]: Евгений Гуков Композитор[ы]: Исаак Шварц Текст песни: Владимир Высоцкий Звукорежиссер[ы]: Владимир Яковлев Монтаж: Леда Семенова Киностудия: ЛЕНФИЛЬМ Страна: СССР (Россия) Продолжительность фильма: 99 (94-тв) мин Аннотация к фильму: О расследовании в 70-е годы сотрудниками органов госбезопасности дела об убийстве в 1926 году антиквара Богоявленского, который в свое время оставил в швейцарском банке значительный капитал для нужд Российской империи...

Монологи

+ Хорошо бы зажечь свет в зрительном зале, чтобы я видел глаза... + Пишу песни о войне... + Вы никогда не обращали внимания?.. + Я ее не очень сильно ощущаю, популярность... + Собираюсь ли я выпускать книгу стихов?.. + Какая роль жизненного опыта в художественном творчестве?.. + Имеют ли смысл пластинки, которые издаются там и не доходят сюда?.. + Вот ты работаешь, сидишь ночью... + В детской пластинке "Алиса в стране чудес"... + Иногда напишешь песню и вдруг видишь... + Наши спортивные комментаторы иногда... + Не удалось написать о космонавтах... + Очень уважаю все, что сделал Шукшин... + Между эстрадной и авторской песней... + Атмосфера в горах, особенно среди альпинистов... + Дружба - это... + Недостатков, которых в людях не прощаю... + ...путь к гармонии в человеческих отношениях... + ...я предпочитаю не рассказывать свою биографию... + Пишу я очень давно... + ...я не бросил писать стихи... + Первую свою песню... + Я занимаюсь авторской песней... + Меня часто спрашивают, какая разница между авторской песней... + Я очень не люблю, когда мои песни поют эстрадные певцы... + Часто спрашивают, где я беру темы для своих песен?.. + Мне пишут в письмах, был ли я тем, от имени кого пишу?.. + Что вы имели в виду в той или иной песне?.. + Как я пишу песни, что идет впереди?.. + На чей суд я выношу свои песни?.. + ...я никогда не принимал участия в движении так называемых бардов и менестрелей... + Иногда меня упрекают, что... я изменил гитаре... + Записи во Франции я сделал не с оркестром Поля Мориа... + Часто спрашивают, почему я все время возвращаюсь к военной теме... + Обычно свои выступления-встречи я начинаю словами: "Дорогие товарищи"... + "Что у вас идет после такого-то слова?..." + Я не раз слышал, как "под меня" поют... + У меня все время идет борьба с магнитофонщиками... + Часто пишут записки: "Расскажите кратко о себе"... + Что я написал в последнее время за границей из песен и стихов?.. + По поводу картины "Место встречи изменить нельзя"... + Я написал много песен о летчиках и моряках... + Еще вопрос: о личной жизни... + О чем я мечтаю?.. + спрашивают, каких недостатков я не прощаю... + Я больше ценю в человеке творца, чем исполнителя... + В мужчине ценю... + спрашивают, кем я себя преимущественно считаю... + Я больше всего ценю аудиторию студенческую, морскую или летчицкую... + Мне так мало надо, чтобы было хорошее настроение...

+ Каковы мои литературные вкусы?.. + Любимое место в любимом городе?.. + Я не пою со сцены песен из спектаклей... + Я продолжаю писать песни не только для театра и кино... + Я никогда не пою на "бис"... + В кино я начал работать одновременно с театром...

? Проект Михаила ЗУЕВА, 1997

Одним уровнем выше

Хорошо бы зажечь свет в зрительном зале, чтобы я видел глаза... ??
Хорошо бы зажечь свет в зрительном зале, чтобы я видел глаза, а то так будет похоже на какое-то банальное действо. Авторская песня - тут уж без обмана, тут будет стоять перед вами весь вечер один человек с гитарой, глаза в глаза. И расчет в авторской песне только на одно - на то, что вас беспокоят точно так же, как и меня, те же проблемы, судьбы человеческие, одни и те же мысли. И точно так же вам, как и мне, рвут душу и скребут по нервам несправедливости и горе людской. Короче говоря, все рассчитано на доверие. Вот что нужно для авторской песни: ваши глаза, уши и мое желание вам что-то рассказать, а ваше желание - услышать. Авторская песня, видимо - это настолько живое дело, что вы сразу же становитесь единым организмом с теми, кто сидит в зале. И вот, какой у этого организма пульс - таким он мне и передается. Все зависит от нас с вами. Если не будет людей, которым поешь, тогда это будет как у писателя, когда он сжег никому не читанный рассказ или роман. У меня точно так же: написал и, конечно, хочется, чтобы это услышали. Поэтому, когда говорю "дорогие товарищи" - я говорю искренне. Хотя это уже два затвержденных, шаблонно звучащих слова. Все говорят "дорогие товарищи" или "товарищ, дайте покурить". Это не такие "товарищи". Товарищи - это друзья, близкие, дорогие люди. И вот, когда обращаюсь так, я действительно говорю искренне, потому что дорожу своими слушателями. Вы мне нужны, возможно, даже больше, чем я вам. И если бы не было таких аудиторий у меня, я, наверное, бросил бы писать, как это делают многие люди, которые грешат стихами в юности.

Я не бросил писать именно из-за вас.

Пишу песни о войне... ?? Пишу песни о , конечно, не ретроспекции, а ассоциации. Если вы в них вслушаетесь, то увидите, что их сегодня можно петь, что люди из тех времен, ситуации из тех времен, а в общем, и идеи, и проблемы - наши, нынешние. Обращаюсь

я в те времена просто потому, что мне интереснее брать людей, которые находятся в самой крайней ситуации: в момент риска, когда в следующую секунду можно заглянуть в лицо смерти; людей, у которых что-то сломалось, надорвалось. Короче говоря, людей на самом краю пропасти, на краю обрыва - шаг влево или шаг вправо - или по какому-то узкому канату идущих.

Вы никогда не обращали внимания?.. ?? Вы никогда не обращали внимания, как по телевидению, во всяких кинопанорамах, разоблачают себя артисты, которые для вас были покрыты ореолом какой-то таинственности, недосказанности? Их спрашивают: "Как вы работаете над ролью?" Они отвечают: "Я вот с режиссером вместе, мы вместе подумали что этот человек не просто плохой человек, он не может быть просто, он обязательно в нем есть хорошее" И я стал искать, где он хороший, чтоб потом сказать" И так далее. Зачем вы спрашиваете, что я думаю об искусстве, каковы его цели? Ну, гуманизм - цель искусства, конечно. И что? Вы уже не хотите, чтобы я старался показаться умнее, чем есть на самом деле. Зачем? Все, что думаю об искусстве, и о жизни, и о людях - все это заключено в моих песнях.

Я ее не очень сильно ощущаю, популярность... ?? Я ее не очень сильно ощущаю, популярность. Дело в том, что когда продолжаешь работать, то нет времени на то, чтобы как-то обращать внимание на эти вещи. Чтобы перестать работать - есть именно этот способ: почить на лаврах и почувствовать популярность свою. Мне кажется, что, пока умею держать в руках карандаш, пока в голове еще что-то вертится, буду продолжать работать. Так что я избавлен от того, чтобы замечать, когда стал популярным. Не помню. В чем причина? Не знаю. Один ответ возможен: когда пишу, рассчитываю на своих самых близких друзей И абсолютно доверяю залу.

Собираюсь ли я выпускать книгу стихов?.. ?? Собираюсь ли я выпускать книгу стихов?.. Я-то собираюсь. Сколько прособираюсь? Не знаю. А сколько будут собираться те, от кого это зависит, мне тем более неизвестно.

Знаете, чем становиться просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания, как переделать строчки и так далее, - лучше сидеть и писать. Вот так вот. Вместо того, чтобы становиться неудачником, которому не удастся напечататься. Зачем, когда можно писать и петь вам? Это ж то же самое! А вы не думаете, что

магнитофонные записи - это род литературы теперешней? Как знать, может, когда-нибудь будем телепатически передавать друг другу стихи - кому хочу, тому и прочиталі

Какая роль жизненного опыта в художественном творчестве?.. ??
Какая роль жизненного опыта в художественном творчестве? Это только база. Человек должен быть наделен фантазией, чтобы творить. Он, конечно, творец в том случае, если чего-то там такое рифмует или пишет, основываясь только на фактах. Реализм такого рода был и есть. Но я больше за Свифта (*, **, ***, ****), понимаете? Я больше за Булгакова (*, **), за Гоголя (*, **). Жизненный опыт?і Но представьте себе, какой был уж такой гигантский жизненный опыт у двадцатишестилетнего Лермонтова?(*, **)?Главное - свое видение мира. Другой вопрос, можно ли создавать произведения искусства, обладая повышенной чувствительностью и восприимчивостью, но не имея жизненного опыта? Можно. Можно, но лучше его иметь і немножко. Потому что под жизненным опытом, наверное, понимается больше всего то, что она вас била молотком по голове, а если говорить серьезно - страдание. Искусства настоящего без страдания нет. И человек, который не выстрадал - не обязательно, чтобы его притесняли или стреляли в него, мучили, забирали родственников и так далее, - такой человек творить не может. Но если он в душе, даже без внешних воздействий, испытывал это чувство страдания за людей, за близких, вообще за ситуацию, - это уже много значит. Это создает жизненный опыт. А страдать могут даже очень молодые люди. И очень сильно.

Имеют ли смысл пластинки, которые издаются там и не доходят сюда?.. ?? Имеют ли смысл пластинки, которые издаются там и не доходят сюда? Они очень даже доходят. Безусловно, они малоинтересны французам, не настолько, правда, как вы думаете. Но для них многое непонятно. Например, почему человек так тратится, даже в маленьком, узком кругу. Я ведь всегда пою одинаково - что в компании, когда два-три человека, что на гигантские аудитории. И они не могут никак понять - почему человек с набухшими жилами поет дома, что это? Что его так беспокоит?і Не знают они наших проблем. Вернее, они их не волнуют. Особенно они не понимают, зачем песне заниматься этими проблемами.

Вот ты работаешь, сидишь ночью... ?? Вот ты работаешь, сидишь ночьюі Кто-то пошепчет тебеі написал строкуі вымучиваешьі Потом

песня с тобой - иногда она мучает месяца по два. Когда "Охоту на волков" писал - она меня замучила. Мне ночью снился - один припев. Я не знал, что буду писать. Два месяца звучало только: "Идет охота на волков, идет охота!". И вот если на две чаши весов бросить - на одну чашу все, что делаю помимо песни, - это кино, театр, выступления, радио, телевидение и так далее, а на другую - только работу над песнями, то, думаю, песня перевесит. Потому что она все время с тобой живет, не дает возможности спокойно, так сказать, откинувшись где-нибудь, отдохнуть. Она все время тебя гложет, пока ты ее не напишешь. Однажды в одну компанию пришел весьма известный человек, и люди, которые там были, договорились подсчитать, сколько раз за минуту он произнесет слово "я". За первую минуту по секундомеру оказалось семь раз, за вторую восемь.

Всегда боюсь впасть в крайность и думаю, что рискую говорить "я" вовсе не от "ячества", а, во-первых, потому, что в песнях моих есть много фантазии, много вымысла, а самое главное - во всех этих вещах есть мой взгляд на мир, на проблемы, на людей, на события, о которых идет речь. Мой и только мой собственный взгляд. И это дает мне право говорить "я". Во-вторых, в отличие от многих моих собратьев, которые пишут стихи, я прежде всего актер и часто играю роли других людей, часто бываю в шкуре другого человека. Возможно, мне просто легче петь из чьего-то образа, поэтому всегда так откровенно и говорю: мне так удобнее петь - от имени определенного человека, определенного характера. И вы всегда можете увидеть этого человека; возможно, это и дает некоторым людям повод спрашивать, не скакал ли я когда-то вместо лошади. Нет, этого не было.

В детской пластинке "Алиса в стране чудес"... ?? В детской пластинке "Алиса в стране чудес" есть история попугая, который рассказывает, как он дошел до жизни такой, как он плавал, пиратом был и так далее. Я там за попугая пою сам. Это в принципе снимает многие вопросы: был ли я тем, от имени кого пою? Попугаем я не был - ни в прямом, ни в переносном смысле. Если говорить серьезно, я на самом деле никогда никому не подражал и считаю это занятие праздным. И вообще призываю всех людей, которые тоже пробуют свои силы в сочинительстве: попробуйте как сами видите, как сами понимаете. Интересно и в жизни иметь дело с человеком, который сам личность, со своим мнением и суждением. А не попугай.

Иногда напишешь песню и вдруг видишь... ?? Иногда напишешь песню и вдруг видишь: сам ведешь себя неответственно. Вот, например, после того как я написал "Балладу о переселении душ", стал приглядываться к собакам. Думаю: а вдруг это какой-нибудь бродячий музыкант раньше был? Или там кошечкаких-нибудь видишь, думаешь, что это какие-нибудь дамы раньше были определенные. И уже с ними ведешь себя по-другому.

Наши спортивные комментаторы иногда... ?? Наши спортивные комментаторы иногда такие словосочетания употребляют - ну, возможные в данной ситуации. Например: "Вот еще одну шайбу забросили наши чехословацкие друзья!" Я всегда думаю: "Ну почему друзья? Если забили шайбунам - они соперники и противники, а друзья они "до того" и "после того"". Вот что со словами бывает! Однажды один режиссер в Узбекистане работал с цыганским ансамблем и все говорил: "Товарищи цыгане, станьте сюда, товарищи цыгане, станьте туда!". А они ему: "Сейчас, товарищ узбек". И сразу все стало на место. Люди обычно любят смешные истории про кино. У меня тоже есть смешные истории, например, про то, как меня били в фильме "713-й просит посадку", как режиссер просил меня делать все по-настоящему, а у оператора не ладилось, и сняли девять дублей! Но это все лирика! Конечно, и в каждой шуточной песне обязательно есть какая-то серьезная прокладка. Иначе нет смысла писать. Иначе не потянется рука к перу, а перо к бумаге. Сейчас реакция непосредственная, сиюминутная, больше на шутки, на юмор. А в записках больше всего просят серьезные вещи, потому что, видимо, они оседают глубже и потом снова начинают возвращаться к вам обратно.

Не удалось написать о космонавтах... ?? Не удалось написать о космонавтах (Добровольский, Волков, Пацаев - Нар. Библ. Вл. Выс.), хотя меня очень просили, потому что это такая трагедия была всенародная, что надо внутренне хотя бы немножко приблизиться к такому подвигу: это же высокое, люди знали, на что шли! То, что слышу сейчас, "он сказал: "Поехали!.."" - это все понятно. Он так действительно сказал. Но зачем же рифмовать то, что было? Нужно найти какой-то философский смысл этих вещей. А так - на заказ - не получается. (Все-таки, по крайней мере, одно стихотворение было написано - Нар. Библ. Вл. Выс.)

Очень уважаю все, что сделал Шукшин... ?? Очень уважаю все, что сделал Шукшин. Знал его близко, встречался с ним часто, беседовал, спорил, и мне особенно обидно сегодня, что так и не удалось сняться ни в одном из его фильмов. Зато на всю жизнь останусь их самым постоянным зрителем. В данном случае это значит для меня больше, чем быть участником и исполнителем.

Я написал большие стихи по поводу Василия, которые должны быть напечатаны в "Авроре". Но опять они мне предложили оставить меньше, чем я написал, и я отказался печатать не полностью. Считаю, что ее хорошо читать глазами, эту балладу. Ее жалко петь, жалкой Я с ним очень дружил, и как-то я спел раз, а потом подумал, что, наверное, больше не надо.

Между эстрадной и авторской песней... ?? Между эстрадной и авторской песней, как говорят в Одессе, две большие разницы, потому что эстрадная песня предполагает большой оркестр, зрелище. Все время там мигает большой свет И если эту часть убрать из эстрадной песни - зрелищную часть, - она очень много потеряет. Обратите внимание: никому в голову не придет взять, положим, магнитофон и прийти на эстрадный концерт, записать, что поют, например, Кобзонили Магомаев, которых я уважаю. Просто, когда приносишь магнитофон домой, зрелище уходит, и песня многое теряет. Это происходит потому, что часто очень мало уделяют внимания словам эстрадные авторы. С текстами мало кто работает. Считается, что это, мол, и ни к чему даже И иногда поют такую чушь! Я думаю, даже не понимают, чего поют. Что вижу - то пою. Знаете, как: "А вон ворона лети-и-и-т. А вон ворона лети-и-и-т. Сейчас будет дождь". Как акыны. Но они раньше сочиняли. Только среди акынов был такой господин, который звался Гомер (*, **). Он прилично писал. Так что для этого тоже талант нужен. А чаще бывает, как в некоторых - я не могу сказать любимых - песнях, которые навязли в ушах. Ну, например, "Яблони в цвету - какое чудо!" - помните? Но так можно ведь все, что угодно, в строку: "Тополи в пуху - ка-ко-е чу-у-до!". Что угодной У меня однажды был смешной случай, в Ленинграде. Мы спорили с одним товарищем. Он говорит: а что, слабо тебе выйти и спеть все песни эстрадные? Я начал с песни "На тебе сошелся клином белый свет". Очень любопытная песня, верно? Там эта строчка три раза повторяется, потом "я могла бы побежать за поворот" - тоже три раза.

Два автора текста. Оказывается, такая богатая информация, что едва хватило бы и четверых! В общем, минут через двадцать меня зрители чуть не убили.

Атмосфера в горах, особенно среди альпинистов... ?? Атмосфера в горах, особенно среди альпинистов, совсем другая, чем на равнине. Существует какая-то свобода выбора пути - как идти? Свобода выбора людей, с которыми идти. Понимаете? Никто не остановит, милиция не скажет: "Здесь нельзя переходить - красный свет", - врач не запретит, семья не будет удерживать, что опасно, и так далее. Все зависит от тебя. Ты, природа и твои друзья - больше никого нет. Слово "дружба" там, в горах, сохранилось в первоначальном смысле. Наверное, в других местах тоже, но в горах особенно. Это не название кафе, или клуба, или стенгазеты. Здесь это слово действительно то, что и должно из себя представлять. Иначе невозможно. Ты с ним в одной связке идешь, и все у него зависит от тебя, а у тебя - от него. Я присутствовал при одном случае, когда во время восхождения на пик "Вольная Испания" группа команды ЦСКА из пяти человек попала под камнепад и одного убило насмерть! Мы помогали спускаться оставшейся группе. Трое суток, пока была непогода и не мог подлететь вертолет, двое товарищей погибшего стояли на карнизе в тридцать сантиметров, привязанные к скале, чтобы помогать спускать тело погибшего друга. И это не подвиг никакой, нет - это нормальная манера поведения в горах.

Дружба - это... ?? Дружба - это не значит каждый день друг другу звонить, здороваться и занимать рубли! Это просто желание узнавать друг о друге, что-то слышать и довольствоваться хотя бы тем, что вот мой друг здоров, и пускай еще здравствует.

Недостатков, которых в людях не прощаю... ?? Недостатков, которых в людях не прощаю, много. Не хочу перечислять. Но жадность, отсутствие позиций, которое ведет за собой очень много других пороков, отсутствие у человека твердых позиций, когда он не знает сам даже не только чего не хочет в этой жизни, а когда не имеет своего мнения и не может рассудить о людях, о смысле жизни, да о чем угодно.

...путь к гармонии в человеческих отношениях... ?? Я бы хотел, чтобы зрители понимали, как труден и драматичен путь к гармонии в человеческих отношениях. Я вообще целью своего творчества - и в

кино, и в театре, и в песне - ставлю человеческое волнение. Только оно может помочь духовному совершенствованию.

...я предпочитаю не рассказывать свою биографию... ?? В принципе я предпочитаю не рассказывать свою биографию, и не потому что в ней есть нечто такое, что я хочу скрыть, нет, а просто потому, что это малоинтересно. Интересней говорить про то, что я успел сделать за это время, а не про то, что успел прожить. Я знаю, что про меня ходит много всяких слухов, что мне приписывают массу песен, к которым я не имею никакого отношения, - ну и Бог с ними! Не хочу опровергать. Помните, как Александр Сергеевич (*, **) сказал: "От плохих стихов не отказываюсь, надеюсь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаться, и сил нет отказаться". Так что! Ну, в общем так. У меня в семье не было никого из актеров и режиссеров, короче говоря, никого из людей искусства. Но мама моя очень любила театр и с самых-самых малых лет каждую субботу - лет до тринадцати-четырнадцати водила меня в театр. И это, наверное, осталось. Видно, в душе каждого человека остается маленький уголок от детства, который открывается навстречу искусству. Родители хотели, чтобы я стал нормальным советским инженером, и я поступил в Московский строительный институт имени Куйбышевана механический факультет. Но потом почувствовал, что мне этой словом, не вмоготу, и однажды залил тушью чертеж, в шестой раз переделанный, и сказал своему другу, что с завтрашнего дня больше в институт не хожу. То есть, формально я ходил, чтобы получать стипендию, потому что тогда это были большие деньги двадцать четыре рубля, но учиться перестал. А в это время я уже несколько лет занимался в самодеятельности, но это была не такая самодеятельность, к которой мы уже привыкли - она сразу оскомину вызывает, и по ней уже прошли у нас и в фильмах, и в прессе (Ливанов однажды спросил нашего министра культуры: "А вы пошли бы к самодеятельному гинекологу?"), просто люди кроме своей работы занимались еще другим делом, любимым более, чем работа. Это было хобби, которое тогда еще не оплачивалось. Руководителем там был Богомоллов, артист Художественного театра. Он на нас пробовал многие спектакли и работал с нами режиссерски, как с профессионалами. И я начал у него набирать - очень сильно, по его словам. Конечно, это меня увлекало больше, чем мое студенчество, и я просто ушел из института и стал поступать в студию МХАТ. Поступил туда с большим трудом

считалось, что мой голос не приспособлен для сцены. Меня даже пытались отчислить из студии за профнепригодность из-за голоса, но руководитель курса Павел Владимирович Массальский не позволил. Закончил студию в числе нескольких лучших учеников, стал выбирать себе театр. Тут у меня была масса неудач, но мне не хочется сейчас об этом говорить. Меня приглашали туда-сюда, а я выбрал Московский театр Пушкина худший вариант, как оказалось, из всего, что мне предлагали. Тогда режиссер Равенских начинал там новый театр (а я все в новые дела куда-то суюсь), наобещал мне "сорок бочек арестантов" и ничего не выполнил. Он говорил: "Я всех уберу, Володя" - и так далее, но, в общем, он никого не убрал, предпринял половинчатые меры, хотя ему был дан полный карт-бланш на первые полтора-два года: делай, что хочешь, а потом будем смотреть результаты твоей работы. Но он так и остановился на половине и ничего интересного из этого театра не сделал - поставил несколько любопытных спектаклей, и все. Я понимаю, что это жестоко - менять труппу, увольнять людей, но без этого невозможно создать новое дело. Нужно приходить со своими и еще как можно больше брать своих. Надо работать кланом, а иначе ничего не получится. Я оттуда ушел, начал бродить по разным театрам: работал два месяца в Театре миниатюр - меня оттуда прогнали; поступил в "Современник", мне даже дали там дебют - я играл Глухаря в "Двух цветах", но чего-то там не случилось. Снимался в кино в маленьких ролях, снова вернулся в Театр Пушкина, а потом, когда организовался Театр на Таганке, я стал в нем работать, порекомендовал меня туда Слава Любшин. Вот и все, творческая биография у меня довольно короткая.

Пишу я очень давно... ?? Пишу я очень давно. С восьми лет писал я всякие вирши, детские стихи про салют. А потом, когда стал немного постарше, писал всевозможные пародии. Все балуются в юности стихами и собираются это делать в будущем. Почти все могут писать - это не так сложно - и знают, как зарифмовать "кровать" с "убивать" или "мать" и так далее, но это ничего не стоит, это дело четвертое или пятое - рифмовка. Можно взять историю русской рифмы, словарь для рифмовки - и пошел шпарить! И так можно графоманствовать всю жизнь, а вот некоторые почему-то со временем превращаются в Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину и Окуджаву. Большинство бросают писать очень рано, а если продолжают, то как-то по инерции, а потом все-таки все равно бросают, уходят. Некоторых заедает суета, некоторые понимают цену настоящей поэзии или понимают, что их поэзия - подражание: это было прекрасно поначалу, когда казалось, что все умеешь. И только очень немногие продолжают заниматься этим дальше, если видят в этом смысл. Мне повезло в этом отношении. Мне казалось, что я пишу для очень маленького круга - человек пять-шесть своих близких друзей, и так оно и будет всю жизнь. Это были люди весьма достойные, компания была прекрасная. Мы жили в одной квартире в Большом Каретном переулке - теперь он называется улица Ермоловой - у Левы Кочаряна, жили прямо-таки коммуной. И как говорят, "иных уж нет, а те далече". Я потом об этом доме даже песню написал "Где твои семнадцать лет?". Тогда мы только начинали, а теперь, как выяснилось, это все были интересные люди, достаточно высокого уровня, кто бы чем не занимался. Там бывали люди, которые уже больше не живут: Вася Шукшин прожил с нами полтора года, он только начинал тогда снимать "Живет такой парень" и хотел, чтобы я попробовался у него. Но он еще раньше обещал эту роль Куравлеву, и я очень рад, что Леня ее сыграл. Так и не пришлось мне поработать с Шукшиным, хотя он хотел, чтобы я играл у него Разина, если бы он стал его снимать. Нет больше Васи. И еще нет хозяина этой квартиры, Левы Кочаряна. Он успел снять только одну картину как режиссер: "Один шанс из тысячи" - он его поймал и быстро умер. Он успел немного. Он жил жарко: вспыхнул и погас - мгновенно. А из ныне живущих и работающих - это Андрей Тарковский, он тогда только думал про "Рублева"; это писатель Артур Макаров; актер Миша Туманов, позже он работал в режиссуре на "Мосфильме"; сценарист

Володя Акимові Толя Утевский и еще несколько человек, не имеющих никакого отношения к таким публичным профессиям. Вот эти люди были моими первыми слушателями и судьями. Мы собирались вечерами, каждый божий день, и жили так полтора года. Только время от времени кто-то уезжал на заработки. Я тогда только что закончил студию МХАТ и начинал работать. И тоже уезжал где-то подрабатывать. Мы как-то питались и, самое главное, - духовной пищей. Помню, я все время привозил для них свои новые песни и им первым показывал: я для них писал и никого не стеснялся, это вошло у меня в плоть и кровь. Песни свои я пел им дома, за столом, с напитками или без - неважно. Мы говорили о будущем, еще о чем-то, была масса проектов. Я знал, что они меня будут слушать с интересом, потому что их интересует то же, что и меня, что им так же скребет по нервам все то, что и меня беспокоит. Это было самое запомнившееся время моей жизни. Позже мы все разбрелись, растерялись и редко-редко видимся. Я знаю от людей про Андрея Тарковского, про Артура, который бросил Москву и живет в деревне, занимается рыбнадзором. Но все равно я убежден, что каждый из нас это время отметил, помнит его и из него черпает. Много-много, что я вижу в картинах Андрея, из тех наших времен, я это знаю. Можно было сказать только полфразы, и мы друг друга понимали в одну секунду, где бы мы ни были; понимали по жесту, по движению глаз - вот такая была притирка друг к другу. И была атмосфера такой преданности и раскованности - друг другу мы были преданы по-настоящему, - что я никогда не думал, что за эти песни мне будут аплодировать. Сейчас уже нету таких компаний: или из-за того, что все засуетились, или больше дел стало, может быть. Я никогда не рассчитывал на большие аудитории - ни на залы, ни на дворцы, ни на стадионы, - а только на эту небольшую компанию самых близких мне людей. Я думал, что это так и останется. Может быть, эти песни и стали известны из-за того, что в них есть вот этот дружеский настрой. Я помню, какая у нас была тогда атмосфера: доверие, раскованность, полная свобода, непринужденность и, самое главное, дружественная атмосфера. Я видел, что моим товарищам нужно, чтобы я им пел, и они хотят услышать, про что я им расскажу в песне. То есть это была манера что-то сообщать, как-то разговаривать с близкими друзьями. И несмотря на то что прошло так много времени, я все равно, через все эти времена, через все эти залы стараюсь

протащить тот настрой, который был у меня тогда. Никогда не работал я с внутренним редактором, который сидит в каждом из нас и говорит: "А это я лучше не буду". По молодости лет я писал тогда дворовые песни. Была какая-то тоска по нормальной человеческой интонации - у меня так навязла в ушах эта липкая интонация песен, которые исполняли со сцены под оркестр. Такое, может, было в то время междувластие, и никто ничего не понимал: что будет? куда песня пойдет? Оно и до сих пор непонятно, куда идет эстрадная песня: большой оркестр, все поют - и все одинаково. Гитара у меня появилась не сразу. Сначала я играл на рояле, потом - на аккордеоне. Я тогда еще не слышал, что можно петь стихи под гитару, и просто стучал ритм песни по гитаре и пел свои и чужие стихи на ритмы. Недавно мне принесли старую запись - я был еще студентом первого курса студии МХАТ. Представляете, тогда почти совсем не было магнитофонов, и все-таки эту запись кто-то сделал. Там я стучал:

Алешка жарил на баяне,
Гремел посудю шалман,
А в дыму табачном, как в тумане,
Плясал одесский шарлатані

Это какие-то припевки одесские, но слышу - действительно я! Значит, я давно тосковал по ритмизации стиха. Вообще, я песни пишу, сколько себя помню. Но раньше я писал пародии на чужие мелодии, всякие куплеты. В театральном училище я писал громадные "капустники", на полтора-два часа. Например, на втором курсе у меня был "капустник" из одиннадцати или двенадцати пародий на все виды искусств: там была и оперетта, и опера "вампука", в плохом смысле слова, естественно. Мы делали свои тексты и на студийные темы, и на темы дня, то есть я давно писал комедийные вещи, и всегда - с серьезной подоплекой. А потом я не стал этого делать, потому что вскоре после окончания студии Художественного театра - молодым еще человеком - услышал пение Окуджавы, по-моему, это было в Ленинграде, во время съемок. Его песни произвели на меня удивительное впечатление не только своим содержанием, которое прекрасно, но и тем, что, оказывается, можно в такой вот манере излагать стихи. Меня поразило, насколько сильнее воздействие его стихов на слушателей, когда он читает их под гитару, и я стал пытаться делать это сам. Стал делать, конечно, совсем по-другому, потому что я

не могу, как Булат, - это совсем другое дело. Но все-таки я стал писать в этой манере именно потому, что это не песни - это стихи под гитару. Это делается для того, чтобы еще лучше воспринимался текст. Вот только в этом смысле был у меня элемент подражания, а в других смыслах - нет. Никогда не подражал я ни Булату, ни другим ребятам, которые в то время писали. Мы с Булатом работаем в одном жанре, и обычно в этом случае возникает какое-то соревнование. У нас с ним никаких соревнований нет. Я пишу очень разные песни, почти все они написаны от первого лица. Булат это делает реже, но я и не хочу сравнивать, скажу только, что я отношусь к нему с большим уважением, просто я его люблю - и стихи его, и как он это делает, и вообще как личность - это само собой. Он мой духовный отец и в этом смысле остается для меня самым светлым

...я не бросил писать стихи... ?? Мне, в общем-то, страшно повезло, что я не бросил писать стихи. Не бросил потому, что поступил работать в Театр на Таганке. Я пришел туда через два месяца после того, как он организовался, и увидел, какое в их спектакле ("Добрый человек из Сезуана") было обилие брехтовских песен и зонгов, которые исполнялись под гитару и аккордеон. И так исполнялись, как я бы мечтал, чтобы мои песни были исполнены: не как вставные номера, чтобы люди в это время откинулись и отдышали, а как необходимая часть спектакля. Меня взяли на Таганку. Правда, несколько моих песен еще до этого звучало в некоторых спектаклях старого таганского Театра драмы и комедии. И Юрий Петрович Любимов, наш главный режиссер, отнесся с уважением к этим песням и предложил мне работать во многих спектаклях как автору текстов и музыки. Я думаю, он предложил мне работать из-за того, что эти мои песни не были ни на кого похожи. Он очень сильно меня в этом поддерживал, всегда приглашал по вечерам к себе, когда у него бывали близкие друзья - писатели, поэты, художники, - и хотел, чтобы я им пел, пел, пел. Я не знаю, но думаю, что именно из-за этого я продолжал писать: мне было как-то неудобно, что я все время пою одно и то же. Тем более что я стеснялся петь свои дворовые песни в этих компаниях, а их у меня тогда было больше, чем не дворовых. Я хотел, чтобы всякий раз, когда я приходил в такие компании или когда мне предлагали написать песню для спектакля, мне не приходилось искать песни среди своего старого репертуара. И, видимо, больше всего на меня подействовало,

что люди, работавшие рядом со мной, не оказались безразличными к этому делу. Разные люди были в Театре на Таганке, и они всерьез отнеслись к моим стихам. Кроме Любимова их заметили члены худсовета нашего театра. Это потрясающий народ! С одной стороны, поэты: Евтушенко, Вознесенский, Самойлов, Слуцкий, Окуджава, Белла Ахмадулина, Левитанский; писатели: Абрамов, Можаяев - в общем, "новомировцы", которые начинали печататься в "Новом мире". С другой стороны, ученые: Капица, Блохинцев, Флеров; Капица-старший - самый-самый! - основоположник, удивительный человек; бывали в театре и музыканты, Шостакович часто приходил. А может быть, я ошибаюсь, может быть, я все равно продолжал бы писать, и не оказавшись на Таганке. Потому что раньше - это я только сейчас обратил внимание, - если я начинал работать и приходила какая-то строка, я всегда садился и записывал ее. А теперь она меня мучает и все равно заставит прийти к письменному столу. Так что, возможно, я и сам все равно продолжал бы писать, но не так, как при поддержке театра. Человека всегда нужно вовремя, в какой-то определенный момент подхватить, поддержать. Я знаю, что очень много талантов погибло из-за того, что не представилось подходящего случая. Правда, иногда надо "подставиться" под случай, как мишень под пулю, но сам случай должен быть. Кто-то должен проявиться, кто-то должен обязательно поддержать, чтобы ты почувствовал: то, что делаешь ты, нужно! Написав первый раз музыку к некоторым стихам Андрея Вознесенского, я стал кое-что делать для нашего театра. Пожалуй, первой моей песней, профессионально исполненной в спектакле, была песня белых офицеров "В куски разлетелась корона" (Спектакль "10 дней, которые потрясли мир"), но эта песня для персонажа, со сцены я ее не пою. А потом мне стали предлагать мои друзья из других театров, чтобы я приходил и писал песни для их спектаклей. Но я к тому времени был уже тертый калач и стреляный воробей: я знал, как обычно используется песня; во-первых, там оставляют только то, что им нужно, а во-вторых, дают их петь тем, кто делать этого не умеет. То же самое было и в кино. Всякий раз, когда я там появлялся, меня просили: "Может быть, ты чего-нибудь споешь?" - и я всегда брал гитару и чего-нибудь пел. Потом стал писать песни специально для своего героя, для персонажа, которого играю. Но я уже тогда старался петь так, чтобы они имели еще какую-то другую нагрузку, чтобы они

не были вставным номером - песней, которая украшает роль. Но потом я это дело бросил - ну спел ты ее с экрана, но если песня не звучит как самостоятельная единица, то так ли уж она нужна? Теперь я стараюсь писать песни в картину так, чтобы сам потом мог спеть ее и для вас в любом выступлении, чтобы она имела самостоятельную ценность. Чтобы у нее был свой сюжет или какая-то своя идея, даже оторванная от сюжета; чтобы она шла в параллель с кинематографическим действием или даже за экраном, а не принадлежала только тому зрелищу, в которое она вставлена. Я не очень-то даю обижать мои песни. Меня - пожалуйста, песни - нет. Иногда работаешь, грызешь ногти, в поте лица, как говорится, подманиваешь оттуда это так называемое пресловутое вдохновение - иногда оно опустится, а иногда и нет - и сидишь до утра. А потом смотришь - песня идет на титрах, и ты в это время читаешь: "Директор фильма - Тютюкин", а в это время идет самый главный текст, который ты написал. Ну и, конечно, досадно, и я всегда ругаюсь с режиссерами, с авторами сценария, что я тоже, дескать, хочу, чтобы было слышно то, что я написал. Иногда это удается, а иногда - не особенно. В общем, из пяти моих песен для кино только одна доходит до зрителя. В этот же период я встретил Славу Говорухина (*, **, ***) и ужасно рад, что он с таким доверием ко мне отнесся и предложил написать песни для своей первой картины. Потом это вошло в привычку, я стал писать для него много, почти во все его работы.

Монолог Первую свою песню...

Первую свою песню я написал в Ленинграде где-то в 1961 году. Дело было летом, ехал я в автобусе и увидел впереди себя человека, у которого была распахнута рубаха и на груди была видна татуировка - нарисована была очень красивая женщина, а внизу написано: "Люба, я тебя не забуду!". И мне почему-то захотелось про это написать. Я сделал песню "Татуировка", только вместо "Любы" подставил для рифмы "Валю". Вот так получилась первая песня. И поскольку в то время я только учился играть на гитаре, а чужие песни всегда труднее разучивать, - я стал писать свои. И вот так потихоньку дошел до такой жизни. Первые мои песни - это дань времени. Это были так называемые "дворовые" городские песни, еще их почему-то называли блатными. Это такая дань городскому романсу, который к тому времени был забыт. Эти песни были бесхитростные, была, вероятно, в

это время потребность в простом общении с людьми, в нормальном, не упрощенном разговоре со слушателями. На них обязательно были следы торопливости, это мои мысли, которые я привозил из своих поездок, а рифмовал их для простоты, чтобы не забыть. В каждой из первых песен была одна, как говорится, но пламенная страсть: в них было извечное стремление человека к свободе, к любимой женщине, к друзьям, к близким людям, была надежда на то, что его будут ждать. Помните эту песню: "За меня невеста отрыдает честно, за меня ребята отдадут долги"? Это - о друзьях, это очень мне близко: я сам в то время точно так же к дружбе относился, да и сейчас стараюсь. Так оно, в общем, и осталось: я жил, живу и продолжаю жить для своих друзей и стараюсь писать для них, даже для ушедших и погибших. Когда говорят, что мои ранние песни были на злобу дня, а теперь будто бы я пишу песни-обобщения, по-моему, это неправда: это невозможно определить, есть обобщение или его нет, - пусть критики разбираются. Потом, со временем, все это видоизменилось, обросло, как снежный ком, приняло другие формы и очертания. И песни немножечко усложнились, круг тем стал шире, хотя я все равно пытаюсь их писать в упрощенной форме, в нарочно примитивизированных ритмах. Я не считаю, что мои первые песни были блатными, хотя там я много писал о тюрьмах и заключенных. Мы, дети военных лет, выросли все во дворах в основном. И, конечно, эта тема мимо нас пройти не могла: просто для меня в этот период это был, вероятно, наиболее понятный вид страдания - человек, лишенный свободы, своих близких и друзей. Возможно, из-за этого я так много об этом писал, а вовсе не только о тюрьмах. А что, вы считаете, что совсем не стоит об этом писать? Эти песни принесли мне большую пользу в смысле поиска формы, поиска простого языка в песенном изложении, в поисках удачного слова, строчки. Но поскольку я писал их все-таки как пародии на блатные темы, то до сих пор это дело расхлебываю. Я от них никогда не отмежевывался - это ведь я писал, а не кто-нибудь другой! И я, кстати, всегда пишу, что хочу, а не по заказу. А в общем, это юность, все мы что-то делали в юности; некоторые считают, что это предосудительно, - я так не считаю. И простоту этих песен я постарался протащить через все времена и оставить ее в песнях, на которых лежит более сильная, серьезная нагрузка. Много я слышал претензий и к моей "вульгарной манере исполнения" и так далее. Да ерунда все это! Неважно, кто и как

исполняет, в какой форме. Важно - что! И интересно это людям или нет. Я слышал много подделок под мои песни. Сейчас их делать стало труднее, потому что появилась хорошая аппаратура и сразу можно отличить мой голос от того, что подделано. А раньше подделок было очень много, и слушатели считали, что если кто-то хрипит - это Высоцкий. Хочу сказать, что если вам когда-нибудь попадутся записи, где, во-первых, неприличные слова, во-вторых, такая дешевая жизненная проза, то сразу можете считать, что это песни не мои. Подделывать в то время было очень легко, так как эти записи десятикратно, стократно переписываются и хриплый голос сделать очень просто, а если еще и записать где-нибудь на улице, то и будет, как многие считают, полное впечатление, что поет Высоцкий. Я однажды услышал такую запись и сам перепутал - отличил только потому, что сам пою и знаю свои тексты. Однажды в Одессе, на "толчке", я видел человека, который стоял за громадными стопами пленок - его из-за них почти не было видно - и торговал "моими" песнями. Так в этой пленке из тридцати пяти песен было примерно пять вещей, которые пел я, а остальные тридцать пел какой-то другой человек, которого звать Жорж Окуджава. Он, значит, взял себе фамилию Булатаи поет, стервец, моим голосом, при этом старается петь и мои, и булатовские песни. Поет настолько похоже, что поразительно. Эти песни мне очень вредят, меня часто по этому поводу вызывают, разговаривают со мной, дескать, как вам не стыдно, что вы делаете?! А несколько лет назад был специальный приказ по управлению культуры, мне запретили год выступать, и в приказе было названо несколько песен, которые мне вообще не принадлежат. Даже была целая статья в газете "Советская Россия" - "О чем поет Высоцкий?", где основные обвинения в мой адрес были построены на не моих песнях. А я никогда не пел с "чужого голоса" и никому не подражал и вообще это занятие считаю праздным и довольно глупым. Я даже жаловался по поводу этой статьи, мне ответили, что "меры приняты", но я считаю, что приняты недостаточно. Потому что должен был кто-то написать такую же статью в такой же газете, которая так же широко читается, и сказать там, что "песни эти - не его и обвинения в адрес Высоцкого сделаны ошибочно". Но, к сожалению, этого сделано так и не было. У меня есть надежда, что песни мои могут доставлять радость людям. Я убежден, что разговоры, которые идут обо мне, что

мои песни якобы вредны, несостоятельны. А что касается "блатных" песен, которые я писал в молодости, - их можно воспринимать как пародии или не пародии, но я считаю, что в них тоже ничего плохого нет, потому что они с юмором, о действительных отношениях людей, а то, что кто-то в них "сидит" или "не сидит", - не имеет значения. Песни у меня совсем разные, в разных жанрах: сказки, бурлески, шутки, просто какие-то выкрики на маршевые ритмы. Но все это - про наши дела, про нашу жизнь, про мысли свои, про то, что я думаю. Есть ли у меня какое кредо? Про это лучше не говорить - нужно слушать песни самому и как-то делать выводы. Вот если бы я мог коротко сформулировать, чего я хочу и о чем я думаю, я бы тогда их не писал, а просто написал бы на бумажке несколько строк, что "вот, я считаю так, так и так", и на этом бы закончил. А если я все же их пишу, эти самые песни и тексты, то их, наверное, нужно столько рассказывать, сколько они будут звучать. Я получаю много писем, в которых люди благодарят меня за песни - за шуточные, военные, сказки, а вовсе не за те, о которых писала газета, что их "в пьяных компаниях заводят". Главное, что я хочу делать в своих песнях, - я хотел бы, чтобы в них ощущалось наше время. Время нервное, бешеное, его ритм, его темп. Я не знаю, как это у меня получается, но я пишу о нашем времени, чтобы получалась вот такая общая картина: в этом времени есть много юмора, и много смешного, и много еще недостатков, о которых тоже стоит писать.

Я занимаюсь авторской песней... ?? Я занимаюсь авторской песней - сам пишу тексты, мелодии, сам исполняю. Это неумиряющее искусство, оно началось очень давно, много-много веков назад. У нас - среди акынов, а у них - среди всяких Гомеров (*, **). У нас тоже с гусями ходили и пели песни. Короче говоря, у авторской песни есть и история, и традиция, поэтому я и предпочитаю заниматься именно ею, хотя мне в последнее время часто предлагали выступать со всевозможными ансамблями и оркестрами. Но сейчас, я считаю, у нас несправедливо обращаются с авторской песней. С ней произошло много неприятностей: сначала ее сделали самостоятельной, потом - туристской и как-то отпугнули от нее слушателей. Во всем мире авторская песня процветает: во Франции многие сами пишут себе либо музыку, либо тексты, либо и то и другое и сами исполняют: и Брассенс- великий, изумительный Брассенс, и Брель, и Азнавур, а из

молодых - Максим ле Форестье. Это как-то у них считается само собой разумеющимся, и ни у кого не возникает сомнений, что авторская песня имеет право быть на сцене. Наоборот, она более интересна: она дает колоссальные возможности человеку, который ею занимается, и позволяет людям, которые сидят в зале, испытывать совсем другие эмоции. У нас - нет. У нас считается, что у песни должно быть несколько авторов: отдельно композитор, отдельно автор текста и отдельно исполнитель - так что песню должны делать совсем разные люди. И обязательно отдельно должен звучать оркестр. Да еще несколько человек мы поставим с боков и так далее вот тогда будет "та песня, что нам нужна!". Но я надеюсь, что такой подход к песне скоро пропадет, исчезнет. Авторская песня так же отличается от эстрадной, как, скажем, классический балет от присядки. Для меня авторская песня - это возможность беседовать, разговаривать с людьми на темы, которые меня волнуют и беспокоят; рассказывать им о том, что меня скребет по нервам, рвет душу и так далее, - в надежде, что их беспокоит то же самое. И если у меня есть собеседник и возможность об этом рассказать, особенно такому большому количеству людей, это самая большая для меня награда. Авторская песня предполагает непринужденную атмосферу, атмосферу раскованности, дружелюбности, свободы. В ней нет показухи, приподнятости, зрелищности, отстранения от зрительного зала - нет рампы. Она требует зрителей, требует собеседника. Мне кажется, что причина ее популярности вот в таком дружелюбном настрое, в возможности разговаривать с людьми нормальным человеческим языком, рассчитывая в ответ на доверие. Самое главное в авторской песне - текст, информация, поэзия. Это вообще не песня - это стихи, которые исполняются под гитару и положены на ритмическую основу, гитарную или аккордеонную - это неважно, это только для того, чтобы усилить воздействие на слушателей, а больше ничего. Над песней работать надо больше, чем над крупным поэтическим произведением. Ее надо больше очищать, чтобы она влезала в уши и в души одновременно. Не отдельно - сначала услышал, потом осознал, а сразу. Потом ее можно взять домой, найти второй план, третий, четвертый - кто как хочет, но в душу она должна сразу входить. Из-за этого кто-то даже сказал, что песня должна быть немножко глуповата. Это не совсем так. Просто форма должна соответствовать содержанию, все

должно быть единым, ничто не должно мешать друг другу. Авторская песня проста, но всегда пишется непросто. Она делается на конкретном материале, помогает переносить какие-то невзгоды, проникает в душу, отвечает настроению. Она, очевидно, оттого легко запоминается и нравится людям, что не диктует; она про то, что люди сами чувствуют, просто их чувства выражены словами песни. Теперь - самое главное. Если на две чаши весов бросить мою работу: на одну - театр, кино, телевидение, мои выступления, а на другую - только работу над песнями, то, я вас уверяю, песня перевесит! Несмотря на кажущуюся простоту этих вещей - можете мне поверить на слово, я занимаюсь этим давно, песни требуют колоссальной отделки и шлифовки, чтобы добиться в них вот такого, будто бы разговорного тона. Я вам должен сказать, что песня для меня - никакое не хобби, нет! У меня хобби - театр. (И вообще самая лучшая профессия - это хорошо оплачиваемое хобби.) Когда пишешь, песня все время живет с тобой, вертится в голове, никогда тебя не покидает. Ты отбираешь и вылизываешь каждое слово. Я не говорю, что все авторские песни равноценны и обязательно поэтичны, но колоссальная работа затрачивается именно на слова, на тексты, на то, чтобы она легко входила к вам в уши и в умы. Но потом, когда вы возьмете к себе домой записанное на магнитофон и снова начнете слушать, вдруг увидите, что одновременно со смехом вас иногда прихватывает за горло, потому что все это сделано на довольно печальном материале, хотя и в шуточной форме, - я уж не говорю о серьезных вещах, маршевых с самого начала. У авторской песни есть, конечно, масса недостатков: бедность сопровождения, упрощенный ритм. Но в зависимости от аудитории, от настроения, которое каждый раз у нас с вами образуется, все эти песни будут звучать по-другому, чем в прошлый раз. Вы увидите, что они почти не похожи на прежнее исполнение: я никогда не могу повториться из-за того, что каждый раз разные люди, видишь другие глаза, витает иной настрой, и потому всегда поешь по-другому. Иногда мне кажется, что я на выступлении "попал в десятку", выше не прыгнешь - так точно в этот раз я спел. И я всегда думаю: в следующий раз повторю - будет точно так же. И никогда не получается! Потому что - другие люди, иная устанавливается здесь, в помещении, атмосфера, и повторить ты не можешь. Ты чувствуешь - поешь совсем по-другому. Ты эту

обстановку воспринимаешь какими-то локаторами и ты поешь - хуже или лучше, неизвестно, - но обязательно по-другому. Что еще очень важно, я сам это перед вами исполняю, мои слова - что хочу, то и делаю: какое-нибудь выкину, другое вставлю - все это зависит от меня, это все мое. Значит, я могу в зависимости от аудитории, от того, какое сегодня настроение, и поменять ритм, и придать песне другую окраску. И вдруг шуточная песня будет выглядеть серьезной. Короче говоря, авторская песня допускает импровизацию, она более подвижна. Еще раз хочу повторить: авторская песня - это совершенно самостоятельный вид искусства. Пусть я не профессиональный композитор - хотя имею какое-то музыкальное образование - и не профессиональный поэт, но песни я пишу уже много лет и отношусь к ним очень серьезно. Поэтому у меня есть какой-то элемент досады по поводу того, что это направление - авторская песня - не получает пока у нас должного признания. Надеюсь, что это явление временное, и я сейчас занимаюсь тем, чтобы каким-то образом пробить брешь в этом затишье. У меня много песен звучит с экрана: я писал песни для фильмов и во многие спектакли московских театров. И не только московских - по всему Союзу идут спектакли. Авторской песне не нужно никаких сцен, никаких рампы, никаких фонарей. Я пел в ангарах, в подводных лодках, на летном поле, среди черных, как жуки, механиков, в то время, как снижались боевые машины, и мы только немного отходили, чтобы было слышно слова; пел на полях гигантских стадионов, в комнатах, в подвалах, на чердаках, - где угодно, это не имеет значения. На пароме однажды пел "привязанным морякам" - так называют тех, которые работают на паромах. У меня было три часа для отдыха, а они, оказывается, устроили там какой-то банкет, очень долго ждали. Я пел им всю ночь, а они мне рассказывали разные истории. Для авторской песни не нужна обстановка для нее нужна атмосфера. У меня есть гитара, ваши глаза - и больше ничего. Есть еще мое желание рассказать вам о том, что меня волнует, и ваше, надеюсь, меня услышать.

Но это очень много, и если вот это создается - то, что не ухватишь ни ухом, ни глазом, а каким-то, я не знаю, шестым чувством, - как хотите называйте: контакт, атмосфера, что угодно! - это для меня самое ценное.

Монолог Меня часто спрашивают, какая разница между авторской песней...

Меня часто спрашивают, какая разница между авторской песней и песней, которую вы повсеместно и повседневно слышите и видите по радио и телевидению. Есть громадная разница. В общем, на мой взгляд, это два совершенно разных песенных жанра. Если говорить очень коротко, то эстрадной песне не важно - что, ей важно - как. Эстрадная песня не интересуется ни вторым планом в тексте, ни другим дном - все есть как есть. Лишь бы зарифмовать, лишь бы звучали голос и оркестр. Я иногда слушал эти песни и никак не мог понять: а почему, что там такое? Вот, например, такая песня:

На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
И мелькнул за поворотом санный следі

И так далее. И я всегда задумывался, а что же тут такое?! И главное, два автора текста наверху. Значит, один не справился: сложный очень текст, с большим подтекстом, второй прибавился к нему. Или вот эта песня, что "провожают пароходы совсем не так, как поезда". Я думал, что, может быть, за этим что-то скрыто. Нет, оказывается, просто действительно провожают пароходы не так, как самолеты, и, в общем, ничего больше за этим нет. Эстрадная песня - это зрелище прежде всего. Это всегда смена номеров, меняющийся свет, рампа эта пресловутая, как граница между зрительным залом и сценой. Там и акробаты кувыркаются, фокусники фокусничают, буфет работает - одним словом, это такое зрелище, такое праздничное состояние. И если зрелище из нее убрать, она очень много потеряет. Вы обратите внимание: даже если вам понравилась какая-то эстрадная песня ну не понравилась, а запомнилась, навязла в ушах, будем так говорить - и вы ее хотите услышать на концерте живьем, вы будете очень разочарованы. Потому что она будет точно такой, какой вы ее уже раньше слышали. И никогда вас не будут подстерегать никакие неожиданности. Эта песня, к сожалению, лишена импровизационности. Это песня - более казенная, что ли. Певец репетирует и добивается, на его взгляд, оптимального варианта и потом уже шпарит, как говорится, одно и то же раз за разом. Никогда он не может что-то в песне поменять, никогда он не зависит от

аудитории Певцы подчас обладают замечательными голосами, по несколько лет учатся петь, у них голоса всегда одинаково и ровно. Больше всего они увлекаются музыкальным оформлением, оркестровкой, оркестром, чтобы это все было слито воедино. Поэтому это всегда звучит четко, твердо, очень крепко и безошибочно обычно. Никаких перемен вы не услышите. Редко "полюбляются" песни, которые много и часто исполняются даже по телевидению. В передаче "Алло, мы ищем таланты" - все ищут и находят их каждый талант выходит и шпарит под кого-то, кого он себе выбрал в образец. Это тоже отрицательная сторона эстрадной песни, потому что всегда хочется видеть на сцене личность, индивидуальность, человека, имеющего о чем-то свое мнение. Конечно, и на эстраде бывают хорошие тексты. Вот Бернес, например, он никогда не позволял себе петь плохую поэзию. Ведь сколько лет он уже не живет, а услышите его голос по радио - и вам захочется прильнуть, услышать, что он поет. Он был удивительным человеком, и то, что он делал на сцене, приближается к идеалу, о котором я мечтаю как об идеале исполнительском. Такому человеку я смог бы отдать все, что он захотел бы спеть из моего. Кстати, он пел мою песню "Братские могилы" в фильме "Я родом из детства", я начал с ним работать, но, к сожалению, поздно. И сравните: "Яблони в цвету - како-о-е чудо!..". Это, кстати, совсем глупо, потому что и тополи в пуху - како-о-е чудо!.. Давайте еще прокричим про тысячи вещей, чудесных весной - про все, что в цвету. А если рядом с этим просто вспомнить стихи Есенина:

їВсе пройдет, как с белых яблонь дым.

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым,

И сразу становится ясно: тут - поэзия, а там - не пойми что! Обычно в эстрадной песне, которую мы с вами каждый день смотрим по телевизору, хлебаем полными пригоршнями, очень мало внимания уделяется тексту. Я знал одного поэта, который говорил, что он в основном делает это поутру, когда чистит зубы. В это можно поверить, когда слышишь текст: "На тебе сошелся клином белый светї". Я, конечно, не хочу огульно охаивать все, что поется с эстрады, кое-что я там люблю и с удовольствием сам слушаю. В основном когда тексты песен делают поэты. Сейчас стали писать для певцов и Белла Ахмадулина, и Андрей Вознесенский, и Женя Евтушенко, - и тогда это

бывает удачно. Я с большим уважением отношусь к Кобзону, который давно держится на определенном, довольно высоком уровне. Последнее время он особенно много стал работать с хорошими текстами. И он крепок, мне кажется, на сцене, как мужчина. Слышал в фильме, как работает Градский. Мне кажется, что он музыкален и у него есть прессинг. Очень хорошо я отношусь к Муслиму Магомаеву, считаю, что он прекрасный певец и очень хороший человек. Алла Пугачева, на мой взгляд, очень интересная актриса на сцене и интересная певица.

Я очень не люблю, когда мои песни поют эстрадные певцы... ?? Я очень не люблю, когда мои песни поют эстрадные певцы. Они, наверное, споют лучше меня, но - не так. Не так, как я написал. Я сам написал и текст, и музыку, и сам спел песню под гитару - как захотел. А у этих ребят прекрасные голоса, они работают с оркестром, но делают это все по-другому. Когда песня выходит на пластинке, я ничего поделать не могу: они все равно берут. Ну а когда есть возможность запретить, я им своих песен не даю. И если вы где-нибудь услышите, что кто-то поет мои песни "не с пластинок", можете смело подойти и спросить: "А почему вы поете Высоцкого? Он же вам не разрешил!". И мало того, что берут без разрешения, - поют с искажениями и даже переделывают слова. Они почему-то считают, что только то, что "написано пером - не вырубишь топором", - вот это верно! А что написано на магнитофоне, то можно вырубать топором. И даже бывают случаи, когда я свою песню не узнаю, услышав ее в чужом исполнении. Хороший эстрадный певец поет достойно, но не живо. И песня потихоньку жухнет. Так мне кажется, хотя у эстрадной песни есть масса своих достоинств. Но когда меня просят свои люди - драматические актеры, я с удовольствием пытаюсь писать для них песни в зависимости от того, что они за люди. Пишу с учетом их индивидуальности, чтобы они могли их петь как свои, как будто они их сами сочинили.

Часто спрашивают, где я беру темы для своих песен?.. ?? Часто спрашивают, где я беру темы для своих песен? Темы - повсюду, те новые впечатления, которые я получаю, являются основой, а вообще это все придумано, обрастает материалом. Я же имею право на авторскую фантазию, на какие-то допуски. Песни мои - сюрреальные, в них иногда происходят такие вещи, которых мы в нормальной жизни,

может быть, никогда и не видим. 10 процентов я беру из чьих-нибудь рассказов, а на 90 процентов все придумано. Иначе нет тайны, ее даже песней не назовешь, какая же это поэзия?! Очень часто из тех мест, где я бываю в поездках или на гастролях, я привожу различные зарисовки и свои впечатления. Потом делаю из них либо песню, либо так и оставляю это просто зарисовкой, то есть тем, на что упал взгляд в данный момент. Эти вещи не тянут на песню, в них нет второго дна. В некоторые песни я совсем не стараюсь вложить точный смысл и эдакую целенаправленность. Песни против пьянства и пьяниц - это тоже типа зарисовок. Я знаком со многими ребятами-геологами, они мне рассказывали всякие истории, поэтому я в свое время тоже отдал дань туристской и геологической песне. Ну а теперь я стараюсь писать на общечеловеческие темы. Как-то в Грузии в одном из тостов мой товарищ мне сказал, что он присутствовал при многих разговорах, когда я с интересом слушал, как делаются швеллерные балки, как делается мост из опор. И я, говорит, всегда удивлялся, почему ему это интересно, какой ему смысл это слушать? И вдруг вижу, что некоторые из этих сведений через несколько лет каким-то боком появляются у него в песнях. У меня много друзей среди моряков, это одна из самых уважаемых профессий. Я часто встречаю своих друзей в портах, "с приходом", и пока танкер или сухогруз разгружается, мы где-нибудь у друзей в каюте сидим несколько дней напролет; я внесен в судовую роль. А потом они снова уходят, снова без берега несколько месяцев. И неудивительно, что некоторые песни написаны в их честь, для них, про них. И даже - на борту кораблей. Героев я не ищу - в каждом из нас похоронено по крайней мере тысяча персонажей. Вот вы выбрали эту профессию, а могли бы выбрать другую и иметь другой характер. А потом, наверное, есть глаз, есть ухо, слышишь и видишь все вокруг, если можешь. Я не знаю, это трудно объяснить, где я беру героев для песен - вот они здесь, вы все здесь передо мной сидите.

Мне пишут в письмах, был ли я тем, от имени кого пишу?.. ?? Мне пишут в письмах, был ли я тем, от имени кого пишу: не был ли шофером, не воевал ли, не трудился ли на Севере, не был ли шахтером и так далее. Это все происходит оттого, что почти все мои песни написаны от первого лица: я всегда говорю "я", и это вводит некоторых людей в заблуждение. Они думают, что если я пою от имени шофера, то я им был; если это лагерная песня, то я обязательно сидел, и так

далее. Просто некоторые привыкли отождествлять актера на сцене или экране с тем, кого он изображает. Нет, конечно, понадобилось бы очень много жизней для этого. Кое-что на своей шкуре я все-таки испытал и знаю, о чем пишу, но в основном, конечно, в моих песнях процентов 80-90 домысла и авторской фантазии. Я никогда не гнался за точностью в песне. Она получается как-то сама собой, не знаю отчего. Я думаю, что вовсе не обязательно подолгу бывать в тех местах, о которых пишешь, или заниматься той профессией, о которой идет речь в песне. Просто нужно почувствовать дух, плюс немножечко фантазии, плюс хоть немножечко иметь какие-то способности, плюс чуть-чуть желания, чтобы зрителю было интересно. Поэтому я рискую говорить "я" вовсе не в надежде, что вы подумаете, что я через все это прошел. Почему я это делаю? Не от "ячества" - это известный поэтический прием. Например, у Вознесенского одно стихотворение начинается словами: "Я Гойя!" - и дальше он уже шпарит от имени Гойи. Однажды был такой случай. Один маститый, известный писатель и наш артист Золотухин были на поэтории. Происходило это в консерватории, было очень шикарно: два хора, два оркестра, в общем, интересное зрелище. Но они опоздали (задержались в верхнем буфете), а когда вошли Зыкина поет, два хора сопровождают. А Вознесенский говорит: "Я - Гойя!". Писатель спрашивает: "Кто он?" - "Он говорит, что он - Гойя", - отвечает Золотухин. "Ну, нахал!" - и писатель ушел. Так чтобы вы не обижались за тех людей, от имени которых я пою, хочу вам сказать, что это просто очень удобная форма, писать "от себя", - тогда получается лирика. Под лирикой не надо понимать только любовную лирику, есть и другая: это все, что - из себя. И еще: в отличие от моих друзей-поэтов, которые занимаются только поэзией и чистым стихосложением, я - актер, я играл много ролей и в театре, и в кино, и очень часто бывал в шкуре других людей. И мне, возможно, проще так работать - писать "из другого человека". Я даже, когда пишу, уже предполагаю и проигрываю будущую песню от имени этого человека, героя песни, - еще и потому почти все мои песни написаны от первого лица. Сначала прикидываешь, что за характер у персонажа, и идешь от характера. Если вы обратили внимание, исполняя эти вещи, я, в общем-то, даже стараюсь показать вам персонаж, от имени которого поется песня. Поэтому и получаю я, наверное, письма: "Я помню, как по Чуйскому тракту мы с вами гоняли "МАЗы"", - этого не было

ничего. Повторяю, я не пишу чистую правду - я почти все придумываю, иначе это не было бы искусством. Но, я думаю, это настолько придумано, что становится правдой для этих людей. Есть, конечно, и исключения. Так, одна из моих альпинистских песен - "Здесь вам не равнина" - наверное, единственная, которая написана о конкретном случае. Случай этот меня поразил, и то - это в большой мере придумано. Если человек действительно пишет, он, конечно, должен очень много выдумывать, придумывать по ассоциации, обобщать. И если даже по песне кажется, что это действительно натуральная история, которая случилась со мной, либо с кем-нибудь, - нет, почти все это вымысел. А иначе этим песням не было бы никакой цены. Какая ценность зарифмовать то, что знаешь, или что тебе рассказали? Это рифмованные фельетоны, ерунда! Песню надо придумать, да еще так, чтобы каждый увидел в ней то, что ему хочется и что ему важно. Вот в этом, мне кажется, есть заслуга автора, а рифмовка - нет. Потом, если пишешь от чьего-то имени, вовсе не обязательно, что все, о чем идет речь, могло случиться только с человеком этой профессии. Просто я взял и выбрал такого героя, а в общем-то, все равно речь идет о проблемах общечеловеческих, которые могут волновать, я думаю, всех людей - это проблемы зла, предательства, честности, надежности, дружбы. Правда, бывают моменты, когда я очень быстро откликаюсь на то, что сейчас носится в воздухе, о чем говорят в печати и по радио. Мне вдруг хочется сразу же об этом написать: например, когда у нас особенно сильно проводилась борьба с пьянством, я тоже написал несколько песен на эту животрепещущую тему. Я пишу песню, никогда не рассчитывая, буду я ее петь со сцены или не буду. Пишу только тогда, когда вот так уж необходимо! Сажусь и делаю. Иногда я выношу песню на зрителей, иногда оставляю у себя в столе. И всегда особенно, когда я вижу, что мои серьезные вещи зрители сразу понимают, это мне, знаете, как медом на душу. Некоторые мои песни доходят до обобщений, некоторые - нет, но я всегда, в общем, прочерчиваю твердый сюжет, как будто сам являюсь участником событий. Из-за того, что почти все мои песни написаны от первого лица, их кто-то назвал "песни-монологи", я не стал возражать, хотя это и не совсем точно: у меня есть песни-диалоги и песни других жанров. Но так как я часто говорю "я", меня упрекают в нескромности. Это не от нескромности и не из-за

того, что я все прошел и все испытал на собственной шкуре, - самое главное! - там есть мое отношение, мое рассуждение, мое мнение о том предмете, о котором я говорю с людьми. Это я не где-то вычитал, а сам так об этом думаю. Вот поэтому, мне кажется, я имею право говорить "я". Меня часто отождествляют с героями моих песен, но никто и никогда не догадался еще спросить, не был ли я волком, лошадью или истребителем, от имени которых я тоже пою: ведь можно писать от имени любых предметов, в них во все можно вложить душу - и все! Например, у меня есть песня, которую я пою от имени микрофона, обыкновенного микрофона, как и вот этот, что стоит передо мной. Он много видел, это микрофон, о многом может рассказать.

Что вы имели в виду в той или иной песне?.. ?? Мне часто присылают письма, в которых спрашивают: "Что вы имели в виду в той или иной песне?". Ну, кстати говоря, что я имел в виду, то и написал. А как меня люди поняли, зависит, конечно, от многих вещей: от меры образованности, от опыта жизненного и так далее. Некоторые иногда попадают в точку, иногда - рядом, и я как раз больше всего люблю, когда рядом: значит, в песне было что-то, на что даже я не обратил особого внимания. Может, не имел этого в виду точно и конкретно, но что-то подобное где-то там в подсознании было. И ведь было бы ужасно, если б мы все имели в виду, когда пишем, - тогда мы бы просто ничего вообще не написали. Вы представляете?!

А что уж говорить про Достоевского, (*, **)у которого одновременно идут десять или пятнадцать планов? Он что, их все время высчитывал, записывал, а потом соединял? Нет, это просто от того выходило, что он был такой одаренности человек, что об этом не думал. Гений! И мы, актеры, когда начинаем репетировать, вдруг задыхаемся от восторга, когда обнаруживаем в пьесе что-то еще и еще, чего не заметили на первых репетициях. Вот почему, когда люди, стоящие рядом, видят в моих песнях что-то другое, но близкое той проблеме, которую я трогаю, я очень счастлив. Это необъяснимые вещи, и они получаются сами собой. Это есть признак какой-то тайны в поэзии, когда каждый человек видит в песне что-то для себя. Я даже пытался на все подобные письма ответить одной всеобъемлющей песней, в которой был припев с такими строчками: "Спасибо вам,

корреспонденты, что вы наверно поняли меня". Но потом я бросил эту затею.

Как я пишу песни, что идет впереди?.. ?? Однажды меня спросили, как я пишу песни, что идет впереди: музыка, слова, мелодия? Не слова и не мелодия - я сначала просто подбираю ритм для стихов, ритм на гитаре. И когда есть точный ритм, как-то появляются слова. Очень трудно сказать, как они получаются.

Иногда получается, что серьезная строчка, которая у тебя появилась, ложится на фривольную, шуточную мелодию и ты вдруг пишешь, как выясняется, шуточную песню, хоть она и не совсем шуточная, но получается в шуточной форме. Одним словом, музыка помогает тексту, текст - музыке. Песня рождается странно, пишется трудно, и чем дальше, тем труднее, потому что трудно постоянно держаться, так сказать, на этом уровне. Это очень сложно, времена меняются: если раньше песни писались довольно быстро, они вдруг начинали "выливаться" из тебя из-за того, что никогда раньше ты об этом не писал, то чем больше пишешь, тем сложнее. У каждого человека бывает болдинская осень - приливы и отливы, как в любви, так и в поэзии. Иногда вдруг пишется, а иногда по несколько месяцев просто невозможно - ни одной строчки, ни одной мелодии интересной не приходит. Иногда ходишь и просто болеешь песней, неделю, две, а потом сел и записал ее минут за десять. Зарифмовал - и все. А некоторые песни очень подолгу пишутся, вынашиваются внутри, а иногда появляется какая-то удачная строка и ты понимаешь, что она годится к тому, про что ты думал. А так как это песня, а не стихи, то совершенно естественно, что нужно делать ее с гитарой, с ритмом, потому что в песне музыка не должна мешать словам, должна только помогать. И несмотря на кажущуюся простоту и легкость этих мелодий, для каждого текста должна быть какая-то своя, своеобразная мелодия. И в моих песнях вы не найдете похожих мелодий. Я слышу много упреком от композиторов-профессионалов, что это, мол, несерьезно - эти три-четыре-пять аккордов. Я-то знаю и больше аккордов, но я пытаюсь писать простые мелодии. Кстати, другие композиторы, например, Слонимский, с которым я работал в картине "Интервенция", считают, что эти простые мелодии имеют право бытовать на сцене и на экране.

На чей суд я выношу свои песни?.. ?? На чей суд я выношу свои песни? Это, конечно, происходит очень по-разному. Иногда, если песня мне нравится, я не могу дотерпеть и ночью звоню кому-нибудь из друзей или даже жене, говорю: "Ну-ка, послушай" - и пою в трубку. А чаще всего я проверяю их на аудиториях. Когда пишу, всегда это дело живое, - я даже не знаю, какая будет песня: будет ли она смешная или просто ироничная, печальная или трагичная и грустная. И даже мелодия часто еще не установлена до конца. Поэтому, когда я сделаю песню, я начинаю проверять ее на аудитории: выхожу на сцену и только ритм оставляю, и только через 15-20 раз получается, выкристаллизовывается, так сказать, окончательная мелодия. Когда я рассказал об этом композиторам, они были безумно удивлены: "Как же так? Как это может быть?! У тебя есть очень странные ходы, которые профессиональный музыкант никогда не сделает". Я говорю: "Вот, возможно, от этого". Работаю я по ночам с маленьким магнитофончиком. Если пришла какая-то строка, я тут же моментально пытаюсь найти для нее музыкальную основу, а вам на первый взгляд кажется, что это страшно просто. И так оно и есть: для этого и работаешь, чтобы очищать, вылизывать каждую букву, чтобы это входило в каждого, совсем не заставляя людей напрягаться, вслушиваться: "А что он там? Что он сказал?!". Чтобы этого не было, и делаются вот такие бесхитростные ритмы, которые, как ни странно, многие профессиональные композиторы не могут повторить. Они тоже хотят писать так, как пишутся авторские песни: чтобы песня запоминалась моментально, чтобы музыка не мешала словам, а слова - музыке. Я часто слышу от них упреки, что в моих песнях есть нарочная примитивизация. В одном они правы: это нарочная, но только не примитивизация, а упрощение. Написать сложную мелодию не так сложно, особенно для профессионала, но у меня есть свои ритмы, которыми никто не пользуется. Они очень простые, но, если я даю музыканту-профессионалу гитару и говорю: "Сделай этот ритм", он его повторить не может. Дело в том, что эти ритмы, как вам сказать, не расплывчаты, я, наоборот, могу их очень спрессовать - в зависимости от той аудитории, в которой работаю. Вот я сажусь за письменный стол с магнитофончиком и гитарой и ищу строчку. Сидишь ночью, работаешь, подманиваешь вдохновение. Кто-то спускается и пошепчет тебе чего-то такое на ухо или напрямую в мозги

- записал строчку, вымучиваешь дальше. Творчество - это такая таинственная вещь, что-то вертится где-то там, в подсознании, может быть, это и вызывает разные ассоциации. И если получается удачно, тогда песня попадает к вам сразу в душу и западает в нее. Потом песня все время живет с тобой, не дает тебе покоя, вымучивает тебя, выжимает, как белье, - иногда она мучает тебя месяца по два. Когда я писал "Охоту на волков", мне ночью снился этот припев. Я не знал еще, что я буду писать, была только строчка "Идет охота на волков, идет охота!". Через два месяца - это было в Сибири, в селе Выезжий Лог, мы снимали там картину "Хозяин тайги" - я сидел в пустом доме под гигантской лампочкой, свечей на пятьсот, у какого-то фотографа мы ее достали. Золотухин спал выпимши, потому что был праздник. Я сел за белый лист и думаю: что я буду писать? В это время встал Золотухини сказал мне: "Не сиди под светом, тебя застрелят!". Я спрашиваю: "С чего ты взял, Валерий?" - "Мне Паустовский сказал, что в Лермонтова (*, **) стрелял пьяный прапорщик", - и уснул. Я все понял и потом, на следующий день, спрашиваю: "А почему это вдруг тебе сказал Паустовский?". Он говорит: "Ну, я имел в виду, что "как нам говорил Паустовский". На самом-то деле, я тебе честно признаюсь, мне ребята вчера принесли из дворов медовухи, а я им за это разрешил залечь в кювете и на тебя живого смотреть". Вот так, значит, под дулами глаз я и написал эту песню, которая называется "Охота на волков". Вот так проходит работа над песней, и авторской она называется именно потому, что ты все делаешь сам - от "а" до "зет". Раньше я пел без гитары, стуча ритм по столу. Правда, в детстве родители силком заставляли меня играть на рояле, а потом, когда я учился в театральном училище, Борис Ильич Вершилов, друг Станиславского и учитель очень многих людей, сказал мне: "Вам очень пригодится этот инструмент", - и заставил меня овладеть гитарой. (Он прочил мне такую популярность, как у Жарова, и поэтому, дескать, необходимо уметь играть на гитаре, но до жаровской популярности мне далеко.) И когда я стал писать песни сам - это все стало происходить только вот с этим бесхитростным инструментом, которым очень многие могут довольно быстро овладеть. Виртуозно выучиться играть на гитаре, конечно, сложно, но аккомпанировать себе несложно. А ночью я пишу не только от того, что у меня не времени днем - это естественно, потому что днем мы снимаемся, и репетируем, а еще и

потому, чтобы просто никто не мешал. Происходит какое-то таинство, что-то такое оттуда спускается, получаются какие-то строчки. Иногда она выльется сразу, моментально ляжет на лист, а иногда все время тебя гложет, не дает возможности спокойно отдыхать, откинувшись, так сказать. Пока ты ее не напишешь, она все время тебя гложет. Меня иногда просят спеть любимую песню. Вы знаете, они все любимые, особенно в тот момент, когда писались. Я не могу выделить ни одну песню, и никогда не отдаю предпочтения моим комедийным песням или серьезным. Все они потребовали от меня определенной работы, пота, крови, ночных бессонниц, и так далее.

Монолог ...я никогда не принимал участия в движении так называемых бардов и менестрелей... ?? Я вам должен сказать, что я никогда не принимал участия в и не понимаю, что это вообще за "движение", да и какие это барды и менестрели?! Это просто люди, которые плохо ли, хорошо ли, пишут стихи и, плохо ли, хорошо ли, исполняют их, в основном под гитару, потому что это очень доступный инструмент. Сейчас такое количество этих бардов и менестрелей, что я к ним не хочу никакого отношения иметь. У меня есть несколько любимых мною людей, которые занимаются авторской песней, но некоторые люди с гитарами принесли очень много вреда авторской песне. Их очень много, в каждом учреждении существуют люди, которые играют на гитарах и сочиняют песни. Я прекрасно понимаю тягу людей к тому, чтобы самим писать стихи и петь это под гитару, но, к сожалению, очень многие люди хотят выходить с этим на широкую аудиторию, чем и вредят. Я получаю дикое количество писем, в которых масса стихов и песен, и меня часто просят: "Пожалуйста, исполните - это очень срочный материал! Исполните по радио и напишите, когда!". А в этой песне написано, как он подошел к станку, а тот сломался: я заменил резец, а он там еще чего-то. И все-таки, как ни ослаб интерес к авторской песне, но продолжает работать, который уже больше двадцати лет работает с авторской песней. С большим уважением отношусь к ., который сначала занимался этим так, левой ногой, потом увидел, что к этим песням есть большой интерес, и даже стал с ними выступать. И, я слышал, возобновил свои выступления, понемножечку стал работать. Я отношусь к нему с симпатией, мне нравилась его песня про Серегу Санина. И песни Анчарова всплывают вдруг в каком-то другом исполнении, значит, это все не забывается, это

дело живучее. С авторской песней невозможно ничего сделать, если даже кто-нибудь и хочет ей помешать. Она более нежная и хрупкая, чем эстрадная песня, но более живучая, как выяснилось. Одно время эстрадные певцы - это, наверное, всем известно - обращались к Юре Кукину и Жене Клячкину с просьбой написать для них песню. Они тоже хотят петь песни-новеллы, чтобы там что-то происходило. И за границей русская аудитория слушателей авторской песни с каждым годом растет, есть интерес к ней у французов, у американцев, которые все больше ее узнают и хотят слушать. На Западе авторские песни (в нашем понимании) называют "песнями протеста". Когда однажды мне перевели несколько таких песен, я увидел, что в них и близко нет ничего похожего на то, что, предположим, делаю я или Булат Окуджава. Мне совершенно непонятно, почему они называются "песнями протеста", меня всегда поражало, против чего они протестуют? Ну, против войны, но ведь все протестуют против войны, и, в общем, это не то что банально, но знакомо и знамо. Я тоже пишу песни о войне и, где бы я ни пел их со сцены - им или дома, я всегда пою, как будто в последний раз. Война нас всех коснулась, так что это вопрос понятный - почему я так могу против нее возражать. У них же этого нет, и, может, поэтому их моя манера исполнения так поражает и удивляет - я всегда пою на очень высокой ноте. Иногда меня спрашивают за границей: почему вы их так прокрикиваете, даже дома? Что вас так беспокоит? Но мне им это очень сложно объяснить. Поэтому мне кажется, что у моих песен очень русские корни и по-настоящему они могут быть понятны только русскому человеку. Особенно последние вещи: "Купола", "Правда и Ложь", "Кривая и Нелегкая". А за границей их волнует в моих песнях только темперамент, но все равно они недоумевают: зачем надо так выкладываться? Еще вот что. Их "песни протеста" направлены против войны, нищеты, инфляции - короче говоря, против таких конкретных проблем. Мне кажется, что наши авторские песни более абстрактны, даже если это касается военных песен: все-таки нужно понять, почему человек, который не прошел войну и никогда не воевал, - почему он все время возвращается туда?!

Монолог Иногда меня упрекают, что... я изменил гитаре... ?? Иногда меня упрекают, что в своих песнях, записанных на пластинки, я изменил гитаре. Дело в том, что когда мы начинали записывать первые

песни на "Мелодии", даже вопроса не возникало, что я буду петь их с гитарой, под собственный аккомпанемент. А мне, в общем, хотелось, чтобы хоть что-то появилось, чтобы хотя бы тексты звучали. Я хотел издания стихов, текстов, хотя сопровождение иногда меня самого коробило. Но я пошел на это, думая, что смогу превозмочь его своим напором - тем, что, собственно, и отличало мои первые песни. И несколько лет назад я записал на "Мелодии" два больших диска: один свой, а у второго диска на одной стороне - мои песни, а на второй - моя жена, Марина, поет по-русски мои же песни, написанные специально для нее. Эти диски не вышли - вернее, появилось кое-что в маленьких пластиночках, где не поймешь, по какому принципу их надергали. Причем вышли некоторые песни, которые вызывали наибольшие возражения у редакции: "Москва Одесса" и "Кони привередливые". Но это не от меня зависело, а от кого - я даже не знаю. Иногда я на очень высоком уровне получаю согласие, а потом оно, вдруг, как в вату, уплывает. Прямо и не знаешь, кого надо брать за горло, кого конкретно надо душить. Потом я смотрю, "Мелодия" вместе с болгарками издает пластинку, в которой есть еще несколько вещей из этих дисков, а у нас они так и не случились. Когда спрашиваешь отвечающего за это человека о причине, он говорит: "Ну, вы знаете, там не все песни бесспорны". Я говорю: "Давайте спорить!", но А в общем, вы знаете, иногда мне просто не хочется портить себе нервы. Я думаю: "Да Бог с ним - все равно они появятся на магнитофонах, кто захочет, тот их услышит, а кому до этого интереса нет, не стоит для них стараться". Вот поэтому я особенно сильно и не настаиваю. Нужно, чтобы за выход дисков отвечал какой-то другой человек, а не редакция в том смысле слова, как она у нас понимается. Особенно на "Мелодии". Этот человек должен быть от начала до конца заинтересован в том, чтобы они вышли. Потому что вдруг это упирается в кого-то, кто говорит: "Да зачем сейчас это делать? Мало ли обсуждать! Да и времени нету. Да и скандалы потом, наверное, будут - лучше не надо!". Вы это все знаете, у нас так часто бывает: человек хочет, чтобы все не двигалось, чтобы оставалось на том же уровне, как и раньше. Правда, должен сказать, что теперь некоторые записи я не представляю без оркестра. Удачно аранжированы, например, "Кони привередливые" - я не могу сейчас петь ее в концертах. Есть очень разноречивые мнения - сколько людей, столько и мнений об этом. Что я могу сказать? Я очень рад

аккомпанементу "Баньки" и "Большого Каретного", которые есть в одном из дисков, - там простые, безгитарные аккомпанементы, я рад, что мы их не усложняли. А есть вещи, которые не нравятся, хотя записывали мы их с оркестром Гараняна, с прекраснейшими музыкантами. Но мне не давали тогда права выбора, чтобы сделать оркестровку, как я хочу. И я предпочел, чтобы хоть мои тексты увидели свет, а в музыкальную часть в те времена не влезал. Но ведь уже десять лет прошло после и тех записей. Десять, десять! Если теперь у меня будет такая возможность, я настояю, чтобы некоторые песни были сделаны со старым аккомпанементом, а некоторые - только под одну гитару. Записи с ансамблем Гараняна - это команда "Мелодии" - я делал, когда он был в самом пике формы, что-ли. И сейчас, в общем-то, эти ребята достойно играют, но тогда, мне кажется, они играли просто замечательно. Сейчас они немножко распались, разбрелись, но играют все равно очень хорошо. Мы с ними довольно долго работали вместе и сделали оркестровки двадцати с лишним моих вещей. Это оркестровки Игоря Кантюкова и Леши Зубова.

Записи во Франции я сделал не с оркестром Поля Мориа... ?? Записи во Франции я сделал не с оркестром Поля Мориа, как принято говорить, просто у меня там были очень хорошие оркестранты. Первую свою пластинку там я записывал в сопровождении двух гитар. У меня было два лучших гитариста Франции. Один из них, Клод Пави, приехал в своем фургоне, там у него было семнадцать гитар. Он заставил меня полностью перевести ему все песни, которые предстояло записать. Трое суток на это ушло. Иногда он не понимал смысла: почему я так, собственно, волнуюсь по поводу того, что "идет охота на волков"? Мы ему объясняли, он говорил: "А-а-а" - и записывал каждую строчку: он был совершенно обескуражен, как это можно в песне говорить о таких вещах, и сидел совершенно пришибленный. Эти записи тоже как-то просочились сюда, но я их крайне редко у нас слышу. Там получилась самая, на мой взгляд, удачная обработка - чисто гитарная, с наложениями. Он прекрасно играл, мне редко приходилось что-либо подобное слышать. Мы с ним несколько дней провели вместе. Но эта пластинка, к сожалению, не вышла, вышла немножечко другая - не по моей и его вине, а так случилось. Это диск, где я с бородой. Но если бы вы услышали этот диск, который мы сделали с ним вдвоем, вы бы увидели, что он

проникся этими песнями по-настоящему и что никакого языкового барьера нет. Так что это такие парни, с которыми можно работать так же, как и здесь, если с уважением друг к другу относиться, несмотря на то, что они не понимают, о чем ты так кричишь. Они не понимают, как можно с таким напором и с такой отдачей петь некоторые вещи, почему это нас так волнует? У них этих проблем нет, и они их никогда не исследуют - в песнях у них не принято об этом разговаривать. Маккартни, правда, пытался - кстати, он тоже пел балладу о брошенном корабле, я не знаю, может быть, они у нас немножко и совпадают, но у них этот жанр считается несколько облегченным, за исключением Брассенса и еще некоторых. И кстати, почему это только мы интересуемся "Бони М" и всякими французами? Мы тоже можем их заинтересовать, только нужно дать им идентичные образы и чтобы они поняли, о чем в песне поется. Французы считают, что песня не должна заниматься проблемами - это развлекательный жанр, и в нем они добились больших успехов, хотя сами больше всего и здесь любят больших поэтов: Брассенса, Лео Ферре, Максима ле Форестье. А для проблем есть Аполлинер - это классика. Россия - единственная страна, где поэзия находится на таком уровне. Поэзия у нас всегда была во главе литературы. И не только из-за того, что наши поэты были большими стихотворцами и писали прекрасные стихи, а из-за того, что они себя достойно вели в жизни: и по отношению к властям, и по отношению к друзьям, и по отношению друг к другу, и, конечно, к своему творчеству. Возьмите маленький листочек, вырванный из тетради, и напишите четыре фамилии: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава - да даже одну из них! - и повесьте где-нибудь в стороне: через два дня будет заполнен стадион, не достанете билета. Люди тянутся не только к стихам, но и к поэтам. Вот у нас семь тысяч членов Союза писателей СССР, сейчас я любого спрошу - быстро назовет не более тридцати, кто-то назовет пятьдесят, но уж никак не сто. А ведь все печатались, у всех есть книги. Я говорю о поэзии в большом смысле слова, о поэтах с большой буквы.

Часто спрашивают, почему я все время возвращаюсь к военной теме... ?? Часто спрашивают, почему я все время возвращаюсь к военной теме. В письмах, например, спрашивают: "Не тот ли вы самый Владимир Высоцкий, с которым мы под Оршей выходили из окружения?". Или: "Были ли вы на 3-м Украинском фронте, деревня

такая-то и в такое-то время?". И довольно много таких писем. Значит, люди предполагают, что эти песни может писать только человек, который прошел через войну. Это мне вдвойне приятно, потому что я так и хочу работать и писать песни от имени тех людей, которые прошли, как говорится, огонь и воду во время войны. Почему много военных песен? Почему я так часто обращаюсь к военной теме, как будто бы все писать перестали, а я все, значит, долблю, в одно место? Это не совсем так. Во-первых, нельзя об этом забывать. Война всегда будет нас волновать - это такая великая беда, которая на четыре года покрыла нашу землю, и это никогда не будет забываться, и всегда к этому будут возвращаться все, кто в какой-то степени владеет пером. Во-вторых, у меня военная семья. Я не воевал, это, конечно, невозможно по возрасту, и не мог я под Оршей выходить из окружения: я был еще маленький тогда, меня могли только выносить. У меня в семье есть и погибшие, и большие потери, и те, кого догнали старые раны, кто погиб от них. Отец у меня - военный связист, прошел всю войну. Он воевал в танковой армии Лелюшенко и в конце войны командовал связью армии. Мой дядя (в 78-м году его не стало) всю войну был в непосредственном соприкосновении с врагом, у него к 1943 году было три боевых Красных Знамени, то есть он очень достойно вел себя во время войны. У нашей семьи было много друзей-военных, я в детстве часами слушал их рассказы и разговоры, многое из этого я в своих песнях использовал. В-третьих, мы дети военных лет - для нас это вообще никогда не забудется. Один человек метко заметил, что мы "довоевываем" в своих песнях. У всех у нас совесть болит из-за того, что мы не приняли в этом участия. Я вот отдаю дань этому времени своими песнями. Это почетная задача - писать о людях, которые воевали. И самое главное, я считаю, что во время войны просто есть больше возможности, больше пространства для раскрытия человека - ярче он раскрывается. Тут уж не соврешь, люди на войне всегда на грани, за секунду или за полшага от смерти. Люди чисты, и поэтому про них всегда интересно писать. Я вообще стараюсь для своих песен выбирать людей, которые находятся в самой крайней ситуации, в момент риска, которые каждую следующую минуту могут заглянуть в лицо смерти, у которых что-то сломалось, произошло - в общем, короче говоря, людей, которые "вдоль обрыва, по-над пропастью" или кричат "Спасите наши души!", но выкрикивают это

как бы на последнем выдохе. И я их часто нахожу в тех временах. Мне кажется, просто их тогда было больше, ситуации были крайние. Тогда была возможность чаще проявлять эти качества: надежность, дружбу в прямом смысле слова, когда тебе друг прикрывает спину. Меня совсем не интересует, когда люди сидят, едят или отдыхают - я про них не пишу, только разве комедийные песни. Это не песни-ретроспекции: они написаны человеком, который войну не прошел. Это песни-ассоциации. Если вы в них вдумаетесь и вслушаетесь, вы увидите, что их можно петь и теперь: просто взяты персонажи и ситуации из тех времен, но все это могло произойти и здесь, сегодня. И написаны эти песни для людей, большинство из которых тоже не участвовали в этих событиях. Так я к ним отношусь - это современные песни, которые написал человек, живущий сейчас. Они написаны на военном материале с прикидкой на прошлое, но вовсе не обязательно, что разговор в них идет только чисто о войне. Самые первые мои военные вещи были написаны для картины "Я родом из детства". С тех пор я написал для кино несколько десятков песен о войне, вышло несколько пластинок с песнями из этих картин - у них была длинная судьба и тернистый путь. Мой дядя очень много рассказывал мне о войне. Вот одна из историй. Однажды батальон держал оборону в плавнях, и у него были открыты фланги. Из-за паники они об этом сообщили открытым текстом, немцы перехватили и начали их давить. Командир батальона дал команду на отход, а кончилась эта история печально. Несмотря на то, что командир батальона был человек заслуженный, награжденный и так далее, было принято решение его расстрелять: очень острая была ситуация. Но приказ не был приведен в исполнение, потому что начался сильный обстрел, они отошли, потеряли много людей. Этот человек сейчас жив, он в высоких чинах, он друг моего дяди. И когда я сделал песню по этому поводу, то, ничего ему не говоря, однажды ему ее спел. И он сказал: "Да, это было. Точно. Было, было, было". И эту песню - "Тот, который не стрелял" - я посвятил этому другу нашей семьи. Я еще раз хочу повторить, что мои военные песни все равно имеют современную подоплеку. Те же самые проблемы, которые были тогда, существуют и сейчас: проблемы надежности, дружбы, чувства локтя, преданности. Просто мне казалось, что на этом материале это можно сделать намного ярче. Вообще во всех моих песнях речь идет о том, что может случиться с

любимым человеком в зрительном зале - и с кем угодно. Просто иногда бывает момент, когда надо решать, - и в этот момент ясно, как человек себя ведет. Я очень надеюсь, когда сочиняю свои песни, что они дойдут до моего слушателя. Я же ведь не для себя пишу, не только для "стола" и "корзины" туда я тоже пишу, - но обязательно ищу аудиторию, и, когда она у меня есть, больше мне ничего не надо. Больше всего я ценю прямой контакт со слушателями.

Обычно свои выступления-встречи я начинаю словами: "Дорогие товарищи"... ?? Обычно свои выступления-встречи я начинаю словами: "Дорогие товарищи". Это не формальное обращение, это на самом деле так, потому что я очень дорожу вами, своей аудиторией. Если вам скажут, что человек выходит на сцену только самовыражаться - не верьте, это неправда. Все мы, кто занимается авторской песней, очень рассчитываем на ответ из зрительного зала. Я не кривлю душой и не заискиваю перед вами, не подхалимничаю, потому что зачем?! Глупо! Мне публика - люди, а не публика; люди, которые меня слушают, нужны мне больше, чем я вам, потому что есть счастливая возможность высказать то, что меня беспокоит и волнует, такому большому количеству людей, - это не каждому дано. Мне просто очень повезло в этом смысле. Я ценю эти встречи, люблю их, стараюсь как можно больше успеть рассказать о чем-то необходимом. Мне хочется, чтобы вы мне доверяли. У меня единственная задача, когда я выхожу к вам, - хоть немножечко вернуть атмосферу нашей компании, когда я только начинал писать свои песни. Я вообще, когда пишу песни, рассчитываю на своих близких друзей, с которыми начинал. У меня это вошло в привычку. И я никогда не делаю разграничения, что у меня будет такая аудитория или сякая, я не делаю различия между физическим и умственным трудом и всегда предполагаю, что это та аудитория, которая будет мне доверять. Если атмосфера доверия устанавливается в зале больше мне ничего не надо. И возможно, из-за этой атмосферы к этим песням тянутся люди, собираются в больших количествах, чтобы их слушать, - из-за этой доверительной интонации, из-за этой раскованности, свободы, непринужденности. В общем-то, я уже около пятнадцати лет стараюсь не слезать с пика. Уже много раз обо мне говорили: "Ушел. Все. Кончился". И так далее, и так далее. Однако, если я пробую выступать на стадионах - пять раз в день, по пять тысяч человек, они полны и невозможно попасть. То есть все это

неправда - люди тянутся и хотят слушать эти песни. Я вообще должен вам сказать, что, когда выхожу на эту площадку, стараюсь не кривить душой и говорить все, что думаю. Мне нет смысла отвечать неискренне. Я пришел сюда не для того, чтобы кому-то нравиться. Зрителям всегда интересно знать: что там у тебя за рубахой, под кожей? Что ты из себя представляешь? Мне нет смысла сейчас ни лгать, ни притворяться. Хотите - верьте, хотите - нет, но я во всех своих встречах стараюсь разговаривать искренне - иначе нету смысла выходить. Поэтому все, что я буду вам сегодня говорить и петь, - это истина для меня на сегодняшний день. Я так думаю, это мое собственное, сугубо мое мнение. С ним можно соглашаться или нет - это дело каждого сидящего в зале, но я говорю только то, что я теперь на самом деле думаю.

"Что у вас идет после такого-то слова?..." ?? Иногда мне присылают письма и спрашивают на выступлениях: "Что у вас идет после такого-то слова?". Я тоже прихожу в недоумение, потому что и сам забыл. Я начинаю, значит, где-то искать, достаю с нижней полки, смотрю, восстанавливаю - и вдруг вижу, что эту песню еще можно петь: хоть она и старая, прежняя, а тема не ушла. Отряхнешь пыль, переменишь какие-то слова, переменишь немножечко музыку, чего-то допишешь, потому что хозяин - барин, и снова поешь. Так что песне, в отличие от человека, можно продлить жизнь. У песен счастливее судьба, чем у людей, потому что хороший, достойный человек очень много волнуется, нервничает, беспокоится за своих близких и помирает раньше, чем плохой. Так уж случилось: всегда "смерть самых лучших намечает и дергает по одному". А вот плохой человек дольше живет, потому что он мало тратится. А с песней наоборот - песня, если она того стоит, может жить долго. Вот, например, песня "Братские могилы" была на пластинке, в кино, в театре, и, казалось бы, все уже отыграно, отработано, а я ею всегда начинаю концерты, почти каждое выступление. Так что песня живет. А бывает, что песня новая и должна звучать в каком-либо фильме, но ее там нет: по разным причинам она не вмонтировалась в киноматериал. Мне-то, в общем, везет: я имею возможность продлить ей жизнь - возьму спою, кто-то запишет на магнитофон и песня разойдется. А ведь есть люди, которые рассчитывают только на этот фильм - это их единственный шанс, чтобы потом о них узнали и имя их как-то зазвучало. Очень

талантливые ребята! Вы, пожалуйста, извините, что я все время поднимаю руку и прерываю ваши аплодисменты. Это по привычке, мне всегда не хватает времени, и я всегда хочу как можно больше успеть спеть. Это не от неуважения. А вообще-то, в этих выступлениях аплодисменты не самое главное - в этом тоже есть отличие авторской песни от эстрадной. Ваше отношение все равно передается через какое-то общее дыхание, через атмосферу. Я сегодня хочу вам побольше спеть: такое настроение. Так что поберегите ладони - лучше потом будете дома детей по головам гладить! Среди многочисленных легенд, которые обо мне ходят, одна заключается в том, что я якобы не люблю, когда аплодируют. Это неправда: я нормальный человек и с уважением отношусь ко всему, что делают зрители. В принципе это есть ваша возможность как-то меня поощрить, поблагодарить; поэтому, ради Бога, если нравится, делайте, как хотите. Давайте мы с вами так договоримся: если очень неважно, тогда аплодируйте; если можете - то сидите. В общем, аплодисменты - это дело четвертое и пятое, как в стихотворении рифмовка. Это неважно. Я вижу ваши глаза, я все понимаю, без аплодисментов. Еще и поэтому я прошу зажигать свет в зале. Хотя иногда, когда прихожу в солдатские аудитории или в какие-нибудь однородные - знаете, где все в форме: ремесленные или еще какие другие, - я вдруг замечаю новую для себя вещь: обычно люди хохочут, а эти давятся! И никак! - никаких аплодисментов, ничего. Потом, оказывается, им перед началом сказали: "Учтите, Владимир Семенович не любит, когда хлопают. Если кто хлопнет! Понятно?!". Ну а я, значит, подумал было, что люди не поняли ничего, не понравилось им. Потом я понял, в чем дело, и поэтому в таких случаях перед началом всех предупреждаю (особенно солдат-первогодков): "Ребята, вот вам перед началом сказали, что я, дескать! Но вы ведите себя, как хотите: смейтесь, кричите - как угодно". Вообще, всегда я призываю, чтобы на моих выступлениях люди чувствовали себя непринужденно, свободно, раскованно и дружелюбно. Я не против такой вольной атмосферы в зрительном зале. Наоборот - пожалуйста, как хотите! Откиньтесь на спинку кресла, отдыхайте.

Я не раз слышал, как "под меня" поют... ?? Я не раз слышал, как "под меня" поют. Некоторые думают, что надо, мол, подышать в форточку холодным воздухом, выпить холодного пива, голос сорвать:

"А-а-а!" - и будет "под Высоцкого". Во-первых, это неправда, потому что у меня всегда был такой голос, я с ним ничего не делал и особенно пива холодного старался не пить, и выдерживаю по пять выступлений перед такой же аудиторией по два часа - и ничего! Я, правда, подорвал его куревом, питьем, криком, но даже когда я был вот таким пацаном и читал свои стихи взрослым людям, они часто говорили: "Надо же, какой маленький, а как пьет!". Голос всегда был такой низкий - это просто строение горла такое, я уж не знаю - от папы с мамой. Сейчас он чуть-чуть видоизменился в связи с годами и многочисленными выступлениями на сцене и в театре. Раньше говорили "пропитой", а теперь из уважения говорят "с трещиной". Так что шутки и упреки по этому поводу я слышал давно. Мне говорят, что с моим голосом я обязательно должен был петь рок-н-ролл. Но это вы слышали тысячу раз, таких ансамблей миллионы, поэтому рок-н-ролл я петь не буду, а буду заниматься своим делом, которое люблю.

У меня все время идет борьба с магнитофонщиками... ?? У меня все время идет борьба с магнитофонщиками. Это не от того, что я стесняюсь чего-то в своих песнях и опасаясь, что вы их запишете и чего-то там "такое" обнаружите. В общем, это современный вид литературы своего рода: ведь если бы 150 лет назад были магнитофоны, - возможно, какие-нибудь стихи Александра Сергеевича (*, **) тоже были бы записаны только на магнитофоны. Так что будем считать, что по теперешним временам это своего рода литература. Просто раньше ее не было, а теперь она есть. Потом появится что-нибудь другое. Может быть, будем телепатически песни друг другу передавать: кому хочу - тому и прочитал стихотворение или спел, а он сидит и ловит кайф. А другие все вокруг скучают. Кстати, это идея, надо будет про это написать. Это очень хорошо. Я не возражаю против записи. Ради бога, почему нет?! Пишите. Наоборот даже. Я против из-за того, что вот эта атмосфера в зале непросто делается: она делается нами обоюдно - вами и мной. И эти ваши щелчки меня всегда жутко расстраивают, выбивают из ритма, - этого я просто не выношу. Ведь люди приходят сюда по двум причинам: одна из них - чтобы записать, и их не интересует, что здесь происходит в данный момент. А ведь самое главное это контакт, о котором я говорил. Иногда бывает, что весь первый ряд сплошь в каких-то проводах. У каждого по-разному кончается пленка: у одних - на 20 минут, у других - на 30,

магнитофоны-то разные. И тогда они друг с другом начинают торговаться, дескать, ты мне, потом я тебе. Тут же меняются адресами, как сумасшедшие. Для них неважно, что там происходит на сцене, для них главное, что они сюда попали. Точно так же наши туристы за границей снимают впрок все, что им показывают, ничего не видя. Потом дома выясняется, что они ничего не видели. Сейчас все-таки немного полегче стало, потому что появилась хорошая техника - привозят все отовсюду, - а раньше был кошмар! Сделают плохую запись, потом ее переписут - есть же люди, которые с этого живут: они продают эти записи. Я как-то слышал одну пленку на два часа, в ней было 90 песен, из них семь моих. Так что вот из-за чего я возражаю. Делайте хорошие записи, мне это только поможет. А среди многочисленных легенд и баек, которые ходят вокруг моего имени, одна как раз и заключается в том, что я не люблю, когда меня записывают на магнитофоны, потому что я пою нечто "такое", что и нельзя записывать. Ничего подобного! Зачем же мне писать песни и приходиться на такие вот встречи, чтобы скрывать что-то "такое"? Что для друзей петь можно, а для вас - нет? Никакого смысла. Я, правда, не рассчитывал на такие большие аудитории, когда начинал писать, но все равно я потенциально отношусь к этим аудиториям, как к своим друзьям. Даже и не потенциально, а просто как к друзьям: я с таким же доверием рассказываю вам обо всем, о чем написал, как и им, поэтому мне скрывать действительно нечего. В разных городах обращаются ко мне: "Володя, помогите нам бороться с радиохулиганами, они все время ваши песни крутят в эфир". Однажды в Усть-Каменогорске ко мне власти обратились с этим: "Они засоряют эфир вашими песнями!.." Я говорю: как же я могу помочь?! Что же, я выйду в зрительный зал и скажу: "Дорогие товарищи радиохулиганьи". И вообще - я говорю, - я сейчас обижусь и уйду: может быть, они не моими песнями засоряют?! И они дали мне список песен, которые больше всего этими радиохулиганами пропагандируются. Там было несколько песен из "Вертикали" и несколько песен, которых я не знал: они мне не принадлежали. Пелись они какими-то хриплыми голосами, с большим количеством помех - так что разобрать, о чем там идет речь, было совершенно невозможно. Все мы в какой-то период нашей жизни страдаем от слухов. Я до сих пор отмахиваюсь руками и ногами от всевозможных сплетен, которые вокруг меня распространяются, как

облака пыли, и постоянно нахожусь под огнем всех этих разговоров. Несколько раз я уже похоронен, несколько раз "уехал", несколько раз отсидел, причем такие сроки, что еще лет сто надо прожить. Какие-то страшные казни мне придумывали. Мне говорят: "Но ведь бывают и хорошие слухи!". Я думаю: "Нет. Если хорошие - это сведения, сообщения или сюрпризы. Слухи и сплетни бывают только плохие, только чтобы гадость сказать". Раньше меня часто спрашивали в письмах: "Сколько лет вы сидели?". Наверное, многие люди, услышав мои уличные песни и разные под них подделки, считали, что родился я в лагере и долго там жил, что здесь вот у меня - нож, вот тут - струйка крови, гитара сбоку растет и вообще - это "громадный, рыжего цвета человек". Сейчас вроде этот слух прошел: поняли, что не сидел, или, во всяком случае, немного. Многие сплетни и разговоры кончились, когда я начал работать в Театре на Таганке, но иногда я такого про себя наслушаюсь, что уши вянут. Одна девочка из Новосибирска меня спросила: "Правда, что вы умерли?" - я говорю, - "Не знаю". Однажды я был на концерте, где мне принесли стакан воды, а потом кто-то взял и сообщил в определенные инстанции, что я пил водку на сцене. Это часто бывает: всегда находятся люди в зале, которые приходят с какими-то странными целями, провокационными или еще какими-то, - в семье не без уроды. Вот я работаю весь вечер на полной отдаче, сейчас за кулисами я выжму свитер и вы увидите, что это значит, когда работаешь, а не халтуришь. Идет разговор, который требует полной сосредоточенности. А кто-то один - либо с похмелья, либо еще с какими-то соображениями; кто с самого начала пришел, чтобы что-нибудь "этакое" сделать, - обязательно куда-нибудь напишет. И эту писанину где-то там будут разбирать, она найдет ход, будет двигаться и так далее. Это часто так бывает, такая происходит несправедливость: один написал, а полторы тысячи, которым понравилось и они просто ушли домой, все оценив, с благодарностью в душе, никуда не напишут. Вот в чем дело-то. Я знаю, что аудитории теперь искушенные, подготовленные, с большим количеством полученной информации, которая на них льется отовсюду: из уст профессоров, телевидения, радио, газет, так что, если вас что-то заинтересует, пожалуйста, спрашивайте, ради Бога: или записками, или кричите - как хотите. Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Лучше о творчестве, чем о личной жизни: я не буду отвечать, сколько раз я разведен, женат и так

далее, я и сам это забыл, уже не помню. Спрашивают, почему я такой грустный. Я думаю, это вопрос не из сентиментальности и заботы о моем здоровье, а просто люди думают, что мне кажется, будто вы не все понимаете. Это совсем не так. Я абсолютно уверен, что семена падают в благоприятную почву. А грустный? А чего особенно веселиться?!

Часто пишут записки: "Расскажите кратко о себе"... ?? Часто пишут записки: "Расскажите кратко о себе". Вот это вопрос! Это мне напоминает, как однажды во время экзаменов в школе-студии Художественного театра, стоя в коридоре, получил записку от своего товарища с просьбой принести шпаргалку. Буквально в этой записке было написано: "Напиши краткое содержание "Дон-Кихота"". Это правда. Просят рассказать о личной жизни. Это очень странно - я никогда ни к кому не подхожу и об этом не спрашиваю. К нам в театр приезжают разные люди, физики, читают лекции. И не подойду же я к Флерову и не скажу: "Расскажите, пожалуйста". О личной жизни я не рассказываю.

Что я написал в последнее время за границей из песен и стихов?.. ?? Что я написал в последнее время за границей из песен и стихов? Пожалуй, ничего. И не из-за того, что мне приходилось там много ходить и болтаться. У меня было достаточно свободного времени, чтобы работать - мне там не писалось. Наверное, просто нужно было, чтобы что-то отложилось. А самое главное - даже не поэтому. Я ничего не написал про Париж, например, - и особенно не хотелось. Я не знаю, как это поэты ездят в творческую командировку. Приедут - бах! - и цикл стихов. Мне вообще не хочется писать стихи про то, что я там увидел, потому что не очень сильно это понимаю. Надо пожить в стране, чтобы кое-что понять и иметь право про это написать. А у нас, значит, поэты возвращаются и отчитываются стихами о поездке. Андрей пишет. И Женя, когда поедет, обязательно опишет американские впечатления в стихах. Или вот наши сценаристы пишут про Латинскую Америку, которую не могут понять даже серьезные умы, живущие там. А наши побудут там полгода на каких-нибудь своих киносъемках, а потом - бах! - снимают кино про чилийцев, и наши литовские актеры их играют и так далее. Я, честно говоря, этого не понимаю. Может быть, кто-то и может так, но мне подобное в голову никогда не приходило и не хотелось этим заниматься. Почему-

то все люди, выступая по телевидению, стараются казаться умнее, чем они есть на самом деле. Всегда есть котурны во время этих передач. И даже самые уважаемые мною поэты, писатели или актеры, которых я жутко люблю, когда они играют на экране, в таких передачах почему-то не умнее, но чуть-чуть другие, чем они есть. А ведь самое интересное узнать, какие они на самом деле. Я очень надеюсь, что из-за того, что у меня есть такой частный контакт со зрительным залом и с моими друзьями дома, я смогу избежать этого недостатка и сойти с этих хотурнов, чтобы у каждого из зрителей осталось обо мне истинное, естественное, сиюминутное впечатление.

По поводу картины "Место встречи изменить нельзя"... ?? По поводу картины "Место встречи изменить нельзя" я не буду давать интервью. И не потому, что мне нечего сказать, - не выманите, не выудите, я ушлый человек. Если вы обратили внимание, я вообще никаких интервью не даю. Поначалу они не хотели, теперь уже я не хочу - потому что журналисты всегда натягивают, перевирают. Они почему-то всем одинаково дают выразиться - все у них получаются такие умные. Они почему-то думают, что их язык - это язык интеллигентов, поэтому в их интервью, обратите внимание, все одинаково говорят. Поэтому, обещаю вам, что вы не прочтете ни одной строчки о моем отношении к Жеглову. Все видно по тому, как я его сыграл. Я свое сделал, а оценивать дело не мое, а ваше и критиков. Этот фильм мы делали с друзьями, кланом. Мы работали с режиссером - это мой давнишний, ближайший друг, с которым я начинал: мы "Вертикаль" с ним делали. Я получил удовольствие от работы, не то чтобы удовольствие, а купался в некоторых моментах роли. И больше ничего не скажу.

Я написал много песен о летчиках и моряках... ?? Я написал много песен о летчиках и о моряках. Мне пока не удалось написать о космонавтах, хотя меня и очень просили. Хотя бы немного приблизиться к такому подвигу - это же высокая задача. Все понятно - люди знали, на что шли, и надо, чтобы близко было к этому. Я сейчас слышу: "Он полетелі сказал: "Поехали!"" - это все понятно, он так действительно сказал, но зачем же рифмовать то, что было. Нужно найти какой-то философский смысл у этих вещей, и когда это придет, я напишу. А так - на заказ - не получается. И дело не в том, что все они были в прошлом летчиками

Еще вопрос: о личной жизни... ?? Еще вопрос: о личной жизни, семье, счастье, карьере и долге. Семья - это очень хорошо, счастье - еще лучше, карьера тоже не мешает, долг безусловно.

О чем я мечтаю?.. ?? О чем я мечтаю? Ни о чем. Это я после школы мечтал - сыграть. А сейчас - о чем мечтал, то и сыграл. Современника сыграть не мечтаю - чем Чехов (*, **) хуже? Меня роль не волнует. Я хочу самовыразиться в роли, прожить, как в последний раз.

Спрашивают, каких недостатков я не прощаю... ?? Спрашивают, каких недостатков я не прощаю. Их много, не хочу перечислять. Но жадности и отсутствие твердой позиции у человека, что ведет за собой очень много других пороков, когда он сам не знает не только того, чего он хочет от жизни, а когда он не имеет своего мнения или не может самостоятельно рассудить о предмете, о людях, о смысле жизни; когда он повторяет то, что ему когда-то понравилось, чему его научили, либо когда он просто неспособен к самостоятельному мышлению.

Я больше ценю в человеке творца, чем исполнителя... ?? Я больше ценю в человеке творца, чем исполнителя, и поэтому не люблю актерскую профессию в чистом виде, потому что это профессия исполнительская и дамская - не в обиду будет сказано женщинам, ибо для женщин это профессия замечательная: всегда хорошо, красиво одеты, хорошо выглядят, поклонники и так далее. Но хорошо быть хорошей актрисой. А для мужчины все-таки в ней много отрицательных черт. Во-первых, это самая низшая ступень театрального искусства; всегда над тобой режиссер, потом автор, потом директор, потом начальство в министерстве, потом Господь Бог. А актер - где-то там, внизу. Ему говорят: "Подите принесите!". Но у нас в Театре на Таганке дело обстоит немножечко по-другому, потому что в нашем театре больше демократизма и мы можем давать советы генералу во время боя, и он, если ему что нравится, берет. Так что актер принимает участие в постановке. Многие из наших актеров - музыкально образованные люди, играют на разных инструментах, пишут музыку, стихи, прозу и инсценировки, есть среди нас и профессиональные композиторы. И из-за того, что так много вложено в это дело авторства актеров, то есть использовано их творческое хобби, - от этого дело становится дороже. Это всегда так: чем больше вкладываешь в дело, в человека, в ребенка, в любимую девушку - всегда становится дороже и ближе и это дело, и человек. Так в этом

мире случилось: больше отдаешь ценнее становится. Нормальному человеку свойственно больше отдавать, чем брать. Делать подарки приятней, чем получать, - правда, если есть возможность. Поэтому у нас интересно работать, и правда эта летит через рампу, и когда вы придете в театр, вы убедитесь, что у нас никто не халтурит и не позволяет себе играть спустя рукава - только на технике. Всегда это - с потом, с кровью. Вы видите святой актерский пот и видите, что вам отдают все, что возможно, с полной отдачей, с напряжением всех физических и духовных сил. И из-за этого тоже так трудно попасть в наш театр, потому что так в нем играют.

В мужчине ценю... ?? В мужчине ценю сочетание доброты, силы и ума. Когда я надписываю фотографии пацанам, подросткам и даже детям - хотя это к делу не относится, обязательно пишу ему: "Вырасти сильным, умным и добрым". А женщине я написал бы: "Будь умной, красивой и доброй".

Спрашивают, кем я себя преимущественно считаю... ?? Спрашивают, кем я себя преимущественно считаю: поэтом, актером или композитором.

Мне трудно ответить на этот вопрос. Я думаю, что сочетание тех жанров и элементов искусства, которыми я занимаюсь и пытаюсь сделать из них синтез, - может быть, это какой-то новый вид искусства. Ведь каждое время дает новые виды. Не было же магнитофонов в XIX веке, была только бумага. А сейчас появилось телевидение. Так что я не могу вам напрямую ответить на этот вопрос. Может быть, все это будет называться в будущем каким-то одним словом. И тогда я вам скажу: "Я себя считаю этим-то". Но сейчас пока этого слова нет.

Я больше всего ценю аудиторию студенческую, морскую или летчицкую... ?? Я больше всего ценю аудиторию студенческую, морскую или летчицкую, потому что они каждый раз рискуют, уходя туда; а другие очень долго без берега, без дома, это тоже накладывает отпечаток на их души, они более подвижны; а почему люблю студенческую аудиторию, объяснять даже не надо. Люблю выступать перед физиками и моряками; не знаю почему, но вот так получилось: физики и моряки. Выступать в Черноголовке, в Дубне, в Серпухове, в Обнинске мне было очень интересно, потому что одновременно мне кое-что показывали. Я много бывал у моряков - пел на военных и гражданских кораблях, во всяких морских клубах, - и как не странно,

несмотря на такие расстояния и разницу в профессиях, реакции на песню в этих аудиториях весьма сходны - хоть в Москве, хоть во Владивостоке. Это происходит не от того, что они одинаково воспринимают ту или иную песню, а просто эти люди с одинаковым интересом относятся к авторской песне.

Мне так мало надо, чтобы было хорошее настроение... ?? Мне так мало надо, чтобы было хорошее настроение. Например, мне надо, чтобы во время моих выступлений была нормальная реакция на юмор. Есть места, где люди ходят только зубоскалить. Начинаешь показывать юмор, за которым обязательно есть что-то серьезное (иначе бы я об этом не писал), а люди его не хотят - хотят обязательно что-нибудь "этакое".

Каковы мои литературные вкусы?.. ?? Каковы мои литературные вкусы? Привязанности мои немногочисленны, а вкусы определенные. Из теперешних, из "деревенчиков", что ли, я очень люблю Можая, Абрамова, Белова; люблю Астафьева, Распутина, Трифонова. Люблю Булата за прозу. Поэзию люблю почти всюю

Любимое место в любимом городе?.. ?? Любимое место в любимом городе? Самотека в Москве. Я долго прожил в Большом Каретном переулке, и там, неподалеку, было самое мое любимое место: около нового здания Театра Кукол - тогда оно было просто кирпичной коробкой - и серого дома рядом. Весной, в первый день, когда чуть-чуть подтаивало и девочки уже начинали играть в классики, но еще не было слякоти, я сюда приходил и просто стоял, смотрел на проходящих мимо людей. Еще эстакады не было!

Я не пою со сцены песен из спектаклей... ?? Я не пою со сцены песен из спектаклей. Они написаны для театра и смотрятся в контексте. Например, выйти и начать ни с того, ни с сего петь белогвардейскую песню - это просто даже как-то смешно. А в спектакле "Десять дней" она вставлена в картину. "Логово контрреволюции" - сидят задавленные люди и поют про то, что вот как все плохо, что вся Россия для них погибла и что лучше застрелиться (*, **, ***). Там это смотрится нормально.

Я продолжаю писать песни не только для театра и кино... ?? Я продолжаю писать песни не только для театра и кино, но и для компании; и песни, которые можно исполнять в зрительном зале; и, конечно, песни, которые не имеет смысла исполнять перед зрителями,

а можно спеть только дома: у всех есть такое сокровенное, что хочется сказать только дома, жене, и что никогда не скажешь в большой компании, - это совершенно естественно, абсолютно нормально.

Я никогда не пою на "бис"... ?? Я никогда не пою на "бис" - это же, опять повторяю, не концерт. Я свою норму сегодня перевыполнил (спел примерно на 102 процента). Напрасно вы говорите, что мало, - просто я сегодня взял темп побыстрее, чем обычно. Можно было бы несколько песен назад уйти со сцены, покобенившись там минуты три, снова выйти - дескать, вот какой я демократичный: "Высоцкий устал, его просили - он спел". Получается, что все знают, сколько они будут работать, только я один не знаю. Спасибо за ваше долгое терпение, что вы после камерных голосов все-таки выдержали нашествие этого татаро-монгольского ига в лице моего голоса. Я хочу вам сказать еще об одном: у меня много песен. Я их, правда, никогда не считал, думаю, около тысячи. У меня много песен и стихов, которые никогда не исполнялись с эстрады, и мне пока есть, что показывать. Но я все равно это перепеть не смогу за один раз - чтобы все перепеть, нам с вами нужно где-нибудь запереться недели на две и сидеть там до упора. Это дело невозможное. Сегодня я постарался, чтобы каждому, независимо от возраста, профессии, вероисповедания, настроения и так далее, досталось по вкусу. Я вас благодарю еще раз и с удовольствием буду к вам приезжать. У вас хорошие лица. Вы смеетесь, когда надо, серьезны тоже, когда надо, - в общем, вы сегодня делали все хорошо. Надеюсь, что и я тоже. Я надеюсь, что, пока живу и пока могу двигать рукой, я буду продолжать писать песни. Если мои друзья будут того желать, я буду писать эти песни для их картин, для спектаклей, ну и, естественно, для своих друзей и знакомых. В общем, сколько буду жить - столько буду писать, потому что это одно из самых моих любимых занятий, авторская песня. До новых встреч. Всего доброго. А я поехал сниматься.

Монолог В кино я начал работать одновременно с театром... песни, которые имели самостоятельную ценность в кино. И первый такой фильм - "Я родом из детства", снятый режиссером Виктором Туровым. Это мой близкий друг, он сам весь родом из детства. Когда ему было восемь лет, на его глазах фашисты расстреляли отца, а потом их с матерью угнали в Германию. А когда их освободили там, в Германии, американцы, он, потеряв мать, полгода возвращался один по

европейским дорогам. Домой, в Могилев, он пришел десятилетним мальчишкой. Так что он снимает фильмы взрослыми, но в то же время детскими еще глазами. Я играл в его фильме роль капитана-танкиста, который горел в танке и вернулся в свои тридцать лет из госпиталя совершенно седым человеком. Песни из этого фильма вошли потом в пластинку. Я брал гитару и пел: "Мне этот бой не забыть никогда". А потом, когда мы сидели в одной из сцен с Ниной Ургант, с пластинки вдруг начинала звучать песня, которая по фильму была известна еще до войны. Поэтому я писал ее как стилизацию на довоенные вальсы: "В холода, в холода, от насиженных мест". А потом вдруг инвалид на рынке моим голосом пел: "Всего лишь час дают на артобстрел". В финале фильма к выщербленной пулями и снарядами стене подходят женщины с высохшими, заплаканными уже глазами и кладут цветы на могилу погибших. В этой сцене Марк Бернес исполнял мою песню. Я с ним дружил - это был удивительнейший человек, действительно ценивший авторскую песню. Песня, которую он пел в картине, называлась "Братские могилы". Исполнение Бернеса производило удивительный эффект. Мы, например, получили письмо от одной женщины. Она потеряла память, когда на ее глазах повесили двух ее сыновей. Она смотрела это кино в больнице и вспомнила, где все это случилось с ее детьми. "Вы мне вернули память", написала она. Потом я сочинил песни для фильма "Вертикаль" режиссера С.Говорухина. Сначала мы хотели, чтобы они звучали на титрах. Но я противник такого использования песен. Зрители читают, кто гример, кто директор, а в это время за кадром звучат какие-то важные строчки, которые ты вымучивал по ночам. Жалко. Песню, которую мы собирались пустить на титрах - "Здесь вам не равнина, здесь климат иной", я написал после того, как почти на наших глазах потерпела бедствие группа альпинистов из пяти человек - команда ЦСКА. Один из них погиб, а двум его раненым товарищам мы помогали спускаться вниз. И я написал песню, которая имеет продолжение. Жизнь ее продлена, как ни странно, в смертях. Потому что слова этой песни пишут на могилах погибших альпинистов:

Другие придут, сменив уют,
На риск и непомерный труд...

Мне присылают фотографии этих мест, они хранятся у меня дома. И, конечно, жаль, если такая песня будет просто пропадать, идти где-

то фоном. Как мне кажется, один из самых удачных опытов моей работы в кинематографе это фильм "Вертикаль". Там ничего не мешало песне, и она никому не мешала, потому что в это время показывались горы или альпинисты, уходящие в горы. Я начинал петь, а когда альпинисты уже на вершине, песня заканчивалась. Прошло десять часов, а я пел три минуты. То есть песня может нести и временную нагрузку. Все песни в "Верикали", мне кажется, очень удачно нашли свое место. И даже монтировалась картина в соответствии со смыслом и продолжительностью песни. Я люблю работать в кино и буду продолжать для него работать, хотя там и случаются странные порой истории. Как, например, было в фильме "Бегство Мистера Мак-Кинли". Я написал для него девять очень разных баллад. И даже должен был играть уличного певца, который ведет все действие картины. Работал очень серьезно. Мы даже сделали оркестровки, и я пел много раз с оркестром. Но баллады мои так и не вошли в фильм. Быть может, они кому-нибудь не понравились. Бывает, однако, что песни "не работают" с отснятым материалом фильма, не монтируются с ним. Я писал трагичные, неровные, заводные песни, а действие картины получилось задумчивое, серьезное, медленное, на мой взгляд, немножко скучное. И поэтому песни взяли и вырезали - они никак не соответствовали фильму. Кино-то не выбросишь. А песню можно. (Все же часть баллад в фильм вошла Нар.Библ.Вл.Выс.) Так же у меня было и с фильмом "Стрелы Робин Гуда", куда не вошли шесть моих баллад (позднее, уже после смерти Высоцкого, в 1982 году, они вошли в "Балладу о доблестном рыцаре Айвенго" - Нар.Библ.Вл.Выс.). Сказали, что они слишком утяжеляют повествование, а это - приключенческий фильм. Я же, дескать, написал баллады, как для фильма серьезного. Я никогда не отчаиваюсь. Потому что потом все равно запишу эти песни на пластинки или магнитофоны, и вы будете их слушать. Они все равно не пропадут. А кроме того, если получилось удачно, значит, спустилось вдохновение, значит, ты уже и так награду получил. Часто спрашивают, почему я не пишу больше сказок. Нет, пишу. Просто кончился период, когда я сочинял шуточный фольклор, вроде "в заповедных и дремучих, страшных муромских лесах". Недавно для картины "Иван да Марья" придумал серенаду Соловья-разбойника:

Выходи, я тебе посвищу серенаду,

Кто тебе серенаду еще посвистит?

Сутки кряду могу до упаду,

Если Муза меня посетит.

Когда в этом фильме нечистую силу опозорили и отовсюду прогнали, все они сидят на полянке, грустные, промокшие, усохшие. И поют куплеты: Я Баба Яга, вот и вся недолга. Я езжу в немазаной ступе. Я к русскому духу не очень строга, Люблю его сваренным в супеї Я не люблю вспоминать о съемках в кино. Показывать ролики, отрывки из фильмов, а потом рассказывать: "Вот видите, тут меня били по-настоящему. И так девять дублей. Потом рожа вот такая былаї". Артист должен делать что-то сейчас, в данный момент, он должен играть, творить, создавать искусство. Тогда это интересно.

FB2 document info

Document ID: mon jun 10 22:26:11 2013

Document version: 1

Document creation date: 2013-06-10

Created using: LibRusEc kit software

Document authors :

- rusec

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.1.3.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.1.3.0 написанного Lord KiRon.

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>